ПАНТЕОНЪ

№ 4.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1855.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изящная словесность

СОНЪ ВЪ РУКУ. Разсказъ. *Ольги Н**** С. 1–12
МЕЧТА О НЕМЪ! Современная баллада. *И. Можайскаго*. С. 13–18
ТРИ РАЗСКАЗА ТУРИСТА. *М. П. Бибикова*. С. 19–44
ДИССЕРТАЦІЯ. Разсказъ *И. Ковалевскаго*. С. 45–70

II. История и теория искусства.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ: МЕРИ. С. 1–20
ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ, О ГАМБУРГСКОМЪ ТЕАТРѢ, ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ. Собраныя *Отто Мюллеромъ*. С. 21–56

III. Смесь

1. **ОТЪ ПОЛЮСА КЪ ПОЛЮСУ**. Новое путешествіе *Жака Араго*. Часть вторая и послѣдняя. С. 1–22.
2. **ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА КИТОЛОВСТВО**. Статья *В. Мельницкаго*. С. 23–36

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Романъ и романисты въ Италіи.—Одинъ изъ братьевъ Наполеона I. С. 1–11
ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ: Гвоздеобразныя надписи. — Зоологическіе сады и общества естественной исторіи въ Бельгіи.—Канурійскій языкъ въ центральной Африкѣ. — Дыханіе растеній.—Жертвы молніи.—Уклоненіе компасной стрѣлки на желѣзныхъ корабляхъ. **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА**: Сцены и очерки парижской театральной жизни *(статья четвертая)*. **АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ**: Госпиталь въ Балаклавѣ. *(Разсказъ англичанина)*.—Частное право у Китайцевъ.—Предстоящее изверженіе Везувія.—Цѣны картинъ въ древности. **ПУТЕШЕСТВІЯ И ОЧЕРКИ НРАВОВЪ**: Шпицбергенъ. *(Изъ записокъ Леоніи Біари)*.—Западно-африканскія колоніи.—Новая Зеландія.—Ронсеваль и Баски. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ**: Любители автографовъ. *(Разсказъ Леона Гозлана)*. С. 11–16, 16–20, 20–21, 21–22, 22–23, 23–24, 24–32, 32–34, 34–39, 39, 39–44, 45–47, 47–57, 57–70

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ. Письмо *А. Бонавентуры*. С. 71–116
ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ. Письмо *В. С.* С. 117–124

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

«1854-й годъ. Стихотворенія.» *А. Н. Майкова*. С. 1–5
«Що було на сердцы.» С. П. Б. 1855. С. 6–13.

Оглавление XX тома. 1855 г.
Книжка четвертая, апрель. (Продолжение).

2. Искусства и художества.
Статистический очерк деятельности французской труппы в 1854 году. Причины упадка французских спектаклей. – Замечательные пьесы прошлого сезона. – Хорошие водевили. – Плохие водевили. – Песни. – Статистика спектаклей. – Дебютанты. – Состав французской труппы (С. 14-19).

3. Общественная жизнь.
Отсутствие мод в Петербурге. – Вербная неделя. – Детская ярмарка. – Вербное гулянье в Москве и Петербурге. – Разница в их значении. – Цель и польза вербной ярмарки. – Светлый праздник и визиты. – Новые художественные издания. – Изображение залы Зимнего дворца, где было выставлено тело в Бозе почившего Государя, для народного поклонения. – Портреты Императора Александра II и Государыни Императрицы. – Рисунки В. Тимма. – Каррикатуры на современную войну. - Десять каррикатур Н. А. Степанова на Пальмерстона, Непира, Луи-Наполеона. – Гравированное искусство в России. – С. Ф. Галактионов; его заслуги и гравюры: «Иисус на пути в Эммаус» и «Кораблекрушение». – Выставка батальных картин в пользу раненых защитников Севастополя. – «Сражение при Четати», Кайзера; «Битва при Никополи», Фан-Севердоке. – Литературные новости и слухи. – Брощюра под названием: «Последние часы Императора Николая первого». – Новое издание «Слова о полку Игоревом», г. Гербеля. – Новая драма гр. Е. П. Ростопчиной. – Ее новый роман и «Мыльные пузыри», Т. Ч. – Хронологическое лото русской истории. – Новсти об уехавших и прибывших артистах. – Г-жа Делагранж подъезжает к Калифорнии; Кальцолари тешит Вену, Лаблаш утешает плачущий Лондон; г-жа Иелла в Берлине. – Баронство на сцене. – Натуральный флейтист Либерман. – Краткая его биография и замысловатое суждение об нем одного критика. – Лопухинка и ее водолечебные заведения. (С. 20-40).

VI. Репертуар русской сцены № 4.
Две камелии. Сцены, взятые из жизни, род комедии, в одном акте. Соч. князя Г. В. Кугушева. (С. 1-26).

ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

18189 9917

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ѳ. А. Кони.

ТОМЪ XX.

АПРѢЛЬ. — КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

1855.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Ленинградская Центральная Библиотека имени А. В. Луначарского

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 16-го Апрѣля 1855 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій*,

ТИПОГРАФІЯ ЮЛІУСА ШТАУФА.

ОГЛАВЛЕНІЕ XX ТОМА.

Послѣднія минуты въ Бозѣ почившаго Императора Николая I. — Ходъ болѣзни Государя. — Высочайшій манифестъ о восшествіи на престолъ Государя Императора Александра II. — Приказъ, войскамъ, Гвардейскому и Гренадерскому корпусамъ. — Церемоніалъ выноса тѣла въ Бозѣ почившаго Императора. — Высочайшій рескриптъ г. С.-Петербургскому Генералъ Губернатору. — Церемоніялъ погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Николая I. — Выраженіе народныхъ чувствъ: Н. И. Греча, стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки. (Кн. 3).

I.

Ѳеодора, владѣтельница древней Сугдаіи. Историческая повѣсть. *Г. К.* (Кн. 3.)

Сонъ въ руку. Разсказъ. *Ольги Н***.* (Кн. 4).

Три разсказа туриста. *М. П. Бибикова.* (Кн. 4.)

Диссертація. Разсказъ *Н. Ковалевскаго.* (Кн. 4).

Стихотворенія: (Кн. 3).

1. Миньона. (Изъ Гете). *Н. Гербеля.*
2. Карѳагенъ. (Изъ Шиллера). *Н. Гербеля.*
3. Безсонница. *Гр. Е. П. Ростопчиной.*
4. Слова для музыки. *Гр. Е. П. Ростопчиной.*
5. Негодованіе *Гр. Е. П. Ростопчиной.*
6. Ликъ завѣтный. *Г. П. Данилевскаго.*
7. Полдень въ степи. *Н. Северцова.*
8. Элегія. *Н. П. Грекова*
9. Молодому художнику В. В. П—ву. *Н. П. Грекова.*
10. Совѣтъ. *Е. Вердеревскаго.*

11. Смерть малютки. *Я. П. Полонскаго.*
12. Мечта о немъ! современная балада. *Н. Можайскаго.* (Кн. 4.)

II.

Портретная галлерея современниковъ: Дежазе. (Кн. 3).
— — **Мери.** (Кн. 4).
Записки Шарлоты Аккерманъ о гамбургскомъ театрѣ, въ XVIII столѣтіи. Собранныя *Отто Мюллеромъ.* (Кн. 4).

III.

Нѣсколько дней за Кубанью. Изъ дорожныхъ записокъ. *А. Чужбинскаго.* (Кн. 3).
Отъ полюса къ полюсу. Новое путешествіе *Жака Араго.* (Кн. 3 и 4).
Историческій взглядъ на китоловство. *В. Мельницкаго.* (Кн. 4).
Воспоминаніе о Севастополѣ. *В. И. Савинова.* (Кн. 3).

СОВРЕМЕННОЕ.

Литература. Испанская литература и ея новѣйшіе историки. — Генрихъ Лонгфеллоу и современная литература въ Сѣверной-Америкѣ.—Исторія присоединенія Лотарингіи къ Франціи. (Кн. 3). Романъ и романисты въ Италіи.—Одинъ изъ братьевъ Наполеона I. (Кн. 4). **Театры, музыка, искусства:** Рашель *(біографическій очеркъ, Евгенія Мирекура).*— Сцены и очерки парижской театральной жизни *(статья третья и четвертая.* (Кн. 3 и 4). **Открытія въ наукахъ и промышленности:** Солнце и магнитная стрѣлка.—Дѣйствія гельминтовъ.—Грызуны камней.— Полосатая муха.—Извѣстія изъ центральной Африки.—Коверъ изъ слоновой кости.—Лодка новаго устройства. (Кн. 3). Гвоздеобразныя надписи.—Зоологическіе сады и общества естественной исторіи въ Бельгіи.—Канурійскій языкъ въ центральной Африкѣ.—Дыханіе растеній.— Жертвы молніи. — Уклоненіе компасной стрѣлки на желѣзныхъ корабляхъ. (Кн. 4). **Анекдоты, замѣчательные случаи, новости:** Изрѣченія персидскаго поэта Фицъ-Арари.—Плясовая болѣзнь. — Странная компанія на акціяхъ.—Исторія колецъ.—Крысы. (Кн. 3). Госпиталь въ Балаклавѣ. *(Разсказъ англичанина).*—Частное право у китайцевъ.—Предстоящее изверженіе Везувія. — Цѣны картинъ въ древности. (Кн. 4). **Путешествія и сцены нравовъ:** Миссіонеръ въ Китаѣ. (Кн. 3.) Шпицбергенъ. *(Изъ записокъ Леоніи Біари).* — Западно-африканскія коло-

нiи.—Новая Зеландiя.—Ронсеваль и Баски. (Кн. 4). **МЕЛКIЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ**: Страшная ночь. *(Разсказъ г-жи Клемансъ Роберъ).* (Кн. 3.) Любители автографовъ. *(Разсказъ Леона Гозлана).* (Кн. 4). **ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ.** Письма *А. Бонавентуры* (Кн. 3 и 4). **ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ.** Письма *В. С.* (Кн. 3 и 4).

V.

ПЕТЕРБУРГСКIЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА: Февральскiя книги журналовъ.—Поэма г. Жемчужникова. — Стихотворенiя «Отечественныхъ Записокъ». — Повѣсть Ольги Н*.—Двойная любовь и сантиментальныя героини. —Богатство серьезныхъ статей.—Журналистика, ея направленiе и мнѣнiя.—Тонкiй человѣкъ», г. Некрасова. — Повѣсть г. Писемскаго и сужденiе объ ней рецензента Петербургскихъ Вѣдомостей. — Стихотворенiя «Современника».—Критическая статья о новомъ изданiи сочиненiй Пушкина.—Недостатки этого изданiя. — Старыя замашки новаго поэта. — Персидскiя пародiи на русскiя стихотворенiя. — Поэма г. Мея. — Повѣсть г. Михайлова и главы въ пять строкъ. — Журналистика и фельетонъ.—Замѣтки петербургскаго жителя и его жалобы на свою горькую долю. — Настоящая *Горькая доля*.—Послѣдняя книга «Москвитянина» за прошлый годъ.—Стихи и проза. (Кн. 3.)

БИБЛIОГРАФIЯ. Народно-южно-русскiя пѣсни. Издалъ *А. Метлинскiй.* Кiевъ, 1854 г. (Кн. 3.)

1854-й годъ. Стихотворенiя *А. Н. Майкова.* С.-Петербургъ. (Кн. 4.)

Що було на серцi. С.-Петербургъ 1855. (Кн. 4).

II. ИСКУССТВА.

Статистическiй очеркъ дѣятельности французской труппы въ 1854 году. Причины упадка французскихъ спектаклей.—Замѣчательныя пьесы прошлаго сезона.—Драмы и комедiи.—*Кризисъ, Совѣсть, Золотыя сердца, Зять господина Пуарье, Оселокъ, Радость страшна, Молодость Лудовика XIV,* и проч.—Хорошiе водевили.—Плохiе водевили.—Пѣсни.—Дѣятельность французской труппы.—Бенефисы. — Дебютанты. — Поль Бондуа и Фелисiя Татаръ.—Составъ труппы. (Кн. 4).

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Усердіе Россіи по случаю ополченія на враговъ.—Патріотическія и лія нія чувствъ.—Кончина адмирала П. И. Рикорда. — Краткій некрологъ его. Юбилярный обѣдъ, данный въ честь графа Ѳ. П. Толстаго. — Рѣчи, произнесенныя за обѣдомъ.—Стихи Бенедиктова, Майкова, Щербины, Полонскаго, Ѳ. Н. Глинки, Николаевскаго, Алферьева, Ѳедорова. (Кн 3).—Отсутствіе модъ въ Петербургѣ. — Вербная недѣля. — Дѣтская ярмарка. — Вербное гуланье въ Москвѣ и въ Петербургѣ. — Разница въ ихъ значеніи.—Цѣль и польза вербной ярмарки.—Свѣтлый праздникъ и визиты.—Нѣкоторыя замѣтки по этому предмету.—Новыя художественныя изданія.—Изображеніе залы Зимняго Дворца, гдѣ было выставлено тѣло въ Бозѣ почившаго Государя, для народнаго поклоненія.—Портреты Императора Александра II и Государыни Императрицы.—Рисунки В. Тимма.—Каррикатуры на современную войну. — Десять каррикатуръ Н. А. Степанова на Пальмерстона, Непира, Луи-Наполеона. — Гравировальное искусство въ Россіи. — С. Ф. Галактіоновъ; его заслуги и гравюры: «Іисусъ на пути въ Эммаусъ» и «Кораблекрушеніе».—Выставка батальныхъ картинъ въ пользу раненыхъ защитниковъ Севастополя. — «Сраженіе при Четати», Кайзера; «Битва при Никополи», Фанъ-Севердоке.—Литературныя новости и слухи.—Брошюра подъ названіемъ: «Послѣдніе часы Императора Николая Перваго.»— Новое изданіе «Слова о полку Игоревомъ», г. Гербеля.—Новая драма гр. Е. П. Ростопчиной.—Ея новый романъ и «Мыльные пузыри», Т. Ч.—Хронологическое лото русской исторіи. — Новости объ уѣхавшихъ и прибывшихъ артистахъ. — Г-жа Делагранжъ подъѣзжаетъ къ Калифорніи; Кальцолари тѣшитъ Вѣну, Лаблашъ утѣшаетъ плачущій Лондонъ; г-жа Іелла въ Берлинѣ. — Баронство на сценѣ. — Натуральный флейтистъ Либерманъ. — Краткая его біографія и замысловатое сужденіе объ немъ одного критика.—Лопухинка и ея водолечебныя заведенія. (Кн. 4).

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

РУССКІЕ ВЪ 1854 ГОДУ. Драматическія сцены. Соч. *А. А. Тальцевой*. (Кн. 3).

ДВѢ КАМЕЛІИ. Сцены, взятыя изъ жизни, родъ комедіи, въ одномъ актѣ Соч. князя *Г. В. Кугушева*. (Кн. 4).

—

I.

СОНЪ ВЪ РУКУ.

*Разсказъ Ольги Н***.*

—

Письмо Фанни Д***. къ Извинскому.

Вотъ цѣлыя двѣ недѣли какъ я въ деревнѣ, и скучаю страшно, по милости моей неисправности: я забыла запастись акварельными красками, и обращаюсь къ вамъ съ просьбой, выслать мнѣ ихъ какъ можно скорѣе. Пожертвуйте мнѣ хоть однимъ часомъ вашего драгоцѣннаго времени.

Драгоцѣннаго, безъ сомнѣнія. Счастливъ тотъ, кто посвятилъ себя, какъ вы, искусству, и влюблялся въ Форнарину или въ la belle Feronière! Не измѣнятъ вамъ эти отжившія красавицы, и душа ваша остается спокойна и чиста. Такой художникъ, какъ вы, не долженъ тратить жизнь свою на дюжинныя чувства; на любовь къ какой-нибудь гризеткѣ, или на ухаживаніе за тѣми женщинами, которыхъ свѣтъ довольно снисходительно назвалъ *вѣтряными*. Знаете ли? Если бы у меня были краски и побольше дарованія, я жила бы здѣсь, именно какъ слѣдуетъ жить художнику. Вокругъ меня невозмутимый покой; книгъ у меня вдоволь, барометръ стоитъ на «ясно»; деревья мои роскошны, а сосѣди несносны, — изъ чего вы можете заключить, что я съ ними не видаюсь...

За исключеніемъ, впрочемъ, одного изъ нихъ. Я здѣсь случайно встрѣтила вашего добраго знакомаго: помните ли, юридическаго студента и мечтателя, Шагарова? Онъ вамъ кланяется... Какое милое и доброе существо!.. Представьте себѣ, что онъ меня посѣщаетъ каждый день, не смотря на мое обѣщаніе принимать его только черезъ день, и не сердится, не смотря на строгое выполненіе моего обѣщанія. Вдругъ онъ явился въ то время, когда я читала Фауста, и перечитывала въ третій разъ одну и ту же страницу, стараясь вникнуть въ ея смыслъ. Слышу у двери голосъ моего мечтателя, и говорю разсѣянно: «Здравствуйте... сейчасъ приду.» Вы думаете, онъ обидѣлся? Вовсе нѣтъ! а терпѣливо выждалъ, пока я разсталась съ Фаустомъ. Мы болтали цѣлые два часа; наконецъ я съ нимъ простилась, и въ полночь, давно забывши о немъ, вышла на терассу, напѣвая пѣсню Офеліи. Вдругъ слышу мнѣ акомпанируетъ чей–то голосъ. Это голосъ Вольдемара: неугодно-ли, онъ два часа бродилъ подъ липами, не смѣя показаться.

А мы съ вами уже давно не мечтаемъ, и тѣмъ лучше! Qui perd-gagne. Вамъ знакома эта игра въ шашки? Сто лѣтъ тому назадъ я въ ней упражнялась съ братомъ, и серьезно къ ней пристрастилась. Какъ въ наши годы кажутся забавными иныя воспоминанія.

Кстати, о забавныхъ воспоминаніяхъ. Знаете ли, что на дняхъ вы мнѣ признались въ любви? Кромѣ шутокъ. Надо вамъ сказать, что я недавно выстроила бесѣдку, и такъ ее полюбила, что бываю въ ней съ утра до вечера. Она стоитъ на горѣ, и такъ близко къ деревьямъ, что въ открытыя окна врываются вѣтви липъ и черемхи. Въ моей бесѣдкѣ всего одна ротонда, куда я перенесла свои любимыя книги, рояль, множество цвѣтовъ и неразлучную спутницу во всѣхъ моихъ переѣздахъ и перемѣщеніяхъ, гравюру Рафаэля Моргена, подаренную вами. Что же? На дняхъ, вижу я во снѣ, что мы съ вами вдвоемъ сидимъ въ моей бесѣдкѣ, послѣ обѣда, и вы мнѣ говорите: «я васъ люблю.» Вы спросите, что же я дѣлала въ это время? Во–первыхъ, не забудьте, что я спала крѣпкимъ сномъ, во–вторыхъ, прислушиваясь къ вашимъ рѣчамъ, печатала какую-то записку розовой облаткой, на которой выходилъ вашъ вензель вмѣсто моего. Эта странность меня занимала почти столько же, сколько ваше признаніе.

Надосугѣ, не заѣдете-ли вы ко мнѣ? Вы увидите, что ваши уроки рисованья не пропали даромъ. Я очень удачно скопировала гравюру Моргена. Ради Бога, не забудьте прислать мнѣ краски: художники неисправны, а я жду!

—

Отвѣтъ Извинскаго.

Вы видите, что я исправенъ, какъ нѣмецъ. Съ первымъ почтовымъ днемъ посылаю вамъ все, что нужно. Тысячу разъ благодарю васъ за мысль выбрать меня въ ваши комиссіонеры. Ваше милое посланіе совершенно неожиданно явилось въ мою мастерскую, гдѣ я скучалъ смертельно, думая объ отжившихъ красавицахъ, какъ, вѣроятно, скучаете и вы, по милости великолѣпныхъ деревьевъ, и моего пріятеля Шагарова, и страницъ, въ которыхъ надо доискиваться смысла.

Позвольте мнѣ однако высказать свои замѣчанія на это хорошенькое письмо, гдѣ вамъ такъ хочется прослыть тѣмъ именно, чѣмъ вы не созданы. По вашимъ понятіямъ, я прекрасно поступилъ, отдавъ преимущество отжившимъ красавицамъ надъ живыми?.. За что вы надо мной такъ издѣваетесь? Ужъ не принимаете ли вы меня за Шагарова?.. Какъ! чтобъ я предпочелъ тяжелую драпировку моихъ моделей прозрачному вуалю, сквозь который мнѣ улыбается... Кого бы назвать?.. Все равно! положимъ, хоть гризетка. Да что же насъ привлекаетъ къ образу отжившей красавицы, если не выраженіе жизни и любви? И что мы любимъ въ гризеткѣ, если не повтореніе той же самой жизни, и той же самой любви?.. О Форнаринѣ я и знать ничего не хочу, кромѣ того, что она была прекрасна и что любовь убила Рафаэля. Счастливый Рафаэль!.. Вы замѣтите очень основательно, что я говорю вовсе не какъ художникъ, и что я самъ иначе понимаю искусство?.. Это такъ; но дай мнѣ Богъ почаще себѣ противорѣчить, это доказываетъ мнѣ, что я не обратился въ присяжнаго художника, а, слава Богу, способенъ еще жить и чувствовать, какъ всякій порядочный человѣкъ.

Я, безъ сомнѣнія, воспользуюсь правомъ быть у васъ, и благодарю генія сновъ, который, за моимъ отсутствіемъ, объясняется

*

съ вами въ любви. Какъ вы боитесь себя окомпрометировать, даже во снѣ! По вашимъ словамъ мое объясненіе выходитъ чѣмъ-то въ родѣ pousse-café и почиваете вы крѣпкимъ сномъ, и разсматриваете розовую облатку, чтобъ не придать слишкомъ большой важности моему признанію. О, скептикъ! еслибъ вамъ не по наслышкѣ было знакомо чувство любви, вы не говорили бы о немъ съ такимъ забавнымъ пренебреженіемъ... И какъ бы вы мнѣ отвѣчали, скажите, еслибъ сонъ вашъ осуществился, и я бы дѣйствительно сказалъ, что люблю васъ?.. Ужели отослали бы меня къ красавицамъ XVI вѣка?

Мой пріятель Шагаровъ долженъ быть изумительно хорошъ въ роли Офеліи.

— Allons, bel oiseau bleu, chantez la romance à madame.

— Sur ce, madame, j'ai l'honneur de vous saluer.

P. S. Я мастерски играю въ шашки, и надѣюсь съ вами сразиться... когда-нибудь... хоть опять черезъ сто лѣтъ.

—

Письмо Фанни.

Нѣтъ! Вы не угадали; я бы послала васъ не къ красавицѣ XVI вѣка, а прямо къ вашей гризеткѣ. Обратитесь къ Manon Lescaut, и ей подобнымъ, а меня оставьте въ покоѣ.

О любви я говорю не съ пренебреженіемъ, а со строгостью, оскорбительною для васъ, для человѣка, привыкшаго къ слишкомъ сговорчивой и дешевой любви. Скажите мнѣ, однако, почему мнѣ никогда не случалось заговорить съ вами о себѣ, безъ того, чтобъ вы не принялись трунить надъ моимъ *скептицизмомъ*, и доказывать мнѣ, что я никогда не любила? Это повторялось такъ часто, что я рѣшаюсь сказать вамъ, разъ навсегда, что я любила, страстно любила, *какъ любятъ только въ книгахъ*, и потому уже не могу любить никого. Это васъ удивляетъ, не правда-ли? Скажу вамъ еще: я была влюблена до моего замужества, и выйдя за мужъ не по любви, осталась вѣрна своему долгу. Я не желала другаго счастія, какъ случайной встрѣчи съ тѣмъ, кого любила, его появленія на балѣ или въ концертѣ; тогда я всматривалась въ его благородныя черты, вслушивалась въ его воз-

вышенныя рѣчи, и, въ угоду его убѣжденіямъ, безропотно покорялась мужу, который меня не любилъ и не обращалъ даже на меня вниманія. Такъ протекла лучшая пора моей молодости, и я не жалѣю о ней. Вотъ вамъ мое признаніе въ пяти строкахъ, въ которыя, конечно, вмѣстится только одинъ намекъ на цѣлую бездну чувствъ и воспоминаній!

Вотъ почему я смотрю строго на то самое, на что вы смотрите шутя. Жизнь моя, посвященная совершеннѣйшему изъ всѣхъ людей, сохранилась чиста и безупречна, вопреки искушеніямъ свѣта и безсоннымъ ночамъ. Я знала, что упала бы въ *его* мнѣніи, еслибъ что-нибудь похожее на ошибку омрачило мою душу.

Теперь мнѣ хотѣлось бы знать исторію вашей любви. Какъ любили вы, кому это чувство, судя по вашимъ словамъ, знакомо болѣе, чѣмъ мнѣ?..

И почему я съ вами говорю о любви? потому ли, что меня разсердило ваше письмо, или потому, что уединеніе располагаетъ къ болтовнѣ, а запахъ ландышей дѣйствуетъ на нервы?..

Прощайте, или до свиданія. Я на-дняхъ ѣду на богомолье. Ежели вы меня не застанете дома, отдохните въ моей бесѣдкѣ, курите мои пахитосы и непремѣнно нарисуйте мнѣ портретъ моей кошки, Бетси.

—

Отвѣтъ Извинскаго.

Какъ я вамъ благодаренъ за ваше признаніе, хотя вы уже и успѣли раскаяться, что разъ въ жизни поступили необдуманно, то-есть, откровенно поговорили со мною. Вообразите однако, что я стою на своемъ, и продолжаю утверждать, что вы не любили, не смотря на эту книжную любовь, о которой вы и теперь говорите съ холоднымъ восторгомъ.

Мое письмо васъ разсердило потому, что я въ васъ не признаю того рода превосходства, въ которое вы облекаетесь, не справившись сперва, къ лицу ли вамъ или нѣтъ этотъ чужой нарядъ?

Слабость вашего сердца и организма, тонкость ума и добро-

душный взглядъ на людей—вотъ тѣ превосходства, которыя я полюбилъ въ васъ. Эти сокровища вы принесли въ жертву холодной системѣ. Спрашивается: къ чему это васъ привело? Къ тому только, что вы выучились съ утра до ночи скучать въ вашей бесѣдкѣ!

Меня часто забавляетъ ваше мнѣніе обо мнѣ. Во-первыхъ, я вовсе не родился художникомъ. Любовь къ ваянію овладѣла мною, за отсутствіемъ другой любви, и, вѣроятно, не надолго. Я ваятель, пока вѣтеръ не подулъ съ другой стороны, и не разбилъ въ дребезги моихъ фавновъ и вакханокъ. Во-вторыхъ... извините... я, кажется, теряю изъ вида, что вы требуете отъ меня повѣсти о моей любви. О какой же именно любви прикажете мнѣ говорить? По всей справедливости, я начну съ первой.

Позвольте мнѣ взять васъ подъ руку, и отвести за собой далеко, далеко, за шесть лѣтъ отъ нынѣшняго дня. Я былъ бѣденъ, какъ вѣчный жидъ, и влюбленъ—но не въ одну женщину, а въ женщину и въ богатство, и самой несчастной любовью, потому что не давался мнѣ ни одинъ изъ предметовъ моего обожанія. Любилъ я, должно быть, родную сестру того человѣка, о которомъ вы пишете. Она была хороша собой, умна, добра, скромна и благовоспитана. Утро мое посвящалось службѣ, которая мнѣ приносила двѣ тысячи рублей годоваго дохода, а вечеръ—выслушиванью благородныхъ и возвышенныхъ рѣчей, которыя мнѣ ровно ничего не приносили. Съ девяти часовъ утра до двухъ по-полудни сидѣлъ я въ канцеляріи, перебирая въ умѣ одно за другимъ всѣ возможныя средства разбогатѣть, а съ девяти часовъ вечера до двухъ по-полуночи—въ будуарѣ моей красавицы, глядя ей въ глаза и упиваясь ея взглядомъ. Надобно признаться, что съ-тѣхъ-поръ много прелести утратила въ моихъ глазахъ народная пѣсня:

«Гляжу я на милую, и не нагляжуся».

Дѣла мои шли изъ рукъ вонъ плохо; я задолжалъ кругомъ, и наконецъ продалъ часы. Всего же хуже было то, что въ слѣдствіе маленькой непріятности, я вышелъ въ отставку. Отчаяніе овладѣло мною, не смотря на то, что моя возлюбленная, не унывая, продолжала говорить о возвышенныхъ чувствахъ.

Но я былъ такъ молодъ, такъ молодъ, что нѣсколько счастливыхъ дней вознаградили бы меня съ избыткомъ за всѣ возможныя бѣдствія и матеріальныя лишенія. Вотъ я и задумалъ, во что бы то ни стало, добиться этихъ счастливыхъ дней, и поднялся на хитрость. Явившись къ моей красавицѣ, я объявилъ ей, что обстоятельства вынуждаютъ меня покинуть столицу, но что они измѣнятся по ея произволу; что судьба моя въ ея рукахъ, и что одно ея слово осчастливитъ и оживитъ меня. Пока она меня слушала, мнѣ показалось, что привычное спокойствіе ея лица переходитъ въ грусть: сердце мое забилось. Я ждалъ; вотъ она скажетъ вожделѣнное слово... но, кромѣ возвышенныхъ рѣчей, ничего не довелось мнѣ слышать. Надобно было на что-нибудь рѣшиться. Я взялъ шляпу и вышелъ вонъ, съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться болѣе. Но въ залѣ я остановился, не мирясь съ мыслью, что навсегда простился съ совершеннѣйшею изъ всѣхъ женщинъ; и какъ холодно, какъ безотрадно простился!

Вдругъ въ гостиной раздался какой-то звукъ, похожій на рыданіе; я вздрогнулъ и бросился назадъ.

Мое совершенство стояло посреди комнаты, отряхая платье. Лучшую изъ всѣхъ женщинъ страшно испугала козявка, которой «и на свѣтъ не слѣдовало родиться», и которая дерзнула забраться въ воланъ кисейнаго платья... я выкинулъ козявку за окно, раскланялся, и окончательно ушелъ.

Я бродилъ по улицѣ безъ цѣли, и, проходя мимо квартиры одного изъ моихъ пріятелей, машинально зашелъ къ нему. Его не было дома; меня приняла его жена, которую я до той поры видѣлъ раза два.

Она была хорошенькая, свѣжая и нарядная женщина: ее звали Варенькой, и я ее не назову иначе.

— Какъ вы грустны! сказала она. Что съ вами?..

— Къ чему? Вы мнѣ не поможете.

— А можетъ быть и помогу, хоть добрымъ словомъ.

— Я влюбленъ.

— А *она* васъ не любитъ?

— Говоритъ, что любитъ, но холодна, какъ ледъ.

— Какая злая женщина!

— Почему же вы рѣшили, что она зла?

— Вѣдь она говоритъ, что васъ любитъ, и мучаетъ васъ... Забудьте о ней.

— Вы полагаете, что это такъ легко?

— Стоитъ только убѣдиться, что васъ не любятъ; и со мной было тоже.

И Варенька съ изумительной простотой разсказала мнѣ свою исторію. Въ этотъ вечеръ она превзошла себя въ изобрѣтеніи утѣшительныхъ средствъ; показывала мнѣ своего попугая и учила его произносить мое имя, раскладывала передо мною свои новыя ленты и чепцы, и ласково смотрѣла на меня; наконецъ повѣрила мнѣ, что ей самой очень скучно, потому что она постоянно бываетъ одна, и просила меня дать ей какихъ-нибудь книгъ.

На слѣдующее утро я ей послалъ Гоголя, вечеромъ явился самъ и прошелъ въ гостиную безъ доклада.

Варенька сидѣла на диванѣ; голова ея покоилась на рукахъ, скрестившихся на пятой страницѣ «Мертвыхъ Душъ».

Она спала.

Я смотрѣлъ нѣсколько минутъ на ея доброе и свѣжее личико, и долго бы еще смотрѣлъ, еслибъ крикъ попугая не разбудилъ ее. Варенька оглянулась съ удивленіемъ.

— Вы давно здѣсь? спросила она. Вѣдь я заснула надъ вашей книгой.

— Неужели?

— Право. Она прескучная. Я въ третій разъ за нее принимаюсь, и не осилю. Давайте разговаривать,—это гораздо веселѣе.

Съ-тѣхъ-поръ я каждый вечеръ приходилъ разговаривать съ Варенькой. Мать моя ко мнѣ писала, что мы разбогатѣли, получивши наслѣдство; а я, не обращая вниманія на это обстоятельство, продолжалъ себѣ разговаривать съ Варенькой. Разговаривали мы цѣлый годъ. И какъ быстро прошелъ этотъ годъ! Много другихъ воспоминаній не замѣнятъ и не вытѣснятъ его изъ моей памяти..

Скажите, не заболтался ли я и не сочтете ли вы мою повѣсть недостойной вашего вниманія? И что вы скажете, если она попадетъ въ ваши ручки въ часъ, посвященный Фаусту?...

Я, того и гляди, въ глазахъ вашихъ, стану на ряду съ Шагаровымъ: отъ одной этой мысли перо выпадаетъ, изъ рукъ...

Вскорѣ я буду имѣть честь явиться къ вамъ, и не мирюсь съ мыслію, что могу не застать васъ дома. Я согласенъ нарисовать портретъ Бетси, надѣясь, что во время сеанса она будетъ лежать у вашихъ ногъ.

—

Въ первыхъ числахъ іюня дорожная коляска остановилась у подъѣзда деревенскаго дома молодой вдовы, въ ту самую минуту, какъ она, надѣвъ шляпу и перчатки, отправлялась въ свою бесѣдку.

— Здравствуйте, Извинскій, сказала она, протягивая ему кончикъ мизинца: Вы ли это или призракъ?

— Почему же призракъ?

— Потому, что пріѣхать именно въ то время, какъ васъ ждутъ, едва ли можетъ случиться съ вами.

— Какая клевета! воскликнулъ онъ весело. Теперь за мной очередь спросить у васъ: вы ли это или призракъ? Я такъ радъ васъ видѣть, что не довѣряю своимъ глазамъ.

Онъ подалъ ей руку; они перебрались черезъ плотину, прошли ручей и остановились у бесѣдки. Извинскій сталъ на колѣна, пока Фанни, смѣясь, отпирала дверь, и пришелъ въ восхищеніе отъ кокетливаго убранства ротонды. Онъ разсмотрѣлъ рисунки и самый удачный выпросилъ себѣ; потомъ легъ на коверъ, на которомъ прыгала Бетси за клубкомъ, игралъ съ нею и наконецъ усыпилъ ее у себя на колѣнахъ, что, говорилъ, онъ единственное дозволенное средство ухаживанія за самой Фанни.

Фанни была, во всей силѣ слова, то, что называется une femme de bon goût, умѣвшая кокетничать и умомъ и нарядомъ. Она никогда не слѣдовала модѣ, зная, что принадлежитъ къ разряду тѣхъ хорошенькихъ женщинъ, которымъ къ лицу причуды фантазіи, а не моды. Въ этотъ день ея густыя волосы были небрежно подобраны подъ утренній чепчикъ. Широкій поясъ обхватывалъ ея тонкую талію, вокругъ которой безчисленными складками ложилась кисея блузы.

Извинскій выслушивалъ разсказы Фанни, распрашивалъ о подробностяхъ ея деревенскаго житья, и вдругъ, прерывая ея рѣчь, просилъ ее повторить какую-нибудь позу, необыкновенно граціозную, бросившуюся ему въ глаза. Онъ объявилъ, что если явится Шагаровъ, онъ вызоветъ его на дуэль, во-первыхъ потому, что Шагаровъ своею мечтательностью нарушитъ гармонію ихъ бесѣды, во-вторыхъ потому, что Фанни его возненавидѣла, хотя въ томъ и не сознавалась.

Смѣлость въ мужчинѣ нравится женщинѣ самой строгой, когда эта смѣлость остается въ извѣстныхъ предѣлахъ, которые не всякій умѣетъ угадать и опредѣлить. Многія истины оскорбили бы Фанни, еслибъ не мягкость выраженія, не тихій голосъ Извинскаго, еслибъ не взглядъ его, исполненный участія... Извинскій безпощадно нападалъ на задушевныя убѣжденія Фанни, на самолюбивыя убѣжденія, которымъ въ свѣтѣ было не мало поклонниковъ. Но, не смотря ни на поклонниковъ мнимаго ея совершенства, ни на пристрастіе Фанни къ чтенію нѣмецкихъ систематиковъ, въ ней, къ счастію, сохранилась любящая душа, неспособная къ одиночеству.

Вечеромъ, во время прогулки, Фанни была для Извинскаго предметомъ самой тщательной заботливости, сдѣлавшейся потребностью для женщины нѣжной организаціи и нѣсколько избалованной свѣтомъ.

Воротились домой довольно поздно; въ бесѣдкѣ уже были приготовлены самоваръ и фрукты, а мои герои, кстати, успѣли проголодаться. Когда подали огонь, Извинскій открылъ рояль и принялся наигрывать аріи изъ своихъ любимыхъ оперъ, а Фанни зажгла пахитоску и, вслушиваясь въ музыку, вглядывалась въ музыканта. Ея первое знакомство съ Извинскимъ ничего не обѣщало: не симпатія сблизила ихъ, а случай. Теперь Фанни сама у себя спрашивала, съ какого права этотъ человѣкъ, вѣтренный и капризный, говоритъ полушутя о тайнѣ ея жизни и порицаетъ завѣтныя ея чувства? Потому только, думала Фанни, что онъ вѣтренъ и капризенъ, онъ присвоилъ себѣ права, которыя даются только человѣку любящему? И она искала отвѣта на свой вопросъ въ выраженіи лица Извинскаго. Она привыкла видѣть въ немъ человѣка, неспособнаго грустить, и теперь ее въ первый

разъ поражали примѣты, несогласныя съ ея мыслью: блѣдный и въ морщинахъ лобъ Извинскаго и его потухшіе глаза.

Ей приходило на память, что иногда у него вырывались слова, исполненныя грусти и сожалѣнія. Она облокотилась на рояль и уронила лежавшую на немъ книгу. Извинскій поспѣшилъ ее поднять, и рука его ударилась о ножку рояля, обдѣланную бронзой.

— Вы ушиблись?.. спросила Фанни.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, снова принимаясь играть.

— Да вашъ палецъ въ крови; продолжала Фанни: постойте, я васъ сейчасъ вылечу.

Она открыла свой рабочій ящикъ, отрѣзала узкую полоску англійской тафты и подошла къ Извинскому, который предоставилъ въ ея распоряженіе свой больной палецъ, увѣряя, что она, какъ многіе доктора, немного шарлатанитъ.

— Дайте, это не ваше дѣло! говорила Фанни, накладывая на царапину насмоленую тафту.

— Благодарю васъ, сказалъ Извинскій.

Онъ взялъ ея руку и, продержавъ съ минуту, горячо поцѣловалъ, можетъ быть, съ мыслью умилостивить Фанни, которая вздумала было ее высвободить. Моей героиней овладѣло страшное смущеніе, далекое впрочемъ отъ гнѣва. Она не знала, какъ скрыть его: молча опустила глаза; рукой, оставшейся на свободѣ, машинально перебирала блестящія вещицы, разложенныя на столѣ, потомъ наудачу раскрыла книгу, поднятую Извинскимъ. Въ эту минуту она почувствовала, какъ его дыханіе пробѣжало на ея шеѣ... и, не оборачиваясь, опустила палецъ на слѣдующія строки Альфреда де-Мюссе:

«O, laisse moi du moins regarder dans ton ame.
Comme un enfant craintif se penche sur les eaux,
Toi, si plein front pâli sous des baisers de femme,
Moi si jeune, enviant ta blessure et tes meaux.»

— Какъ вы милы! сказалъ онъ съ выраженіемъ истиннаго чувства.

Долго ли они сидѣли рядомъ на диванѣ, перелистывая любимую книгу, и какія прочли стихотворенія, и о чемъ говорили?

Я не знаю. Пробила полночь; Фанни встала, и въ полголоса спросила:

— Вы не ѣдете завтра?.. не правда ли?

— О, нѣтъ! отвѣчалъ Извинскій.

Онъ ушелъ; Фанни задумчиво посмотрѣла ему вслѣдъ, взяла со стола далію, которую Извинскій смялъ въ рукахъ, и прижала ее къ губамъ...

Когда я читаю романъ, я закрываю его на той страницѣ, на которой начинается повѣсть о счастіи влюбленныхъ... Къ чему, скажите, дочитывать книгу до послѣдняго слова развязки?

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МЕЧТА О НЕМЪ.

Современная баллада.

—

I.

«Меня любилъ бѣднякъ ничтожный
И съ нимъ кокетничала я!
На счастье взглядъ бросая ложный,
Онъ не годился для меня...
И вдругъ другой пріѣхалъ, милый...
Я запылала съ новой силой
Любви таинственнымъ огнемъ;
Я все въ минуту позабыла,
Я одного его любила...
Ахъ, какъ мнѣ жить отрадно было
Съ мечтой о немъ, съ мечтой о немъ!

II.

«Сама судьба его послала
Въ уѣздный городъ, въ нашу глушь!
Не знаю, что-то мнѣ шептало,
Что это будетъ чудный мужъ:
Онъ идеалъ, онъ совершенство!
Вотъ будетъ истинно блаженство,
Когда другъ друга мы поймемъ!

Я то краснѣла, то блѣднѣла,
То вся дрожала и горѣла,
Я молодѣла, хорошѣла
Съ мечтой о немъ, съ мечтой о немъ!

III.

«Я съ первой встрѣчи побѣдила,
Да такъ, что странно мнѣ самой!
Съ какой я радостью твердила
Сто разъ на дню: онъ мой!
Онъ мой теперь! Онъ мой навѣки!
Пускай объ этомъ человѣкѣ
Всѣ говорятъ, какъ о моемъ!
Что онъ уменъ, на видномъ мѣстѣ,
Что всѣмъ онъ жертвуетъ невѣстѣ...
Какъ сладко слить такія вѣсти
Съ мечтой о немъ, съ мечтой о немъ!»

IV.

И вотъ сомнѣнья нѣтъ и тѣни,
Для нихъ ликуетъ вся земля:
Онъ передъ нею на колѣни
Упалъ, взаимности моля.
Цвѣтистымъ языкомъ, восточнымъ,
Онъ говорилъ о счастьи прочномъ,
О наслажденьи бытіемъ;
Какъ люди сходятся случайно,
Какъ онъ такъ счастливъ чрезвычайно...
Она ему открыла тайну
Мечты о немъ, мечты о немъ!

V.

Чуть день хорошъ иль вечеръ дивный,
Сейчасъ гулять куда-нибудь:
Она ребенокъ милый, пренаивный,
Съ ней незамѣтенъ всякій путь,
Онъ тутъ, верхомъ, у одноколки:
Обмѣна взглядовъ, смѣхъ и толки,
Она шалитъ съ его конемъ,
Поцѣловать за ласки эти
Онъ ручку ловитъ... Просто, дѣти!
И ей все радужно на свѣтѣ
Съ мечтой о немъ, съ мечтой о немъ!

VI.

И вотъ, съ заботою большою
Отецъ сталъ думать: «Этотъ мужъ,
Пожалуй, съ женихой душой,
Захочетъ взять побольше душъ;
Бѣда, какъ правду онъ почуетъ!»
А дворня между тѣмъ толкуетъ:
На свадьбѣ лихо заживемъ!
Изъ дома въ домъ молва летаетъ,
Насмѣшки, зависть возбуждаетъ.
И старымъ дѣвамъ навѣваетъ
Мечту о немъ, мечту о немъ.

VII.

Ужъ домъ гостями часто полонъ,
Все веселится, пьетъ и ѣстъ,
И ключницѣ-воркуньѣ солонъ,
Хоть и понятенъ ихъ пріѣздъ.
Уже тайкомъ толкуютъ тетки
О разныхъ тряпкахъ для красотки,
И слезы катятся ручьемъ;
Тамъ дядя про дѣлишки эти
Съ отцомъ пошепчетъ въ кабинетѣ...
У всѣхъ, но только въ разномъ цвѣтѣ,
Мечта о немъ, мечта о немъ!

VIII.

Родня однакожъ очень рада:
Чудесный, выгодный женихъ!
Изъ этого выходитъ: надо
Ихъ чаще оставлять однихъ,
Чтобъ дѣло кончилось успѣшно.
Ну, такъ дѣлалось конечно;
Здѣсь дорожили каждымъ днемъ:
Коротокъ отпускъ, тамъ столица,
Иная жизнь, другія лица,
Найдется новая дѣвица
Съ мечтой о немъ, съ мечтой о немъ!

IX.

Ну, словомъ, все—духи, наряды,
Прически разныя къ лицу,
Съ расчетомъ вздохъ, улыбки, взгляды —

Все это двигало къ вѣнцу.
Онъ счастливъ былъ: онъ былъ обманутъ,
Онъ позабылъ, что розы вянутъ;
Все сгладилъ ласковый пріемъ,
Тутъ все вокругъ за нимъ ходило,
Все на рукахъ его носило,
И наконецъ—ему польстила
Мечта о немъ, мечта о немъ!

X.

Шумитъ немолчно околотокъ
И разговоръ одинъ вездѣ:
Что? свадьба?—Да.—Отвѣтъ коротокъ.
Теперь вопросъ: когда и гдѣ?
Отвѣтьте всѣмъ, прошу покорно!
Идетъ объ этомъ споръ упорный,
Шумятъ, кричатъ, визжатъ—содомъ!
Конца нѣтъ жестамъ, восклицаньямъ,
Визитамъ, сплетнямъ, толкованьямъ,
Весь міръ уѣздный подъ вліяньемъ
Мечты о немъ, мечты о немъ!

XI.

И о приданомъ, и о страсти,
О счастьи будущей четы,
(Нельзя-жъ оставить этой части
Безъ надлежащей полноты),
И сколько взять женихъ въ надеждѣ,
И гдѣ они видались прежде,
И какъ онъ не узналъ путемъ,
И гдѣ ужъ ей любить кокеткѣ,
И какъ счастливцы нынче рѣдки,
И безъ числа родитъ замѣтки
Мечта о немъ, мечта о немъ.

XII.

Пора любви—сердечной блажи,
Наружныхъ, внутреннихъ гримасъ,
Когда нашъ умъ уснулъ на стражѣ
Отъ поэтическихъ прикрасъ,
Пора волшебнаго участья,
Пора обманчиваго счастья —
Ты хороша съ своимъ огнемъ

Лишь въ юности — (благія лѣта!)
Когда среди волненій свѣта
Еще первинка въ сердцѣ—эта
Мечта о немъ, мечта о немъ!

XIII.

Но грустны позднія поддѣлки
Подъ этотъ чудный жаръ души,
Когда ужъ чувства тупы, мелки
И лишь расчеты хороши!
Блаженъ, кто счастливо увлекся!
Въ комъ первый пламень не зажегся
Кокетки опытной трудомъ,
Изъ самолюбья иль отъ скуки,
Кто не узналъ стыда и муки,
Понявъ, что это просто штуки —
Мечта о немъ, мечта о немъ.

XIV.

Но какъ жалка за то кокетка!
Она хитрила—онъ пылалъ,
Она расчитывала мѣтко,
А между тѣмъ—онъ ускакалъ.
Онъ ждалъ приданаго, невѣжда!
Гдѣ-жъ взять его? Прости надежда
И слезы лейтеся ручьемъ!
Оставленъ нашъ цвѣтокъ завялый...
Что-жъ! Онъ судилъ какъ умный малый:
Сперва деньжонокъ — тамъ, пожалуй,
Мечту о немъ, мечту о немъ!

XV.

Да! хорошо вамъ этакъ мыслить,
А каково ей перенесть?
Всѣхъ слезъ ея не перечислить
И вздоховъ всѣхъ не перечесть!
Вѣдь можетъ быть ужъ этотъ опытъ
Послѣдній былъ.... Тутъ, право, ропотъ
Невольный вырвется... потомъ
Такого-ль ждали тутъ отвѣта?
Какъ самолюбіе задѣто!
И что-жъ теперь такое эта
Мечта о немъ, мечта о немъ?

917

XVI.

Къ чему она? Тревожить совѣсть,
Какъ промахъ горестный въ быломъ?
И чѣмъ же кончилася повѣсть,
То есть, моя «Мечта о немъ»?
За неудачною ловитвой
Пошли все вздохи да молитвы;
Сидѣли часто подъ окномъ,
Въ слезахъ, съ опухшими глазами,
Сначала днями, тамъ часами...
Не вдругъ забыть, судите сами,
Мечту о немъ, мечту о немъ!

XVII.

Продѣлки слабости случайной,
Корыстолюбца разбраня,
Прикрыла для сосѣдей тайной
Непроницаемой родня.
Какъ! неужели? о, мой Боже!
Когда же свадьба? Гдѣ же? Что же?
Всѣ ожиданья кверху дномъ!
У слугъ спросили для порядка:
Нѣтъ, ничего не знаютъ. Гадко!
И стала точно какъ загадка
Мечта о немъ, мечта о немъ!

XVIII.

Все? Нѣтъ, еще словечко кинемъ,
А тамъ поздравимъ васъ съ концемъ;
Балладъ подобныхъ героинямъ
Два слова на ухо шепнемъ:
Передъ чувствительнымъ романомъ
Нельзя ли справиться съ карманомъ:
Есть деньги—ну, тогда начнемъ!
А то простакъ вѣдь нынче рѣдокъ,
И лучше не смѣшить сосѣдокъ,
Оставшись въ дѣвкахъ напослѣдокъ
Съ мечтой о немъ, съ мечтой о немъ.

И. МОЖАЙСКІЙ.

ТРИ РАЗСКАЗА ТУРИСТА.

М. П. Бибикова.

—

I.

БЛИЗНЕЦЫ.

(Посвящается П.....у Н.....у О ....у.)

Мнѣ тогда не было и двадцати лѣтъ, а я уже былъ первымъ живописцемъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ.

Вы всѣ знаете, что я, что называется, изъ простыхъ, то есть: отецъ мой былъ, ни больше, ни меньше, какъ честный крестьянинъ Полтавской губерніи, *** повѣта. За нѣсколько кулей муки я выучился граматѣ у отца Ивана, нашего приходскаго дьякона. Какъ послѣ попалъ въ Академію, какъ теперь очутился съ вами въ Римѣ, въ тратторіи дель-Лепре — это дѣло одиннадцатое. И обо всемъ этомъ, пожалуй, разскажу вамъ когда-нибудь, была бы только охота слушать. Въ это время уже я обзавелся лошадкой и тележкой, которую я на славу расписалъ масляными красками, въ родѣ, этакъ,

алагрекъ или арабесокъ, а на дугѣ, по голубому фону, написалъ розаны; колокольчикъ у меня былъ настоящій валдайскій и заливался, какъ соловей. Выѣдешь, бывало, изъ воротъ, такъ всѣ дивчата и выбѣгутъ на улицу, или высунутся изъ окна, чтобъ посмотрѣть, какъ молодой живописецъ ѣдетъ. Да и самъ я одѣтъ былъ франтомъ, носилъ нанковый желтоватаго цвѣта сюртукъ по самыя пяты, въ родѣ той свитки, что Гоголь называетъ: *по сіе время*. Какъ я его надѣлъ въ первый разъ, то вообразилъ, что одѣтъ не только прилично, но даже, знаете, этакъ, по-свѣтски.

Вотъ, въ этомъ сюртукѣ и въ этой тележкѣ я и разъѣзжалъ по помѣщикамъ, писалъ образа въ иконостасы, портреты и проч. Въ нашей сторонѣ помѣщики все старинные и почти что никогда изъ деревни не выѣзжаютъ. Развѣ только на выборы въ губернію.

И что за добрый народъ! Вездѣ меня принимали радушно и кормили и поили на убой. Только-что пріѣду бывало, сейчасъ помѣщикъ кликнетъ старосту: «Смотри!» говоритъ: «Саврасенькой Петра Никоныча отпустить овса и сѣна, сколько душѣ ея будетъ угодно, а тележку прикажи осмотрѣть, не нужно ли гдѣ починить да и поставить въ каретный сарай.» Ужъ почему эти сараи назывались каретными, я право не знаю: во всемъ нашемъ уѣздѣ только у вдовы покойнаго городничаго была карета, да и то такая странная, что послѣ я этакой и не видывалъ, скорѣе была похожа на...я не знаю, на что, только не на карету.

А въ кабинетѣ ужъ, вижу, мнѣ стелютъ пуховики на барскомъ диванѣ, хоть бы я и пріѣхалъ поутру... Премилая перспектива! значитъ—напоятъ, накормятъ да и спать уложатъ!

Право, славное было времечко! и, не смотря на то, что я теперь и академикъ, и въ Италіи, а попробуй кто-нибудь изъ васъ запѣть при мнѣ нашу малороссійскую пѣсню: Ой волы мои..... я расплачусь, какъ ребенокъ!

Портреты писалъ я все *фамильные*. Не думайте, чтобъ я этимъ хотѣлъ сказать, что писалъ пѣсколько лицъ на одномъ холстѣ,—нѣтъ; фамильными у насъ называются портреты, которые можно прилично повѣсить въ гостиной надъ диваномъ, очень близко одинъ подлѣ другаго. Баринъ писался всегда во фракѣ или

мундирѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ крестикомъ, если былъ крестикъ, а не то такъ съ дворянской медалью, съ книгой или съ письмомъ, или съ табакеркой въ рукѣ; барыня также въ парадномъ платьѣ, непремѣнно въ чепцѣ, во всѣхъ своихъ ожерельяхъ и кольцахъ и въ шали, всегда почти желтой. Одинъ нашъ помѣщикъ, бывшій откупщикъ, заказалъ мнѣ свой портретъ съ письмомъ въ рукѣ, а на письмѣ велѣлъ написать: «его благородію Анфиму Сергѣевичу господину Кобылицкому, со вложеніемъ двухъ тысячъ рублей, въ собственныя руки.»

Если баринъ велитъ написать себя въ шлафрокѣ, или напримѣръ безъ галстуха, а барыня безъ чепчика, то ужъ это не будетъ фамильный портретъ, а просто—портретъ.

Я также, могу похвастаться, мастерски расписывалъ яйца: въ нашемъ уѣздѣ не было ни одного порядочнаго человѣка, у котораго бы въ переднемъ углу не висѣло яйца моего издѣлія. Даже дама, та самая, у которой была наша единственная карета, прислала ее за мной на страстной недѣлѣ. Подножки были такія высокія, такія крутыя, что я лезъ въ карету, какъ на башню, за то, какъ сѣлъ въ нее, то и сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ: важность такая напала на меня! Во всю дорогу я то и дѣло выглядывалъ изъ оконъ и раскланивался съ проходящими знакомыми. Знай молъ нашихъ! А по правдѣ сказать, я немножко сконфузился.... Посудите сами: вѣдь въ первый разъ....

Домъ у барыни былъ самый великолѣпный во всемъ городѣ, съ мезониномъ, балкономъ и колоннами. Домъ былъ окрашенъ сѣренькой краской, подъ перловую, а колонны бѣлою: эффектъ чрезвычайный! Да и дама-то была важная, чиновная, свѣтская; ей было ужъ за пятьдесятъ, а она только-что вышла за мужъ за молодаго отставнаго офицера того полка, что стоялъ у насъ зимой. Меня прямо ввели въ гостиную. Она этакъ, знаете, полулежала на софѣ, какъ бы изтомленная, а мужъ въ архалукѣ курилъ трубку и прихлёбывалъ изъ стакана чай, отъ котораго пахло ромомъ; послѣ прихлебки онъ каждый разъ обтиралъ усы и закручивалъ ихъ кверху, потомъ затягивался и выпускалъ дымъ кольцами.

Я, какъ слѣдуетъ, остановился въ дверяхъ и поклонился, а

дама, кивнувъ мнѣ небрежно головой, сказала: «Вы дасписываете на яйцахъ?» Я отвѣчалъ: «Я, сударыня!» «Такъ сдѣлайте мнѣ яйцо съ дазными дисунками.» Она пришепетывала, и вмѣсто р, выговаривала д, странное дѣло! Она говорила: «Съ одной стодоны пдошу васъ пдедставить жедтвенникъ съ двумя седцами, пдонзенными стделою, а съ ддугой стодоны стихи, я сама ихъ сочинила, я вамъ ихъ записала на бумажкѣ, чтобъ вы не забыли.

Вотъ послушайте:

Кого симъ подадить?
Спдосила я себѣ.
И седце мнѣ мое
Назначило тебѣ.

При послѣднемъ стихѣ она умильно взглянула на мужа, а тотъ покрутилъ усы.

Я отдѣлалъ яйцо на славу: сердца написалъ настоящимъ англійскимъ баканомъ, а стрѣлку позолотилъ—вышло отлично, да и взялъ я за него синенькую. Я потомъ у нихъ былъ очень хорошо принятъ въ домѣ, обѣдывалъ сколько разъ. Да, это были аристократы, важничали этакъ немного съ нашимъ братомъ.

А вотъ были у меня знакомые, два старичка, братья Садлины, такъ этакихъ мнѣ не нажить! Что это были за люди! царство имъ небесное! теперь ужъ этакихъ людей нѣтъ!

Они были близнецы; но младшій братъ, который родился съ часъ послѣ старшаго, всегда оказывалъ старшему нѣкотораго рода уваженіе и говорилъ ему: вы; а старшій говорилъ младшему: ты. Они вмѣстѣ вступили юнкерами въ какой-то гусарскій полкъ и служили, сказываютъ, молодцами; вмѣстѣ бывали въ дѣлѣ, въ одинъ и тотъ же день получили Георгія и шпаги за храбрость, вмѣстѣ вышли въ отставку съ мундирами, и пріѣхали доживать свой вѣкъ въ свое родовое помѣстье—Веселуху.

Когда я съ ними познакомился, имъ было уже за шестьдесятъ.

Старинный деревянный домъ ихъ, съ мезониномъ, балконами и разными затѣями, стоялъ прямо на большой дорогѣ, совер-

шенно, что называется, на юру. Прежде онъ стоялъ оттуда въ полверстѣ, у поселка, гдѣ у нихъ было большое озеро, садъ, роща и всѣ возможныя удобства, да они велѣли перенести его на большую дорогу, для того, чтобъ имъ удобнѣе было гостепріимничать.

Старички мои, надо сказать правду, не были люди очень грамотные и кромѣ стараго календаря, въ которомъ еще покойница матушка ихъ записывала дни именинъ и рожденія родственниковъ и знакомыхъ, въ домѣ у нихъ и не было другой книжки. Виноватъ, была еще книжка: старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха, въ которую и они и дворовые люди такъ часто заглядывали, что отъ нее оставались одни клочки. Хозяйствомъ завѣдывалъ у нихъ, съ незапамятныхъ временъ, староста Ѳома, мужикъ честнѣйшій, такъ они въ хозяйственныя дѣла и не вмѣшивались. На охоту они также не ѣздили: странная однакожъ черта въ жизни русскаго помѣщика, хоть и держали стаю гончихъ и борзыхъ, но только для того, чтобы бѣднымъ сосѣдямъ давать ими поохотиться, а кому какая приглянется, то и подарятъ бывало.

Единственнымъ дѣломъ ихъ было—угощать гостей, за то и дня не проходило безъ того, чтобы кто-нибудь не заѣхалъ погостить къ нимъ денька на два, на три, а иногда и на недѣлю, и, пожалуй, на цѣлый мѣсяцъ. Вѣдь у насъ въ деревнѣ на этотъ счетъ просто: пріѣхалъ и живи себѣ съ Богомъ, сколько Богъ на душу положитъ.

Старички, по старой военной привычкѣ, вставали рано, и, накушавшись чаю, выходили на балконъ, что отворялся на большую дорогу, садились за столикомъ, закуривали трубки и принимались смотрѣть, какъ говорится, въ туманную даль.

— Ксенофонтъ Ксенофонтычъ! вдругъ скажетъ младшій братъ: кажется звенитъ колокольчикъ? какъ на ваше ухо, братецъ?—Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ сдѣлаетъ изъ правой руки родъ трубки, приставитъ къ уху (онъ былъ глуховатъ), прислушается и скажетъ: «Такъ и есть, звенитъ! ты правъ Хрисанфъ Ксенофонтычъ!» и закричитъ: «Гей! Ванька! будь готовъ!»

И если ѣхала по дорогѣ бричка, кибитка или экипажъ ка-

кой, то Ванька бѣжалъ рысью на дорогу, чтобъ остановить проѣзжаго и просить заѣхать на минуту къ господамъ, откушать хлѣба-соли.

У старичковъ въ домѣ было три человѣка: вотъ этотъ Ванька, дюжій хлопецъ, малый лѣтъ двадцати-пяти; отецъ его Ванюша, лѣтъ пятидесяти, да дѣдъ его Иванъ, лѣтъ болѣе восьмидесяти, прежній ихъ дядька, который доживалъ свой вѣкъ на постели, въ горенкѣ подлѣ прихожей. Господа аккуратно приходили навѣщать старика каждое утро и каждый вечеръ.

Иной проѣзжій скажетъ: Нѣкогда! велитъ поблагодарить, да и прокатится-себѣ мимо дому, сниметъ шапку, да изъ учтивости раскланяется съ хозяевами; да этакихъ шальныхъ было немного: кто себѣ врагъ? да и куда спѣшить? У насъ же въ Малороссіи не скачутъ по дорогамъ, сломя голову, а ѣздятъ чинно, съ прохладою и рѣдкій проѣзжій не рѣшался заѣхать къ добрымъ людямъ. Къ томужъ, верстъ на двадцать кругомъ, хоть шаромъ покати, не только постоялаго двора, да и шинка не сыщешь.

Ванька съ тріумфомъ садился на облучекъ и везъ проѣзжаго чрезъ барскій дворъ прямо къ крыльцу, а на крыльцѣ уже стояли старички, цѣловались съ гостемъ три раза и просили пожаловать въ домъ. Дѣдъ Иванъ бралъ палку, которая всегда стояла у постели и отворялъ ею дверь въ прихожую, чтобъ посмотрѣть на гостя. Старикъ улыбался, трясъ головой и приговаривалъ: Милости просимъ, гость дорогой, милости просимъ!

А въ залѣ ужъ стоялъ Ванюша съ серебрянымъ подносомъ, а на подносѣ золотая чарочка съ малороссійской запеканкой! Что была за запеканка! а тутъ и пойдетъ закуска за закуской, потомъ обѣдъ, потомъ дессертъ, потомъ ягоды съ простоквашей, потомъ опять закуска... такъ, что проѣзжему гостю, въ самомъ дѣлѣ, надо было имѣть сильную волю, чтобы его изъ дому не вынесли ногами впередъ. Большею частію, гости уѣзжали, сами не зная какъ, и сохраняли всегда какое-то неясное и сбивчивое воспоминаніе о какомъ-то гостепріимномъ домѣ, что стоялъ на большой дорогѣ.

Я было разъ попробовалъ проѣхать мимо ихъ (ужасно спѣшилъ на ярмарку въ Б***) и колокольчикъ отвязалъ и притворился, что сплю—куда! сами выбѣжали на дорогу, насильно вы-

тащили изъ тележки, и ужъ намылили жъ мнѣ голову: «Петръ Никонычъ, не стыдно ли! да какъ же это можно! ѣдете мимо и не заѣдете! забываете видно стариковъ! что мы вамъ такое сдѣлали, чтобъ насъ такъ обижать? Мы же васъ всей душой любимъ...» И насказали мнѣ много такого, что я подумалъ: а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ я, должно быть, большая скотина.

И что за скромные это были люди! Бывало спросишь:—Ксенофонтъ Ксенофонтычъ! разскажите пожалуйста, за какое это дѣло вы получили Георгія Побѣдоноснаго? А онъ сконфузится и скажетъ: И! П. Н., что тутъ разсказывать? наградили братецъ не по заслугамъ. Полковой командиръ былъ расположенъ ко мнѣ, ну и представилъ къ кресту.

— Эхъ, братецъ! что это вы все говорите–не по заслугамъ! скажетъ Хрисанфъ Ксенофонтычъ: развѣ я самъ не видалъ, какъ вы пушку-то отбили; а Ксенофонтъ Ксенофонтычъ скромно улыбнется и скажетъ: Ну, что жъ братъ! не я одинъ и ты въ этомъ дѣлѣ участвовалъ! да и не мы одни, тутъ были и поудалѣй насъ съ тобою.

Старички любили иногда подтрунить другъ надъ другомъ. А что братъ, скажетъ Ксенофонтъ Ксенофонтычъ: не разсказать ли Петру Никанычу, какъ тебя, того, помнишь, съ Шарлотенькой–то въ Дрезденѣ, а?—Тутъ Хрисанфъ Ксенофонтычъ встанетъ со стула и подойдетъ къ окну посмотрѣть, что на дворѣ дѣлается.—Да нечего въ окно–то глазѣть—видно знаетъ кошка, чье мясо съѣла!.. Извольте слушать Петръ Никанычъ, я вамъ разскажу небольшую *исторійку*.... И онъ начиналъ откашливаться, какъ будто принимался разсказывать. А я ужъ давнымъ–давно зналъ эту *исторійку*, и самъ Хрисанфъ Ксенофонтычъ разсказывалъ мнѣ ее разъ двадцать. Исторія самая обыкновенная: старшій братъ съ полковникомъ застали его, какъ онъ, на лѣстницѣ, въ какой–то дрезденской гостинницѣ, цѣловался съ *медхенъ*. Вотъ и вся исторія.

— Да полно вамъ куражиться-то, скажетъ наконецъ Хрисанфъ Ксенофонтычъ: а вы то сами что? а помните въ Парижѣ мамзель Нинетку? а? Позвольте спросить, куда вы дѣвали чепчикъ съ розовыми лентами? что? прикусили язычекъ! Постойте же, коли такъ, то и я разскажу гостю небольшой *анекдотецъ*...

слушайте, любезный гость... И этотъ *анекдотецъ* давно ужъ былъ знакомъ мнѣ: Ксенофонтъ Ксенофонтычъ приволокнулся въ Парижѣ за хорошенькой модисткой, и чтобъ понравиться ей, заказалъ чепчикъ, съ которымъ онъ послѣ не зналъ куда дѣваться и наконецъ подарилъ полковой маркитанткѣ.

Разъ, сижу я дома и работаю, вдругъ входитъ ко мнѣ Ванюша. Перекрестился какъ слѣдуетъ, затворилъ дверь на крючекъ, подошелъ ко мнѣ на цыпочкахъ, поцѣловалъ меня въ щеки и началъ говорить мнѣ на ухо: Вотъ, батюшка Петръ Никонычъ какая вышла у насъ оказія: нынче поутру Ксенофонтъ Ксенофонтычъ вызвали меня на дворъ и говорятъ: Ванюша, говоритъ, бери чалую, да скачи въ городъ къ Петру Никонычу, кланяйся отъ меня и зови нынче откушать; да вотъ что скажи, говоритъ, какъ пріѣдетъ, дескать, къ намъ, то не говорите молъ братцу Хрисанфу Ксенофонтычу, что вы пріѣхали по-зову, а такъ просто пріѣхали навѣстить стариковъ, благо давно не были. Да смотри! братцу обо всемъ эвтомъ ни гугу? будетъ спрашивать, куда ѣдешь? скажи въ городъ за провизіей. Слышь Ванюша? чтобъ все было какъ я приказываю.

Не успѣлъ маленькую запречь—глядь! въ конюшню входитъ Хрисанфъ Ксенофонтычъ: куда ѣдешь, Ванюша?—Въ городъ, говорю, провизіи купить.—Вишь какъ кстати! говоритъ: заѣзжай же ты къ Петру Никонычу, кланяйся, проси откушать, да попроси, чтобъ какъ пріѣдетъ, отнюдь не говорили, что пріѣхали по зову, а такъ, дискать, сами по себѣ, очень давно не были, да и братцу объ этомъ, слышишь, не проговорись: у меня до Петра Никоныча большой секретъ.

Что бы это за оказія такая вышла, какъ вы думаете, батюшка Петръ Никонычъ?

Я и самъ не зналъ, что подумать, и признаюсь вамъ, струхнулъ немного. Спрашиваю: а что, какъ они, на счетъ здоровья-то?—Ничего, слава тебѣ Господи! здоровехоньки!

Я поскорѣй надѣлъ свой сюртукъ и отправился во всю рысь въ Веселуху.

Старички приняли меня, по обыкновенію, на крыльцѣ и начали благодарить, что я ихъ вспомнилъ и при этомъ подмигивали мнѣ очень выразительно.

Послѣ закуски Ксенофонтъ Ксенофонтычъ взялъ меня подъ руку и, подъ предлогомъ показать мнѣ лошадь, которую недавно купилъ, повелъ меня въ конюшню.—Вотъ что, почтеннѣйшій П. Н.! черезъ три недѣли наше съ братомъ рожденье; такъ ужъ вы, пожалуйста, напишите съ меня портретъ потихоньку, такъ, чтобъ никто не зналъ, я его подарю брату сюрпризомъ.—Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ, Ксенофонтъ Ксенофонтычъ! да гдѣ жъ я буду писать-то съ васъ, чтобы братецъ какъ-нибудь не провѣдалъ?—А я ужъ придумалъ, вы только пріѣзжайте на поселокъ, къ старостѣ Ѳомѣ, а я ужъ тамъ буду васъ ожидать. У него же изба просторная такая и свѣтлая, да и бабъ-то всего одна его старуха, да и ту выгонимъ!

Не успѣли мы отобѣдать, какъ и Хрисанфъ Ксенофонтычъ меня подъ руку и говоритъ:—Пойдемте, любезный гость, я вамъ покажу кое-что такое-этакое...—А что бы это было такое, спросилъ Ксенофонтъ Ксенофонтычъ.

— Не ваше дѣло, братецъ! у меня до Петра Никоныча секретъ!

— Знаю, знаю, какой у тебя секретъ! Хочешь показать ему Селиверстову дочь Явдоху. Идите, идите себѣ! Это вѣдь по вашей части Петръ Никонычъ: какъ будетъ на ваши глаза, а братъ увѣряетъ, что этакой дѣвки и не видывалъ. Вишь ты какой бравый! вотъ пословица-то не вретъ, что сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро!..

Вы ужъ вѣрно догадались, что и Хрисанфу Ксенофонтовичу пришла таже мысль. Я, разумѣется, не сказалъ ему ни слова; я условился писать его у себя, съ тѣмъ, чтобъ онъ пріѣзжалъ ко мнѣ подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Оба заказали написать себя въ гусарскихъ мундирахъ, съ георгіевскими крестами и оба мнѣ сказали: Пожалуйста, П. Н., чтобы голубой ментикъ былъ какъ настоящая бирюза, то-есть, просто, чтобъ была бирюза, ужъ вы, пожалуйста, постарайтесь!

И я писалъ съ нихъ хоть урывками, но con amore, и такъ удачно схватилъ добродушныя черты ихъ, что просто самъ приходилъ въ восторгъ, глядя на портреты. А ментикъ написалъ настоящей берлинской лазурью, за которую въ Полтавѣ платилъ по пятидесяти копѣекъ за золотникъ. И чего бы я не далъ, чтобъ взглянуть теперь на эти портреты, хоть на минуту...

Рамки позолотилъ самъ и не на гульфарбѣ, а на полиментѣ, и такъ нашлифовалъ зубкомъ репейки по угламъ, что они блестѣли, какъ солнце.

Наканунѣ праздника я самъ привезъ портреты въ Веселуху, самъ поставилъ ихъ на чердакъ, заперъ дверь на ключь, и никому ни гугу.

Когда старички узнали, разумѣется, каждый порознь, что портреты довезены въ исправности и припрятаны, то начали посматривать на меня съ улыбкой, тонко подмигивали другъ на друга, ходили по комнатѣ взадъ и впередъ, потирали себѣ руки, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, принимались хохотать во все горло.

— Что это ты, братъ, смѣешься? спрашивалъ Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ, а его самого разбирала смертная охота похохотать.

— Да такъ! вотъ Петръ Никонычъ сказалъ мнѣ кое-что такое смѣшное, что и сказать нельзя... А вы, братецъ, чему такъ обрадовались, что все ходите по комнатѣ да руки себѣ потираете?

— Да что-то, какъ будто свѣжо! отвѣчалъ Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ,—а это было въ самые петровки и солнце пекло такъ, что я въ моемъ сюртукѣ варился, какъ въ кастрюлѣ, въ моемъ собственномъ соку...

И братья принимались хохотать во все горло.

Гостей съ ранняго утра съѣхалось видимо невидимо. Весь дворъ былъ, что называется, запруженъ экипажами, была и наша карета.

Послѣ обѣдни отецъ-священникъ самъ подалъ просфоры старичкамъ, и сказалъ что-то въ родѣ краткой рѣчи, ужъ я хорошенько не упомню, что онъ именно такое сказалъ, а помню, что у всѣхъ слезы были на глазахъ. А мужички, какъ вышли изъ церкви, подходили къ ручкѣ, а братья не давали руки и говорили: я не духовный, а вотъ почеломкаемся—и челомкались.

Для своихъ и чужихъ крестьянъ на большой дорогѣ поставили столы, и чего то, чего то, Господи Боже мой! на этихъ столахъ не было! А нищихъ то! нищихъ то!

Вотъ пріѣхали отъ обѣдни; гости принялись закусывать, а

братья ушли къ себѣ на минуту. Я рано поутру перетащилъ съ чердака портреты и поставилъ каждому въ спальнѣ.

Торжественная минута наступала...

Повѣрите–ли, братцы, у меня сердце билось, какъ никогда послѣ не билось. Ну! думаю, ну какъ скажутъ: непохожи! а? А гостей–то была тьма тьмущая, были и полтавскіе; я началъ заранѣе придумывать самое скверное, что только могли сказать, иной скажетъ: экой носъ онъ приклеилъ Ксенофонту Ксенофонтовичу! Ну, ужъ маляръ! откуда это онъ такой взялъ? да и выраженіе совсѣмъ не такое! а другой скажетъ: цвѣтъ лица, какъ будто мертвенный, или ментикъ вовсе не бирюза! а иной и этого не скажетъ, а плюнетъ, да и скажетъ просто: что это за свиныя рыла такія! а можетъ, чѣмъ чортъ не шутитъ! найдется и такой, который пожалуй скажетъ: сейчасъ узналъ: это наша новая Городничиха съ дочкой! очень похоже сдѣлано!—Вѣдь есть же такіе люди!..

Въ гостиной, гдѣ собрались гости, было двѣ двери, одна противъ другой—одна въ залу, другая въ диванную, и за этими дверями ужъ давно стояли братья съ портретами въ рукахъ и посматривали въ замочныя щелки. Этакъ пришлось бы имъ долго простоять, да меня ужъ начинала трясти лихорадка... ну! думаю, чему быть, того не миновать! взялъ да и отворилъ одну дверь, тотчасъ же и другая отворилась, и братья предстали съ портретами въ рукахъ...

Тутъ ужъ я вамъ ничего не скажу... такихъ минутъ не описываютъ...

Старичкамъ было неловко цѣловаться черезъ портреты, я ихъ бережно взялъ у нихъ изъ рукъ и поставилъ на выгодный свѣтъ.

Пока братья, со слезами на глазахъ, обнимались и жали другъ другу руки, всѣ обступили мои портреты... Боже мой! вообразите, что ни одинъ даже ни зашнулся сказать: непохожи! или носъ такъ какъ–нибудь, или что–нибудь этакое... а всѣ въ одинъ голосъ закричали: Ксенофонтъ Ксенофонтычъ! Хрисанфъ Ксенофонтычъ! просто вылиты! ай, да молодецъ Петръ Никонычъ! а ментикъ–то! ментикъ–то! чистая бирюза! а Георгій–то Побѣдоносный! просто хоть въ руки бери! ай да живописецъ! да этакихъ и въ Полтавѣ на рѣдкость!

Отъ роду не былъ я такъ счастливъ, какъ въ эту минуту.

Нацѣловавшись досыта, старички подошли ко мнѣ и начали меня обнимать. Примите, говорятъ, любезный и почтенный П. Н. нашу сердечную благодарность; мы никогда не забудемъ вашего одолженія. Позвольте васъ еще разъ поцѣловать, и принялись меня опять цѣловать. Потомъ подходили ко мнѣ всѣ гости, каждый цѣловался со мной три раза, какъ водится.

Вдругъ вошелъ Ванька и громко сказалъ: Ксенофонтъ Ксенофонтычъ и Хрисанфъ Ксенофонтычъ! дѣдъ проситъ посмотрѣть на портреты. Пойдемъ! пойдемъ къ нему, братъ, сказалъ Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ, ты бери мой портретъ, а я твой, и пойдемъ къ дѣду.

Я вошелъ въ горницу прежде всѣхъ, чтобъ посмотрѣть, какой эфектъ произведутъ портреты; только что внесли ихъ, старикъ сплеснулъ руками и залился слезами. Ну ужъ, такого эфекта я, признаюсь, не ожидалъ! И до-сихъ-поръ не могу понять, объ чемъ это старикъ расплакался?

А ужъ какой былъ обѣдъ! просто, я вамъ говорю... Ванюша, онъ же и кандитеръ, также выкинулъ штучку: когда начали подавать шампанское, на столѣ вдругъ явился храмъ изъ леденцу съ вензелевыми именами хозяевъ, а на верху двѣ сабли крестъ-на-крестъ и подпись: за храбрость. Всѣ были пріятно удивлены, кромѣ меня, потому, что, по правдѣ вамъ сказать, это я подалъ Ванюшѣ мысль этой аллегоріи.

Вдругъ вижу старички перешептались между собою и встали, — и всѣ встали. Ксенофонтъ Ксенофонтовичъ взялъ въ руки бокалъ шампанскаго и громогласно сказалъ: «Позвольте, милый нашъ Петръ Никонычъ, поблагодарить васъ еще разъ за удовольствіе, которымъ вы насъ осчастливили! Дай Богъ жить вамъ счастливо еще сто лѣтъ и преуспѣвать въ вашемъ благородномъ искусствѣ!» Всѣ гости закричали: ура! и дружно выпили бокалы; старички, выпивъ свои, разбили ихъ о коблуки... Я, какъ слѣдуетъ, обошелъ всѣхъ съ бокаломъ и со всѣми цѣловался.

Къ вечеру и я приготовилъ сюрпризъ. Въ концѣ иллюминованной аллеи изъ акацій вдругъ освѣтился большой транспарантъ, представлявшій на свѣтло-голубомъ полѣ буквы К. и Х., сплетенныя вмѣстѣ, въ вѣнкѣ изъ лавровыхъ листьевъ, а надъ вѣн-

комъ летящую славу съ трубой. Помню, сколько труда мнѣ стоила эта слава! я было задумалъ написать ее изъ головы — куда къ чорту! я тогда и понятія не имѣлъ, что такое *натура и классическая драпировка*, — я взялъ да и скопировалъ ее съ виньетки похвальнаго листа, печатаннаго въ губернской типографіи; этотъ листъ получилъ сынишка моей хозяйки за успѣхи въ наукахъ. Внизу на транспарантѣ на черномъ фонѣ была яркая надпись: *О, дружба! кто тебя не знаетъ, не знаетъ тотъ и красныхъ дней!* А надъ надписью двѣ соединенныя руки въ облакахъ.

Этотъ транспарантъ произвелъ, какъ теперь говорятъ, фуроръ, рукоплесканіямъ и похваламъ не было конца. Старички догадались, что я былъ виновникомъ этого сюрприза, подошли ко мнѣ, опять поцѣловали и сказали въ одинъ голосъ: «ну, Петръ Никонычъ! удружили, такъ ужъ удружили! никогда, никогда не забудемъ!»—А я плакалъ, какъ теленокъ.

Ночью, какъ мы ни были всѣ, съ позволенія сказать, веселы, не было никакой возможности заснуть: на дворѣ, на большой дорогѣ и далеко въ сосѣднихъ поселкахъ раздавались такіе неистовые и нелѣпые возгласы и пѣсни, что волосъ становился дыбомъ.

—

Спустя этакъ года полтора, ѣздилъ я по дѣлу въ Полтаву и всего на какую-нибудь недѣлю, — возвращаюсь назадъ, не успѣлъ въѣхать въ нашъ городъ, какъ меня останавливаетъ знакомый: Стой! братъ, у насъ плохо! охъ, плохо!

— Что́ такое! говори скорѣе! ради Бога, не мучь!

— Вѣдь Садлины-то приказали долго жить! Меня какъ обухомъ въ лобъ!—Что ты говоришь? оба?—Оба, третьяго дня вечеромъ: Ксенофонтъ Ксенофонтычъ, какъ слѣдуетъ, скончался прежде часа съ два, а потомъ Хрисанфъ Ксенофонтычъ Богу душу отдалъ! успѣли въ памяти исповѣдоваться и причаститься. Ступай скорѣй въ Веселуху, поспѣешь отдать послѣдній долгъ.

— Да, Господи Боже мой! отчего же они скончались?

— Да такъ вотъ, ни съ того, ни съ сего — взяли да и скончались. Докторъ говоритъ: и ума не приложу, и больны-то, почитай, совсѣмъ не были...

Я не распрегъ лошадки, духомъ пустился въ Веселуху и проплакалъ всю дорогу. Пріѣзжаю, около дома и по дорогѣ, видимо невидимо крестьянъ, пищихъ... и кого тутъ не было? вой! стонъ! рыданія! у меня больно защемило сердце.

Соскочилъ съ тележки на крыльцо, — а на крыльцо не выходятъ встрѣтить меня мои старички! Слышу въ домѣ служатъ панихиду, пахнетъ ладономъ, у меня такъ ноги и подкосились. Въ самыхъ дверяхъ въ залу стоитъ, согнувшись, дѣдъ Иванъ, его подъ руки держатъ сынъ и внукъ. Въ залѣ тьма народу, — насилу продрался — смотрю, старички въ своихъ гусарскихъ мундирахъ лежатъ себѣ, голобчики, рядкомъ, — въ ногахъ, на подушкахъ сабли и кресты...

...Полно, не хочу больше разсказывать! Гей! Cerriacco! una foglieta di vino e subito!.. *

—

II.

БАРБЕРИ **

Въ одну изъ частыхъ моихъ поѣздокъ въ римскую Кампанію, мнѣ привелось пробыть нѣсколько дней въ одномъ изъ ея небольшихъ и живописныхъ городовъ, гдѣ въ храмовый праздникъ бываетъ и томбола, и процессія, и фейерверкъ съ утра, и полковая музыка, и въ заключеніе скачка барберовъ. Утвердительно можно сказать, что въ папскихъ владѣніяхъ нѣтъ города, въ которомъ бы въ торжественные дни не было этихъ скачекъ; оттого здѣсь, во всѣхъ городахъ, самая длинная и широкая улица и называется Корсо, то есть—бѣгъ.

Я попалъ въ А... въ самый разгаръ праздничнаго дня. Въ гостинницѣ, гдѣ я остановился, всѣ горницы были заняты и я насилу отыскалъ себѣ уголокъ въ пятомъ этажѣ, подъ самою кровлею, нѣчто въ родѣ Венеціанской пьомбы, гдѣ было такъ

* Ей! Черіакко! фляжку вина — мигомъ!...

** Барбери — лошади, скачущія безъ сѣдоковъ.

жарко, что еслибъ поддать на потолокъ, то легко можно бы париться.

Пріодѣвшись на скорую руку, я поспѣшилъ въ общій залъ; тамъ уже шумѣла толпа синьоровъ разнаго званія, съѣхавшихся поглазѣть на праздникъ.

Всѣ они, какъ я догадывался, успѣли позавтракать, — а я былъ голоденъ.

За столомъ прислуживалъ камерьере, весь въ бѣломъ, такъ, что глядя на него становилось прохладно, и мальчикъ, одѣтый въ широкую и длинную куртку, сшитую для человѣка совершенныхъ лѣтъ, которая висѣла на немъ, какъ на вѣшалкѣ; волосы его были растрепаны, взглядъ дикъ, — по всему было замѣтно, что его взяли съ улицы, чтобы помогать камерьеру въ этотъ торжественный день.

Эти два синьора, носомъ почуя во мнѣ иностранца, то-есть, человѣка, который непремѣнно дастъ имъ на водку, — мигомъ очистили мнѣ мѣсто за общимъ столомъ и черезъ полчаса не болѣе, я ужъ пріятно былъ занятъ окорокомъ отличной ветчины и яичницей, извѣстною здѣсь подъ именемъ альбурро, то-есть, съ масломъ, не прибавляя къ этому слову ничего болѣе: вѣроятно потому, что итальянцу лѣнь произнести лишнее слово.

Впрочемъ, слово: яичница, въ этомъ случаѣ, было бы совершенно излишнимъ, потому что когда итальянецъ закричитъ: съ масломъ! то въ то же время сдѣлаетъ жестъ, который ясно объясняетъ, что рѣчь идетъ объ яйцахъ. Этотъ жестъ очень простъ: не отымая локтя отъ тѣла, поднять нѣсколько правую руку и указательнымъ пальцемъ описать на воздухѣ нѣсколько небольшихъ кружковъ.

Вообще, про итальянца можно сказать, что онъ говоритъ, какъ иной человѣкъ пьетъ — запоемъ: молчитъ, молчитъ, а ужъ какъ рванетъ его, то и пошелъ писать, и ужъ тутъ ничѣмъ его не остановишь. Странное дѣло! Итальянецъ лѣнивъ по природѣ: почешется ли у него, напримѣръ, за ухомъ, или въ другомъ мѣстѣ, онъ и пальца не подниметъ, чтобы почесаться; онъ думаетъ: вѣдь не вѣкъ же будетъ чесаться! почешется, да и перестанетъ! а какъ вздумаетъ заговорить, то чего-чего не выкинетъ онъ руками! и за бровь-то себя возьметъ, и въ грудь-то нач-

нетъ себя тузить кулакомъ, и за волосы выдеретъ!.. Свяжите итальянцу руки: онъ слова не въ состояніи будетъ вымолвить.

Сосѣди мои, за общимъ столомъ, распивали золотистое орвьэто и, не смотря на то, что успѣли уже позавтракать, закусывали болонской колбасой, прелестнаго розоваго цвѣта, которая благоухала чеснокомъ. Всѣ они говорили запоемъ. Рѣчь шла о барберахъ, которые должны были скакать въ этотъ день.

Услужливый камерьере, съ салфеткою въ рукахъ, которою онъ отмахивалъ отъ меня мухъ, помѣстился за моимъ стуломъ и, величая меня безпрестанно экчелленца, то-есть, вашимъ превосходительствомъ,—вступилъ со мною въ разговоръ.

«Нынче, ваше превосходительство, у насъ будетъ славная скачка! такая скачка, что клянусь вамъ (тутъ онъ сильно ударилъ себя кулакомъ въ грудь) этакой скачки у насъ и не было и не будетъ!

— А много ли скачетъ лошадей!

— Восемь, ваше превосходительство!

— Только-то?

— Помилуйте! да это здѣсь дѣло неслыханное! хорошо, если три, четыре лошади скачутъ, а то иногда скачутъ только двѣ, да и то слава Богу, все-таки скачка! Здѣсь не Римъ, ваше превосходительство, гдѣ въ карнавалъ пускаютъ скакать до двадцати лошадей. Здѣсь, у насъ, осмѣлюсь доложить ваше превосходительство (тутъ онъ положилъ указательный палецъ на щеку, съ хитрою улыбкою мигнулъ на гостей и значительно понизилъ голосъ) мало синьоровъ, какъ сами изволите видѣть: большихъ закладовъ держать некому. Все мѣщане, ваше превосходительство!

Надобно отдать справедливость камерьере гостинницы: онъ мастерски произносилъ слово: экчеленца, такъ ловко и такъ быстро, что оно едва звучало въ его устахъ, а между тѣмъ пріятно щекотало вашъ слухъ.

Было время, когда и я, часто обращаясь съ генералами, незамѣтно привыкъ слово: ваше превосходительство произносить скоро и пріятно, такъ, что дребезжащій и непріятный для слуха р, совсѣмъ исчезалъ. Такъ напримѣръ, желая сказать, что я съ мнѣніемъ генерала совершенно согласенъ, я говорилъ: «Точно такъ

ваше псх–одство» и ударялъ на с, которое несравненно пріятнѣе для уха.

Я желалъ узнать великъ ли призъ.

— Сто скуди (500 р. асс.) ваше превосходительство! эти деньги идутъ отъ города, да его сіятельство блестящій князь Піомбико изволитъ жертвовать, съ своей стороны, великолѣпную попону; вся бархатная и шита настоящимъ серебромъ. А ужъ какой славный конь у Меникуччо (уменьшительное Доминика). Вы вѣрно изволите знать Меникуччо?

— Нѣтъ.

— Странно! а я думалъ, что ваше превосходительство изволите быть художникъ.

(На мнѣ былъ кватро ченто) *

— Надо вамъ сказать, что нашъ Меникуччо красавецъ писанный. Онъ прежде былъ моделью въ Римѣ и съ него кавальеръ Камучини писалъ воина, который удерживаетъ коня, въ извѣстной картинѣ: Обращеніе Св. Павла, что виситъ въ базилико Фуори–ди–мури.

Это художественное замѣчаніе трактирнаго слуги меня не удивило: здѣсь художество въ воздухѣ.

— А ужъ конь такой у Меникуччо, что я этакаго коня, ваше превосходительство, и не видывалъ! весь черный, какъ можете себѣ представить, безъ малѣйшей отмѣтины и зовется Нерино (чернякъ). Голову прозакладую, что онъ возьметъ призъ.

Хорошъ закладъ! подумалъ я; а одинъ изъ моихъ сосѣдей безцеремонно выразилъ мысль мою словами, объявивъ во всеуслышаніе, что онъ за его пустую башку и байока не дастъ.

Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ. Ведутъ! закричали со всѣхъ сторонъ, всѣ бросились на улицу, а я поспѣшилъ на балконъ гостинницы, который выходилъ на самое корсо.

Услужливый камерьере мигомъ явился подлѣ меня, успѣвъ на ходу сбросить съ себя бѣлую куртку и надѣть черный фракъ; вмѣсто салфетки въ рукѣ, у него былъ желтый фуляръ, пропитанный несноснымъ запахомъ пачули.

Лошадей вели одну за другой къ городскимъ воротамъ, ко-

* Черное бархатное пальто безъ таліи, съ разрѣзными рукавами, удобное и красивое платье итальянскихъ художниковъ.

торыя бѣлѣлись вдали, на самомъ концѣ улицы. Тамъ гонфалоньеръ (голова) съ карабиньерами устанавливалъ лошадей по жеребью въ рядъ, и оттуда они должны были обратно бѣжать по корсо.

Утромъ шелъ дождъ и потому мостовая, хотя и тщательно усыпанная пескомъ, была еще мокра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; обстоятельство, которое пугало хозяевъ скакуновъ.

Черняка вели впереди всѣхъ. Славный конь! статенъ, красивъ, немного сѣдлистъ (признакъ чистой римской крови), грудь широкая, сильная, лобъ узокъ, глаза умные. На короткой и сухой головѣ его волновались красныя перья; въ волнистую, черную съ сизымъ отливомъ гриву вплетены были разноцвѣтныя ленты, а къ концамъ ихъ привязаны букеты цвѣтовъ, а длинный хвостъ заплетенъ въ косу.

Улица кишѣла народомъ; въ домахъ всѣ окна отворены и изъ нихъ вывѣшены разноцвѣтныя ткани, которыя придали праздничный видъ чернымъ и грязнымъ стѣнамъ домовъ. Въ полумракѣ отворенныхъ оконъ живописно рисовались головки молодыхъ дѣвушекъ, разодѣтыхъ въ лучшія свои платья. И что за головки!

Услужливый чичероне мой не умолкалъ ни на минуту: называлъ всѣхъ красавицъ по имени, сплетничалъ очень забавно и наконецъ указалъ мнѣ на Меникуччо, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, долженъ быть героемъ этого дня.

Я рѣдко видалъ такого красавца. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ лицомъ Антиноя, сложенный Геркулесомъ. Онъ былъ одѣтъ зажиточнымъ контадиномъ; рубашка его была распахнута, на шею небрежно наброшенъ шелковый красный платокъ, черная бархатная куртка красиво накинута на лѣвое плечо, широкій, разноцвѣтный кушакъ стягивалъ стройный станъ; синіе штаны, съ большими серебряными пряжками, и кожаные штиблеты, стеганные шелкомъ, плотно одѣвали его мощныя ноги. Черная шляпа конусомъ, съ коротенькими полями, украшенная серебрянымъ шнуркомъ съ кистями и медалью была звѣрски заломлена на бекрень Въ черные, длинные пейсики его воткнуто было по камеліи, а во рту, какъ подобаетъ настоящему щеголю, былъ розанъ.

Онъ стоялъ небрежно прислонясь къ дверямъ кофейни и, каза-

лось, не принималъ никакого участія въ скачкѣ; онъ даже (о, плутъ!) не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на взгляды сосѣднихъ красавицъ, которыя такъ и вызывали на бой.

Лошадей выстроили по жеребью и выпавшіе нумера написали имъ на бокахъ бѣлою краскою.

Раздался выстрѣлъ; канатъ, который удерживалъ лошадей, упалъ—и онѣ, подстрекаемыя висячими острыми шпорами, помчались прямо на народъ, который громкими и дикими криками поощрялъ ихъ, разступался быстро и также быстро опять за ними смыкался.

Чернякъ сразу опередилъ всѣхъ; за нимъ, на замѣтномъ разстояніи, бѣжала гнѣдая кобыла, которая могла показаться очень красивою, еслибъ Чернякъ не затмѣвалъ ее своей красотой.

Я посмотрѣлъ на Меникуччо, когда его конь, фыркая и блестя глазами, пронесся мимо его, какъ буря. Меникуччо не изволилъ даже и головы къ нему повернуть и преспокойно продолжалъ жевать вѣтку розана; хотя, пари держу, у него въ это время сердце сильно билось.

Вдругъ закричали: Чернякъ упалъ! Уже близкій къ цѣли, бѣдный конь поскользнулся на мокрой мостовой и ринулся на земь. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ встать и снова скользилъ и падалъ,—наконецъ, послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ вскочилъ на ноги, встряхнулъ гривой и помчался съ прежней быстротой. Ужъ было поздно—гнѣдая кобыла добѣжала до столба.

Меникуччо велѣлъ работнику отвесть Черняка домой, а самъ отправился въ остерію запить стыдъ и горе. Видно въ Италіи вино, какъ и у насъ, лечитъ сердечныя раны.

Только что онъ успѣлъ помѣститься за столомъ и спросить вина, на улицѣ раздался барабанный бой, рукоплесканія и крики. Ему стало холодно и онъ залпомъ выпилъ нѣсколько стакановъ.

Черезъ отворенную дверь увидѣлъ онъ, какъ гнѣдую кобылу вели съ тріумфомъ по улицѣ. Впереди, какъ водится, толпа оборванныхъ ребятишекъ скакала, плясала, кувыркалась, вертѣлась колесомъ, свистала, кричала пѣтухомъ и пр. За ними шли барабанщики, потомъ слѣдовалъ городской швейцаръ съ какимъ-

то фантастическимъ знаменемъ въ рукахъ, вслѣдъ за нимъ два синьора, съ виду мясники, одѣтые дикими, то-есть, въ трико телѣснаго цвѣта и съ разноцвѣтными перьями на головахъ, вели подъ узцы побѣдителя коня, покрытаго княжеской попоной.

Не прошло пяти минутъ, Тото (уменьшительное Антонія), хозяинъ гнѣдой кобылы, съ ватагой пріятелей вошелъ въ остерію и громко спросилъ вина.

— Выкати намъ цѣлую бочку, закричалъ онъ хозяину: пер-Бакко! (клянусь Бахусомъ) есть на что выпить и угостить.

Тутъ онъ ударилъ по карману и въ немъ зазвенѣли выигранныя деньги.

Маникуччо не выдержалъ.

Онъ хватилъ кулакомъ по столу съ такою силою, что фляжки и стаканы на немъ запрыгали, и закричалъ: Что! ты нарочно пришелъ сюда, чтобы потѣшиться надъ моимъ стыдомъ? смотри, Тото, чтобъ и тебѣ въ свою очередь не пришлось охать.

— Полно грозить, Меникуччо! сказалъ Тото: лучше подсядько къ намъ, да и разопьемъ вмѣстѣ фляжку вина.

— Я не стану пить кровь свою! отвѣчалъ Меникуччо и посмотрѣлъ на него изъ-подъ лобья; нехорошо посмотрѣлъ.

— Какъ хочешь, другъ любезный! сказалъ Тото, наливая всѣмъ стаканы черезъ край...

Смертельная досада и вино, которое Меникуччо пилъ залпомъ, сильно его разбирали. Онъ не угомонился и началъ опять задирать Тото:

— А что, кариссимо, ты, чай, радъ безъ памяти, что мой Черняк споткнулся? (ему было страшно выговорить: упалъ!)

— Еще бы! ужъ конечно радъ! хоть, по правдѣ сказать, твой Черняк не то, что споткнулся, а по-просту безъ затѣй, что называется, грянулся со всѣхъ четырехъ ногъ.

Тото захохоталъ, и пріятели его расхохотались.

— Тото! ты подлецъ! проговорилъ Меникуччо едва слышнымъ голосомъ; кровь волновалась въ немъ такъ сильно, что душила горло.

— Что ты сказалъ? повтори-ка! заревѣлъ Тото, подымаясь съ мѣста и ища вокругъ себя ножа.

Меникуччо также всталъ и началъ шарить у себя за кушакомъ.

Пріятели Тото силой усадили его на лавку и уговорили оставить Меникуччо въ покоѣ.

— Охота тебѣ съ нимъ связываться! онъ и такъ ужъ въ отчаяніи! не задирай его! ну его къ чорту!

— А что, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ хладнокровно Тото, пускай его бѣсится! денежки-то мои! Онъ опять ударилъ по карману и громко запѣлъ: canto, canto perche il mio cuore e contento! (пою, потому что весело на сердцѣ).

— Я тебя заставлю пѣть другимъ голосомъ, подумалъ Меникуччо.

Онъ всталъ, расплатился молча и ушелъ; на этотъ разъ тѣмъ и кончилось.

На другой день они опять встрѣтились въ остеріи, опять поссорились и дѣло дошло до ножей... ихъ насилу розняли.

Мѣсяцъ спустя, я прочелъ въ журналѣ, что какой-то кантадинъ зарѣзалъ кого-то, и что преступнику слѣдовало бы, какъ выражаются здѣсь, услышать истину изъ самыхъ устъ ея *, то-есть отрубить голову; но что судьи отмѣнили казнь и осудили его на вѣчныя галеры. Тутъ былъ случай, который французы называютъ: atténuant: ударъ ножемъ былъ нанесенъ преступникомъ не снизу вверхъ, а сверху внизъ. Кажется, вѣдь все равно, особенно если отъ этого удара умираетъ человѣкъ, а выходитъ, что не все равно.

Ударъ снизу вверхъ называется здѣсь техническимъ, законнымъ терминомъ: scomunicato, то-есть ударъ, за который преступникъ отлучается отъ Церкви. Ударъ же сверху внизъ зовется просто: corellata, то-есть ударъ ножемъ.

Ужъ почему это такъ—неизвѣстно, и я пока вамъ этого растолковать немогу.

Проѣздомъ въ Неаполь, я былъ въ Чивита-Веккіо. Позавтракавъ макаронами, устрицами, форелями и фалернскимъ виномъ (завтракъ Мецената, кромѣ макаронъ), я пошелъ посмотрѣть на городъ. Оказалось, что грязнѣй мнѣ ничего въ жизни не удавалось видѣть.

* Когда папа живетъ въ Ватиканѣ, то преступниковъ казнятъ на площади Bocca della Verita, т.-е. уста правды, площади отдаленной отъ Ватикана; когда же папа живетъ въ Квиринале, бо́льшею частію лѣтомъ, то преступниковъ казнятъ на площади Sant-Angiola, которая также далека отъ Квиринала.

А солнце, на далекомъ, далекомъ небѣ, обдавало все торжественнымъ свѣтомъ. Въ самой густой тѣни узкой и грязной улицы, глазъ открывалъ отблескъ свѣта. Тѣни отъ предметовъ ложились такія голубыя, такія прозрачныя!

А городъ все-таки былъ очень грязенъ. Самыя церкви, послѣ римскихъ, показались мнѣ далеко не великолѣпными: на помостѣ лежало на вершокъ грязи, картины (иныя великихъ мастеровъ), мраморныя статуи, все было покрыто пылью.

Проходя черезъ площадь Сан-Франциско (кажется, самая лучшая площадь въ городѣ) я услышалъ звукъ цѣпей! это галеоты мели площадь.

На нихъ были красныя куртки, красные колпаки, а у иныхъ и красные панталоны. Нѣкоторые изъ нихъ были запряжены въ тележки, которыя они, нагибаясь всѣмъ тѣломъ, медленно таскали по улицѣ. Пренепріятное положеніе!

Тюремный стражъ сидѣлъ себѣ престойко на тумбѣ тротуара и курилъ сигару; подлѣ него лежалъ, на всякій случай, заряженный картечью карабинъ.

Одинъ изъ галеотовъ, человѣкъ большаго роста, при каждомъ взмахѣ метлы отпускалъ какую-нибудь пошлость, которая заставляла хохотать всю красную толпу. На страшный колпакъ его былъ надѣтъ вѣнокъ изъ свѣжихъ полевыхъ фіалокъ, а подъ колпакомъ воткнуты два розана, которые болтались на его бритыхъ вискахъ. По всему было видно, что это былъ гаэръ честной компаніи.

Завидѣвъ меня, онъ согнулся въ три погибели, протянулъ руку и началъ подходить ко мнѣ позвякивая цѣпями:

— Будьте милостивы! говорилъ онъ жалобно и на-распѣвъ, ради всѣхъ святыхъ, подайте байоко бѣднымъ заключеннымъ въ темницѣ. Онъ понизилъ голосъ и прибавилъ: «которые вчера перепились, какъ свиньи!»

Я бросилъ ему въ руку денегъ. Онъ выпрямился, приложилъ руку къ колпаку, а метлой сдѣлалъ мнѣ на караулъ.

Боже мой! Это былъ Меникуччо!

Когда онъ отвернулся отъ меня, я прочелъ на его спинѣ огромными буквами написанное слово:

OMICIDIO.

—

III.

О ТОМЪ, КАКЪ Я, САМЪ ТОГО НЕ ЗНАЯ, ОБѢДАЛЪ СЪ ВЕЛИКИМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ.

Улица Санта-Изидора въ Римѣ—преживописная улица. Всѣ дома сплошные, въ два-три этажа, и на нихъ окна и портоны расположены безъ всякой симетріи, какъ мушиныя пятна на стѣнѣ. За то въ каждомъ окнѣ просушивается бѣлье и провѣтриваются разныя необходимыя принадлежности женскаго и мужскаго (чаще женскаго) туалета. Портоны, различной величины и формы, всегда отворены, иные даже и на ночь не затворяются; вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, что если придетъ воръ, то, можетъ быть, что-нибудь и оставитъ. Въ этихъ портонахъ видны узкія и крутыя лѣстницы. Тротуара нѣтъ; но у каждаго входа въ домъ красуются ступени изъ настоящаго травентина и такія высокія, что порядочная женщина не иначе рѣшилась бы взойти на нихъ, какъ прыгая съ одной на другую, сжавъ объ ноги, какъ, по словамъ Альфреда де Виньи, французскія аристократки всходили на эшафотъ. На этихъ ступенькахъ день-деньской валяются оборванные мальчишки и дѣвчонки, сидятъ натурщицы и кухарки, прядутъ, или всѣ вмѣстѣ занимаются ловлею насѣкомыхъ, составляя группу, которую такъ мило нарисовалъ граверъ Пинелли, назвавъ ее Gruppo pittoresco, то-есть живописная группа.

Въ улицѣ С.-Изидора есть два изваянія падроновъ, предъ которыми зимой пифферари, приплясывая, играютъ на волынкахъ, а подъ этими изваяніями надписи: Si getta и проч., то-есть: того, кто броситъ сюда какую-нибудь нечистоту, будутъ преслѣдовать законнымъ порядкомъ. Не смотря на это отеческое предупрежденіе, тутъ всегда валяются кучи всякой дряни; арбузы и тыквенныя объѣдки, бумажки, соръ, дырявые башмаки, мертвая кошка и проч.

Въ лунныя ночи здѣсь раздаются звуки мандалины, тамбурина и римскихъ кастаньетъ, и чучарки, въ восторгѣ душевномъ, пляшутъ неистовую сальтареллу.

На концѣ улицы стоитъ церковь св. Изидоры, отъ которой она получила свое названіе, а противъ церкви большой старин-

ный домъ, гдѣ прежде жили монахи ордена св. Франциска, теперь же поселились иностранные художники. При домѣ очень хорошенькій садъ съ фонтаномъ, живописно обросшимъ лотусомъ, съ огромными алоэсами, съ чудовищными кактусами и съ тѣнистою виноградною пе́рголою (аллеею). Римскіе монахи всегда умѣли жить хорошо.

Въ этомъ домѣ за два паоло (одинъ рубль на ассигнаціи) за общимъ столомъ обѣдаютъ очень порядочно. Художники сходятся по звонку, прямо изъ студій, кто въ чемъ попало: въ блузахъ, курткахъ, въ кватрочентахъ, а если дуетъ широкко, то, по-просту безъ затѣй, въ рубашкахъ съ растегнутыми воротами, по домашнему.

Въ первый разъ я пришелъ туда обѣдать съ нашимъ скульпторомъ А. Ивановымъ; насъ собралось человѣкъ десять, почти все художники и все народъ молодой, исключая одного старичка, который пришелъ, когда мы уже сидѣли за столомъ и занимались истребленіемъ огромнаго блюда макаронъ аль-суго, которое считалось образцовымъ произведеніемъ кухоннаго искусства хозяйки. На старикѣ былъ длинный сюртукъ изъ простаго синяго сукна, застегнутый до верху, нанковыя палеваго цвѣта панталоны, неначерненные башмаки, на головѣ поношенная сѣрая шляпа съ широкими полями, извѣстная здѣсь подъ именемъ: come ci pare (какъ вамъ угодно), потому, что ей можно придать нѣсколько формъ; въ рукахъ у него была палка изъ виноградnаго дерева, загнутая наподобіе солонова жезла. Онъ не снялъ шляпы, сѣвъ за столъ и не поклонился намъ, какъ водится. Съ нимъ вмѣстѣ вошелъ В., молодой датскій скульпторъ, а за ними вбѣжалъ въ горницу датскій щенокъ, бѣлый, съ коричневыми пятнами, необыкновенной красоты, и тотчасъ же убрался подъ столъ.

Не знаю почему, этотъ старикъ сильно заинтересовалъ меня и я спросилъ объ немъ Иванова.

— А кто его знаетъ! отвѣчалъ онъ мнѣ. Злодѣй! онъ очень хорошо зналъ, кто былъ этотъ человѣкъ; но, по врожденной ему непреодолимой страсти мучить и мистифировать своихъ друзей, онъ мнѣ солгалъ.

— Должно быть какой-нибудь мерканте-ди-кампанье (прасолъ) или, можетъ быть, виньяіолъ (винодѣлецъ)... продолжалъ

Ивановъ; Богъ съ нимъ! что намъ до него за дѣло, пускай себѣ кушаетъ!

— Какой виньяйолъ? Это не итальянецъ! развѣ ты не видишь, что у него сѣрые глаза?

— Глаза, братецъ, какъ глаза...

— А знаешь ли, кто это можетъ быть? продолжалъ Ивановъ и даже не улыбнулся (жестокій человѣкъ). Я знаю навѣрное, что папа выписалъ изъ Германіи доктора, лечить свой полипъ въ носу; ужъ не онъ ли? право, что-то смахиваетъ на доктора.

Я пересталъ слушать Иванова и началъ вглядываться въ физіономію старика, съ тѣмъ болѣе съ удвоеннымъ вниманіемъ, что мнѣ показалось, что съ его приходомъ всѣ понизили голосъ и всѣмъ стало, какъ будто неловко.

Какъ теперь на него смотрю: онъ съ виду былъ лѣтъ шестидесяти, росту средняго, сѣдые волосы по плечамъ, глаза свѣтлые, обличавшіе въ немъ сѣвернаго урожденца: они потускли отъ лѣтъ, но еще живы и выразительны; онъ все время сидѣлъ, потупивъ ихъ и ни разу не взглянулъ кому-нибудь прямо въ лицо. Вообще лицо его было не замѣчательно, но оно было, такъ сказать, залито выраженіемъ кроткаго спокойствія; только губы необыкновенно тонки и какъ-то судорожно сжимались—признакъ злости, по мнѣнію Лафатера.

Онъ ѣлъ много, скоро, молча и пилъ idem. Когда приняли кушанья и подали фрукты, разговоръ сдѣлался общимъ (за столомъ въ С.-Изидорѣ подаютъ вина, сколько душѣ угодно), а старикъ все молчалъ: тотъ же понурый взглядъ, тоже ничѣмъ невозмутимое спокойствіе на лицѣ, кромѣ губъ, которыя все сжимались, какъ будто онъ продолжалъ жевать.

Вдругъ въ комнату вбѣжалъ сынъ нашей хозяйки, прехорошенькій ребенокъ лѣтъ четырехъ и, со слезами на глазахъ, бросился въ колѣна молодаго датчанина, который сидѣлъ подлѣ неизвѣстнаго старика, и жалобно всхлипывая, показалъ ему полишинеля съ отбитой рукой, «Баббо (тятя) прибьетъ меня!» бормоталъ бѣдняжка. Молодой художникъ былъ задушевный другъ и пріятель маленькаго Карлучча (у Карлучча мать была прехорошенькая) и всегда, когда приходилъ обѣдать въ Сантъ-Изидоро, приносилъ ему пряниковъ. Старика въ синемъ сюртукѣ, казалось,

растрогалъ плачь ребенка: онъ бережно взялъ его изъ рукъ молодаго человѣка, посадилъ къ себѣ на колѣна, началъ гладить по головкѣ, улыбался ему, а все ни слова. Но сжатые губы его приняли выраженіе такое доброе, что я рѣшительно убѣдился, что Лафатеръ, хотя и великій былъ физіономистъ, но на счетъ тонкихъ губъ ошибся.

Когда всѣ встали изъ-за стола, онъ вынулъ изъ кармана синій бумажный платокъ съ красными клѣтками и высыпалъ въ него кучу костей, которыя онъ собиралъ въ тарелку во все время обѣда: «Per il canino» (это для щенка), сказалъ онъ тихо, взялъ въ одну руку узелокъ съ костями, въ другую палку и ушелъ, не поклонясь никому.

— Кто этотъ старикъ? спросилъ я В., который надѣвалъ куртку и также сбирался уйти.

— Развѣ ты не знаешь Торвальдсена? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

ДИССЕРТАЦІЯ.

РАЗСКАЗЪ

Н. КОВАЛЕВСКАГО.

—

I.

По привилегіи, присвоенной писателями повѣстей, прежде всего считаю нужнымъ нарисовать вамъ портретъ героя моей повѣсти. Андрей Иванычъ Заринъ—такъ звали моего героя—очень молодъ; судя по его наружности, ему нельзя дать болѣе 25 или 27 лѣтъ; онъ роста средняго, глаза у него сѣрые, волосы темнорусые. Его нѣсколько худощавое, блѣдное лицо не лишено пріятности; черезъ-чуръ гибкая талія, тонкія, нѣжныя черты его физіономіи и маленькая женская ручка доказываютъ, что герой нашъ сложенія слабаго, что онъ наклоненъ къ лѣни и мечтательности, но весьма способенъ увлекаться горячими юношескими порывами, не убѣдившись въ достаточности собственныхъ силъ для воспроизведенія задуманной цѣли... Впрочемъ, нѣсколько линій, перерѣзывающихъ его лобъ, бѣлый, какъ алебастръ, и линіи, образовавшіяся подлѣ губъ, доказываютъ, что анализируемый нами человѣкъ причастенъ самосозерцанію, что онъ даже пытался разрѣшать нѣкоторыя задачи изъ книги, именуемой «Познай самого себя»; разрѣшилъ ли онъ эти задачи, и въ какой степени разрѣшилъ ихъ—это другой вопросъ. Его сѣрые глаза, окаймленные на матовой бѣлизнѣ лба прекрасными,

черными бровями, выказываютъ много ума, природной доброты, кротости, но болѣе всего—восторженности... Вглядитесь долго и внимательно въ добродушное лицо моего героя, въ эти шиллеровскіе сѣрые глаза, способные въ извѣстныя *минуты увлеченія* воспринимать небесно-голубой цвѣтъ, и вы невольно вспомните то время, когда вы были еще молоды и свѣжи, когда вы симпатизировали болѣе, нежели когда-нибудь, всему тому, что на языкѣ человѣческомъ называется *прекраснымъ*... Да, бываютъ періоды въ жизни человѣка, когда душа его полна созвучія ко всему великому; когда чистъ и свѣтелъ кажется ему этотъ міръ; когда самъ онъ, въ пылу энтузіазма, готовъ обнять людей, какъ братьевъ!

Въ такомъ именно періодѣ находился и мой герой, выступая на сцену этой повѣсти.

Отдавая полную справедливость добрымъ качествамъ души Андрея Иваныча, его уму, обработанному воспитаніемъ, болѣе основательнымъ, нежели свѣтскимъ, не могу умолчать о тѣхъ оригинальныхъ, свойственныхъ ему странностяхъ, которыя, въ моихъ глазахъ, придавали ему черту или двѣ, достойныя извѣстнаго Сервантесова героя. Изъ числа такихъ странностей довольно упомянуть объ его миѳической диссертаціи, писанной для полученія степени магистра философскихъ наукъ и такой же миѳической поѣздки его за границу, сдѣлавшихся предметомъ сужденія и толковъ всего околодка. Но мнѣ надо объясниться. Андрей Иванычъ Заринъ, выпущенный кандидатомъ изъ университета, не опредѣлился на службу, но прямо поселился въ своемъ прекрасномъ и богатомъ помѣстьѣ съ великолѣпнымъ паркомъ и сталъ жить помѣщикомъ.

— Что васъ загнало въ такое захолустье?.. Неужели вы такъ и кончите вашу карьеру?.. и долго ли еще, наконецъ, вы будете прозябать въ «уѣздномъ мірѣ?»

Андрей Иванычъ на всѣ эти вопросы отвѣчалъ, что онъ поселился въ своей деревнѣ, во-первыхъ, для того, чтобъ на свободѣ, вдали отъ городскаго шума, предаться изученію своего любимаго предмета, и обработать его со всѣхъ возможныхъ сторонъ. (Подъ словомъ *предметъ* Андрей Иванычъ разумѣлъ свою ученую диссертацію, подъ названіемъ: «О значеніи человѣка и жизни человѣческой вообще.») Во-вторыхъ, Андрей Иванычъ поселился въ своей деревнѣ еще съ цѣлію улучшить бытъ своихъ крестьянъ: обязанность эту онъ считалъ священною для

себя, какъ для *человѣка* въ благородномъ значеніи этого слова. Въ-третьихъ, улучшивъ въ возможной степени бытъ своихъ крестьянъ и окончивши свою диссертацію, Андрей Иванычъ намѣренъ отправиться сперва въ Москву, для защищенія своей диссертаціи; потомъ, прямо изъ Москвы, онъ предполагалъ уѣхать за границу, въ Парижъ, посмотрѣть гробницу Наполеона великаго и на затѣмъ маленькаго Наполеона.

Надо сказать правду, Андрей Иванычъ, на первыхъ порахъ, съ свойственнымъ юности жаромъ, предался, какъ изученію и обработкѣ своего любимаго «предмета», такъ равно и заботамъ, клонящимся къ улучшенію быта его крестьянъ. Андрей Иванычъ принялъ самыя надежныя мѣры къ искорененію *недостатковъ* между крестьянами: тутъ онъ отличалъ «бѣдныхъ виновныхъ» отъ «бѣдныхъ несчастныхъ»; первыхъ Андрей Иванычъ строго побуждалъ къ дѣятельности и труду; вторыхъ взялъ подъ свое покровительство и оказывалъ имъ человѣколюбивыя пособія. Кстати здѣсь упомянуть, что герой нашъ возставалъ противъ ученія Сé, Рикордо и Мальтуса, *принципъ*: Laisser-faire, Laisser-passer Андрей Иванычъ считалъ нелѣпымъ, унижающимъ человѣческое достоинство и, по поводу этого предмета, надѣялся высказать въ своей диссертаціи многія свѣтлыя истины. Сисмонди онъ одобривалъ вполовину; сочиненіе де-Жерандо «de la bienfaisance publique» читалъ съ жадностію.

Андрей Иванычъ, слѣдуя своей собственной системѣ, уменьшилъ оброки своихъ крестьянъ; строго наблюдалъ за прикащикомъ, чтобы тотъ не принуждалъ крестьянъ работать въ льготные дни и давалъ ему наставленія обращаться съ крестьянами сколь можно *гуманнѣе*. Андрей Иванычъ облегчилъ отбываніе барщины; тѣмъ изъ крестьянъ, которые, по его мнѣнію, нуждались въ землѣ, онъ, съ ущербомъ для своего интереса, отрѣзалъ отъ экономіи и уступилъ господскія распашныя нивы. Благодѣтельный помѣщикъ раздавалъ бѣднымъ мужикамъ на обзаведеніе лошадей, овецъ, рогатый скотъ; для свадебъ и похоронъ снабжалъ обращающихся къ нему деньгами безвозмездно; даже самъ вызвался платить казенныя подати за нѣкоторыхъ, по его мнѣнію, недостаточныхъ крестьянъ, отбывавшихъ до того подати экономическими работами, во время льготныхъ дней.

Андрей Иванычъ, считая себя другомъ человѣчества, устроилъ въ своемъ селѣ богодѣльню и больницу, поручивъ послѣднюю завѣдыванію своего домашняго медика, Арнольда Штейнкопфа,

съ которымъ помѣщикъ сошелся какъ нельзя болѣе и полюбилъ его отъ души: Штейнкопфъ, не смотря на свои сорокъ пять лѣтъ, все еще бредилъ Шиллеромъ и былъ *юношею*: юноши же такъ легко и скоро между собою сходятся. Андрей Иванычъ давалъ мѣсто въ своей больницѣ не только крестьянамъ своего села, но въ ней находили пріютъ и посторонніе, которыхъ помѣщикъ лечилъ на свой коштъ; нерѣдко онъ самъ ухаживалъ за больными съ материнской нѣжностью. Словомъ, герой мой не пропускалъ случая помогать человѣчеству тѣмъ или инымъ способомъ.

Среди такихъ занятій и въ такой настроенности духа, оставилъ я Андрея Иваныча, бывшаго мнѣ сосѣдомъ по деревнѣ, и уѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ трехъ-лѣтняго моего отсутствія, я снова возвратился на родину и, къ немалому моему удивленію, засталъ еще Андрея Иваныча въ его помѣстьи.

— А что ваша диссертація? спросилъ я его, когда мы свидѣлись.

— Подвигается впередъ.

— Да вы то чтожъ сидите на одномъ мѣстѣ?.. Какъ такъ: вѣдь ужъ прошло три года?.. Ну, воля ваша, вы дѣйствуете по поговоркѣ; festina lente.

— Дайте же мнѣ наконецъ «выносить мою идею», отвѣчалъ онъ, слегка покраснѣвъ: предметъ такъ разнообразенъ... такъ колоссаленъ!

— Однако же: три года?

— По вашему, это много?.. Что жъ такое: три года! Вспомните слова Гёте.

«... die Kunst ist lang
Und kurz ist unser Leben!»

Андрей Иванычъ, защищая свою предосудительную засидчивость, старался говорить такъ убѣдительно; но мнѣ логика его казалась странною, хотя въ странности этой, какъ въ безумствѣ Гамлета, по выраженію Полонія, было нѣчто «систематическое.»

Разъ поѣхалъ я къ своему сосѣду Андрею Иванычу. Остановившись подлѣ воротъ парка, примыкавшаго къ господскому дому, я слѣзъ съ дрожекъ, имѣя намѣреніе пройти къ дому черезъ паркъ. Войдя въ дубовую аллею, ведущую къ крыльцу

барскаго дома, я услышалъ мелодію чудныхъ звуковъ, несшихся изъ раскрытыхъ оконъ залы. Самъ Листъ не могъ бы выполнить лучше разыгрываемой въ залѣ на фортепьяно пьесы-фантазіи Тальберга изъ оперы «Зора.»

Такъ вотъ разгадка мистификаціи: «Пріятель мой предался музыкѣ, а меня морочитъ своею диссертаціею!» подумалъ я и вошелъ въ знакомую мнѣ залу. Но, изумленный, я невольно остановился у дверей: въ залѣ играла на фортепьяно женщина, она сидѣла на табуретѣ, спиною ко мнѣ; подлѣ нея, сложивъ благоговѣйно руки на груди, стоялъ Андрей Иванычъ. Боясь своимъ приходомъ прервать чудную музыку, я не двигался съ мѣста. Но когда музыкантша проиграла извѣстную *молитву* въ операѣ, я, полный восторга, не выдержалъ и зааплодировалъ. Музыкантша обратила ко мнѣ свою головку и перестала играть; Андрей Иванычъ сказалъ мнѣ сердито:

— Не грѣшно ли вамъ такъ испугать ее: посмотрите!

Онъ указалъ рукою на прекрасное, миніатюрное личико музыкантши, дѣйствительно въ ту минуту выражавшее испугъ.

— Познакомьтесь же, продолжалъ онъ: Hélène! рекомендую тебѣ; это нашъ сосѣдъ (онъ сказалъ ей мое имя); а вамъ честь имѣю представить жену мою, Елену Павловну...

Она еще разъ подняла на меня свои прекрасные голубые съ поволокой глаза; но кивнувъ своей головкой и слегка, какъ-то форменно улыбнувшись, тотчасъ же опустила ихъ долу; на нѣжныя персиковыя щечки ея съ замѣтными голубыми жилками выступилъ тонкій румянецъ.

Я разсматривалъ музыкантшу. Съ перваго же взгляда она своей наружностью напомнила мнѣ княжну Люцію, невѣсту графа Карòля де-Росвальда, въ романѣ Жоржъ Сандъ: «Хорошенькое, хилое, блѣдное, чахоточное созданіе... Въ ней было много изящнаго, граціознаго; глаза голубые, волосы какъ облако, лицо цвѣтомъ похожее на луну; поэтическія позы...» При всемъ томъ, Елена Павловна была очень не дурна; ее можно было назвать даже красивою женщиною, только не въ томъ смыслѣ, которымъ опредѣляется иногда красота женщины словами belle-femme; для бель-фамъ Елена Павловна была уже черезъ-чуръ щепетильна, идеальна, слишкомъ нѣжна. Тѣмъ не менѣе, женщина подобной красоты была совершенно во вкусѣ Андрея Иваныча: онъ женился потому, что влюбился въ нее по-уши...

— Ради Бога, продолжайте, сказалъ я, желая скрыть несо-

всѣмъ пріятное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ красотою Елены Павловны. Мужъ, съ своей стороны, просилъ ее объ этомъ; она снова сѣла за фортепьяно, и ея нѣжные, хрустальные пальчики снова начали бѣгать по клавишамъ.

— Прекрасно!.. безподобно! говорилъ Андрей Иванычъ, когда музыкантша перестала играть.

Хороша была она въ ту минуту, стоя подлѣ инструмента, облокотившись на него локтемъ правой руки и приподнявъ нѣсколько свою головку съ раскраснѣвшимися отъ волненія щечками; между тѣмъ, ея голубые глаза бросали на мужа взоръ полный кроткой и нѣжной любви.

— Безподобно! продолжалъ восторженно Андрей Иванычъ.

— Не вѣрю... Я не вѣрю твоимъ словамъ, потому, что у тебя всегда есть какая-нибудь затаенная мысль: это я замѣтила! проговорила она часто дыша, улыбаясь и выказывая перлы своихъ зубовъ.

— И это водится между пріятелями, спросилъ я потомъ Андрея Иваныча: имѣть намѣреніе жениться и такъ искусно замаскироваться, скрыть это намѣреніе отъ пріятеля, не пригласить его даже на свадебный пиръ:—это водится?

— Таковъ онъ всегда: скрытенъ даже съ пріятелями... Вѣдь я правду говорю, что у него въ дружбѣ... во всемъ есть затаенная мысль? спрашивала она меня полушутя, полусерьёзно. «Не правдали: есть у него затаенная мысль?» повторила она свой вопросъ. И въ вопросѣ этомъ высказывалось столько нѣжной тревоги и любви.

— Ну, между пріятелями—быть такъ! я допускаю то, что ты называешь затаенною мыслью; но какъ же можно въ любви?.. Душа моя! вѣдь слова твои обидны для любви! отвѣчалъ онъ улыбаясь и цѣлуя ее.

— А кто же виноватъ? Самъ виноватъ. Не правдали, вѣдь онъ самъ виноватъ? лепетала она уже весело улыбаясь и какъ бы успокоенная тѣмъ, что на волновавшій ее вопросъ нашла удовлетворительный отвѣтъ въ поцѣлуѣ мужа.

—

Надобно было видѣть, какую скорбь и непритворное отвращеніе выражала физіономія моего героя, когда онъ выслушивалъ какую-нибудь гадкую исторію изъ тысячи скверныхъ исторій человѣческихъ дѣяній! Каждый разъ, послѣ подобнаго разсказа,

онъ гордо потряхивалъ своими длинными темнорусыми волосами, какъ бы говоря; «Нѣтъ, я не таковъ; я никогда не низойду до этого; никогда неизмѣню моему направленію!»

Въ такія минуты герой мой походилъ на цѣломудренную Гретхенъ до знакомства ея съ Фаустомъ.

И правъ былъ Андрей Иванычъ; онъ ни разу не измѣнилъ еще своему направленію; правда, далеко зашелъ онъ въ любви къ Еленѣ Павловнѣ и для нея забылъ думать о своей ученой диссертаціи; но могло ли случиться иначе?—Елена Павловна была такое доброе, кроткое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ глубоко и сильно любящее созданіе, что она всѣмъ существомъ своимъ, такъ сказать, приросла, прилѣпилась къ мужу, какъ прилѣпляется плющъ къ дереву.

II.

Ближайшимъ сосѣдомъ по имѣнію Андрея Иваныча былъ майоръ Егоръ Петровичъ Загребельный—одинъ изъ тѣхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, хутора которыхъ имѣютъ для меня какую-то особенную прелесть... Какъ теперь вижу передъ собой домикъ майора, построенный на берегу рѣчки, домикъ простой, незатѣйливый, крытый соломою, отличающійся отъ сосѣднихъ хатъ тѣмъ, что стѣны его отъ фундамента до стропилъ крыши обвиты зеленью хмѣля и «крученыхъ панычей.» Подлѣ домика, огороженнаго пошатнувшимся плетнемъ, садъ или, правильнѣе, садикъ: десятокъ старыхъ, вѣтвистыхъ яблонь, подъ которыми такъ сладко спится послѣ обѣда; нѣсколько кустовъ смородины и крыжевника, огороды для капусты, пастернака и огурцовъ, обсаженные подсолнечниками; тутъ же небольшая табачная плантація; двѣ, три ивы, полузасохшія и сгорбившіяся надъ водою рѣки, разъединенной плотиною, подлѣ которой стоитъ шеренга вѣчно-ревущихъ водяныхъ мельницъ. Такова именно усадьба майора Загребельнаго.

Майоръ Егоръ Петровичъ Загребельный—ветеранъ временъ Екатерины, Павла и Александра Благословеннаго. Майоръ служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку, который квартировалъ сперва въ Москвѣ, потомъ, по волѣ покойнаго Императора Павла, отправленъ былъ въ Неаполь, гдѣ полкъ этотъ, по словамъ Егора Петровича, составлялъ нѣчто въ родѣ временной гвардіи

Неаполитанскаго Короля Фердинанда IV. Майоръ долго проживалъ въ Неаполѣ и Римѣ, былъ въ Падуѣ, Портичи, Палермо, Итакѣ, Корфу́... Майоръ—если вѣрить его словамъ—участвовалъ во взятіи Измаила и въ аттакѣ Браилова и дрался противъ легіоновъ Наполеона, во время славной кампаніи 12 года. Выйдя въ отставку, Егоръ Петровичъ поселился въ своемъ родномъ хуторкѣ, и вотъ, уже давно ведетъ беззаботную жизнь «procul negotiis *... Управленіе домовъ и всѣмъ хозяйствомъ майоръ поручилъ своей домоправительницѣ, Явдохѣ, а самъ покуриваетъ сигары, дѣлаемыя изъ табачныхъ листьевъ собственныхъ его плантацій, читаетъ «Русскій Инвалидъ», «Московскія Вѣдомости», да занимается обработкой своихъ «табачныхъ плантацій.» Чаще же всего любитъ майоръ предаваться сладкому far niente и, съ сигарою въ зубахъ, развалясь на своемъ *курильномъ креслѣ*, поставленномъ на крыльцѣ домика, мечтаетъ подъ величественный грохотъ водяныхъ мельницъ, стоящихъ насупротивъ его дома. Часто, особенно во время весенняго разлива рѣки, подплывающей тогда подъ самыя окна майорскаго домика, садится Егоръ Петровичъ въ лодку, беретъ весло въ привычную руку и, мечтая о Брентѣ, отправляется на рыбную ловлю. На другой день, Явдоха уже суетится подлѣ огромнаго сома или судака, приправляя эти рыбы къ обѣду майора. Майоръ апетитно покушаетъ, выпьетъ завѣтную рюмку водки, обойдетъ свои плантаціи, потолкуетъ съ атаманомъ о теченіи своего хозяйства, потомъ, на сонъ грядущій, развернетъ свои газеты и уснетъ, прочитавъ о дѣлахъ Испаніи и Алжира: вотъ въ какихъ занятіяхъ протекала жизнь Егора Петровича!

Впрочемъ, вы не подумайте, что ветеранъ, эта живая хроника давно-прошедшаго времени, былъ черезъ-чуръ дряхлъ и немощенъ,—совсѣмъ нѣтъ: это еще довольно свѣжій, бодрый, веселый старикъ. Какъ онъ трунилъ надъ нынѣшней молодежью!

— Ну, какіе, право, у насъ нынче молодые люди: на кого они похожи?.. Эхъ, молодое поколѣніе! куда вамъ тягаться съ нашимъ братомъ! Вотъ я, примѣромъ сказать, давно перешагнулъ пятидесятилѣтіе, а посмотрите на меня: я Крезъ по здоровью!

Егоръ Петровичъ бодро пріосанивался, показывалъ свои мускулистыя руки, трепалъ себя этими руками по широкой груди и говорилъ, ухмыляясь: «А вы-то, нынѣшніе, куда годитесь?

* Вдали отъ дѣлъ.

восковая фигурка, bambino... ха, ха, ха! такихъ господъ, какъ вы, Суворовъ называлъ бѣлоручками и прогонялъ изъ фронта... А еще говорятъ: мы служимъ-де! Все вздоръ! Потерли бы вы, сударь, мою лямку! Вотъ, я вамъ разскажу, когда я жилъ въ Неаполѣ... да что разсказывать? Эхъ, досада беретъ!»

И ветеранъ, затянутый въ свой вицмундиръ съ краснымъ воротникомъ, какъ-то неловко поворачивалъ шеей и пряталъ подбородокъ въ воротникъ своего сюртука. Эта привычка—слѣдствіе жесткихъ волосяныхъ галстуковъ, которые носили въ его время, сохранилась въ майорѣ по настоящее время и всего чаще повторялась въ тѣ минуты, когда майоръ былъ, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ.

— Разскажите же, Егоръ Петровичъ, что такое случилось съ вами, когда вы жили въ Неаполѣ? приступали къ нему любопытные.

— Что тутъ разсказывать? то-то и есть: славны бубны за горами! Вѣдь вы, я думаю, Богъ знаетъ, что воображаете: Неаполь! Италія!.. А я вамъ скажу—нашъ край лучше... и люди, какъ хотите, здѣсь лучше... Лазарони лѣнивъ, раздѣнется дочиста, растянется на пескѣ и печется на солнцѣ, а ѣсть нечего; нашъ же русскій мужикъ думаетъ объ завтрашнемъ днѣ, любитъ трудиться, хотя, правда, иной и любитъ испить малую толику... Ну, такъ чтожъ? и итальянецъ пьетъ, свое кислое скверное вино тянетъ, какъ воду... И то сказать: надъ чѣмъ имъ тамъ трудиться?—вѣдь и землишки-то у нихъ нѣтъ порядочной: извѣстнякъ, кремни, песчаникъ... Вотъ и шатаются въ праздности, милостыни просятъ, бандитствуютъ, лѣпятъ гипсовыя фигурки... Да что? поглядите вы на мою усадьбу: не велика? а я ее не промѣняю ни на какую тамъ виллу Боргезе, не промѣняю, да-съ!

И Егоръ Петровичъ говорилъ сущую правду: онъ привыкъ къ своей усадьбѣ, привязался къ своему домику о четырехъ покояхъ. Это старинное канапе, этотъ пузатый комодъ съ изломанной ножкою, извѣстныя «курильныя кресла»—любимые пенаты Егора Петровича: они говорятъ ему объ иной жизни, напоминаютъ ему о предметахъ, вѣчно милыхъ для его сердца!.. Родная рѣчка, неизмѣнный товарищъ дѣтства Егора Петровича, съ каждымъ плескомъ волны о берегъ, пробуждаетъ въ памяти его тысячи воспоминаній... Вотъ здѣсь то мѣсто, гдѣ онъ, бывши мальчикомъ, ловилъ раковъ; а вонъ, та самая старая ива, подлѣ

которой, въ послѣдній разъ, стояла и плакала его матушка, провожая сына въ далекій путь... Да, тотъ глубоко понималъ человѣческое сердце, кто привычку назвалъ «чудовищемъ!»

А вѣдь разъ плохо приходилось Егору Петровичу: онъ долженъ былъ разстаться навсегда съ своимъ «роднымъ гнѣздомъ.» Вотъ какъ это было. Хуторъ майора, состоящій изъ дома съ усадьбою, двадцати душъ ревижскихъ крестьянъ и двухъ сотъ десятинъ земли, находился въ залогѣ за взятую денежную ссуду. Нѣсколько лѣтъ майоръ исправо уплачивалъ слѣдуемые проценты, кое-какъ перебивался, сводилъ концы съ концами; но два, три неурожайные года сряду рѣшили участь помѣщика: имѣніе его было продано съ аукціона.

Горько задумался мой Егоръ Петровичъ наканунѣ своего выѣзда изъ «роднаго пепелища.» Печальный, полуубитый, полубольной сидѣлъ онъ у раскрытаго окна; на господскомъ дворѣ происходила суматоха; дворовая челядь плакала на-взрыдъ; мальчишки, сидя на пустыхъ ульяхъ, валявшихся посреди двора, внимательно наблюдали за работниками, которые выносили изъ господскаго дома разныя вещи и укладывали ихъ на возы, запряженные волами. На возахъ лежали сундуки съ бѣльемъ и платьемъ, сшитыми еще «во время француза»; разная кухонная посуда и всякая домашняя утварь; клѣтки съ домашней птицей; на одномъ изъ курульныхъ креселъ лежалъ, теперь связанный по ногамъ, индѣйскій пѣтухъ и порою перекликался съ индѣйками, помѣщенными на сосѣднемъ возѣ; подлѣ кочерги и ухвата лежала заржавленная, въ изломанныхъ ножнахъ, шпага майора. Ключница Явдоха, съ заплаканными глазами и раскраснѣвшимся лицомъ, ясно говорившемъ, что Явдоха успѣла уже, по мѣстному обычаю, «залить горе,» безпрестанно подходила къ фурамъ, стоявшимъ среди двора, укладывала разныя вещи и, то хныкала, то вступала въ перебранку съ краснощекимъ парнемъ Явтухомъ, который, съ глазами уже посоловѣлыми, лежалъ растянувшись на крышкѣ окованнаго желѣзомъ сундука и лѣниво помахивалъ бичемъ.

— Вотъ и все... все панское добро! проговорила Явдоха, уложивъ въ одинъ изъ возовъ фаянсовую банку съ нюхальнымъ табакомъ.

— Ни! не все! отозвался Явтухъ съ высоты своего ложа.

— Що ты знаешь, ледащо? возразила Явдоха, подбоченясь одной рукой и презрительно посмотрѣвъ на флегматическаго

парня. А тоби-зась: не мишайся не въ свое дило, цвиркунъ!.. Якъ не все?

— А такъ-же, не все! А рожокъ пана съ нюхательнымъ табакомъ уложили, пани-матко? спросилъ Явдухъ, приподнявъ слегка свою голову, безъ шапки, освѣщенную лучами лѣтняго солнца.

Явдоха покачала головой, плюнула и хотѣла что-то сказать; но, услыша стукъ дрожекъ майора, внезапно выѣхавшихъ изъ конюшеннаго двора, ключница поспѣшно отошла отъ возовъ. Когда дрожки, запряженные парою гнѣдыхъ кобылъ, сопровождаемыхъ двумя гнѣдыми же лошаденками, остановились подлѣ крыльца, Егоръ Петровичъ всталъ съ мѣста, прошелся по опустѣвшимъ комнатамъ, перекрестился и вышелъ на крыльцо. Увидя своего бывшаго помѣщика, мужики сняли шапки и, молча, понурили головы; бабы же принялись голосить пуще прежняго; голосъ Явдохи, покрывавшій голоса другихъ, можно было сравнить развѣ съ плачемъ Ярославны... Дворовая собака, будто понимая въ чемъ дѣло, перестала ворчать на безпокоившихъ ее мухъ и оводовъ, подошла къ майору и замахала косматымъ хвостомъ. Было тихо и жарко; солнце палило съ высоты, озаряя своими лучами листву деревьевъ, плетни, низенькія бѣлыя хаты и рѣку, сверкавшую ослѣпительными для зрѣнія алмазными искрами; изъ садика несло запахомъ цвѣтущей бузины; это была именно та пора, когда «легкое перо лежитъ на муравѣ неподвижно»; коршунъ съ распластанными крыльями висѣлъ въ воздухѣ; перепелъ въ клѣткѣ, повѣшенной на длинномъ шестѣ, вбитомъ посреди господскаго двора, такъ гармонически твердилъ свое: *«Хаваѣ, пить-падѣмъ, пить-падѣмъ.»*

— Эхъ... что тутъ толковать: плетью обуха не перебьешь! проговорилъ майоръ, махнувъ рукой; но, при всемъ своемъ стоицизмѣ, не могъ удержать слезы, выкатившейся на складки его морщинистаго лица. Майоръ поспѣшно сѣлъ на дрожки и выѣхалъ изъ сельца своего Кушныреи въ уѣздный городъ, гдѣ Егоръ Петровичъ долженъ былъ теперь пробиваться своимъ пенсіономъ.

Недолго однако майоръ пожилъ на новосельѣ, въ городѣ, онъ опять возвратился въ свои родные Кушныри; причиной этому было письмо, полученное имъ отъ помѣщика, Андрея Иваныча Зарина, такого содержанія:

«Милостивый государь

Егоръ Петровичъ!

«Сельцо ваше Кушныри продано съ публичнаго торга, и я вашъ «сосѣдъ (не имѣющій однако чести быть съ вами знакомымъ), «купилъ его; но, разузнавъ подробно о вашихъ обстоятельствахъ, «не желаю, по моимъ правиламъ, воспользоваться пріобрѣтѣніемъ «вашего имѣнія и передаю вамъ его обратно, посредствомъ со- «вершенной мною законнымъ порядкомъ дарственной записи, у «сего прилагаемой. Я расчелъ, что совершеніе подобнаго акта «требовало менѣе хлопотъ и форменностей, нежели совершеніе «купчей крѣпости: сила же этого акта равна купчей крѣпости. «Само собою разумѣется, что это не есть *даръ*: слово это не «должно оскорблять вашего слуха, потому, что я прошу васъ «возвратить мнѣ заплаченныя за васъ деньги тогда, когда вы «будете находиться въ лучшихъ обстоятельствахъ; почему, «выдайте мнѣ вексель на означенную сумму денегъ.

Съ моимъ почтеніемъ, имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

вашимъ покорнымъ слугою

Андрей Заринъ.»

III.

Обычнымъ гостемъ, посѣщавшимъ домъ Егора Петровича Загребельнаго, былъ современникъ майора, товарищъ его школьной жизни, другой такой же старикъ, Чижовъ. Исторія послѣдняго коротка. Чижовъ, выйдя раньше въ отставку, успѣлъ кое-какъ обзавестись домикомъ «на куриныхъ ножкахъ», жениться, овдовѣть и единственную дочь свою Надиньку, отдать на воспитаніе къ одной благодѣтельной особѣ. Благодѣтельная особа—надо сказать правду—образовала Надиньку, какъ говорится, *на большой тонъ*: она выучила ее, наравнѣ съ своей дочерью, говорить по-французски, играть на фортепьяно, держаться comme il faut, набила голову Надиньки разными романами французскими и русскими; потомъ, выдавши замужъ свою дочь и видя, что послѣдняя не нуждалась болѣе въ компаньонкѣ, *благодательная особа* отправила Надиньку, какъ не нужную мебель въ домѣ, изъ своихъ роскошныхъ палатъ въ бѣдную хижину Чижова: а это зна-

чило изъ облаковъ попасть въ мутное болото... Дѣло въ томъ, что хижина старика Чижова не походила на чистенькій домикъ Егора Петровича; въ домикѣ майора не было излишества, но не было и бѣдности; въ хижинѣ Чижова, напротивъ, гнѣздилась жалкая недостаточность съ ея послѣдствіями—нечистоплотностію и неряшествомъ. Самъ Чижовъ былъ олицетворенное неряшество, хотя Егоръ Петровичъ и отзывался о Чижовѣ, что онъ честная и добрая душа. Жалко было смотрѣть на этого Чижова, какъ онъ, въ своей ветхой шинели, съ небритою бородою, склоняясь подъ заборами, являлся иногда къ своему сосѣду по усадьбѣ и сотоварищу, Егору Петровичу и, стыдясь при домашней прислугѣ майора объясняться по-русски, говорилъ ему на исковерканномъ французскомъ языкѣ, которому поневолѣ выучился кое-какъ во время нашествіе французовъ въ 1812 году: камрадъ! иль-ни-а куа манже!

Егоръ Петровичъ, котораго всегда смущалъ приходъ нетрезваго Чижова, немедленно высылалъ вонъ изъ комнаты своего улыбающагося лакея, одѣтаго въ холстинную куртку и пестрядиные шаровары и давалъ нотаціи Чижову на такомъ же ломаномъ французскомъ съ примѣсью итальянскаго.

— Гонтъ а ву, синьоре... гонтъ-а-ву, же ди!.. компренс ву кес-ке-се *гонтъ*, мосье?

— Же компранъ... же ту компранъ; ме монъ мажоръ... отвѣчалъ Чижовъ, дѣлая жесты руками; человѣкъ есмь: слабъ и немощенъ!

— То-то, Чижовъ!.. эй, покайся! говорилъ ему майоръ уже по-русски, убѣдившись, что въ комнатѣ никого не было изъ прислуги. Я тебѣ предрекаю; пропадешь, братъ, ни за копѣйку!..

— О себѣ не тужу... что мнѣ? послѣ смерти нѣсть покаянія!.. вотъ въ чемъ дѣло: *птенца* жаль... не выдержитъ, горемычная, изчахнетъ!

— То-то, Чижовъ!.. эхъ... вотъ то-то любезнѣйшій Чижовъ!.. То-то, братъ Чижовъ!.. восклицалъ многозначительно Егоръ Петровичъ и спрашивалъ потомъ у Чижова: «Много ли ему надобно?»

— А такъ на обѣдъ и ужинъ... да еще на сахаръ и чай; нельзя—привыкла, бѣдняжка, къ разнымъ сладостямъ... привыкла жить въ роскоши и холѣ: эдакъ, знаешь, въ модное платьице

наряжаться съ рукавчиками, фестончиками, гирляндочками... А теперь... Эхъ, касатка ты моя, касаточка!

И Чижовъ, не смотря на хмѣль въ головѣ, горько задумывался и слеза падала на его сѣдой усъ.

Егоръ Петровичъ отправлялся къ своему пузатому комоду и возвращался потомъ къ Чижову, неся въ рукахъ полтинники, четвертаки, пятиалтынные, мѣдные гроши...

Когда же Чижовъ, такъ сказать, воюя противъ самаго себя, приходилъ въ свое нормальное состояніе, то обрекалъ себя на возможныя труды и лишенія для поправленія домашнихъ обстоятельствъ. Нерѣдко, на деньги, заработанныя въ потѣ лица, онъ покупалъ разныя обновы для своей касаточки.

А какъ поразительно хороша, граціозна была эта касаточка! Хвалить ея мягкія, густыя и черныя какъ смоль волосы, поразительную бѣлизну ея лица и роскошныя очертанія плечъ: хвалить эти частности значило бы профанировать ея красоту; надобно было видѣть *цѣлое* этой граціозной красоты, чтобы составить о ней понятіе. Но какая, въ самомъ дѣлѣ, жалкая существенность выпала на долю этой дѣвушки, воспитанной въ роскоши и негѣ, привыкшей—по выраженію капитана, ея отца—одѣваться въ платьица съ фестончиками, гирляндочками? съ одной стороны, горькая нищета, необходимость пріучать себя ко всевозможнымъ лишеніямъ, отрѣшаться отъ своихъ любимыхъ надеждъ, разочаровываться на каждомъ шагу; съ другой—положеніе ея, можетъ быть, добраго, но жалкаго отца... Бѣдняжка, поневолѣ отрѣшалась отъ такой горькой существенности и принималась за романы, которыхъ она перечитала цѣлыя кипы въ домѣ своей «благодѣтельницы». Она думала въ книгахъ найти себѣ утѣшеніе, чѣмъ-нибудь усладить горечь жизни: такъ опасно-больной прибѣгаетъ иногда къ опіуму, желая, хоть на время, ложнымъ обманомъ унять нестерпимую боль своихъ ранъ. Но Надинька скоро оставила свой опіумъ: онъ не приносилъ ей никакой пользы. Она не имѣла столько такта и разсудительности, что перестала тѣшить себя погремушками и «сладкія пѣсни поэтовъ» только раздражали ее. Надинька, въ теченіе времени, выйдя изъ роли пансіонерки и ставъ *женщиною*, отрѣшилась отъ своего идеальнаго направленія, бросила свои «мечты», какъ бросаетъ свѣтская красавица истасканный, смятый, запыленный, негодный къ употребленію фальшивый цвѣтокъ, сдѣланный изъ тафты и тарлатана;

она свыклась съ битвою жизни, стала жить не въ разладѣ съ своей существенностью, но примирившись съ ней... Теперь, склоняя къ груди свою Грёзову головку, Надинька задумывалась не надъ судьбою «Тани» или «Ревекки» *, но думала о своемъ завтрашнемъ днѣ. Надинька сама штопала рубашки и манишки своего отца; ея хорошенькія ручки загорѣли отъ домашняго очага...

Самъ Чижовъ, подъ конецъ, такъ одряхлѣлъ, ослабѣлъ, что не могъ уже *воевать противъ самого себя*; но безумно, очертя голову, предался своей гибельной страсти. Стыдясь показаться на глаза дочери, Чижовъ бродилъ изъ села въ село, и пропивалъ свой пенсіонъ...

«Ахъ... пропадаетъ человѣкъ!.. да что? пускай себѣ пропадаетъ: самъ онъ своими руками выкопалъ себѣ яму... Но *ее* то, дѣвочки жаль!» говорилъ майоръ Егоръ Петровичъ, размышляя объ участи своего сотоварища и сосѣда по усадьбѣ, Чижова.

Впослѣдствіи, когда время породило между майоромъ Загребельнымъ и помѣщикомъ Заринымъ ту пріязнь, какая можетъ существовать между старикомъ и молодымъ человѣкомъ, Егоръ Петровичъ сталъ необходимымъ гостемъ въ домѣ Андрея Иваныча. Заринъ любилъ слушать разсказы майора объ его походахъ, о вѣчномъ городѣ, о Наполеонѣ. Правда, разсказы майора не отличались Тацитовскимъ краснорѣчіемъ, но ихъ любили слушать: въ самой манерѣ разсказовъ Егора Петровича было нѣчто увлекательное, можетъ быть то, что мы называемъ отголоскомъ прошлаго времени. Вѣдь Егоръ Петровичъ былъ очевидцемъ великой эпохи 12-го года.

— А такъ какъ теперь, вотъ, васъ вижу, разсказывалъ майоръ, такъ и *его* видѣлъ. Это было послѣ Тильзитскаго мира. Слышимъ: пріѣхалъ Наполеонъ. Пошли посмотрѣть; ему перемѣняли лошадей. *Онъ* сидѣлъ въ двумѣстной каретѣ съ маршаломъ Бертье. Объ чемъ-то разговаривали. Бертье сидѣлъ, Наполеонъ полулежалъ. Подлѣ кареты стоялъ эскадронъ латниковъ. На козлахъ сидѣлъ желтолицый мамелюкъ, въ чалмѣ, съ двумя пистолетами, заткнутыми за поясъ. Къ каретѣ подошелъ ксензъ съ серебрянымъ крестомъ въ рукѣ. Наполеонъ просунулъ голову въ окно кареты, но увидя насъ, русскихъ офицеровъ, глубже запрятался въ карету, то есть, какъ бы вотъ ска-

* Героиня романа В. Скотта.

зать? просто, прилегъ на подушки за спиною Бертье... Знаете ли для чего? для того, чтобы мы, русскіе, не могли разсмотрѣть его физіономіи. Послѣ Тильзитскаго мира, у *него*, извѣстно, было недоброе на умѣ...

— Эхъ, пустая... пустая нація! говорилъ майоръ, переносясь во времена давно прошедшія. Я помню, это было вскорѣ по вступленіи нашемъ въ Парижъ, давали на театрѣ оперу, *Армиду*.., А тутъ, знаете, приказъ: ни въ какія публичныя заведенія не показываться... Эхъ! думаю... знаете: молодо, зелено; не выдержалъ: перерядился въ баварскій мундиръ и отправился въ театръ... Славно!.. Этакія, знаете, декораціи, освѣщеніе... музыка... на сценѣ Армидины сады... Ну, и чтожъ? на пьесу смотрѣть не хотѣлось... въ досадѣ вышелъ изъ театра!

— Какъ такъ? спрашивали слушатели майора.

— Да такъ... французы, тѣ французы, которые такъ недавно еще преклонялись передъ своимъ идоломъ, разбили въ театрѣ въ дребезги бюстъ Наполеона съ крикомъ: «à bas le tyran!..» Доложили объ этомъ покойному нашему императору, какъ хозяину Парижа... Что же? Изволилъ вѣдь огорчиться; ему это не понравилось!

Андрей Иванычъ—можете вообразить, забросалъ майора своими распросами о Колизеѣ, Форумѣ, Капитоліи, Пантеонѣ, Ватиканѣ, Бурбонскомъ музеѣ, термахъ Діоклитіана и Каракаллы, и проч. Майоръ находился въ положеніи школьника, плохо выучившаго заданный урокъ; онъ чаще обыкновеннаго пряталъ свой подбородокъ въ воротникъ сюртука, поправлялъ свой *шелковый* галстухъ и, пожимая плечами, говорилъ: «Эхъ, досада беретъ!.. да впрочемъ, что тутъ васъ интересуетъ: Колизей? Груды развалинъ, заросшихъ травой, гдѣ плодятся ящерицы и скорпіоны.

Сильнѣе всего врѣзался въ моей памяти разсказъ Егора Петровича объ итальянскомъ карнавалѣ.

— Разъ, въ бытность мою въ Неаполѣ, разсказывалъ Егоръ Петровичъ, слышу: на улицѣ крикъ, шумъ, суматоха. Любопытство меня завлекло; вышелъ на улицу. Что же? По улицѣ идетъ сапогъ... Да, да! такъ-таки идетъ сапогъ, огромный сапожище съ картонной шпорою, мало чѣмъ поменьше колеса! А въ ботфортѣ этого чудовища-сапога стоитъ человѣкъ, влѣзши въ него во весь ростъ и приводя въ движеніе сапогъ своими ногами; на верху ботфорта прорѣзаны два отверстія, откуда бле-

стить пара человѣческихъ глазъ, надъ которыми написано золотыми буквами: il ultimo modo. А тамъ, далѣе, другая штука: мужчина съ распретолстымъ брюхомъ, несетъ подъ мышкою смычекъ... какъ бы вамъ не солгать? величиною едва ли не съ башню. Подлѣ смычка слѣдуетъ скрипочка... такъ-себѣ, небольшая скрипочка, которую тащатъ четыре мула на двухъ повозкахъ, одна къ другой привязанныхъ. А подлѣ сапога, скрипки и музыканта со смычкомъ толпа шумитъ, кричитъ, хохочетъ, бьетъ въ ладоши, указываетъ пальцами... Я зазѣвался; вдругъ рукавъ моего мундира обсыпали мукою: таковъ обычай! Улыбнулся и сбилъ носовымъ платкомъ муку съ платья. Что же? во второй разъ, та же маленькая ручка швырнула мукою прямо мнѣ въ глаза... Я разсердился на женщину; но вдругъ, слышу изъ подъ маски знакомый мнѣ голосъ, сопровождаемый смѣхомъ: «che orаé, signore? la terza; il bronso é encora caldo!..» Плутовка! то была дочь моей хозяйки, синьора Розалія... Дѣло извѣстное: я ее любилъ; она меня. О женитьбѣ я, разумѣется, тогда не помышлялъ: время было военное... А тутъ, знаете, молодость... кровь кипитъ... Италія... Тогда я былъ еще портупей-юнкеромъ!..

Разъ, однако, внезапно прекратились обычныя посѣщенія майора въ домъ Андрея Иваныча: майоръ не показывался къ своему сосѣду мѣсяца два—три, тому причиной была скоропостижная смерть старика Чижова. Напрасно посланные Андрея Иваныча отправлялись съ записками въ хуторъ майора; майоръ давалъ одинъ отвѣтъ: «кланяйся и скажи, что не могу пріѣхать, нездоровится что-то... и такъ-таки весь разстроенъ... совершенно разстроенъ...» Смерть Чижова произвела непріятное впечатлѣніе на его сослуживца, Егора Петровича: чувство понятное! майоръ, поглощенный мыслями, то бродилъ молча въ своемъ садикѣ, то разсуждалъ вслухъ съ самимъ собою:

— Жизнь-то человѣческая, Боже мой!.. Да не въ покойникѣ дѣло... эхъ, Боже мой!

Егоръ Петровичъ бралъ въ руку свою суковатую трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, надѣвалъ на голову фуражку съ краснымъ околышемъ и отправлялся къ приходскому священнику.

— Ну, что, батюшка?.. что наша сирота?

— Все едино: съ утра до вечера обливается горькими!

— А вы уговорили бы ее, батюшка, напутствовали бы ее вашими совѣтами: вы это съумѣете...

— Пытался я, Егоръ Петровичъ, утѣшать ее, не только теперь, когда ее постигло горе, смерть отца, но и прежде: вѣдь все-таки грустила... Господь ее знаетъ! Признаться, горькую чашу испила она въ жизни; вотъ и теперь: въ домѣ хоть шаромъ покати,—ѣсть нечего...

— Вотъ видите, батюшка!.. Какъ же намъ быть съ нею, сирота она круглая, безпріютная?..

— Ужъ что и говорить! онамедни я отослалъ ей куль пшеничной муки, застыдилась, не приняла... Вы, говоритъ, обо мнѣ не безпокойтесь; я, говоритъ, отписала въ Москву къ своей благодѣтельницѣ: она-де пришлетъ мнѣ денегъ и скоро опять возметъ меня въ свой домъ. А я знаю, что неправду говорила: по глазамъ видно.

Егоръ Петровичъ отправлялся самъ провѣдать и утѣшить сироту: онъ напутствовалъ ее совѣтами, убѣждалъ не отчаяваться. Наденька, грустно опустивъ головку, слушала рѣчь майора безъ слезъ; Наденька водила только пальцемъ по грубому столу и молчала.

— Отчаяваться грѣшно, Наденька... Да и что тутъ? дѣти должны переживать родителей: законъ природы!.. Всѣ мы подъ рукою Божіей, Наденька, а отчаяваться грѣшно...

— Да вы думаете, о чемъ я горюю? я горюю о самой себѣ: зачѣмъ не я... ахъ, зачѣмъ не я умерла?

И слезы, вдругъ, одна за другою, слезы крупныя, какъ жемчугъ, начали падать на дубовый столъ.

— Ну, вотъ... видите... проговорилъ майоръ, совершенно растерявшись.

Послѣ этой сцены Егоръ Петровичъ впалъ въ какую-то рефлексію, которая не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью. Слѣдствіемъ такой рефлексіи было сочиненное имъ и отправленное къ Наденькѣ письмо такого содержанія:

«Милостивая государыня

Надежда Григорьевна!

«Я долгое время думалъ, разсуждалъ, обсуживалъ предметъ со всѣхъ сторонъ, прежде, нежели рѣшился написать вамъ сіе письмо. Матерія настоящаго моего къ вамъ письма толикую въ себѣ важность заключаетъ, что и вы, Наденька, поломайте свою

головку, испытайте себя, обдумайте дѣло и рѣшите со всею искренностію предлагаемый мною вамъ вопросъ, относительно вступленія вашего со мною въ законный бракъ. Дѣло высокой важности, Наденька, ибо всякій марьяжъ есть шагъ на всю жизнь: подумайте же и черезъ три дня пришлите мнѣ отвѣтъ. Если же черезъ три дня отвѣта отъ васъ никакого не получу, то сіе послужитъ мнѣ знакомъ того, что все это ни что иное, какъ пустая блажь, родившаяся въ головѣ старика. Тогда подумаю объ иныхъ мѣрахъ къ вашему обезпеченію; до того же примите увѣреніе въ искренности чувствъ и преданности вашего,

Милостивая моя государыня,
покорнаго слуги и доброжелателя
Егора Загребельнаго.»

Прошло *три* дня; но на письмо это не послѣдовало никакого отвѣта.

IV.

Когда майоръ явился потомъ къ своему «сосѣду-магнату», такъ величалъ маіоръ Андрея Иваныча Зарина, и разсказалъ ему исторію бѣдной дѣвушки, дочери старика Чижова, не имѣющей никакихъ средствъ къ существованію; тогда герой нашъ, Андрей Иванычъ Заринъ, задавшій себѣ задачу быть «*человѣкомъ*», ознаменовалъ себя новымъ человѣколюбивымъ подвигомъ. Андрей Иванычъ принялъ сироту въ свой домъ, доставилъ ей покойное помѣщеніе и всѣ средства для безбѣдной жизни. Такимъ образомъ, вопросъ о *завтрашнемъ днѣ* — вопросъ тяжелый, неоднократно склонявшій къ груди головку бѣдной дѣвушки, былъ теперь рѣшенъ окончательно. Этого мало. Андрей Иванычъ, въ порывѣ свойственнаго ему великодушія, положилъ въ банкъ на имя дочери покойнаго Чижова сумму денегъ, которую Наденька должна была получить съ процентами по выходѣ ея въ замужство. Отвѣтомъ на такія дѣла были слезы благодарности облагодѣтельствованной дѣвушки. Майоръ былъ въ умиленіи...

Елена Павловна, по свойственной ей добротѣ, обласкала и полюбила Наденьку, эту застѣнчивую, задумчивую, вѣчно-грустную Наденьку. Между этими двумя женщинами, въ теченіе времени, возникла прочная дружба; обѣ онѣ были почти одинаково образованы. Елена Павловна имѣла столько такта и деликатности, что въ манерѣ обращенія ея съ Наденькою совершенно из-

глаживалась черта того различія, какое существовало между богатой помѣщицей и дѣвушкой бѣднаго происхожденія. Онѣ видѣлись каждый день; вмѣстѣ вышивали по канвѣ; гуляли въ паркѣ; читали новые романы и журналы. Андрей Иванычъ вызвался познакомить ихъ съ Шекспиромъ и пояснялъ имъ творенія великаго поэта. Елена Павловна и Наденька, по милости своего наставника, твердо заучили исторію Жюльеты, Дездемоны, Офеліи, Порціи, леди Макбетъ... И часто, въ какомъ-то раздумьѣ, стояли онѣ въ кабинетѣ хозяина, передъ коллекціей эстамповъ, изображающихъ сцены изъ трагедій Шекспира....

. . . . . .

Странное свойство имѣетъ малороссійскій климатъ въ нѣкоторые лѣтніе мѣсяцы, когда испаренія цвѣтовъ и скошенной въ олѣ травы разливаютъ ароматъ въ воздухѣ и тихій вечеръ наводитъ на все сладкое успокоеніе: вода не колыхнется въ прудѣ, прильнувъ къ зелени береговъ; листья развѣсистой ивы не шепчутся по обыкновенію съ своей сосѣдкой — вербою. Только иволга своимъ монотоннымъ свистомъ прерветъ молчаніе вечера, да изрѣдка въ полѣ прокричитъ перепелъ. Въ такую пору человѣкъ невольно поддается лѣни, чувствуетъ какое-то пріятное разслабленіе во всѣхъ членахъ: лежитъ да смотритъ на воду, на зелень, на знакомое село, покрытое облакомъ золотой пыли, сквозь которую рисуется стадо коровъ, медленно возвращающихся съ пастбища. Но, вотъ, вѣтерокъ слегка потянулъ по водѣ, зашелестивъ осокою и камышемъ, растущими посреди пруда; слегка встрепенулись задремавшія вербы да ивы: почувствовавъ въ тѣлѣ пріятное щекотаніе вѣтра, вы скинули галстухъ, разстегнули жилетъ, въ надеждѣ еще разъ насладиться такою освѣжительною прохладою; напрасно, по прежнему, стало тихо и душно... Вотъ и солнце скрылось... сумерки... уже наступила ночь, а вы, по выраженію поэта:

«Будто младенецъ, прильнули къ широкому лону природы», все еще лежите на одномъ мѣстѣ: вамъ лѣнь приподняться и жалко вамъ разстаться съ сладкой лѣнью...

Нерѣдко заставалъ я Андрея Иваныча Зарина въ такомъ сладостномъ far niente: бывало, лежитъ онъ на балконѣ, въ своей парусинной блузѣ, да смотритъ на воду, на землю, на небо...

— Здравствуйте, Андрей Иванычъ!

— А! это вы... здравствуйте! проговорилъ онъ, лѣниво по-

давая мнѣ руку и не вставая съ диванчика, поставленнаго на балконѣ.

— Что вы подѣлываете?

— Ничего... или, пожалуй, я дѣлаю кейфъ. Садитесь и вы, вотъ здѣсь, или ложитесь, вонъ тамъ, на другомъ диванчикѣ: мы потолкуемъ.

— Извольте, я сяду... Что вы, природу, что-ли, наблюдаете?

— Да. Скажите, какъ вы думаете, что будетъ завтра: дождь, или вёдро? спрашивалъ онъ прессрьозно, разсматривая съ высоты своего балкона высоту небесную.

— Посмотрите въ бердичевскій календарь, отвѣчалъ я смѣясь.

— Чему же вы смѣетесь?

— Надъ прозаичностью вашего вопроса.

— А, у васъ все еще поэзія на умѣ — дѣло!

Мы, по обыкновенію, спорили. Мнѣ досадно было видѣть въ словахъ, во всѣхъ поступкахъ этого человѣка именно то, что Елена Павловна выразила двумя словами: затаенная мысль. Для меня было ясно, что извѣстная диссертація и предполагаемая поѣздка за границу превратились въ миѳы, что, впрочемъ, весьма естественно: человѣкъ женился, сталъ отцомъ, предался неусыпно хозяйству, все это въ порядкѣ вещей. Каждый изъ насъ въ молодости бредилъ чѣмъ-нибудь, увлекался своими «заповѣдными мечтами»..... Но, подите же съ Андреемъ Иванычемъ!... онъ каждый разъ, когда разговоръ касался его «диссертаціи», не шутя сердился, выходилъ изъ себя, представлялъ свои резоны. Каждый разъ Андрей Иванычъ увѣрялъ меня, что на *будущій годъ* онъ уѣдетъ за границу; а между тѣмъ, въ теченіе уже шести лѣтъ, поѣздка эта откладывалась со дня на день...

Разъ, пріѣхавъ къ Андрею Иванычу, засталъ я его въ хлопотахъ: Андрей Иванычъ сводилъ счеты съ купцомъ, купившимъ у него пшеницу; оба они о чемъ-то спорили. Не желая присутствовать при этомъ спорѣ, я вошелъ въ кабинетъ хозяина. Въ кабинетѣ лежала теперь на столѣ тетрадь, на заглавномъ листѣ которой было написано рукою Андрея Иваныча: *О значеніи человѣка и жизни человѣческой вообще*. Такъ вотъ она, эта знаменитая диссертація, которую, въ послѣднее время, пріятель мой такъ тщательно отъ меня пряталъ! Я овладѣлъ тетрадью и сталъ ее перечитывать и списалъ для себя нѣкоторые отрывки изъ его рукописи, которые, по праву авторства, передаю теперь моимъ читателямъ:

«Разстанемся навсегда!» сказала *она* мнѣ сегодня, полная скорби и отчаянія. Навсегда?.. легко ли это?.. сердце не изъ гранита. Съ жизнію легче разставаться! проговорилъ я, сжимая ея холодныя руки; я глядѣлъ ей въ глаза; на рѣсницахъ ея дрожали крупныя слезы. Такъ, навсегда? спросилъ я, испуганный ея словами; я старался заглянуть ей въ лицо, какъ бы желая въ послѣдній разъ разсмотрѣть знакомыя черты.—Навсегда! повторила она и, желая скрыть отъ меня свое томленіе, отвернулась и отняла у меня свои руки. Я искалъ словъ и не находилъ.—Я не могу такъ жить, сказала она мнѣ потомъ; хотя на рукахъ моихъ нѣтъ кровавыхъ пятенъ, но я, какъ леди Макбетъ, страдаю безсонницей... нѣтъ, я не могу *такъ* жить!»

. . . . . .

«. . . . и вотъ человѣкъ: родятся въ тебѣ чувства благородныя, возвышенныя; ты такъ гордо сознаешь себя высшимъ созданіемъ среди другихъ существъ, царемъ земли, вдругъ, въ минуту такой настроенности...

«Да, я понимаю: вотъ оно, то оскорбительное для духа человѣческаго состояніе, когда все возвышенное исчезаетъ въ человѣкѣ, и онъ, нисходя на степень грубаго животнаго, пресмыкается, ползетъ по землѣ, наравнѣ съ презрѣннымъ червякомъ!..»

— Что жъ это?.. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, диссертацію пишете? спросилъ я Андрея Иваныча, когда онъ вошелъ въ кабинетъ.

Андрей Иванычъ слегка покраснѣлъ, вырвалъ тетрадь у меня изъ рукъ и проговорилъ:

— Ахъ, полно, Бога ради!.. Что́ вамъ далась моя диссертація?.. Бросимъ этотъ предметъ: мнѣ тяжело васъ слушать! прибавилъ онъ, съ такой непритворной горечью, а въ чертахъ его я прочелъ такую глубокую скорбь, что въ ту минуту человѣкъ этотъ показался мнѣ дѣйствительно жалкимъ...

Тутъ, по долгу автобіографа Андрея Иваныча Зарина, я долженъ сказать, что герой мой сталъ чаще обыкновеннаго сосредоточиваться въ самомъ себѣ, сдѣлался страдальцемъ какой-то волновавшей его идеи; точно внутри его происходила упорная борьба, и онъ, *воюя противъ самого себя*, напрягалъ всѣ свои нравственныя силы, чтобъ выйти побѣдоносцемъ изъ этой борьбы. Въ-слѣдствіе такого состоянія духа, онъ сталъ задумчивъ, разсѣянъ и капризенъ до мелочности: то вспыхнетъ, бывало, изъ пустяковъ и разобьетъ въ дребезги рюмку во время обѣда;

то, безо всякой причины, откажется отъ чашки кофе, налитаго заботливой рукой Елены Павловны. Человѣкъ этотъ охладѣлъ ко всѣмъ интересамъ жизни. Въ учрежденныя въ своемъ селѣ больницу и богадѣльню Андрей Иванычъ болѣе не заглядывалъ.

Впрочемъ, къ чести Андрея Иваныча надо сказать, что онъ, поглощенный своими думами (источникомъ которыхъ была его диссертація), всегда ласково обходился съ своей женою. Только Елена Павловна—странная она была женщина—нерѣдко отрывала свои уста отъ его поцѣлуевъ и, грустно качая головою, говорила:

— Полно, André... вѣдь я знаю...

— Что такое?.. что жъ ты знаешь? допрашивалъ ее мужъ.

— А не разсердишься, когда скажу?

— Нѣтъ. Говори же!

Она, улыбаясь и смотря ему въ глаза, какъ бы читая въ нихъ говорила:

— Я знаю, что твоя веселость... твои ласки... поцѣлуи, все это затаенная мысль... Вотъ видишь, зачѣмъ же такъ нахмурилъ брови; а еще обѣщалъ не сердиться?.. Полно, André... вѣдь это шутки.

И говоря такъ, она продолжала ему смотрѣть въ глаза и улыбалась...

Въ этотъ періодъ времени Елена Павловна приняла привычку улыбаться чаще обыкновеннаго; вообще, по-крайнѣй-мѣрѣ, въ присутствіи мужа и постороннихъ, она была такая веселая, разговорчивая; въ иныя минуты она выказывалась даже шалуньей... Надо было видѣть, какъ она рѣзвилась, шалила, въ присутствіи своей пріятельницы Наденьки, стараясь этой веселостью прогнать съ лица своей подруги свойственныя ей грусть и задумчивость.

— Ну, что моя плакса?.. да раздвинь же брови: я этого хочу... я непремѣнно хочу... говорила Елена Павловна, заливаясь звонкимъ смѣхомъ и разглаживая своими пальчиками нѣсколько нахмуренныя черныя бровки Надины, на лицѣ которой, въ то же время, появлялась улыбка, какая-то неясная, неопредѣленная улыбка, но постоянно грустная.

Одинъ только опытный психологъ могъ бы подмѣтить въ смѣхѣ Елены Павловны, въ ея веселости какое-то фальшивое чувство: въ такія минуты, руки у ней бывали холодны и нѣ-

сколько влажны, да еще, въ такія минуты, блѣднѣли немного ея розовыя губки.

Когда Андрей Иванычъ, по обыкновенію, задумчивый, молчаливый, пойдетъ бродить по аллеямъ своего парка, то и Елена Павловна отправится туда же, вслѣдъ за нимъ, только окольной дорожкой, укрываясь за вѣтвями деревьевъ, чтобы не быть примѣченною... Остановится ли въ раздумьи Андрей Иванычъ и начнетъ своею тростью чертить на пескѣ аллеи какія-то кабалистическія буквы, собьетъ тростью головку цвѣтка, или, нахмуря брови, вздохнетъ и пойдетъ далѣе... Елена Павловна вся превратится въ слухъ и зрѣніе.

Елена Павловна до того похудѣла, что могла служить экземпляромъ для изученія остеологіи; тѣло ея стало прозрачнымъ, изъ груди вылѣталъ сухой кашель.

Пора прекратить эту игру! проговорилъ Арнольдъ Штейкопфъ, давно уже, въ качествѣ домашняго врача, слѣдившій за симптомами хронической болѣзни своей паціентки.

— Посмотрите вы на себя, Елена Павловна: на долго ли васъ станетъ?—Бываютъ болѣзни...

— Я ничего, Арнольдъ Иванычъ... Слабость и больше ничего... отвѣчала медику Елена Павловна съ *своею* улыбкою.

— Елена Павловна! Вы передо мной снимите маску...

— Но, еслибъ у него было сколько-нибудь...

Она не досказала фразы, не выдержала и, въ первый разъ, въ присутствіи своего домашняго медика, залилась горькими слезами; въ первый разъ ея всхлипыванія раздались въ домѣ и достигли до ушей Андрея Иваныча, бывшаго на ту пору въ сосѣдней комнатѣ.

— Что тутъ такое? что случилось? тревожно спросилъ онъ, войдя въ комнату, гдѣ находились его жена и медикъ.

— Ничего, André... не безпокойся... ничего не случилось... говорила она уже улыбаясь мужу, сквозь слезы.

— Елена Павловна!.. воскликнулъ Арнольдъ Иванычъ, покачавъ головою.

— Да разскажите же наконецъ, въ чемъ дѣло? спросилъ сердито Андрей Иванычъ, проведя рукою по волосамъ.

— Извольте... какъ честный врачъ... по долгу совѣсти... бормоталъ Арнольдъ Иванычъ, принявъ какую-то трагическую позу, (Арнольдъ Иванычъ былъ «пропитанъ Шиллеромъ»): жена ваша

чахнетъ... изнываетъ... таетъ, какъ свѣча! Если это такъ продлится, я не отвѣчаю за ея жизнь.

— Боже мой! проговорилъ Андрей Иванычъ; холодный потъ выступилъ у него на лицѣ. Андрей Иванычъ отступилъ шагъ назадъ и, понизя голосъ цѣлой октавой, повторилъ: о, Боже мой!.. Чтожъ мнѣ дѣлать?..

— Какъ честный врачъ... по долгу совѣсти... одно средство: ѣхать за границу куда-нибудь, въ Карлсбадъ, Баденъ-Баденъ... или, пожалуй, въ Римъ, Неаполь, Парижъ... Вѣдь сами вы давно желали этой поѣздки!

— Къ чему тебѣ ѣхать, André? А хозяйство какъ останется,—нельзя!.. Я поѣду, если находитъ это нужнымъ Арнольдъ Иванычъ, одна... только съ Платошею...

— Нѣтъ...

— Ты мнѣ позволишь взять Платошу?

— Я тоже поѣду съ тобою! Недѣля сроку.

Медленно, тяжело, томительно-грустно тянулась эта недѣля. Андрей Иванычъ хлопоталъ о паспортѣ, отдавалъ приказанія своему управителю, дѣлалъ разныя хозяйственныя распоряженія; самъ укладывалъ въ чемоданъ свое платье и вещицы. Словомъ, въ это время, въ Андреѣ Иванычѣ родилась какая-то особенная дѣятельность, неизвѣстная въ немъ до того страсть хлопотать, копаться и возиться съ разными мелочами, на которыя онъ прежде не обращалъ вниманія.

Ничто въ физіономіи этого человѣка не обнаруживало особеннаго внутренняго волненія; даже, когда наступилъ *послѣдній день недѣли*, лицо Андрея Иваныча и тогда не сдѣлалось блѣднѣе обыкновеннаго и сохраняло ледяное равнодушіе. Только въ тѣ роковыя минуты, когда окольные сосѣди и родные пріѣхали проститься, лицо Андрея Иваныча какъ-то странно вытянулось и, во время прощальнаго завтрака, верхняя губа его раза два замѣтно задрожала· ни въ чемъ болѣе не измѣнилъ себѣ герой нашъ и выказывалъ мужество, достойное Муція Сцеволы...

Елена Павловна также, съ свойственной ей *улыбкой*, весело встрѣчала гостей, занимая ихъ приличными разговорами; даже Наденька, всегда грустная, въ тотъ роковой день была необыкновенно «весела».

Грустнѣе всѣхъ собесѣдниковъ казался въ тотъ день Егоръ Петровичъ: онъ, этотъ храбрый майоръ, дравшійся противъ ле-

гіоновъ Наполеона, такою дрожащею рукою взялъ бокалъ, наполненный шампанскимъ, что прежде, нежели поднесъ этотъ бокалъ къ своимъ губамъ, вино расплескалось ему на лацканы его вицмундира...

Андрей Иванычъ, въ продолженіе завтрака, то заигрывалъ съ своимъ сынкомъ Платошею, то даже находилъ какое-то наслажденіе въ бесѣдѣ съ «казачкомъ», подносившимъ ему сигару за сигарою.

Наконецъ лакей доложилъ, что «карета готова!»

Андрей Иванычъ всталъ и выполнилъ церемоніальный обрядъ прощанія. Потомъ онъ поспѣшно взялъ на руки Платошу и уносилъ его изъ комнаты; но, на минуту, на порогѣ остановился: Елена Павловна, прощаясь съ Наденькою, рыдала вслухъ; Наденька, безъ слезъ, безъ словъ, безъ чувствъ, блѣдная, неподвижная, прильнула головкой своей къ ея груди, машинально опустивъ долу свою руку античной красоты—точно невѣста, упавшая безъ чувствъ въ объятія своего жениха въ страшный день разрушенія Помпеи на картинѣ Брюлова.

Подлѣ этой группы прощающихся женщинъ рисовалась фигура майора: майоръ былъ мраченъ и суровъ, какъ Наполеонъ послѣ проиграннаго сраженія.

Андрей Иванычъ быстро повернулся и вышелъ изъ дому.

Когда Елена Павловна, поддерживаемая Арнольдомъ Иванычемъ, вошла въ карету и усѣлась подлѣ сидѣвшаго въ каретѣ своего мужа, маленькій Платоша, ухвативъ рученками шелковыя кисти отъ оконъ кареты и держа ихъ наподобіе того, какъ держитъ кучеръ вожжи, кричалъ серебрянымъ голоскомъ и подергивая своими вожжами: «Эхъ, ты, думай!.. эхъ, вы, соколики, съ Богомъ!»

Пошелъ! раздался изъ кареты твердый голосъ Андрея Иваныча Зарина.

Карета отъѣхала.

II.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

МЕРИ.

Марсель можно назвать греческимъ городомъ, перенесеннымъ на берега Франціи, которому захотѣлось, по примѣру своихъ іоническихъ собратій, быть колыбелью своего Гомера. Это желаніе приноситъ ему честь, но мы съ сожалѣніемъ должны сказать, что ему должно совершенно отказаться отъ этого притязанія.

Жозефъ Мери родился въ Айгаладахъ въ 1802 году, близъ старинnаго замка Барра, находящагося нынѣ во владѣніи господина Кастеллана.

Учителемъ его былъ старикъ священникъ, аббатъ Карріе, который передалъ ему въ совершенствѣ знаніе латинскаго языка. Умственныя способности ученика развернулись и выросли въ мягкой южной атмосферѣ, составленной изъ пурпура и лазури, гдѣ море и солнце никогда между собою не разлучаются.

Дитя-поэтъ любилъ долгія прогулки въ густыхъ лѣсахъ жеменосскихъ, и, вѣроятно, тамъ впервые предъ нимъ явилась прелестная гармоническая муза, неземныя пѣсни которой запали ему въ душу. Эта муза съ той самой поры прикрыла его своими бѣлыми, воздушными крылами.

Въ 1815 году, окончивъ ученіе въ Марсели, Мери былъ свидѣтелемъ кровавыхъ битвъ и страшныхъ убійствъ, которыя ознаменовали на югѣ первые годы послѣ возвращенія Бурбоновъ. Съ этой эпохи началась литературная жизнь его. Рядомъ съ поэтомъ, явился въ немъ журналистъ, одаренный увлекательностью, остроуміемъ и колкостью. Семнадцати лѣтъ, маленькая статья, помѣщенная имъ въ такомъ же маленькомъ марсельскомъ журналѣ, заслужила ему арестъ. Птичка услаждаетъ свое заточеніе въ клѣткѣ пѣснями. Поэтъ таже птичка. Мери принялся пѣть, и когда открыли двери его клѣтки, онъ выпорхнулъ изъ нея съ собраніемъ

одъ и мелкихъ стихотвореній и направилъ свой полетъ къ Парижу.

Въ продолженіе почти десяти лѣтъ, то-есть до 1828 года, Мери попеременно жилъ то въ Парижѣ, то въ Марсели, гдѣ онъ впервые стяжалъ славу журналиста, и гдѣ жили его многочисленные друзья. Особенно подружился онъ съ Альфонсомъ Раббъ, оригинальнымъ публицистомъ, который, написавъ «Массеники», выходку противъ Массены, губернатора Марсельскаго, вдругъ склонилъ свою повинную голову предъ оскорбленнымъ имъ знаменемъ, объявивъ во всеуслышаніе, что рука, посягнувшая на него, должна быть, вмѣстѣ съ перомъ, предана сожженію. Вліяніе Рабба было весьма значительно на юношей марсельскихъ. Онъ создавалъ журналы, въ которыхъ выказывалъ менѣе свое дарованіе, чѣмъ дарованіе постороннихъ на пользу оппозиціи. Подъ знаменами Альфонса Рабба, Мери сталъ самымъ дѣятельнымъ изъ редакторовъ «Phocéen». Но вскорѣ, наскучивъ трудиться для этого листка, онъ создалъ самъ свой журналъ: «La Mediterrannée». Впослѣдствіи оба журнала соединились вмѣстѣ, и существуютъ до-сихъ-поръ подъ названіемъ «Le Sémaphore».

Около 1824 года, поѣздки Мери въ Парижъ стали возобновляться чаще и чаще. Онъ началъ тамъ закладывать фундаментъ будущей своей литературной славы. Но Мери, часто, въ часъ обѣда, не находя ничего въ пустыхъ своихъ карманахъ, былъ озадаченъ разрѣшеніемъ довольно трудной проблемы: какъ безъ денегъ ухитриться пообѣдать.

Альфонсъ Раббъ, поселившійся уже съ полгода въ Парижѣ, гдѣ онъ занимался своею «Исторіею Папъ», предложилъ поэту мѣсто за своимъ столомъ, съ просьбою перевести нѣсколько латинскихъ in folio, трудъ далеко не занимательный, который отнялъ много времени у Мери, и помѣшалъ ему надолго если не навсегда средство отыскать себѣ обѣдъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣрный своей системѣ—разработкѣ чужаго труда, которая ему была полезна въ Марсели, прежній издатель «Phocéen» не заботился о томъ, чтобы пріискать своему земляку и другу трудъ, болѣе согласный съ его вкусомъ и дарованіемъ. Онъ былъ готовъ замучить Мери нескончаемыми переводами всѣхъ латинскихъ книгъ, еслибы не случилось обстоятельство, которое позволило наконецъ нахлѣбнику его отыскать себѣ средство обѣдать, менѣе для него отяготительное.

Сулé, главный редакторъ «Nain jaune», нынѣ сенаторъ въ Аме

риканскихъ Штатахъ и одинъ изъ важнѣйшихъ представителей Американскаго Союза, бывшій посланникомъ въ Испаніи, явился однажды къ исторіографу Папъ, прося нѣсколько статей для помѣщенія въ своемъ журналѣ.

— Это невозможно, любезнѣйшій! совершенно невозможно! вскричалъ Раббъ, съ самодовольствомъ писателя, котораго преслѣдуютъ всѣ издатели.

Посѣтитель тщетно настаивалъ и долженъ былъ удалиться, не получивъ даже малѣйшей надежды на какую-нибудь статейку.

— Хорошо вамъ отказываться для себя, сказалъ Мери по уходѣ Суле, бывъ свидѣтелемъ предшествующаго разговора. Что бы, напротивъ, принять его предложеніе хоть для меня.

— Мнѣ это не пришло въ голову! Но какъ же быть, Суле ужъ ушелъ.

— Дайте мнѣ къ нему письмо, я пойду сегодня же вечеромъ.

— Пожалуй! сказалъ неохотно Раббъ, бросивъ взглядъ сожалѣнія на латинскіе in folio.

Письмо было однако написано. Торжествующій Мери схватываетъ его, беретъ вмѣстѣ съ нимъ двѣ статьи свои и бѣжитъ въ редакцію «Желтаго Карлика», гдѣ застаетъ Леона Галеви и Санто-Доминго. Онъ передаетъ имъ письмо Рабба, вмѣстѣ съ своими статьями.

— О, о! говорятъ они ему, пробѣжавъ его статьи: тутъ много хорошаго; но вамъ ли однимъ принадлежатъ онѣ?

— А кому же еще? спрашиваетъ Мери.

— Вашъ патронъ, вѣроятно, исправлялъ ихъ; тутъ очень замѣтенъ слогъ Рабба.

— Ну, это ужъ черезъ-чуръ! возражаетъ молодой человѣкъ, задѣтый за живое. Дайте мнѣ сюжетъ, сейчасъ же, я хочу тутъ же, передъ вашими глазами, бросить его на бумагу.

Леонъ Галеви и Санто-Доминго не прочь отъ испытанія, и задаютъ ему тему: «Городская почта».

Мери беретъ перо, садится у стола и пишетъ веселую статью, полную остроумія, юмора и неподдѣльнаго веселья, которую сейчасъ же разсылаютъ писателямъ и которая на другой день извѣстна всему Парижу и переходитъ изъ рукъ въ руки.

Суле, не думая долго, предлагаетъ Мери быть редакторомъ «Желтаго Карлика» съ тысячью восемью стами франковъ жалованья. Черезъ недѣлю, онъ увеличиваетъ эту сумму до двухъ тысячъ четырехъ сотъ франковъ, потомъ вскорѣ до трехъ тысячъ

франковъ и наконецъ касса «Желтаго Карлика» выдаетъ новому редактору все, что онъ не потребуетъ. Мери одинъ составлялъ весь журналъ.

Такое нашествіе на страницы журнала со стороны Мери было невольно. Легкость сочиненія, которою онъ обладалъ, создавая множество статей, заставляла ихъ предпочитать другимъ; это предпочтеніе разшевелило вражду завистниковъ, какъ это водится, но любезный и мягкій нравъ Мери разсѣялъ ее совершенно.

Къ тому же, Мери предстояло трудиться на болѣе достойномъ поприщѣ для его талантливаго пера. Поэтическія натуры невольно сближаются. Геній притягиваетъ къ себѣ геній.

Викторъ Гюго, уже пріобрѣтшій славу, подружился искренно съ молодымъ редакторомъ «Желтаго Карлика» и съ этой эпохи Гюго и Мери не переставали быть братьями по сердцу и по таланту. «L'Enfant sublime», какъ и Мери, имѣлъ 22 года отъ роду, но онъ былъ еще моложавѣе своихъ лѣтъ, не имѣлъ бороды и походилъ на молоденькую дѣвочку, одѣтую въ мужское платье. Вотъ чѣмъ объясняется названіе «геніальнаго дитяти», данное Виктору Гюго Шатобріаномъ. Викторъ Гюго уже пропѣлъ гимнъ свой о торжествѣ миропомазанія. Другой поэтъ, въ ту же эпоху, уже связанный узами дружбы съ Мери, тоже воспѣлъ Реймсъ, Карла X и священное миро. То былъ Бартелеми. По сознанію самаго Бартелеми, онъ относитъ большую часть успѣха своей «Вилеліады» сотруднику своему, Мери.

Въ эту пору Мери жилъ въ улицѣ Hailay-du-Palais. Товарищемъ въ его жилищѣ былъ Арманъ Каррель. «Желтый Карликъ» подвергнулся страшнымъ штрафамъ и взысканіямъ. Ни одинъ издатель не брался печатать его, и требовалъ впередъ платы. Онъ долженъ былъ прекратить выпускъ своихъ листовъ.

Какъ и чѣмъ платить типографщикамъ? Арманъ Каррель и Мери собираютъ своихъ пріятелей. Читаютъ имъ поэму «Виллеліаду.» Слушатели приходятъ въ восторгъ и объявляютъ ее образцовымъ произведеніемъ. Въ этомъ собраніи друзей находился клеркъ одного стряпчаго, который въ эту пору вѣроятно не воображалъ, что черезъ двадцать лѣтъ будетъ министромъ народнаго просвѣщенія. Ахиллъ де Волабель не имѣлъ тогда ни гроша; но онъ обратился къ своему брату, гвардейскому офицеру, получилъ отъ него нѣсколько луидоровъ и, спустя двое сутокъ, поэма Вилеліада, напечатанная и торжествую-

щая, вышла изъ подъ типографскихъ станковъ Феро въ улицѣ Foin-Saint-Jasques.

Constitutionnel находился въ это время на биржевой площади. Редакторами его были Етіень Жé, Тиссо, Жуй, Арно, настоящіе султаны книгопечатанія и раздаватели извѣстности, потому что въ описываемую нами пору не были еще придуманы «объявленія.» Всякое сочиненіе, которое этимъ господамъ вздумалось пройти молчаніемъ, могло быть поэтому самому обречено забвенію и пренебреженію.

Молодой авторъ Виллеліады пришелъ въ редакцію журнала Constitutionnel съ двумя экземплярами своей поэмы. Этіенъ беретъ небрежно одинъ изъ нихъ, разрѣзываетъ его тоже небрежно и пробѣгаетъ глазами, но вдругъ оживляется и вскрикиваетъ:

— Браво! брависимо! Это чистый Ювеналъ!..

Жуй, въ это время пробѣгавшій другой экземпляръ, хранилъ молчаніе, но тутъ тоже обратился къ Мери съ вопросомъ:

— Это вы написали?

— Я, отвѣчаетъ робко Мери.

— Я васъ поздравляю, молодой человѣкъ: вы пойдете далеко.

Входятъ сторонніе посѣтители, разговоръ пресѣкается. Говорятъ о палатахъ и рѣчахъ, тамъ произнесенныхъ. Мери раскланивается и уходитъ. Пріемъ ареопага, какъ видите, былъ лестенъ, но словесныя похвалы безплодны: ни одинъ изъ этихъ господъ не обѣщалъ написать отчета о новомъ произведеніи. Мери негодуетъ на себя, что у него недостало духу просить объ этомъ безъ околичностей. Зная, что Этіень всякій вечеръ обѣдаетъ у Frères-Provençaux, онъ намѣревается ожидать его выхода и потому становится на караулѣ, чтобъ подойти къ нему на дорогѣ. Послѣ получасоваго ожиданія, онъ видитъ выходящаго Этіеня. У него въ рукахъ брошюра; онъ, идя, читаетъ ее.

— Пусть читаетъ, думаетъ Мери: я сейчасъ заговорю съ нимъ.

И Мери слѣдуетъ за Этіенемъ не вдалекомъ отъ него разстояніи. Этіень не перестаетъ читать. Прервать его чтеніе не совсѣмъ ловко. На протяженіи всей улицы Вивьень, чтеніе продолжается; подъ арками Палерояля оно не прекратилось. Читая, онъ отворилъ дверь des Frères-Provençaux и не оставляетъ чтенія, садясь за столъ. На устахъ его пробѣгаетъ одобрительная улыбка; онъ киваетъ весело головою. Все это наблюдаетъ

Мерй изъ ближней стеклянной галлереи, глядя въ зеркало первой комнаты.

— Славно! говоритъ самъ себѣ поэтъ, потирая съ самодовольствіемъ руки. Статья будетъ написана, къ чему безпокоить этого добраго Этіеня моей просьбою. Просить всегда какъ-то непріятно.

На другой день Мерй, проснувшись, повѣряетъ свои финансы. У него четыре су въ наличности, однимъ только су менѣе, чѣмъ у Вѣчнаго Жида. Но, что же такое? о чемъ тутъ заботиться? Мерй завтракаетъ, купилъ на одинъ су хлѣба, на одинъ су дощечку шеколаду, остальное назначается имъ за листки Constitutionnel въ кафе.

О, счастіе! Виллеліада разобрана на шести столбцахъ огромнаго фельетона.

Мерй бѣжитъ къ переплетчику, беретъ связку изъ тринадцати экземпляровъ Виллеліады и отправляется въ Палероялъ. Онъ входитъ къ книгопродавцу Понтіё, подъ деревянными арками.

— Не угодно ли взять вамъ эти брошюры для распродажи?

— Нѣтъ не нужно; у меня мѣста нѣтъ отъ брошюръ. Ихъ такая гибель со всѣхъ сторонъ.

— Но я надѣюсь, что моя брошюра будетъ для васъ выгодна, возражаетъ Мерй. Constitutionnel очень пространно объ ней отнесся въ сегоднишнемъ фельетонѣ.

Книгопродавецъ наострилъ уши.

— Вы въ этомъ увѣрены? спросилъ онъ поэта.

— Увѣрьтесь сами въ этомъ, купивъ фельетонъ. Спустя нѣсколько минутъ послѣ этого, Понтіё читалъ статью, не вѣря глазамъ своимъ.

Не успѣлъ онъ прочесть перваго столбца, какъ дверь отворяется и незнакомецъ спрашиваетъ.

— У васъ есть брошюра поэмы Виллеліады?

— Вотъ она! спѣшитъ отвѣчать книгопродавецъ; выхватываетъ изъ рукъ Мерй тринадцать принесенныхъ имъ экземпляровъ. Цѣна пять франковъ!

Незнакомецъ расплачивается и исчезаетъ.

— Ахъ, чортъ возьми! статья въ журналѣ начинаетъ приносить плоды. Что мудренаго, васъ въ ней расхвалили, говоритъ книгопродавецъ, и хочетъ приняться за чтеніе статьи, только что имъ начатой. Дверь лавки снова отворяется, входитъ вто-

рой покупщикъ, потомъ третій, пятый, девятый и такъ далѣе. Вся связка экземпляровъ распродана, а посѣтители-покупщики не перестаютъ прибывать.

— Потерпите немного, господа, потерпите, говоритъ имъ книгопродавецъ: сейчасъ принесутъ мнѣ двѣ тысячи экземпляровъ. Прошу васъ подождать минуту.

И взявъ Мери за руку, онъ вывелъ его въ комнату, прилегавшую къ лавкѣ, и сказалъ ему:

— Сколько угодно вамъ за вашу поэму?

— Да не знаю, право... отвѣчалъ заминаясь молодой человѣкъ: я жду, чтобы вы сами оцѣнили... Я полагаюсь совершенно на вашу добросовѣстность.

— Двадцать тысячъ франковъ... мнѣ кажется...

— Положите двадцать пять тысячъ и по рукамъ!

— По рукамъ! сказалъ Понтіё, отворивъ свою кассу, отсчитавъ деньги и отдавъ счастливому поэту, который спряталъ ихъ въ карманъ, гдѣ утромъ было всего четыре су въ наличности.

Выходя изъ лавки книгопродавца, Мери казалось, что палерояльскія арки недовольно высоки для его роста и онъ наклонялъ голову, чтобы не задѣть за нихъ и не оцарапать себѣ лба. Одинъ изъ билетовъ, выданныхъ ему, онъ тотчасъ же размѣнялъ на золото.

По дорогѣ зашелъ онъ къ парикмахеру и выбрилъ себѣ впервые бороду.

Всѣ эти подробности, относящіяся къ первымъ литературнымъ успѣхамъ автора Гевы, совершенно справедливы и мы ихъ передали съ точностью. По нашему мнѣнію, ничто такъ не любопытно, какъ слѣдить за развитіемъ извѣстности и славы какой бы-то-нибыло знаменитости, съ самаго ея начала и пробѣгать по всѣмъ ступенямъ успѣха и неудачъ, пересѣкающихъ путь даровитаго человѣка. Виллеліада, эта грозная выходка противъ Виллеля, была распродана въ теченіе недѣли въ числѣ двѣнадцати тысячъ экземпляровъ. Она имѣла шестнадцать изданій, слѣдовавшихъ одно за другимъ. Двадцать-восьмое изданіе вышло въ 1830 году.

Мери выплатилъ всѣ свои долги. Въ числѣ главнѣйшихъ его заимодавцевъ была госпожа Кальдеру, содержательница гостинницы въ улицѣ Бюсси. Эта достойная женщина вѣрила въ лите-

ратурную славу, и на этотъ разъ, по-крайней мѣрѣ, ей не пришлось раскаяваться въ своемъ довѣріи.

Читатели наши, вѣроятно, помнятъ, объ обѣдахъ поэта у Альфонса Рабба. Историкъ Папъ вдругъ обратился въ ресторатора и представилъ своему земляку аптекарскій счетъ за свои обѣды.

Мери выплатилъ, сказавъ при этомъ очень остроумно:

«Съ такимъ человѣкомъ все потеряешь, даже свою латинь.»

Надо сказать, что съ этой поры Раббъ былъ погруженъ въ темныхъ слояхъ литературнаго міра, тогда какъ его собратъ возносится все выше и выше, и въ высокихъ сферахъ искусства достигаетъ уже ряда замѣчательнѣйшихъ созвѣздій. Всѣ знаменитости подаютъ руку автору Виллеліады. Эмиль и Антони Дешаны, Сентъ-Бёвъ, Дюма, Буланжé, Делакруа, Россини, Герольдъ и двадцать другихъ знаменитостей домогаются дружбы Мери. Никто лучше его не понимаетъ братства, связывающаго литераторовъ и художниковъ. Никогда зависть, съ ея низкими интригами, не коснулась возвышенной и великодушной души поэта. Когда слушаешь Мери, ему нельзя не удивляться; когда его знаешь, нельзя не любить.

Послѣдуемъ за нимъ по его поэтическому пути.

Въ началѣ 1829 года онъ написалъ: «Убійство,» кровавое воспоминаніе, поразившее его юный умъ. Бартелеми не былъ участникомъ въ этомъ трудѣ; но послѣ него, они вдвоемъ дружно ратоборствовали перомъ.

Спустя полгода послѣ Виллеліады, явились «Римъ въ Парижѣ» и «Корбіереида.»

Послѣ паденія министерства, друзья написали: «Наполеонъ въ Египтѣ», — этотъ гранитный пьедесталъ, на которомъ они прочно утвердили свою славу.

Амброазъ Дюпонъ купилъ новое произведеніе за шестьдесятъ тысячъ франковъ. Кромѣ того, онъ далъ задатку двадцать восемь тысячъ за первое ихъ сочиненіе. Судьба предназначила ихъ Бартелеми.

Послѣ 1830 года, Мери уѣхалъ въ Марсель и бросилъ политику. Но трудъ его не былъ еще оконченъ.

Онъ получаетъ извѣстіе отъ своего сотрудника, что онъ издаетъ «Немезиду», и вызываетъ его вновь на литературную арену. Въ объявленіи о «Немезидѣ» Бартелеми называетъ ее «журналомъ въ стихахъ *одного* автора». Такъ гласитъ публикѣ объявленіе. Но Бартелеми скоро увѣрился, что такой трудъ ему не

по-плечу. Мери согласился помочь ему въ трудѣ. По рѣдкому чувству скромности и деликатности, онъ никогда не выставлялъ своего имени въ журналѣ, чтобы остаться вѣрнымъ объщанію, данному въ объявленіи; но вскорѣ всѣ журналы приподняли покровъ тайны, а издатель Немизиды, въ книжкахъ, выставилъ на заглавномъ листѣ оба имени двухъ литературныхъ сіамскихъ близнецовъ.

Немезида, эта періодическая сатира, которая безщадно карала и обличала всякую ложь, всякую измѣну, которая срывала всѣ маски и бичевала безжалостно все достойное посмѣянія, оставила на многихъ лицахъ нашихъ современниковъ слѣды, которые еще и понынѣ не совсѣмъ исчезли.

Немезида существовала только одинъ годъ. Не бывъ въ состояніи внести ста тысячъ франковъ залога, требуемаго правительствомъ, Немезида прекратила выпускъ своихъ листковъ. Мери воспользовался своею свободою и отправился, въ первый разъ, въ Италію, куда приглашали его члены императорской фамиліи, которая не переставала быть съ нимъ въ благосклонныхъ сношеніяхъ по письмамъ. Королева Гортензія писала ему между прочимъ: «Я читала «Наполеона въ Египтѣ» и дѣти мои твердятъ поэму на память, перечитывая ваши стихи.»

Мери былъ принятъ высокими изгнанниками, какъ былъ этого достоинъ, то есть — со всѣми знаками признательности и самой искренней, горячей дружбы.

Онъ вездѣ видѣлъ свои творенія; стихи его читались всѣми на память. Одинъ изъ сыновей королевы Гортензіи, умершій впослѣдствіи въ Романіи, иллюстрировалъ самъ «Сраженіе при пирамидахъ.» Этотъ рисунокъ можно видѣть въ альбомѣ Жерома Бонапарте. Сорокъ вѣковъ, одѣтые въ саваны, стоятъ у главной пирамиды, возвышаясь отъ низа къ верху ея и смотрятъ на бѣгство побѣжденныхъ арабовъ.

Мери часто случалось писать стихотворенія въ присутствіи императорской фамиліи. Одно изъ нихъ: «Ея высочеству принцессѣ де Монфоръ» не находится ни въ одномъ изъ собраній стихотвореній поэта.

До 1830 года, Мери уже сталъ извѣстнымъ прозаикомъ, написалъ «Зеленый колпакъ», который можетъ соперничествовать съ Rouge et Noir», Стендаля. Путешествіе въ Италію довершило славу его, какъ лучшаго современнаго романиста.

«Онъ вывезъ изъ этого путешествія — говоритъ Жоржъ

Бель—» много драгоцѣнныхъ замѣтокъ, которыя служили ему матеріяломъ для его «Сценъ изъ италіянской жизни», изданныхъ по возвращеніи во Францію.

Слѣдующія выписки мы заимствуемъ у того же Жоржа Беля, написавшаго замѣчательное предисловіе къ «Гевѣ», въ собраніи новѣйшихъ романовъ.

Въ Revue de Paris вскорѣ былъ напечатанъ романъ «Любовь въ будущемъ», котораго извѣстность еще болѣе увеличилась, когда онъ вышелъ отдѣльною книгою. За этимъ романомъ слѣдовали: «Ванъ-Дикъ въ Бриньольскомъ дворцѣ», «Адепты безсмертія», «Переданная душа» и многіе другіе, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, въ періодическихъ изданіяхъ, литературныхъ и политическихъ.

Позже, и въ разное время, всегда съ любовью, Мери возвращался къ своимъ впечатлѣніямъ вояжа въ Италію. Предъ читателями являлись, то «Святый Петръ въ Римѣ», то «Принцесса Гортензія», то «Семирамида» и, наконецъ, величественное произведеніе, недавно вышедшее изъ-подъ пера поэта, подъ названіемъ: «Еврейка въ Ватиканѣ, или Любовь и Римъ», самая полная и вѣрная книга о Римѣ и Италіи, какою когда-либо обладала французская литература.

Наконецъ, все съ помощью драгоцѣнныхъ отмѣтокъ, вывезенныхъ Мери изъ ватиканскихъ книгохранилищъ, онъ могъ написать «Франція и Востокъ»—величавый мавзолей славы предковъ французовъ, послѣдовавшихъ за Людовикомъ Святымъ на защиту Гроба Господня.

Мери перешагнулъ черезъ Альпы, усладивъ прежде послѣднія минуты жизни матери императора,—этой новой Корнеліи, испытавшей столько бѣдствій, послѣ столь великой славы.

По возвращеніи своемъ въ Парижъ, онъ увидѣлъ его засыпаннымъ лавиной мелкихъ журналовъ.

Не было эпохи, болѣе достойной посмѣянія. Цѣлая страна разражалась смѣхомъ отъ выходокъ «Карикатуры», «Веръ-Вера», «Шаривари» и, болѣе прочихъ, отъ «Фигаро», оставившаго столько остроумныхъ и колкихъ воспоминаній.

Мери пригласили принять участіе въ войнѣ новаго рода,—войнѣ на булавкахъ. «Фигаро» былъ увѣренъ, что Мери доставитъ ему самые острые удары и вскорѣ явились въ свѣтъ, на радость и утѣху читателей, острыя его статьи, полныя юмора и веселья. Кто не помнитъ веселой охоты за поискомъ «Мнѣнія

публики», столь же труднаго отыскать, какъ Діогеновскаго человѣка? или, кто могъ забыть странную исторію «Арбогаста», который въ продолженіе цѣлой недѣли повергнулъ одного академика на Прокустово ложе?

Мери отдавалъ отчетъ торжественнаго представленія пятиактной трагедіи г. Віенне на сценѣ Французской Комедіи; онъ разбиралъ все твореніе, приводилъ цѣлыя тирады, говорилъ о восторгѣ зрителей, о рукоплесканіяхъ и браво при имени автора—и чего еще не говорилъ онъ?

Всѣ бросились поздравлять творца «Арбогаста» всѣ... кромѣ членовъ общества «Французскаго театра», совершенно удивленныхъ отчетомъ пьесы, которую они и не думали давать на сценѣ.

Впослѣдствіи она была дана,— но только всего одинъ разъ.

Всякое утро Мери писалъ три статьи, прежде чѣмъ отправиться къ герцогу Шуазелю, гдѣ его ожидали ежедневно завтракать, вмѣстѣ съ Барневилемъ и маркизомъ Жіамбоне. Барневиль игрывалъ въ шахматы съ Жанъ Жакомъ Руссо, а Жіамбоне зналъ Вольтера. О герцогѣ Шуазелѣ можно сказать, что онъ былъ послѣднимъ представителемъ старинныхъ вельможъ. Онъ одинъ, во времена мѣщанской глупости, выказывалъ величіе, благородныя стремленія и просвѣщенное покровительство художествамъ, и одинъ онъ подавалъ въ томъ примѣръ прочимъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ, мэтръ-д'отель растворялъ двери столовой, гдѣ стоялъ ненакрытый столъ и съ послѣднимъ ударомъ на луврскихъ часахъ столъ былъ уже готовъ. Приглашенные посѣтители садились кругомъ его.

Писатели, артисты, пэры Франціи, прелаты, депутаты садились безъ чиновъ за братскимъ столомъ, изъ-за котораго была исключена только буржуазія, а слѣдовательно за нимъ постоянно присутствовали хорошія манеры, тонкость обращенія, и совершенная свобода.

Мери, на этихъ завтракахъ у герцога Шуазеля, былъ цѣпью, связывавшею два вѣка, двѣ литературы. Онъ обѣщалъ доставить маркизу Джіамбоне ложу въ представленіе «Эрнани», а Жіамбоне разсказывалъ ему о первомъ представленіи «Ирены.»

Между прочими посѣтителями, стоявшими одною ногою за рубежемъ прошлаго вѣка, и подававшими руку нынѣшнему поэту, мы упомянемъ: о Дюперре, бывшемъ секретарѣ Мирабо; о г. Прадтѣ, извѣстномъ миланьскомъ архіепископѣ, и о Жуи, сдѣлавшемся лучшимъ другомъ автора Виллеліады.

Съ этой эпохи Мерй сталъ извѣстенъ какъ краснорѣчивый собесѣдникъ. Трудно встрѣтить въ одномъ человѣкѣ соединеніе легкости выраженій, тонкости оборотовъ рѣчи, оригинальную игру чертъ физіономіи и блистательной находчивости возраженія, какими обладаетъ Мерй. Разговоръ Мерй это безпрерывный фейерверкъ—блестящій, лучезарный, ни на минуту не потухающій. Вотъ уже двадцать лѣтъ какъ всѣ жаждутъ его видѣть и слышать во всѣхъ собраніяхъ, артистическихъ празднествахъ и пирушкахъ, и краснорѣчіе его не уменьшилось и не ослабло.

Кто видитъ и слышитъ его въ первый разъ, на того онъ производитъ впечатлѣніе метеора. Первое чувство—изумленіе, даже страхъ; удивленіе и восторгъ являются послѣ. Но что въ немъ еще удивительнѣе, это даръ импровизаціи перомъ, столь же быстрый, какъ импровизація рѣчи и столь же блестящій.

Мы могли бы тому привести двадцать доказательствъ, вмѣсто одного.

На одномъ обѣдѣ у госпожи Жирарденъ, кто-то заговорилъ о Лукреціи, трагедіи, принятой въ Одеонѣ и о которой Лирё уже заранѣе трубилъ во всѣхъ объявленіяхъ. Это средство и осужденіе «Бургграфовъ» не мало способствовали успѣху Лукреціи. Если не удается у насъ сбросить кого-либо съ высоты, то стоитъ только возвести другаго на пьедесталъ, и тогда только время рѣшаетъ кому устоять.

День представленія Лукреціи насталъ.

— Трагическая трагедія!.. возразилъ Мерй: Боже мой! да кто не можетъ нынче написать классической трагедіи?.. Я въ глаза не видалъ новаго произведенія, но предлагаю пари, что въ два часа времени напишу вамъ первый актъ Лукреціи. Тогда я предоставляю вамъ сравнить его съ первымъ актомъ Лукреціи Понсара.

Пари принято. Госпожа Жирарденъ вводитъ Мери въ свой рабочій кабинетъ, запираетъ въ немъ поэта на ключь и, спустя девяносто двѣ минуты, съ часами въ рукахъ, Мери представляетъ обществу обѣщанный имъ актъ.

Согласитесь, что это было похоже на волшебство. Журналъ la Presse, не желая повредить Юдиѳи, бывшей тогда въ разучиваніи на театрѣ Французской комедіи, не захотѣлъ помѣстить стихотворнаго произведенія Мери; но одинъ изъ редакторовъ журнала Globe воспользовался этой волшебной импровизаціей и

помѣстилъ ее на другой же день въ своемъ фельетонѣ, какъ предвкусіе трагедіи Понсара.

Многіе были обмануты. Вечеромъ, когда пьеса была дана въ Одеонѣ, нѣкто подошелъ къ Шарлю Нодьé и спросилъ его мнѣнія о пьесѣ.

— Не дурна, отвѣчалъ тотъ, только жаль, что лучшее изъ нея выброшено.

— А что же выброшено?

— Да то, что было напечатано въ Globe, съ недѣлю тому назадъ, сказалъ Нодьé.

Предоставляемъ читателямъ сравнить оба акта, хотя авторитетъ такого человѣка, какъ Шарль Нодье, уже самъ по себѣ силенъ.

Друзья Мери находили удовольствіе дѣлать ему подобнаго рода испытанія.

«Почтеннѣйшій другъ, писалъ ему однажды Жоли: дѣвица X..., наша знаменитая diva, имѣетъ въ кухонномъ отношеніи самыя отвратительныя ереси; она запретила своему повару употреблять чеснокъ въ кушаньи. Но за то она бредитъ вашими стихами, и я держалъ пари, что вы пришлете мнѣ нѣсколько строфъ въ защиту чеснока, которыя обратятъ ее на путь истинный.»

Мери находился тогда въ Марсели и отвѣчалъ:

«Je le sais; l'ail, l'enfant des Bastides voisines,
N'est pas en bonne odeur dans vos fades cuisines,
Même au Palais-Royal, tout encadré d'arceaux,
Jamais l'ail n'embauma de ses gousses cheries
Dans leur beau restaurant, ouvert aux galeries,
Les frères Provençaux.

И такъ далѣе, пять строфъ, одна другой остроумнѣе.

Ганри Монніé находился тогда тоже въ Марсели. Кисть артиста вошла въ соперничество быстроты съ перомъ поэта, и пятьдесятъ два часа спустя по отправленіи своего письма къ Мери, Константинъ Жоли получилъ «Оду къ чесноку», иллюстрированную. Мы сами не повѣрили бы такой быстрой способности писать, если бы не были свидѣтелями, вмѣстѣ съ Фелисьэномъ Давидомъ, подобнаго же случая.

Это случилось вначалѣ прошлаго лѣта, въ загородномъ домѣ, обитаемомъ Мери въ Шату.

Дѣло шло о пятомъ актѣ одной большой оперы серіа, которая приводится нынѣ къ окончанію Фелисіеномъ Давидомъ.

Вдругъ, изъ столкновенія идей возраждается новое музыкальное положеніе. Молодой артистъ находитъ его удовлетворительнымъ, глаза Мери блестятъ и, не откладывая, онъ при насъ, взявъ перо, безостановочно пишетъ девяносто стиховъ рифмованныхъ и разговорныхъ, безъ всякой помарки, подъ названіемъ «Дуэтъ послѣдней любви.»

У Виктора Гюго, въ жилищѣ его, на Королевской площади, въ улицѣ La Tour-d'Auvergne, чаще всего случались эти поразительныя примѣры импровизаціи и, между тѣмъ, ни одно облако зависти не скользнуло по ясной дружбѣ двухъ поэтовъ, творцевъ Руи-Блаза и Гевы. Они любили другъ друга съ братскою нѣжностью и удивлялись другъ другу какъ поэты.

По возобновленіи «Гернани», въ которомъ снова явилась Дорваль, Мери написалъ на своихъ колѣнахъ въ глубинѣ ложи четверостишіе, которое, къ сожалѣнію, мы не могли отыскать. Викторъ Гюго прочитавъ его, отвѣчалъ ему слѣдующее:

1 января.

«Какъ вы добры, поэтъ, и какъ вы счастливы! Творить такія вещи, когда на дворѣ четырнадцать градусовъ мороза—значитъ имѣть въ душѣ болѣе теплоты, чѣмъ солнце на небѣ. Какою необычайною способностью вы владѣете! Жена моя плакала, я былъ душевно тронутъ, а вечеромъ, читая ваши стихи доннѣ Соль, трепетной уже отъ ощущеній своего торжества, они нашли еще средство увеличить ея смятеніе, даже послѣ оглушительныхъ восклицаній полной залы слушателей. Четыре стиха, вами написанные, уже даютъ славу. Госпожа Дорваль уже получила артистическій вѣнокъ, вы осыпали его брилліантами. Я васъ люблю.

Викторъ.»

Чтобы кончить съ нашимъ удивленіемъ къ такой необычайной способности Мери писать безъ приготовленія, которое, столько же какъ и насъ, удивляло самого Виктора Гюго, мы приведемъ еще одинъ, послѣдній примѣръ, который разсказывалъ Гюго тысячу разъ.

То было въ одинъ изъ мартовскихъ четвергов. Наши поэты-друзья позавтракали вмѣстѣ. Выходя съ Королевской площади, они повстрѣчались на бульварѣ съ Антеноромъ Жоли и Фердинандомъ Вилльнёвомъ.

— Когда же вы намъ напишете драму? спросилъ Антеноръ автора Гернани.

— Развѣ вамъ ее надо скоро?

— Очень скоро.

— Ну, такъ вотъ Мери напишетъ вамъ ее и принесетъ ко мнѣ въ понедѣльникъ, чтобы ровно въ полдень прочитать въ вашемъ присутствіи.

Викторъ Гюго говорилъ это безъ всякой шутки.

Другъ его не противорѣчилъ, хотя онъ никогда не писалъ для театра. «Но я не хотѣлъ бы ни зачто въ свѣтѣ принудить моего друга отказаться отъ своего слова», вотъ что сказалъ Мери въ одномъ изъ своихъ предисловій.

Въ назначенный день и часъ Мери прочиталъ будущимъ директорамъ театра Renaissance драму, подъ названіемъ: «Тулузская битва». Она выдержала сто представленій и вотъ уже болѣе восемнадцати лѣтъ не перестаютъ играть ее на провинціальныхъ театрахъ. Драма эта заключаетъ въ себѣ много новыхъ положеній, до того полныхъ интереса, что одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ Александра Дюма́, присвоилъ ихъ себѣ въ пьесѣ «За́мокъ Грантіе́», чѣмъ онъ хотѣлъ доказать, что можетъ создавать одинъ, безъ сторонней помощи. Но не довольствуясь этимъ, скупой на *свои* богатства, этотъ же самый сотрудникъ Дюма, для оперы «Фронда», заимствовалъ всю развязку у «Тулузской битвы» и перенесъ ее цѣликомъ въ оперу, по справедливому замѣчанію г. Фіорентино, въ музыкальномъ его разборѣ этой оперы.

Здѣсь кстати поговорить о злоупотребленіи, тѣмъ болѣе предосудительномъ, что публика не можетъ предупредить его. Есть въ литературномъ пчельникѣ трудолюбивыя пчелы, которыя летаютъ по цвѣтистому полю воображенія, собирая медъ самыхъ сладкихъ и душистыхъ соковъ поэзіи и вымысла. Вдругъ являются трутни, нападаютъ на улей и пожираютъ весь медъ.

Гг. водевилисты и составители сценическихъ пьесъ... понимаете ли вы эту притчу?

Вмѣсто того, чтобы черпать изъ своего мозга, они пользуются готовымъ сюжетомъ. Право, надо думать, что у нихъ нѣтъ въ головѣ ни вымысла, ни мысли. Ни одинъ романъ, ни одна повѣсть не избѣгаетъ ихъ фуражировки. Они храбро развѣшиваютъ передъ глазами зрителей разрубленныя, разорванныя части часто образцоваго произведенія. Этотъ грабежъ совершается передъ лицемъ закона, открыто и приноситъ имъ большіе барыши. Если вы вздумаете позвать грабителей въ судъ, то предъ вами пред-

станутъ откормленные буржуа, превращенные въ толстобрюхихъ судей, которые совершенно понимаютъ право матеріальной собственности и знаютъ наизусть всѣ статьи кодекса, говорящія въ защиту ея, но ничего не смыслятъ въ правѣ умственной собственности и не въ состояніи защитить ее.

Выходитъ всегда, что пчелы не правы, а трутни могутъ кушать ихъ медъ, сколько ихъ душѣ угодно. Только случается трутнямъ дѣлать набѣгъ на одинъ и тотъ же улей по нѣсколько разъ. Такъ въ новѣйшей драмѣ, данной на сценѣ Сенъ-Мартенскаго театра, авторы заблагоразсудили въ третій разъ воспользоваться развязкой «Тулузской битвы». Видно, когда брать у Мери, такъ ужъ есть что взять!»

Спокойные на счетъ рѣшенія судебныхъ мѣстъ, всегда для нихъ снисходительныхъ, два изъ нашихъ плодовитѣйшихъ водевилистовъ заимствовали у Мери, для ихъ «Просвѣщеннаго человѣка», изъ повѣсти его «Счастіе милліонера», а бульварный драматургъ построилъ свой «Семибашенный замокъ» изъ матеріаловъ «Серальской любви». Только, какъ водится, названія измѣнены.

Нашелся однако литературный трутень, который отбросилъ и эту совѣстливость. Г. Шартонъ овладѣлъ цѣликомъ «Переданною душею» Мери, не перемѣнивъ даже ея названія. Онъ проглотилъ весь сотъ съ воскомъ и медомъ. Эти грабежи особенно производились во время выпуска «Лондонскихъ ночей», прелестнаго созданія, которымъ Мери подарилъ читателей по возвращеніи своемъ изъ Англіи, гдѣ онъ путешествовалъ вмѣстѣ съ Маріей Таліони.

Господа фабриканты водевилей, вѣроятно, находятъ свое оправданіе въ аксіомѣ: занять можно только у богатыхъ.

Между 1842 и 1844 годами, въ эпоху описываемую нами, Мери обладалъ неизсякаемымъ родникомъ литературнаго вдохновенія. «Гева», «Флорида», «Низамская война» слѣдовали одна вслѣдъ за другою и не давали читателямъ журнала la Presse перевести духъ.

Эта блистательная трилогія, замѣнившая «Удольфскія тайны», «Исторію одного утеса» и «Семейство Дербіе», принесла кучу золота въ журнальную кассу.

Случившійся пожаръ въ конторѣ журнала la Presse превратилъ въ пепелъ первыя четырнадцать листовъ «Низамской войны». Директоры предложили Мери пять тысячъ франковъ вознагражденія. Мери отказался и началъ снова свое сочиненіе.

Дюжарріе, умершій впослѣдствіи столь бѣдственнымъ образомъ на дуэли, которую судъ призналъ за убійство, написалъ ему по случаю его отказа:

«Любезный Мери!

Ваше письмо глубоко меня тронуло; но чувства, вами въ немъ выраженныя, нисколько меня не удивляютъ съ вашей стороны. Вы отказались отъ предложенія г. Жирардена: пусть будетъ по вашему; но я предоставляю себѣ поступить по своему, хотя теперь объ этомъ ни слова. Мнѣ нужно время.

Вашъ всѣмъ сердцемъ

Дюжарріе».

Три мѣсяца послѣ этого письма, великолѣпная чернильница, работы лучшихъ парижскихъ мастеровъ, представляющая главные эпизоды «Низамской войны», была поднесена автору индѣйской трилогіи, въ знакъ дружбы и благодарности.

Мери никогда не былъ въ Индіи, а между тѣмъ описалъ ее съ поразительнымъ интересомъ для читателя.

Надо сказать, что поэты получаютъ вдохновенія свыше и совершенно непонятныя простымъ смертнымъ. Небо одаряетъ привилегированныя существа духовнымъ провиденіемъ.

Кромѣ упомянутыхъ нами твореній Мери, онъ создалъ: «U ne Ferme d'Orange», «Луврскій заговоръ», «Парижская Цирцея», «Неутѣшная вдова», «Адріенна Шеневьé», «Двѣ вывѣски», «Le transporté (Переселенный)», «Парижскій бракъ» и прелестная повѣсть «Англичанинъ и Китаецъ», благодаря которой Лагренé былъ сдѣланъ китайскимъ посланникомъ; такъ супруга его неотступно просила Гизо доставить ей случай увидѣть страну такую восхитительную, по описанію Мери.

— Я вамъ обязанъ своимъ назначеніемъ, сказалъ Лагрене Мери и желалъ бы отплатить вамъ чѣмъ-нибудь для васъ пріятнымъ.

— Привезите мнѣ черепицу съ храма Пао-гнен-тзе. (Храмъ Благодарности, который недавно разрушенъ вслѣдствіе возмущенія).

Два года спустя, Мери получилъ огромный ящикъ, наполненный разными китайскими рѣдкостями, - въ срединѣ которыхъ, въ богатомъ ящикѣ, покоилась черепица на шелковой ароматной подушечкѣ.

Мери столько же видѣлъ Китай, какъ и Индію, т. е. духовнымъ зрѣніемъ и не выходя изъ своего кабинета.

Вскорѣ два новыхъ романа: «Родимый Край» и «Австралійскій отверженникъ», достойные братья Гевы, напомнили читателямъ озеро Тинневели, деревья желтыхъ тюльпановъ и все богатство тамошней природы.

Мери соединяетъ въ себѣ качества, рѣдко встрѣчающіяся въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Вмѣстѣ съ необыкновенною силою воображенія и неизсякаемаго вдохновенія, поэта можно сравнить съ Евклидомъ въ математикѣ; онъ ученъ какъ Лейбницъ, астрономъ какъ Ньютонъ, философъ какъ Байль и Декартъ. Въ шахматной игрѣ онъ побѣждалъ Лабурдонне. Во время пребыванія его въ Англіи, столъ, на которомъ Мери игралъ въ вистъ въ салонахъ адмиралтейства, окружала цѣлая плеяда кометъ по вистовой части.

Какъ свѣтскій человѣкъ, Мери своимъ присутствіемъ разгонялъ скуку и принужденіе.

Жизнь его—длинная поэма, пересѣкаемая сладкими, благоуханными случайностями, подъ прелестнымъ небомъ, на которомъ блестящая звѣзда, олицетворенная образомъ женщины, постоянно осыпала его своими лучами.

Настанетъ, быть можетъ, время, когда намъ будетъ позволено приподнять завѣсу, скрывающую сладкія тайны. Мы разскажемъ тогда, какъ сильно Мери былъ любимъ и какъ онъ былъ достоинъ подобной любви.

Болѣе двадцати лѣтъ, Мери изгналъ отъ себя политическую музу, и занялся единственно сердечною интимною поэзіею, разсыпая ее по всѣмъ альбомамъ, по всѣмъ будуарамъ, какъ драгоцѣнные перлы, которые могли бы всѣ исчезнуть, если бы Жоржъ Бель, его другъ, не собиралъ ихъ и не нанизывалъ на одну нить подъ названіемъ «Поэтическихъ мелодій», издаваемыхъ Викторомъ Леку.

У Мери нѣтъ ни одного врага. Всѣ артисты любятъ его и удивляются ему.

Помогать, поддерживать, покровительствовать художникамъ и искусствамъ—вотъ цѣль его жизни. Ничто не можетъ остановить его въ этомъ трудѣ: ни хлопоты, ни трудъ, ни пожертвованія. Кто не помнитъ, что Мери, прискакалъ изъ Флоренціи въ зимнее время, чтобъ написать по случаю открытія театра Возрожденія.

L'art n'a jamais assez de temples dans le monde
Il faut tendre la main à la main qui les fonde.

Написавши рѣчь, Мери поспѣшилъ возвратиться по ту сторону Альпъ, потому что онъ страдалъ отъ холоду. Мы забыли сказать, что Мери былъ питомцемъ юга и зябнулъ постоянно на нашихъ бульварахъ въ срединѣ лѣта.

Но Мери не зналъ сердечнаго холода. Протяните къ нему руку, онъ протянетъ къ вамъ обѣ.

Въ послѣдніе годы нашихъ безпорядковъ, много несчастливцевъ нашли въ немъ покровителя и прибѣжище. Современные литераторы никогда не забудутъ, что лучшій изъ нашихъ фельетонистовъ, которому грозило изгнаніе, обязанъ своимъ спасеніемъ автору Гевы.

Добрый, чувствительный, снисходительный Мери всегда находилъ, что похвалить у своихъ собратій по литературѣ, а если ему случалось критиковать кого изъ нихъ, то рѣчь его становилась столь остроумною и умѣренною, что тотъ, до кого она касалась, смѣялся первый самъ надъ собою.

Приведемъ этому примѣръ.

Во время представленій «Улисса» онъ разъ двѣнадцать сряду приходилъ смотрѣть произведеніе Понсара. Мы съ Жераромъ де Нервалемъ спросили его о причинѣ такой эксцентричности.

— Въ этой пьесѣ, сказалъ онъ намъ, съ начала до конца такое совершенное отсутствіе всякаго интереса, что это меня занимаетъ.

Двѣ страсти господствовали надъ сердцемъ Мери въ продолженіе всей его жизни: любовь къ искусству и любовь къ Франціи.

Мери всегда воодушевлялъ своимъ энтузіазмомъ всякаго новаго геніальнаго атлета, являвшагося на арену. Курбе, Діазъ, Кутюръ и двадцать другихъ могутъ засвидѣтельствовать, что Мери первый привѣтствовалъ ихъ на поприщѣ славы.

Что касается до любви его къ Франціи, всякій разъ, какъ только въ Европѣ касалась рѣчь о чести его отечества, Мери разливался въ величественныхъ стихахъ и являлся вдохновеннымъ поэтомъ. Мери вдохновляется событіями, какъ вдохновлялись встарину рапсоды-эллины. Какъ только вдохновеніе слилось съ пера его, поэтъ забываетъ о своемъ произведеніи, а какой-нибудь журналъ подхватываетъ его и украшаетъ имъ страницы свои. Мери, менѣе чѣмъ кто-нибудь посторонній, можетъ сказать, гдѣ находятся и куда дѣвались тысячи его стихотвореній, явившихся такимъ образомъ въ свѣтъ.

Мы не говорили о Мери, какъ о драматическомъ писателѣ, хотя ежедневно пьесы его даются то въ Одеонѣ, то во Французской комедіи, то на сценѣ театра Porte-Saint-Martin.

Его сценическія произведенія сколокъ съ его разговорнаго языка. Фейерверкъ остроумія начинается съ первымъ стихомъ и потухаетъ лишь съ паденіемъ занавѣса.

Для заключенія нашей біографіи, которая, какъ мы надѣемся, будетъ со временемъ написана нами гораздо пространнѣе, мы приведемъ выписку изъ мемуаровъ Александра Дюма:

«Мери, говоритъ онъ, знаетъ все, или почти все, что можно знать человѣку: онъ изучилъ Грецію и знаетъ ее какъ Платонъ, Римъ какъ Витрувій, языкъ латинскій какъ Цицеронъ, итальянскій какъ Данте, англійскій какъ лордъ Пальмерстонъ. Самый остроумнѣйшій человѣкъ въ мірѣ имѣетъ свои скучные и веселые дни, тяжесть и легкость расположенія духа. Мери никто не видѣлъ уставшимъ, отяжелѣвшимъ: онъ всегда неистощимъ. Если онъ молчитъ, то не думайте, что онъ отдыхаетъ,—онъ слушаетъ. Хотите, чтобы Мери снова заговорилъ, только затроньте его и Мери будетъ говорить о морали, литературѣ, политикѣ, путешествіяхъ. Не прерывайте его, и будетъ ли идти рѣчь о Сократѣ или Кузенѣ, о Гомерѣ или Віенне, о Геродотѣ или Котю, вы услышите занимательную импровизацію, которую никогда не приходилось вамъ слышать прежде этого. Мери ученъ какъ Нодьé, поэтъ какъ всѣ мы взятые вмѣстѣ, лѣнивъ какъ Фигаро и остроуменъ какъ... Мери.»

Намъ тѣмъ пріятнѣе быть одного мнѣнія съ Александромъ Дюма, что онъ какъ-то принудилъ насъ напечатать противъ него непріятную статью. Мы будемъ совершенно счастливы въ тотъ день, когда намъ докажутъ, что мы можемъ сказать и о Дюма какъ о Мери: онъ самъ сочиняетъ свои произведенія. Никогда ни одного изъ нихъ не коснулось чужое перо. Его слава самобытна, его дарованіе неподдѣльно, добросовѣстность не подвержена никакому сомнѣнію. Онъ не толкнулъ ни одного изъ своихъ собратій на ложный путь; онъ не заставилъ ни одного изъ нихъ пренебрегать искусствомъ, ради прибыли, и никогда не пользовался неблагородными средствами, незаконною прибылью отъ литературнаго труда. Наконецъ, если у Мери бывали сотрудники, то онъ всегда выставлялъ ихъ въ выгодномъ свѣтѣ, а не присвоивалъ себѣ ихъ произведеній.

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ

О

ГАМБУРГСКОМЪ ТЕАТРѢ, ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Собраны Отто Мюллеромъ.

—

I.

То, что и донынѣ называется Кугельсъ-ортъ, образуетъ одну изъ тѣхъ безчисленныхъ улицъ Гамбурга, которыя извѣстны подъ названіемъ *пассажей* и составляютъ вмѣстѣ что-то въ родѣ лабиринта. Въ старину, этотъ кварталъ, еще больше чѣмъ теперь, былъ населенъ самымъ бѣднымъ и развратнымъ классомъ людей. Тамъ-то поселились всѣ бѣдствія, облеченныя въ самую грустную и отвратительную форму, и устроили себѣ свой городъ — городъ скорби, болѣзней и пороковъ, посреди большаго города роскоши и великолѣпія. Внутри этихъ темныхъ, закоптѣ-

лыхъ лачугъ и дворовъ, которые сами по себѣ составляютъ темные проходы и закоулки безъ выхода, пролетарій Гамбурга ведетъ жизнь столь же чуждую блеска и радостей свѣта, какъ и сырой притонъ его чуждъ солнца, которое изрѣдка бросаетъ свои блѣдные лучи на эти безотрадныя жилища горя, нищеты человѣческой и разврата.

Чужой человѣкъ, впервые вошедшій въ эту путаницу проходовъ, улицъ и закоулковъ, по которымъ съ трудомъ можетъ проѣхать одна карета, (до того они узки и извилисты, и идутъ то въ гору, то подъ гору неровными скатами), напрасно сталъ бы искать выхода изъ этой нераспутываемой нити улицъ, которыя перекрещаютъ другъ друга, сплетаются и снова расходятся. Жители квартала этого смотрятъ съ такимъ же удивленіемъ на прохожаго, съ какимъ онъ самъ на нихъ смотритъ; какъ онъ, такъ и они, служатъ обоюднымъ предметомъ любопытства. Вотъ сейчасъ онъ прогуливался посреди шумной толпы великолѣпнаго города, и вдругъ перенесенъ, какъ будто волшебною силою, въ страну грустную и пустынную: дѣятельность жизни, движеніе толпы уступаютъ мѣсто безотрадной нищетѣ: только молотокъ бѣднаго ремесленника, прилежно работающаго за прилавкомъ, раздается иногда посреди тягостной тишины, или слышатся крики ребенка, да еще за разбитымъ окномъ наглый смѣхъ какой-нибудь обитательницы одного изъ тѣхъ притоновъ, куда не иначе можно взобраться, какъ по узкой лѣстницѣ, столь же удобной, какъ веревочная.

Вотъ все, что напоминаетъ, что жизнь существуетъ еще въ этомъ захолустьѣ, съ своимъ трудомъ и борьбою, добродѣтелями и пороками; но безъ прикрасъ, въ такомъ видѣ, какъ она есть; въ видѣ не столь обманчивомъ и подслащенномъ, какъ въ большомъ городѣ.

Тамъ-то, въ 1774 году, днемъ, въ ненастную, осеннюю погоду, толпа стариковъ и молодыхъ людей самаго нищенскаго вида, тѣснилась около низкихъ дверей одного изъ бѣднѣйшихъ жилищъ квартала, и, не смотря на осенній вѣтеръ и липкій, холодный дождь, съ любопытствомъ смотрѣла во внутренность дома. Это было убѣжище самыхъ бѣднѣйшихъ существъ. Въ этой толпѣ женщинъ, нѣкоторыя смотрѣли съ безсмысленнымъ равнодушіемъ, а другія съ вѣтренымъ любопытствомъ, на гробъ, стоявшій у входа дома. Въ немъ лежалъ трупъ молодой дѣвушки, болѣзненные и страдальческіе черты которой какъ-будто

обвиняли, даже на лонѣ смерти и въ присутствіи такихъ свидѣтелей, жестокую руку, сгубившую эту нѣжную розу!

— По дѣломъ ей! дождалась, чего хотѣла! кричала въ серединѣ толпы одна старуха. Посмотрите, даже въ гробу, все та же гордость, какъ будто хочетъ похвастать своею невинностью! А все потому, что это былъ *баринъ, господинъ баронъ*, ловкій кавалеръ! Она ждала нивѣсть какихъ чудесъ отъ своего личика, а красивому моряку изъ Гельголанда, который явился къ ней съ полнымъ кошелькомъ, ухаживалъ за нею, сватался и навѣрно бы женился, не смотря на ремесло ея... отказала! съ презрѣньемъ даже отказала! Между тѣмъ время шло, а баронъ не возвращался. Тогда она начала распѣвать на жалобный ладъ, хотѣла броситься въ воду близъ Граскеллера, какъ будто послѣ подобнаго происшествія и жить нельзя. Надо же было наконецъ убѣдиться, что баронъ погибъ для нея! Такъ нѣтъ, въ ожиданіи баронства она дошла вотъ до чего! Полюбуйтесь-ка, господа!

Оскорбительный хохотъ вырвался изъ среды женщинъ, окружающихъ гробъ, и грубыя насмѣшки заключили рѣчь старой колдуньи. Дикая, безумная толпа, обрадовавшись примѣру варварства, не чувствовала уже никакой жалости къ несчастной, которая ни подъ какимъ видомъ не хотѣла въ нее вмѣшиваться, до той минуты, пока наконецъ ангелъ смерти не вырвалъ ее совсѣмъ оттуда.

Вотъ какимъ образомъ обычай выставлять усопшихъ взорамъ родныхъ и друзей для послѣдняго прощанья и установленный тогда въ Гамбургѣ во всѣхъ слояхъ общества, и считавшійся послѣднимъ долгомъ живыхъ къ мертвымъ, произвелъ въ этомъ гнусномъ сборищѣ, вмѣсто жалости, страшный соблазнъ; даже видъ самаго трупа не сдѣлалъ никакого впечатлѣнія на эти сердца, закаленныя порокомъ и нищетою. Никто не пожалѣлъ о горькой судьбѣ усопшей; никто не уважилъ ни ея памяти, ни торжественной минуты выноса тѣла,—можетъ быть и потому, что каждый изъ присутствующихъ смутно чувствовалъ ея превосходство и сознавался внутренно, что эта юная жертва была лучше ихъ всѣхъ, ибо не могла пережить своего стыда; а они все жили и жили со стыдомъ, который имъ былъ ни почемъ.

Въ ту самую минуту, когда носильщики подняли гробъ, на порогѣ дома показалась высокая худая женщина, повидимому, довольно старая, въ одеждѣ почти театральной. Жел-

тый платокъ, наверченный на головѣ ея въ родѣ тюрбана и платье изъ линялой индѣйской матеріи, испещренной разноцвѣтными букетами, составляли совершенную противоположность съ одеждою обыкновенныхъ женщинъ, также какъ и нескромный покрой платья и безчисленное количество его украшеній. Рѣзкія черты лица, острый носъ и румяна на щекахъ придавали женщинѣ этой необыкновенно-дерзкій видъ. Темно-каріе глаза ея метели во всѣ стороны пламенные взоры, которые у старыхъ кокетокъ замѣняютъ блескъ улетѣвшей молодости. Неся подъ мышками прескверную болонку, она твердо и повелительно прошла черезъ толпу, и какъ только ее увидали и узнали, со всѣхъ сторонъ послышалось:

— Мадамъ Фанни! посторонитесь, дайте пройти мадамъ Фанни!

— Я беру васъ всѣхъ въ свидѣтели! вскричала она, выговаривая какъ иностранка и съ выраженіемъ сильнаго гнѣва прошла мимо гроба, на который почти не взглянула. Гдѣ табачница, которая осмѣлилась послать мнѣ сказать, что я должна взять къ себѣ ребенка покойницы, потому что я помѣстила мать его въ ея домѣ?! Что мнѣ за дѣло, что табачница кормила и содержала ее. Пусть отдастъ ребенка, кому хочетъ; это ея дѣло!

— А вотъ мы сейчасъ увидимъ! вскричала толстая, неопрятная женщина, которая подбоченясь явилась на порогѣ. Вотъ эту—продолжала табачница, показывая на усопшую—привезла ко мнѣ вотъ эта женщина; тутъ она показала на женщину въ желтомъ платкѣ. Правда, она заплатила за содержаніе Берты, но такъ скудно, что мнѣ ничего не пришлось, кромѣ заботъ и труда! Нѣтъ! извините; будетъ съ меня! Мадамъ Фанни должна знать отца, потому что она одна вела всю эту интригу. Такъ потрудитесь обратиться къ нему, сударыня, и заставьте его платить вамъ за этого бѣднаго ребенка. Что же до меня, то я не держу его болѣе ни одного часа.

Сказавъ это табачница снова подбоченилась и съ совершеннымъ спокойствіемъ выслушала гнѣвный отвѣтъ мадамъ Фанни, ярость которой не имѣла предѣловъ.

Зрители тоже начинали горячиться; одни брали сторону табачницы, другіе—женщины въ желтомъ платкѣ; гамъ и крикъ раздавались около похолодѣвшаго трупа дѣвушки; нѣкоторые, постепеннѣе другихъ, пытались водворить тишину, но напрасно. Вмѣсто грустныхъ похоронъ начиналась страшная драка. Нѣ-

сколько женщинъ, задыхаясь отъ гнѣва и страха, сбирались уже послать за стражей.

Любопытныхъ набиралось все болѣе и болѣе; между ними появились и люди, принадлежащіе къ болѣе честному классу общества, чѣмъ дѣйствующія лица этой драмы. Одна молодая женщина, которую и въ голову бы никогда не пришло увидать въ такомъ неприличномъ мѣстѣ, была придвинута толпою къ самому гробу; между тѣмъ какъ спутница ея, женщина почтеннаго вида, весьма толстая и скромно одѣтая, какъ одѣвались служанки хорошихъ фамилій, съ трудомъ пробиралась за госпожей своей, и умоляла не тѣснить ее.

Молодая особа стояла въ смущеніи и глядѣла съ явнымъ страхомъ на отвратительныя лица толпы; но благородная наружность ея вдругъ прекратила споры. Удивленіе, любопытство, шопотъ замѣнили шумъ и крикъ. Молодая дѣвушка, такъ нечаянно очутившаяся въ неизвѣстномъ ей мірѣ скорбей и порока, понемногу пришла въ себя, и подойдя твердымъ шагомъ ко гробу, сказала дрожащимъ голосомъ:

— Скажите, не это ли мать того бѣднаго ребенка, отъ котораго всѣ отказываются? Посмотри, Лена, какъ хороша эта дѣвушка! кто можетъ смотрѣть на нее безъ глубокаго содроганія? Какъ можно обходиться съ нею такъ безчеловѣчно. Принесите мнѣ ребенка: пусть его посмотритъ еще разъ на мать свою; прежде чѣмъ останется безпомощнымъ сиротою въ этомъ враждебномъ для него мірѣ!

Слова эти, сказанныя трогательнымъ голосомъ и съ набожнымъ видомъ, произвели на присутствующихъ глубокое впечатлѣніе; увлекаемые какою-то непонятною силою, они вскричали всѣ въ одинъ голосъ:

— Ребенка! ребенка! Подайте сюда ребенка несчастной Берты!

Мадамъ Фанни, раздѣлявшая всеобщее любопытство, приблизилась къ незнакомкѣ, которая была въ черномъ атласномъ платьѣ и шляпкѣ съ перьями. Взглянувъ на нее, она вскрикнула отъ удивленія.

— Мамзель Аккерманъ! и, прежде чѣмъ молодая дѣвушка успѣла опомниться, она съ большою церемоніею поцѣловала ей руку. Господи Боже мой! какъ это милость ваша попала къ табачницѣ!? Можно ли вамъ показываться въ такомъ мѣстѣ! Услышавъ шумъ, вы вѣрно захотѣли узнать причину. Кля-

нусь вамъ, сударыня, что я вовсе не виновата; всему причиной табачница... и это также вѣрно, какъ я имѣю теперь честь говорить съ великой и знаменитой артисткой, фрейлейнъ Шарлотой Аккерманъ.

— Молчи! оставь меня! говорила въ смущеніи дѣвушка и всѣми мѣрами старалась отвязаться отъ этой несносной женщины, которая вдругъ сдѣлалась также смирна и покорна, какъ за нѣсколько минутъ была дерзка и надменна.

Шарлота, въ ужасномъ смущеніи и страхѣ не знала, что дѣлать: бѣжать или оставаться. Лена же не переставала ее тянуть за платье и умоляла поскорѣе уйдти далѣе.

— Боже мой! говорила она: что скажутъ добрые люди, когда узнаютъ, что вы были въ такомъ домѣ? что скажетъ матушка ваша, фрейлейнъ Доротея и братъ вашъ! Ради Бога, уйдемте скорѣе, пока еще вѣсть эта не разнеслась, пока они еще не слишкомъ разшумѣлись... Я такъ боюсь, что просто задыхаюсь.

Такъ говорила испуганная Лена на ухо госпожѣ своей и почти насильно тащила ее отъ гроба; но Шарлотѣ принесли уже соннаго и полунагаго малютку Берты. Она взяла его на руки, поднесла къ матери, приложила и прижала къ груди ея и къ губамъ и потомъ сказала:

— Теперь все кончено. Закройте гробъ и помяните душу бѣдной Берты. Я стану заботиться о ребенкѣ. Заверните его вотъ въ эту шаль, а не то онъ простудится. Сдѣлайте милость, прибавила она, обращаясь къ табачницѣ, поберегите ребенка, пока я пріищу ему другое пристанище. Вотъ вамъ за труды, сказала она, подавая кошелекъ, и дамъ еще больше, только бы онъ ни въ чемъ не нуждался.

Табачница машинально протянула руку сперва къ кошельку, а потомъ къ ребенку; завернула его въ тонкую турецкую шаль и бормоча обѣщала все, что ей приказывали.

Имя Шарлоты Аккерманъ произвело на присутствующихъ дѣйствіе электрической искры, и хотя бо́льшая часть изъ нихъ почти не знали, что за особа носитъ это извѣстное имя, однако всѣ смотрѣли съ нѣмымъ восторгомъ на знаменитость Гамбурга.

Она съ большимъ трудомъ добралась до улицы. Лена торопила ее итти скорѣе.

— Скорѣй! скорѣй! говорила она: намъ нельзя терять вре-

мени; спектакль начинается черезъ полчаса и васъ уже давно ждутъ въ уборной.

II.

Противъ церкви св. Михаила, въ улицѣ, еще до-сихъ-поръ носящей названіе Креэнкампъ, возвышался двухъ-этажный домъ, который отличался отъ другихъ домовъ квартала, какъ величиною, такъ и архитектурой новаго стиля. Южный фасадъ дома украшенъ былъ балкономъ, испещреннымъ скульптурными фигурами и поддерживаемымъ тремя каріатидами; рамы оконъ и двери также покрыты были бѣлыми гирляндами и арабесками, которыя пріятно отдѣлялись на каменномъ грунтѣ стѣнъ.

У дверей дома двѣ липы дружно сплетались вѣтвями и, по модѣ того времени, были выстрижены прямо, въ родѣ перегородки. Эта зеленая липовая перегородка стояла передъ тремя центральными окнами перваго этажа; но въ ней было столько прорѣзовъ, что можно было видѣть, что происходило на улицѣ. На твердой и толстой дубовой двери, съ мѣдными блестящими украшеніями, висѣла цѣпь такого же металла, а на ней деревянный молотокъ чудной работы: въ то время не употребляли еще колокольчиковъ, и кто желалъ войти въ домъ, тотъ ударялъ два или три раза молоткомъ въ дверь. При такомъ ударѣ, на порогѣ описаннаго нами дома, появлялся обыкновенно маленькій старичокъ весьма опрятно одѣтый, въ сѣдомъ парикѣ съ несмѣтнымъ множествомъ буклей. Парикъ этотъ составлялъ съ свѣжестью лица старика и кроткимъ выраженіемъ глазъ его, такую же противоположность, какъ почтенная старость съ беззаботнымъ дѣтствомъ. Таковъ былъ Креэнпетеръ, бывшій суфлеръ аккерманской труппы, а теперь смотритель и вѣрный хранитель дома, почти столь же хорошо извѣстный половинѣ Гамбурга, какъ и сами его хозяева. И въ самомъ дѣлѣ, никто не могъ переступить порога Аккерманскаго дома, не замѣтить глубокихъ, вѣжливыхъ поклоновъ Креэнпетера, сопровождаемыхъ его простодушнымъ ухмыленіемъ; въ это время онъ такъ легко переставлялъ маленькія свои ножки, обутыя въ башмаки со стальными пряжками, какъ будто прошелъ всю жизнь свою граціознымъ шагомъ минуета или сарабанды. Какъ от-

личительный знакъ своей должности, Креэнпетеръ обыкновенно носилъ за ухомъ перо, потому что, съ-тѣхъ-поръ какъ у него вывалились зубы, онъ не могъ оставаться суфлёромъ и перешелъ въ секретари: не бездѣлица. Креэнпетеръ не только сводилъ всѣ хозяйственные счеты, но сверхъ того переписывалъ еще роли для своихъ хозяекъ, которыя подъ его искуснымъ перомъ превращались просто въ рисунки. Только одна любовь къ искусству могла начертить на бумагѣ такіе изящные штрихи пера, ихъ можно было принять просто за литографію; и чѣмъ лучше ему удавалось, тѣмъ болѣе онъ заранѣе убѣждался, что та изъ сестеръ, которой придется учить и играть эту роль, непремѣнно будетъ торжествовать, потому что каждое слово, въ минуту представленія должно врѣзаться у нея въ памяти. Если Доротея въ комическихъ роляхъ, а Шарлота въ трагическихъ приводили публику въ восторгъ, то Креэнпетеръ былъ глубоко убѣжденъ, что главною причиною ихъ громадныхъ успѣховъ былъ онъ, то есть его великолѣпный почеркъ. Онъ серьёзно воображалъ, что если обѣ сестры достигли до совершенства въ сценическомъ искусствѣ, то были обязаны единственно ему одному. Старикъ почиталъ себя за воплощеннаго генія обѣихъ сестеръ, генія, который магическимъ достоинствомъ чернилъ своихъ дружилъ ихъ съ поэтомъ, заставлялъ вполнѣ понимать его; такъ, что слова и мысли писателя, черезъ посредство пера его, пролагали себѣ дорогу въ ихъ душу.

Таково было первое лицо, которое обыкновенно встрѣчали на порогѣ дома Аккермановъ. Внутреннее устройство дома совершенно соотвѣтствовало его наружности: вездѣ и во всемъ удивительный порядокъ, изящная простота соединялась съ настоящимъ комфортомъ и образованнымъ вкусомъ; такъ-что, по идеямъ того времени, трудно было вообразить, чтобъ это было жилище комедіянтовъ.

А между тѣмъ это было такъ въ самомъ дѣлѣ; потому что домъ, въ который мы ввели читателя, былъ построенъ Конрадомъ-Ернестомъ Аккерманомъ, директоромъ Гамбургскаго театра, умершаго за три года передъ тѣмъ. Онъ только-что переселился туда и не успѣлъ еще полюбоваться новымъ своимъ жилищемъ, какъ внезапная смерть похитила его отъ любимаго семейства, отъ трудовъ и бурь артистической жизни. Въ домѣ остались— вдова его, мадамъ Аккерманъ съ сыномъ отъ перваго брака, и двумя дочерьми Аккермана.

Фридрихъ-Лудвигъ Шредеръ, вмѣстѣ съ матерью, продолжалъ дирижировать театромъ; онъ наслѣдовалъ послѣ добраго и честнаго своего вотчима, не только занятія его, но даже почетное его положеніе въ гамбургскомъ обществѣ.

Объяснивъ это читателю, мы снова примемся за нашъ разсказъ и перенесемся покуда въ обширную комнату г-жи Аккерманъ, гдѣ обыкновенно, въ часъ завтрака, сходилось все семейство и проводило спокойно и пріятно часъ времени, пока еще суеты и заботы артистической жизни не призвали каждаго къ своему дѣлу.

Между тѣмъ, въ это утро, (а это было на другой день, какъ Шарлота и Лена очутились въ Кугельсъ-ортѣ) въ задушевномъ кружкѣ добраго семейства не было того радушія и довѣрія, съ какимъ оно обыкновенно сбиралось къ завтраку. Шарлоты не было; на лицѣ матери и Доротеи выражалось неудовольствіе, а братъ завтракалъ съ видимой досадой. По всему замѣтно было, что у нихъ былъ непріятный разговоръ, что онъ только-что кончился и что они не пришли еще въ себя.

Шредеръ прервалъ наконецъ молчаніе и сказалъ съ горечью:

— Вѣрно ужъ такова судьба Шарлоты — портить необдуманными поступками лучшіе порывы души своей и заставлять страдать себя и другихъ. Желая сдѣлать добро, она увлекается минутнымъ впечатлѣніемъ, дѣйствуетъ, не размышляя, предается вдохновеніямъ своего восторга, и тѣмъ портитъ все, потому что придаетъ поступкамъ своимъ видъ какой-то странной фантазіи, между тѣмъ, какъ всѣ дѣйствія ея чисты и благородны. Да вотъ, напримѣръ, хоть вчерашняя исторія... Я увѣренъ, что она сдѣлала намъ всѣмъ гораздо больше непріятностей, чѣмъ добра, тамъ гдѣ была.

— Я совершенно согласна, отвѣчала со вздохомъ мать. И какъ дѣвушкѣ, ей непростительно было рисковать своимъ добрымъ именемъ; но какъ артистка, она еще больше виновата, потому что, какъ артистка, гораздо скорѣе чѣмъ всякая другая женщина, подвергается клеветамъ свѣта. Боже, Боже мой! какъ враги наши будутъ радоваться и какъ будутъ толковать о визитахъ дѣвицы Аккерманъ табачницѣ. Злобный докторъ Дрейеръ станетъ разносить на горбу своемъ изъ дома въ домъ эту скандальную новость; негоціанты привезутъ ее съ биржи женамъ и дочерямъ своимъ, и когда сегодня вечеромъ Шарлота явится на сценѣ ее освищутъ, ошикаютъ!

— Вы забыли, милая мамаша, что Шарлота играетъ сегодня роль Рутландъ. *

— Тѣмъ хуже! отвѣчалъ братъ. Для клеветы блескъ таланта ея послужитъ средствомъ, чтобъ еще больше очернить ее. Публика...

— Публика любитъ Шарлоту и не позволитъ оскорбить ее, сказала съ жаромъ Доротея и прекрасные глаза ея смѣло остановились на братѣ. Положимъ, что Шарлота поступила опрометчиво, что злость воспользуется этимъ благороднымъ поступкомъ, чтобъ очернить ее; но вѣдь это будетъ ненадолго, правда скоро обнаружится и все пойдетъ по прежнему. Что же касается до доктора Дрейера, то на этотъ разъ по-крайней-мѣрѣ онъ пощадитъ насъ и избавитъ отъ своихъ сатиръ; потому что вчера вечеромъ еще онъ объявилъ вслухъ, при многихъ свидѣтеляхъ, что перо его никогда больше не будетъ вооружаться противъ такой женщины, какъ Шарлота.

Шредеръ, который повидимому былъ скорѣе раздраженъ, чѣмъ успокоенъ этими доводами, хотѣлъ-было отвѣчать, но служанка доложила о приходѣ доктора Унцера.

— Слава Богу! воскликнула Доротея и вздохнула свободнѣе. Мать поглядѣла на нее съ удивленіемъ, а братъ сказалъ:

— За чѣмъ это докторъ пріѣхалъ такъ рано? Развѣ кто болѣнъ въ домѣ?

Молодой докторъ, другъ семейства Аккерманъ, входилъ уже въ комнату. Это былъ человѣкъ пріятной наружности, благородныя его манеры доказывали съ перваго взгляда высокое положеніе и большія умственныя способности. Его блѣдное лицо, съ чуднымъ профилемъ, темные, живые глаза, выражавшіе врожденную доброту и блестящій умъ, носили на себѣ слѣды трудовъ, усталости и продолжительныхъ занятій; это было еще замѣтнѣе потому, что, не смотря на гибкость стана своего, онъ имѣлъ привычку наклоняться всѣмъ тѣломъ впередъ, что придавало ему устарѣлый видъ и спорило съ его молодою и привлекательною наружностью.

— Ты пришелъ очень кстати, какъ-будто мы за тобой посылали! сказалъ Шредеръ, идя къ нему на встрѣчу.

Докторъ поклонился дамамъ, какъ другъ дома, который знаетъ,

* Одна изъ лучшихъ ролей этой знаменитой актрисы, которая въ возбуждала всеобщій восторгъ.

что ему всегда рады; потомъ, обратясь къ Шредеру, сказалъ шутливымъ тономъ, который не совсѣмъ хорошо скрывалъ внутреннее его безпокойство.

— Я пришелъ какъ-будто за мной посылали, а между тѣмъ за мной не посылали! Но съ третьяго визита, я увидалъ, что мнѣ надо начать съ Креэнкамфа, то есть съ васъ, если хочу кончить визиты до захожденія солнца. Какъ домашній докторъ, я долженъ знать все, что у васъ дѣлается, по-крайней-мѣрѣ, такъ думаютъ всѣ мои благоразумные пацієнты. Ко мнѣ пристаютъ, спрашиваютъ, просятъ объяснить, разсказать подробно, что сдѣлалось у Акермановъ; какъ и зачѣмъ Шарлота ходила въ Кугельсъ-ортъ, къ португалкѣ Фанни; какой она увидала трупъ, за чѣмъ вошла къ табачницѣ, взяла какого-то ребенка... Что это съ вами, мамаша? вы смотрите на меня съ такимъ смущеніемъ? Доротея тоже чуть не плачетъ!.. что съ вами?.. скажите ради Бога!

— Ничего особеннаго... только еще новая выходка нашей геніальной Эмиліи Галотти, отвѣчалъ съ досадою Шредеръ, сажая доктора въ кресла. Садись-ка, любезный оракулъ всѣхъ скворцовъ, жаждущихъ скандальныхъ сплетень, оракулъ всѣхъ кумушекъ и старыхъ париковъ нашего достопочтеннаго Гамбурга, желающихъ разнести ихъ какъ можно скорѣе. Выслушай меня спокойно. Такой мудрецъ, какъ ты, во всемъ съумѣетъ найти хорошую сторону.

Продолжая говорить съ насмѣшливою горечью, Шредеръ разсказалъ доктору вчерашнее происшествіе Шарлоты, пересыпая тамъ и сямъ разсказъ свой вспышками и воркотней, потому что, не смотря на чрезмѣрную доброту свою, Шредеръ былъ горячаго темперамента и потому страшно вспыльчивъ; особенно онъ выходилъ изъ себя, когда кто-нибудь не покорялся его предразсудкамъ, или поступалъ противъ его странныхъ иногда идей, между которыми первое мѣсто занимало преувеличенное уваженіе къ общественному мнѣнію.

Уваженіе къ искусству и семейству были его идолами, и хотя онъ любилъ сестеръ выше всего въ мірѣ, однако это не мѣшало ему мучить ихъ своими капризами и язвить словами, при первомъ удобномъ случаѣ, а иногда даже и безъ всякой причины.

«Вотъ чего стоитъ быть въ одно и то же время братомъ и директоромъ» говаривалъ онъ послѣ каждой вспышки. Это былъ

обыкновенный конецъ его воркотни. На этотъ разъ онъ заключилъ рѣчь свою тѣмъ же возгласомъ, извѣстнымъ всему семейству.

Унцеръ слушалъ его, не перебивая; только, по своему обыкновенію, когда что радовало или занимало его, онъ моргалъ глазами, глядя на своего собесѣдника. Руки его съ видимымъ нетерпѣніемъ сжимали ручки креселъ, такъ, что въ разсѣянности, онъ изорвалъ весь чахолъ.

Когда Шредеръ спросилъ его, что онъ объ этомъ думаетъ? Унцеръ посмотрѣлъ на него, пожалъ плечами и, занимаясь, отвѣчалъ нерѣшительно.

Но когда Доротея, разсказавъ все, какъ было и передавъ страшную ссору, которая наканунѣ произошла между братомъ ея и сестрою Шарлотою, просила доктора сказать откровенно свое мнѣніе, онъ съ недовольнымъ видомъ покачалъ головою и отвѣчалъ твердымъ и рѣшительнымъ видомъ:

— Если вы спрашиваете меня, какъ доктора, то я повторю тоже самое, что уже часто говорилъ: Шарлоту надо беречь, предоставить ей какъ можно болѣе спокойствія тѣла и свободы ума и устранять отъ нея всѣ сильныя ощущенія. Но если вы спрашиваете меня какъ друга... то, разумѣется, мнѣ также больно, какъ и Шредеру, что такой прекрасный поступокъ, гдѣ великодушіе Шарлоты ясно какъ день, повелъ къ толкамъ, сплетнямъ и сдѣлался сказкою города, хотя, по правдѣ сказать, я не могу догадаться, какъ можно повернуть его въ дурную сторону. Въ сущности, вы боитесь одного только, что исторія надѣлаетъ шуму и совершенно забываете, что Шарлота посреди торжества своего въ этомъ отвратительномъ Кугельсъ-ортѣ была также чиста, какъ на сценѣ, въ день самаго блистательнаго своего успѣха. Она артистка, привыкшая дѣлать на насъ сильныя впечатлѣнія, восхищать насъ своимъ талантомъ... Она сама увлекается, какъ на сценѣ, такъ и въ дѣйствительности, порывами своего благороднаго сердца... и это обстоятельство дѣлаетъ то, что вчерашнее происшествіе становится еще трогательнѣе! Если принять все въ соображеніе... то мнѣ кажется, что на такой похвальный поступокъ, который впрочемъ ужъ нельзя измѣнить, слѣдуетъ смотрѣть только съ хорошей его стороны, тѣмъ болѣе, что другой тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Да, Фридрихъ! вскричалъ онъ, взявъ шляпу и палку: я докажу тебѣ, что я стою названія гам-

бургскаго оракула. Я самъ развезу исторію эту по всѣмъ домамъ и разскажу ее, глядя прямо въ глаза всѣмъ старымъ парикамъ и кумушкамъ. На это не надо много храбрости: доброе дѣло объясняется само собою, и честные люди съумѣютъ оцѣнить его. Если нѣсколько почтенныхъ барышень или ханжей покачаютъ съ негодованіемъ головами, такъ это нисколько не измѣнитъ достоинства поступка Шарлоты... Такъ прощайте, дорогая мамаша... Надѣюсь, вы дадите мнѣ мѣстечко въ своей ложѣ... и мы увидимъ, что нашей Рутландъ нечего бояться суда людскаго, ни при свѣтѣ лампъ, ни въ сумракѣ Кугельсъ-орта. Прощайте, до свиданія!

Унцеръ вышелъ поспѣшно; на блѣдномъ лицѣ его показалась легкая краска; онъ такъ бѣжалъ, какъ будто спѣшилъ къ опасно-больному, а между тѣмъ, его единственное желаніе было содѣйствовать Шарлотѣ въ ея благотвореніи и отнять у нея хоть второй призъ въ этомъ добромъ дѣлѣ.

Скоро онъ дошелъ до *пассажей*. Докторъ посѣщалъ ихъ такъ же часто, какъ и великолѣпные дворцы знатныхъ богачей; онъ коротко зналъ это безотрадное мѣсто, куда его призывало не одно званіе врача, но и безмѣрная его благотворительность.

Дойдя до Кугельсъ-орта, онъ проскользнулъ потихоньку въ домъ табачницы.

III.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Шарлота явилась на гамбургской сценѣ, она никогда не испытывала, въ ожиданіи представленія, такого тягостнаго чувства, какъ теперь. Она со страхомъ и лихорадочнымъ безпокойствомъ ждала вечера. Вспышки брата и необдуманныя слова его—что появленіемъ своимъ въ Кугельсъ-ортѣ она навсегда погубила свою репутацію, не давали ей покоя. Ужъ и безъ того Шарлота сама по себѣ расположена была мучиться отъ каждой бездѣлицы, и потому заранѣе видѣла себя оскорбленною, презираемою публикой, которая до тѣхъ-поръ восторженно покланялась ей. При этой мысли, сердце артистки сжималось болѣзненно, и страхъ, внушаемый ей зрителями, страхъ, до-тѣхъ-поръ неизвѣстный Шарлотѣ, огорчалъ ее также, какъ и причина этого страха. Она сомнѣвалась уже въ своемъ талантѣ, не надѣялась

на себя; ей казалось, что однимъ необдуманнымъ поступкомъ она навѣки запятнала себя и сбилась съ того пути, по которому шла до-тѣхъ-поръ такъ твердо, такъ торжественно.

Съ нынѣшними идеями объ актерахъ, иному покажется, можетъ быть, страннымъ, что такое маловажное событіе надѣлало столько шуму и такъ сильно могло огорчать и напугать семейство Аккерманъ. Между тѣмъ, это очень легко объяснить, если принять въ соображеніе, какая масса предразсудковъ тяготила, и такъ сказать давила въ то время ремесло комедіанта. Актеру почти невозможно было занять почетное положеніе въ гражданскомъ обществѣ и быть уважаемымъ, особенно въ Гамбургѣ, гдѣ незадолго до эпохи Аккермановъ, актеры должны были покориться униженію и смотрѣть равнодушно на то, что ихъ ставили въ одну категорію, даже ниже, жанглёровъ, фокусниковъ, плясуновъ на канатѣ и шутовъ. Въ описываемую нами эпоху, все еще строго придерживались къ стариннымъ обычаямъ и предразсудкамъ, переходящимъ изъ рода въ родъ, не смотря на то, что понятія и вкусъ начинали уже очищаться, талантамъ начали дѣлать болѣе справедливую оцѣнку и голосъ Лессинга заглушалъ говоръ невѣждъ и тартюфовъ.

Семейству Аккерманъ предназначено было побѣдить примѣрнымъ поведеніемъ своимъ предразсудки, существовавшіе противъ актеровъ и пріобрѣсти себѣ даже въ гражданственной жизни то уваженіе, которое имъ такъ явно оказывали за ихъ драматическіе труды и успѣхи. Благородство и цѣломудріе обѣихъ сестеръ, прекрасная администрація директора Шредера, благоразумная распорядительность матери, наконецъ достаточное состояніе, служили явными доказательствами, даже въ Гамбургѣ, странѣ вполнѣ патріархальной, что семейство Аккерманъ семейство солидное, честное и добродѣтельное; такъ что никто не позволялъ себѣ пренебрегать имъ, и даже лучшіе круги общества были имъ открыты, гдѣ дарованія ихъ и благородныя манеры невольно были замѣчены и придали новый блескъ и новую прелесть ихъ сценическимъ успѣхамъ. Принимать ихъ у себя считалось хорошимъ тономъ, и гордый патрицій, напыщенный своимъ богатствомъ, флагъ котораго плавалъ по всѣмъ морямъ, самъ чувствовалъ, что только присутствіе этихъ юныхъ знаменитостей придастъ дому его весь блескъ, долженствующій принадлежать ему по праву. Неукоризненная репутація этихъ милыхъ артистокъ пояснила многимъ и показала въ совершенно

новомъ свѣтѣ состояніе актера, до-сихъ-поръ столь презираемаго.

Такимъ образомъ объясняется всеобщій говоръ и гвалтъ, происшедшій отъ поступка, впрочемъ весьма невиннаго, Шарлоты Аккерманъ, и ужасъ и досада Шредера и матери его, когда они узнали объ этомъ поступкѣ. Только одна Доротея не огорчалась и не боялась, что слава и репутація ихъ семейства помрачится невозвратно, какъ утверждалъ Шредеръ. Съ своимъ благороднымъ и вѣрнымъ тактомъ, характеризующимъ всѣ ея поступки, она вступилась за сестру; и если не успѣла еще успокоить Шарлоту, совершенно обезкураженную, по-крайней-мѣрѣ съумѣла уговорить мать и брата перестать мучить и преслѣдовать ее и не отнимать у нея силы явиться на сцену.

Семейство сѣло обѣдать, когда кассиръ театра пришелъ объявить, что всѣ ложи разобраны. Въ тотъ вечеръ давали новую трагедію, первое представленіе которой за недѣлю передъ тѣмъ сдѣлало большой фуроръ. За билеты почти дрались, прибавилъ кассиръ и нетерпѣливая толпа уже тѣснится у входа въ театръ.

Шарлота поблѣднѣла, ложка выпала изъ рукъ ея, глаза наполнились слезами; въ сильномъ волненіи она вскочила со стула и глядя на брата, вскричала задыхающимъ голосомъ:

— Вотъ ты каковъ! Мнѣ надо быть артисткой, а не позволено имѣть человѣческихъ чувствъ! Теперь я знаю, что дѣлать!.. Я ужъ рѣшилась! Послушай Фридрихъ! сегодня я въ послѣдній разъ играю на твоемъ театрѣ, если Рутландъ не воздастъ мнѣ вдвое, втрое противъ того, что ты отнялъ у меня—мой душевный миръ и спокойствіе совѣсти. Клянусь тебѣ... и это также вѣрно, какъ и то, что въ эту минуту я еще несчастливѣе, чѣмъ ты воображаешь. Богъ съ тобой, жестокій, холодный человѣкъ! прибавила она, отталкивая брата, глубоко встревоженнаго порывомъ ея горести.

Онъ хотѣлъ было обнять и успокоить Шарлоту; но она, вырываясь отъ него, продолжала:

— Я не могу еще простить тебя, но сегодня вечеромъ, послѣ представленія, скажу, должна ли и могу ли я простить твое обращеніе со мною!

Сказавъ это, она убѣжала въ свою комнату, не слушая Шредера, который въ ужасномъ смущеніи кричалъ ей вслѣдъ:

— Шарлота, другъ мой! можно ли такъ дурно понимать любовь мою!

IV.

Гамбургскій театръ, въ которомъ драматическое искусство, подъ управленіемъ Шредера, процвѣтало и покрывало его славой, былъ хотя не великолѣпенъ, но не лишенъ вкуса и удовлетворялъ потребностямъ того времени. Зданіе его было просторно, расположено прилично: но съ южной его стороны находился Генземаркть (Гусиный рынокъ), а отъ этого мѣста, два узкіе переулка вели къ такъ называемому тогда *двору* Оперы или театра, и въ самый храмъ Музъ. Но все это вмѣстѣ вовсе не походило на храмъ музъ; потому что строеніе съ двумя своими дворами, служащими и входомъ и выходомъ и окруженными грязными маленькими лачугами, скорѣе походило на большой господскій амбаръ, чѣмъ на храмъ искусства. По угламъ фасада стояли двѣ деревянныя будки, гдѣ продавались билеты. Внутреннее устройство театра соотвѣтствовало его наружности: входы и лѣстницы, ведущія въ ложи и другія мѣста, были узки, круты и неудобны. Въ театрѣ заключались, кромѣ сцены, партеръ, два яруса ложъ и одна галлерея. По объимъ сторонамъ оркестра, ширина котораго была въ восемь футовъ, возвышались двѣ аркады, и въ каждой аркадѣ находилось по двѣ боковыя ложи. Позади оркестра было пустое мѣсто, гдѣ зрители стояли, потомъ девять рядовъ скамеекъ, поставленныхъ одна выше другой. Ложи сильно выдавались впередъ, такъ, что только сидящіе въ первомъ ярусѣ могли обнять взоромъ всю сцену, остальнымъ было неловко смотрѣть. Зала освѣщалась реверберными лампами, висящими между ложъ. Бюсты Софокла, Еврипида и Плавта украшали потолокъ; на занавѣси фигура, изображающая Славу и сидящая надъ балдахиномъ, принимала подъ свое покровительство Трагедію и Комедію.

Въ залѣ много помѣщаются тысяча триста человѣкъ; но въ этотъ вечеръ было столько народу, какъ только въ самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ. Въ партерѣ, головы дотрагивались одна до другой; въ галлереѣ тоже самое. За полчаса до представленія, надо было вывести оркестръ и помѣстить зрителей, прибывавшихъ ежеминутно; тѣснота была нестерпимая; а въ ло-

жахъ, дамы высшаго общества до того разрядились, какъ будто пріѣхали на какое-нибудь необыкновенное торжество. Это было собраніе ослѣпительное богатствомъ, роскошью, вкусомъ и красотою. Трагедія, которую собрались смотрѣть, была пьеса эфектная, во вкусѣ эпохи. Правда, что ходъ пьесы часто медленъ и разговоры иногда утомительно вялы; но постановка на сцену и очеркъ главныхъ характеровъ предвѣщали уже замѣчательный успѣхъ; въ двухъ же послѣднихъ актахъ эфектъ поразителенъ. Однимъ словомъ, пьеса принадлежала тѣмъ первымъ твореніямъ драматической поэзіи, которыя доказываютъ въ искусствѣ приближеніе эпохи преобразованія; правда, что въ большей части такихъ пьесъ прежде всего стараются поразить слухъ и глаза зрителя; но болѣе глубокія тайны драматическаго искусства, какъ напримѣръ, лучшее пониманіе эфекта и постепенность развитія страстей, уже весьма замѣтны.

Сюжетъ трагедіи, весьма извѣстный, заимствованъ изъ жизни королевы Елизаветы, когда она присуждаетъ къ смерти графа Ессекса, своего любимца. Враги графа, коварствомъ и интригами домогаются наконецъ гибели этого человѣка, ослѣпленнаго гордостью и честолюбіемъ. Открытіе, что онъ тайно женатъ на прекрасной Рутландъ, фрейлинѣ королевы, окончательно губитъ его. Ессексъ, жертва зависти и ревности, умираетъ на эшафотѣ, и передъ смертью спасаетъ друга и товарища своего заточенія, Сутгамптона, посредствомъ роковаго перстня, даннаго ему королевой, съ обѣщаніемъ исполнить все, что онъ только попроситъ, если представитъ этотъ перстень. Узнавъ о смерти Ессекса, прекрасная Рутландъ сходитъ съ ума, и королева узнаетъ, но слишкомъ поздно, истину, въ которой заключается нравоученіе пьесы, что властелины иногда окружены льстецами, которые ихъ легко обманываютъ.

Мы сказали уже, съ какимъ страхомъ Шарлота ожидала вечера. Она знала, что гамбургская публика нѣсколько разъ строго наказывала актеровъ и актрисъ за проступки въ частной жизни, и какъ ни была чиста ея совѣсть, она чувствовала невыразимую боязнь, при мысли о дурномъ пріемѣ, противъ котораго ей нечѣмъ защититься, развѣ только невинностью и непорочною до-сихъ-поръ жизнію.

Въ богатомъ нарядѣ придворной дамы временъ Елизаветы Шарлота была очаровательна. Необыкновенная блѣдность лица, котораго она ни подъ какимъ видомъ не хотѣла румянить, со-

вершенно шла къ ея роли и придавала какую-то торжественную меланхолію ея выходу.

— Можетъ ли Рутландъ быть свѣжа?.. сказала она улыбаясь Доротеѣ, которая уговаривала ее хоть немного нарумяниться. Она въ безпрерывномъ страхѣ, чтобъ тайна брака ея не открылась и чтобъ репутація ея не погибла при дворѣ; слѣдовательно, она должна быть блѣдна, какъ я теперь...

Въ эту минуту она услышала сильный говоръ, который постепенно превратился въ шумъ. Публика съ нетерпѣніемъ требовала, чтобъ начинали.

Шарлота, давно привыкшая къ подобнымъ сценамъ, теперь совершенно растерялась; чтобъ сколько-нибудь успокоить ее, понадобилось все краснорѣчіе Доротеи. Одна изъ дежурныхъ горничныхъ театра подала Шарлотѣ великолѣпный букетъ цвѣтовъ.

— Прими его, какъ знакъ хорошаго предвѣщанія, сказала Доротея и заткнула букетъ за поясъ Шарлоты, которая радостно смотрѣла на этотъ подарокъ, и вдругъ покраснѣла, когда горничная прибавила:

— Вѣрно мы увидимъ сегодня что-нибудь необыкновенное. У продавца цвѣтовъ не осталось ни одного букета, ни одного вѣнка, хотя онъ запасся большимъ количествомъ на сегодняшній вечеръ. Я увѣрена, что вы возвратитесь домой съ отуманенною головою, потому что партеръ надушенъ цвѣтами и походитъ на клумбы розановъ.

Вдругъ послышался звонокъ, извѣщающій, что пьеса начинается. Шарлота, немного успокоясь, вышла изъ уборной и пошла пройтись за кулисами съ сестрой, которая играла роль королевы. Шрёдеръ подошелъ къ нимъ съ Брокманомъ, который игралъ Ессекса. Брокманъ—настоящій типъ царедворца, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и наружностью, и манерами, и умѣньемъ одѣваться, пользовался благосклонностью дамъ, и въ этотъ вечеръ сіялъ всѣмъ блескомъ мужественной и воинственной красоты. Онъ поцѣловалъ руку Шарлоты и сказалъ:

— Какъ идетъ эта томная блѣдность къ моей восхитительной Рутландъ! тотъ, кто не будетъ для нея истиннымъ Ессексомъ, готовымъ на всѣ жертвы и на безусловную преданность, пусть никогда не узритъ улыбки Таліи!

Занавѣсъ поднялся; Шарлота явилась на сцену въ третьемъ явленіи, слѣдуя за королевой. Ее приняли въ глубокомъ молчаніи; искры посыпались изъ глазъ ея. Нетвердымъ шагомъ она

подошла къ рампѣ и начала роль свою: но голосъ ея замиралъ, губы насилу шевѣлились; такъ что ей пришлось собрать всѣ силы, чтобъ кончить рѣчь свою. Когда она кончила, тоже глубокое молчаніе: ни одного рукоплесканія. Къ счастію, ей пришлось выйти за кулисы.

Вотъ какъ встрѣтили въ тотъ вечеръ несчастную Шарлоту, при появленіи которой раздавались обыкновенно крики радости, восторга и самыя ободрительныя привѣтствія; сегодня же ее встрѣчаютъ молча, презираютъ и, въ самой лучшей ея роли, обходятся какъ съ самой обыкновенной фигуранткой! Но, странная вещь! то именно, что пугало ее и чего она, какъ ей казалось, никогда не перенесетъ—воодушевило ее, разбудило ея геній и возвратило мгновенно артисткѣ ея благородную гордость. Войдя въ уборную, она утерла тайкомъ горячую слезу, и когда снова явилась передъ публикой, то въ сценѣ съ Ессексомъ, возвратившемся изъ Ирландіи, выказала столько новыхъ, неизвѣстныхъ дотѣхъ-поръ средствъ своихъ, выразила такъ увлекательно самыя нѣжныя и восторженныя чувства любящей женщины, что публика, уступая могуществу генія и истины, разразилась оглушающимъ громомъ рукоплесканій. Теперь торжество Шарлоты было несомнѣнно, побѣда осталась за ней, и каждое новое явленіе было для нея новымъ торжествомъ, новой побѣдой. Восторженность ея возрастала съ восторгомъ зрителей. Нельзя вообразить себѣ того впечатлѣнія, какое она произвела на зрителей, когда явилась на сцену сумасшедшею: опустивъ объ руки и глядя неподвижно въ даль, какъ будто видитъ тамъ могилу своей любви и юности, она говоритъ замирающимъ голосомъ: «Слезы льются изъ сердца, а сердце мое умерло!» Это было выраженіе такого глубокаго горя, такого мучительнаго страданія, что всѣ глаза наполнились слезами и въ залѣ раздались всхлипыванья и рыданья, которыя тогда только прекратились, когда наконецъ королева приказала увести несчастную Рутландъ.

Шрёдеръ схватилъ почти безчувственную сестру свою и долго не могъ выговорить ни одного слова. Всѣ актеры окружали Шарлоту, и пока кончали трагедію, она упивалась въ кругу восторженныхъ своихъ товарищей, сладчайшимъ чувствомъ той чистой радости, которая всегда будетъ первѣйшею и прекраснѣйшею наградою истиннаго таланта.

Спустя нѣсколько минутъ занавѣсъ опустился, и публика неистово вызывала Шарлоту, которая колеблясь вставала со стула

и просила глазами Брокмана выйти вмѣстѣ съ нею. Но онъ отказался рѣшительно, сказавъ:

— Эта побѣда принадлежитъ единственно вамъ одной; такихъ лавровыхъ вѣнцовъ не раздѣляютъ!

Вызовы становились все шумнѣе и шумнѣе. Подняли занавѣсъ. Шрёдеръ вытолкнулъ потихоньку сестру изъ-за кулисъ, и, какъ будто по поданному знаку, всѣ актеры вошли за нею на сцену.

При видѣ Шарлоты, клики восторга раздались съ такою силою, что театръ задрожалъ, и вдругъ, какъ будто по волѣ невидимой силы, водворилось глубокое молчаніе,

На первой лавкѣ партера, тамъ, гдѣ обыкновенно сидѣли театралы, то-есть, люди подававшіе тонъ публикѣ, и между которыми находились: писатели, мыслители и тонкіе знатоки драматическаго искусства, сидѣлъ низенькаго роста господинъ. Онъ всталъ и закричалъ твердымъ и громкимъ голосомъ.

— Наша Рутландъ заслуживаетъ лавровый вѣнецъ; но геній-хранитель Кугельсъ-орта заслуживаетъ благословенія небесъ, любовь и уваженіе людей! Да возрадуется юное сердце, горящее чистою любовью къ страждущему человѣчеству! Да здравствуетъ Шарлота Аккерманъ!

Публика подхватила. Низенькій господинъ, сказавшій эти слова, былъ никто иной, какъ докторъ Дрейеръ, любимый писатель и популярный стихотворецъ, извѣстный во всемъ городѣ своимъ умомъ и веселостью; тотъ самый, котораго Аккерманы вовсе не считали въ числѣ друзей своихъ, и потому-то именно, впечатлѣніе, произведенное словами его, было еще сильнѣе. Слова эти подѣйствовали на публику какъ электрическая искра. Это не были тѣ обыкновенныя рукоплесканія, которыми награждаютъ актрису, а какіе-то громкіе порывы восторга; даже всѣ дамы встали въ ложахъ и замахали платками; со всѣхъ сторонъ протянулись руки, какъ будто благословляли молодую дѣвушку; и, въ то же время, градъ букетовъ посыпался на Шарлоту, которая, не ожидая такого тріумфа, была внѣ себя, дрожала всѣмъ тѣломъ и закрывала лицо обѣими руками.

Тогда Шредеръ подалъ знакъ и занавѣсъ опустился. Упоенный радостью, онъ подбѣжалъ къ Шарлотѣ и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Говори, Шарлота, вскричалъ онъ: скажи, что мнѣ сдѣлать, чтобы ты простила меня?

Шарлота тихо склонила голову на плечо брата, и обратя на него взоръ, въ которомъ выражалось глубокое чувство, сказала со всею привлекательностью своей врожденной доброты:

— Не думай обо мнѣ никогда хуже того, чѣмъ я есть въ самомъ дѣлѣ, и слушайся твоего благороднаго сердца, которое вступалось за меня противъ словъ твоихъ; вотъ все, чего я желаю.

— Будетъ, будетъ! Столько ощущеній могутъ утомить ее, сказалъ Рейнике, вѣчно веселый. Онъ игралъ роль Сутгамптона съ большимъ успѣхомъ. Графъ Ессексъ, сказалъ онъ Брокману: въ сегодняшней трагедіи я обязанъ жизнію вашему великодушію; но вамъ, Шарлота, я обязанъ тѣмъ, что узналъ теперь искусство въ его настоящемъ величіи. Такой достопамятный вечеръ нельзя кончить какъ обыкновенный—въ ночномъ колпакѣ; вотъ почему я обращаюсь ко всѣмъ и спрашиваю: кто хочетъ итти со мною въ улицу Пельтье, въ *Высшее Общество?* Екгофъ, въ четвертомъ актѣ, какъ сумасшедшій, побѣжалъ топить въ винѣ досаду, что уступилъ мнѣ роль графа. Такъ пойдемте же, Шредеръ, Брокманъ, Ламбрехтъ и вы остальные смертные съ деньгами или безъ оныхъ: мы сыграли свои роли, какъ настоящіе геры Великобританіи, такъ идемъ же пить теперь, какъ настоящіе германскіе артисты! Музаріолъ говоритъ: «Мудрый человѣкъ доказываетъ свою теорію поступками.»

— Хорошо! хорошо! сказала со смѣхомъ Доротея: только, въ этомъ случаѣ, не совѣтую вамъ быть слишкомъ мудрымъ человѣкомъ. Она ударила потихоньку вейеромъ по щекѣ своего товарища и ушла въ уборную.

V.

Трактиръ Высшаго Общества былъ тогда мѣстомъ собранія въ Гамбургѣ всѣхъ людей замѣчательныхъ въ искусствахъ.

Узкая и длинная комната въ нижнемъ этажѣ, иногда была слишкомъ тѣсна для всѣхъ гостей, которыхъ привлекала сюда или слава хозяина, или люди, посѣщавшіе его заведеніе.

Актеры и друзья ихъ занимали обыкновенно самый отдаленный изъ дубовыхъ столовъ; трактирщикъ и остальные посѣтители охотно уступали имъ это право, тѣмъ болѣе, что присутствіе ихъ много содѣйствовало общей веселости.

Въ этотъ вечеръ зала была почти пуста. Таліи не хотѣлось улыбаться жрецу Бахуса. Нѣсколько офицеровъ, сидящихъ за первымъ столомъ, осушали свои большія кружки съ пивомъ, позволяя себѣ нѣкоторыя любезности съ служанкою, хорошенькою блондинкою, которая, повидимому, не оставалась совершенно равнодушною къ этимъ любезностямъ. Трактирщикъ, Ансельмъ Клеферъ, маленькій, толстенькій человѣчекъ, настоящій типъ гамбургскаго трактирщика, прохаживался по комнатѣ, въ черной кожаной фуражкѣ, надѣтой на бекрень и запустивъ руки, въ карманы бѣлаго жилета изъ пикѐ. Необычайная пустота залы приводила его въ досаду, и по всему вѣроятію, онъ размышлялъ теперь или о безполезности театровъ, или о противоположности полныхъ театровъ и пустыхъ трактировъ. Вдругъ меланхолическія его размышленія были прерваны появленіемъ Экгофа, который, противъ своего обыкновенія, пріѣхалъ прежде всѣхъ, пока остальные актеры и театралы досматривали трагедію.

При появленіи знаменитаго актера, круглое лицо Клефера прояснилось: онъ разсудилъ, что если Экгофъ, строгое воздержаніе котораго было такъ извѣстно, пріѣхалъ прежде всѣхъ, слѣдовательно товарищи его не заставятъ себя долго ждать.

— Браво, господинъ Экгофъ! вы акуратны, сказалъ улыбаясь трактирщикъ, глядя на посѣтителя, человѣка широкоплечаго, который, не снимая шляпы, сѣлъ на свое обыкновенное мѣсто и облокотился небрежно на столъ. Повидимому, онъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и почти не слушалъ разговора трактирщика, который, не смотря на это, продолжалъ болтать.

— Вѣроятно спектакль скоро кончится, и мы со всѣхъ сторонъ услышимъ: пьеса очень хороша сама-по-себѣ; но безъ Экгофа не могла итти хорошо. Что за охота Шрёдеру ставить такія кровавыя трагедіи? Сверхъ того, онъ каждую недѣлю ставитъ все новыя и новыя пьесы, одну лучше другой, какъ говорятъ... такъ, что публикѣ нѐкогда вздохнуть свободно... а между тѣмъ любопытство мучаетъ... надо каждую видѣть... а что, кажется, за надобность?! Въ прежніе годы, когда и я тоже былъ страстнымъ любителемъ театра, конечно этому уже очень давно, выборъ былъ не великъ, но достаточенъ, и всѣ довольствовались малымъ. Мы ходили въ театръ прежде всего затѣмъ, чтобъ повеселиться, похохотать, за свои деньги, надъ шалостями арлекина, и чтобъ, наконецъ, забыться отъ семейныхъ заботъ. Нынѣ же... какъ времена перемѣнились! всѣ спѣшатъ въ театръ,

чтобъ заливаться слезами, задыхаться рыданіями и наконецъ падать въ обморокъ, какъ будто мало еще у насъ въ жизни горя и бѣдствій. Никогда не забуду, какъ во времена Шёнемана, вы играли въ пьесѣ: *Крестьянинъ-наслѣдникъ* — роль Георга, а мадамъ Шёнеманъ роль Лизы. Вы такъ хорошо говорили на нашемъ платъ-дейтшскомъ (platt-deutsch) гамбургскомъ нарѣчіи, что трактирный слуга закричалъ вамъ изъ галереи: «Э, братъ Георгъ! какъ ты хорошо поймалъ ее!» Гдѣ теперь увидишь такую пьесу, какъ напримѣръ комедія: *Три мачихи*, или *Веселый сапожникъ*, или опять мою любимую пьесу: *Островъ обезьянъ?*

— Времена эти прошли и не возвратятся болѣе, любезный Ансельмъ, сказалъ Экгофъ вздохнувъ, съ притворною горестью. *Островъ обезьянъ* была тоже и моя любимая пьеса; она стоитъ дюжины нашихъ теперешнихъ трагедій, гдѣ торжествуютъ порокъ, злодѣйство и безбожіе, и гдѣ почти всегда невинность и добродѣтель закалываются кинжаломъ или другимъ какимъ инструментомъ! О, еслибъ я смѣлъ только сказать, что знаю, прибавилъ онъ таинственнымъ видомъ, какъ будто удерживая вздохъ и въ то же время осушая разомъ стаканъ свой... Надо залить виномъ память свою, забыть эту проклятую исторію... да, Шрёдеръ всѣхъ насъ погубитъ своими безбожными спекуляціями, если только нечистый не утащитъ его скоро самого.

— Господи, Боже мой! что это вы говорите! вскричалъ трактирщикъ, и, не зная вѣрить или нѣтъ словамъ хитраго актера, глядѣлъ съ ужасомъ и любопытствомъ на Экгофа, который, дѣлая неподражаемыя мины и жесты, повидимому, сильно боролся въ сердцѣ своемъ между небомъ и адомъ. Ансельмъ Клеферъ, легковѣрность котораго была также всѣмъ извѣстна, какъ и вѣра его во все сверхъестественное, не зналъ, что дѣлать отъ любопытства, которое разгорѣлось до невѣроятія отъ загадочныхъ словъ и жестовъ его собесѣдника. Тогда Экгофъ, какъ будто не въ состояніи уже хранить своей тайны и будучи принужденъ излить сердце свое, привлекъ къ себѣ съ ужасомъ Ансельма и сказалъ замирающимъ голосомъ:

— Да, любезный Клеферъ, лучше ужъ сказать, чѣмъ молчать, особенно, когда молчаніе это подвергаетъ гибели душу, которая, въ одно прекрасное утро, можетъ улетѣть со всѣмъ своимъ жалованьемъ текущаго мѣсяца. Такъ знай же вещь неслыханную, невиданную: Шрёдеръ думаетъ только объ одномъ, какъ бы своими драматическими глупостями захватить побольше

людей въ сатанинскія сѣти; вотъ почему въ трагедіяхъ своихъ онъ выводитъ на сцену весь адскій арсеналъ, какъ-то: преступленія, месть, ярость, смертоубійство; потомъ—кинжалы, ядъ, эшафоты... Все это онъ дѣлаетъ для того, чтобъ пріучить публику ко всѣмъ этимъ ужасамъ и понемногу отвлечь ее отъ нашей святой религіи. Вся цѣль его направлена на одинъ предметъ: ему хочется водворить на землѣ царство сатаны, и чтобъ царство это процвѣтало во всемъ своемъ адскомъ ужасѣ! Поди въ театръ и послушай только, что тамъ говорится: волосы становятся дыбомъ! Только и слышишь, что проклятія, отвратительныя ругательства, да скверныя насмѣшки на все прекрасное! и актеры должны повторять это каждый вечеръ! Каково это? поневолѣ погубишь свою душу! И какъ бы ты думалъ, что пихаетъ Шрёдера на такія преступленія? Корысть, можетъ быть, или злость? Нисколько, любезный другъ! а только тщеславіе артиста! Ему бы хотѣлось быть первымъ директоромъ всей Германіи. Вотъ зачѣмъ онъ погубилъ себя! да, погубилъ... вѣдь душа его не принадлежитъ ужъ больше ему самому; онъ запродалъ ее давно... и знаешь кому? Сатанѣ! и я уже нѣсколько разъ... видѣлъ... за кулисами... какъ онъ перешептывался съ чортомъ, котораго называлъ *демономъ театра*.

— Демономъ театра!.. а каковъ онъ собой?.. разскажите, пожалуйста! вскричалъ трактирщикъ, схватывая со страхомъ актера.

— Это не такъ легко разсказать, отвѣчалъ Экгофъ тѣмъ же тономъ, не измѣняя своей роли. Онъ очень худъ, старъ, съ сѣроватымъ цвѣтомъ лица, крючковатымъ носомъ, горящими какъ уголь глазами, которые безпрестанно рыщутъ во всѣ стороны. Сначала, не смотря на его модную и изящную одежду, я принималъ его за журналиста; но вглядѣвшись хорошенько, мнѣ показалось... что онъ носитъ подъ мышкою шапо-клакъ, на боку шпагу, а на ногахъ черные шелковые чулки и башмаки на высокихъ красныхъ каблукахъ. Оба они стояли сегодня за послѣдней кулисой, и по жестамъ, мнѣ показалось, что у нихъ идетъ весьма крупный разговоръ. Незнакомецъ сдѣлалъ на меня очень непріятное впечатлѣніе; я добрался до нихъ тайкомъ и услышалъ, какъ театральный демонъ съ горечью упрекалъ Шрёдера за то, что онъ не поступаетъ по договору; заставляетъ играть поминутно нравственныя и назидательныя драмы и трагедіи, а тѣ пьесы, въ которыхъ бы ему демону пришлось торжествовать, даетъ только разъ

въ недѣлю. Шрёдеръ стоялъ въ оцѣпенѣніи; потъ градомъ лилъ съ лица его, и онъ, въ самомъ униженномъ положеніи, въ какомъ я никогда не видалъ его, стоялъ молча, не говоря ни слова въ свое оправданіе. *Тотъ* же, гордо вытянувшись, порядкомъ мылилъ ему голову. Я даже слышалъ, какъ онъ нѣсколько разъ произносилъ мое имя и бранилъ директора, зачѣмъ не даютъ мнѣ чаще играть... Экгофъ созданъ для ролей по моей части, говорилъ онъ; ибо я выговорилъ въ контрактѣ, что *онъ*, а никто иной, будетъ играть закоснѣлыхъ злодѣевъ. Представь себѣ, любезный другъ, что долженъ я былъ чувствовать тогда?! искры посыпались изъ глазъ моихъ. «Брось навсегда эту назидательную болтовню, вскричалъ демонъ. или я, знаешь куда занесу и тебя и твоего Экгофа!.. Тамъ я выучу васъ, какъ и что слѣдуетъ играть!.. Сказавши эти слова, онъ провалился подъ полъ, и такъ мгновенно, что всѣ кулисы затрещали.

Разсказъ этотъ и жесты, сопровождавшіе его, сдѣлали на Клефера такое сильное впечатлѣніе, что онъ насилу пришелъ въ себя, а главное, не могъ понять, какимъ образомъ демонъ забрался въ театръ. Онъ робко выразилъ свое сомнѣніе на этотъ счетъ; но Экгофъ клялся, что никто въ мірѣ не разувѣритъ его въ томъ, что онъ видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами.

— Если не вѣришь, сказалъ Экгофъ Ансельму, то поди самъ въ театръ и посмотри, что тамъ дѣлается; теперь, именно, идетъ пятый актъ новой англійской трагедіи; ты убѣдишься тогда, собственными глазами, какое адское вліяніе театральный демонъ имѣетъ на гамбургскую публику. Нѣтъ ни одного зрителя, который бы остался въ нормальномъ своемъ положеніи; демонъ, посредствомъ Шарлоты Аккерманъ, обошелъ ихъ всѣхъ: то они дрожатъ и кричатъ, какъ безумные; то плачутъ и рыдаютъ, какъ будто имъ желательно наводнить весь партеръ слезами. И ты думаешь, что это могло бы случиться, еслибъ тутъ не было какого-нибудь колдовства?.. Вѣдь ты самъ говорилъ сейчасъ, что въ старину не то было, что театръ былъ простое, невинное удовольствіе, куда приходили успокоиваться отъ дневныхъ заботъ; а если я говорю «*успокоиваться*», значитъ, никто не дрожалъ и не рыдалъ... теперь же то и дѣло, что видишь на сценѣ кинжалы, да чаши съ ядомъ... прежде только ленточки, голуби да розаны являлись на театрѣ. Вѣрь, любезный Ансельмъ, что театральный демонъ не выдумка какая... Онъ постоянно вертится

и хлопочетъ, то въ ложахъ, то въ галлереи, то въ партеръ, то опять за кулисами... а конецъ всему этому будетъ вотъ какой: въ одинъ прекрасный день онъ всѣхъ насъ пошвыряетъ въ котлы и переваритъ на огнѣ... а все благодаря этому язычнику Шрёдеру, человѣку безсовѣстному, грѣховоднику, который продалъ и свою и наши души! О, еслибъ я могъ только заплатить прежде долги свои! все полегче будетъ! Много я тебѣ долженъ, любезный другъ?..

— Не безпокойтесь, любезный Экгофъ, отвѣчалъ трактирщикъ, которому уже казалось, что театральный демонъ опустошилъ трактиръ его.

Ансельмъ былъ также добръ, какъ и легковѣренъ; мало того, что онъ слѣпо повѣрилъ этому разсказу, но еще рѣшился облегчить совѣсть своего почтеннаго посѣтителя, прощая ему половину долга до истеченія страшнаго договора Шрёдера съ театральнымъ демономъ. Онъ принесъ огромную книгу, гдѣ записывались долги всѣхъ посѣтителей, а главное — актеровъ, и раскрылъ на той страницѣ, гдѣ сіяло знаменитое имя Экгофа. Актеръ пробѣжалъ грустнымъ взоромъ безконечный счетъ кушаньевъ и напитковъ, проглоченныхъ имъ, испустилъ глубокій вздохъ и посмотрѣлъ такимъ умоляющимъ взглядомъ на трактирщика, что этотъ честный человѣкъ сказалъ должнику своему:

— Не безпокойтесь, прошу васъ; театральный демонъ не станетъ васъ мучить изъ-за меня; и въ доказательство желанія моего успокоить васъ, я вычеркиваю половину вашего долга и считаю себя совершенно удовлетвореннымъ на этотъ счетъ.

— Возможно-ли! вскричалъ радостно Экгофъ, смотря на трактирщика, который взявъ перо вычеркнулъ половину счета. Пусть теперь осмѣлится кто сказать, что Ансельмъ не добрый человѣкъ! Но я умѣю цѣнить добрыхъ людей и не забываю добра, и потому, въ знакъ благодарности, вычеркиваю другую половину долга и считаю себя совершенно удовлетвореннымъ.

Сказавъ это, онъ преспокойно вычеркнулъ остальную часть долга, и когда Ансельмъ пришелъ немного въ себя отъ удивленія, происшедшаго отъ такого неоспоримаго доказательства благодарности, то охотно согласился и на это, будучи увѣренъ, что театральный демонъ не придетъ по-крайней-мѣрѣ къ нему за Экгофомъ.

Пріѣздъ остальныхъ актеровъ возвѣстилъ, что представленіе кончилось. Наружность залы перемѣнилась. Вмѣсто тишины,

поднялся шумъ и говоръ. Удовлетворивъ ожиданія публики и насладясь вполнѣ громкими рукоплесканіями, артистамъ хотѣлось, съ помощью стакановъ и оживленной бесѣды, низойти съ поэтическихъ сферъ въ міръ дѣйствительности. Вскорѣ веселая компанія собралась около Экгофа и сѣла за круглый столъ. Только Шрёдера недоставало; онъ извинился передъ товарищами, сказавъ, что не можетъ ѣхать съ ними; но Брокманъ, Рейнике, Ламбрехтъ, Боршеръ и другіе актеры собрались, также какъ и литераторы: Бокъ, поэтъ недавно приставленный къ театру, Кохъ, Виттембергъ и Боде, умный критикъ и переводчикъ иностранныхъ пьесъ, особенно англійскихъ. Остальное общество состояло изъ молодыхъ гамбургскихъ патриціевъ, ревностныхъ приверженцевъ театра; въ этомъ числѣ былъ тоже молодой и прекрасный лордъ Елькинсъ, недавно пріѣхавшій изъ Англіи, съ гувернеромъ своимъ, мистръ Гиллемъ.

Остальная часть залы тоже наполнилась посѣтителями, возвратившимися изъ театра и крайне еще взволнованными тѣмъ, что видѣли и слышали. Всѣ толпились около актеровъ, особенно около Брокмана, поздравляли ихъ съ новыми успѣхами; разсыпались въ похвалахъ ихъ талантамъ и разсужденіяхъ, иногда смѣшныхъ, на счетъ достоинства пьесы. Наконецъ, послѣ столькихъ высокихъ ощущеній, почувствовали нужду прохладиться отличнымъ виномъ Клефера, и забыть, со стаканомъ въ рукѣ, жаръ, тѣсноту и усталость, которые измучили всѣхъ безъ исключенія.

Представленіе, изъ котораго они вернулись, сдѣлалось и за столомъ предметомъ разговора, какъ это обыкновенно бывало въ этомъ кругу, столь обильномъ въ тонкихъ знатокахъ и справедливыхъ судьяхъ, умѣвшихъ воздавать искусству и поэзіи первыя почести всякаго празднества, не отказывая впрочемъ себѣ въ веселыхъ шуткахъ. Здѣсь правиломъ положено было—говорить свободно и откровенно все, что думаешь. Мѣры приличій и уваженія другъ къ другу никогда не забывались, такъ, что послѣ самыхъ жаркихъ споровъ, всегда разставались дружно; такъ какъ благородная и чистая любовь къ искусству была единственнымъ двигателемъ этихъ высокихъ умовъ, то примиреніе было легко между ними.

— Жаль, что вы не остались до конца, сказалъ старикъ Кохъ, обращаясь къ Экгофу. Для меня, пятый актъ лучше всѣхъ

остальныхъ; я нахожу даже, что въ немъ сосредоточивается и соединяется все поэтическое и драматическое достоинство пьесы.

— Но стану скрывать, отвѣчалъ Экгофъ, что я убѣжалъ изъ театра именно для того, чтобъ избавиться отъ сильныхъ впечатлѣній послѣдняго акта. Съ самаго перваго представленія, я былъ до того пораженъ... участь бѣдной Рутландъ внушала мнѣ такое состраданіе, что я, театральный ветеранъ, чуть было не принялъ за настоящую дѣйствительность эти чудеса искусства, доведеннаго до такого совершенства. А артисту, ни подъ какимъ видомъ, не слѣдуетъ подвергать себя такимъ иллюзіямъ... а не то, онъ потеряетъ свою индивидуальность; вліяніе другаго высокаго таланта начинаетъ господствовать надъ нимъ, порабощаетъ его; онъ увлекается въ другую сферу, теряетъ свою самобытность, путается и становится ничѣмъ; счастье еще, когда, переставая быть самимъ собою, онъ вѣрно и отчетливо подражаетъ своему образцу... а этого почти никогда не бываетъ. Это особенно опасно для такого актера, который увлекается, забываетъ, что онъ играетъ, не разсчитываетъ на эфекты, а играетъ сердцемъ, если можно такъ выразиться. Для такого-то актера великіе артисты весьма опасны; они отнимаютъ у него самостоятельность таланта, овладѣваютъ его внутреннимъ достояніемъ и становятся его властелинами.

Слова Экгофа, столь знаменитаго артиста, въ которомъ никто до-тѣхъ-поръ не замѣчалъ боязни чужаго таланта, изумили всѣхъ. Возраженія послышались со всѣхъ сторонъ, и Виттенбергъ утверждалъ даже, что въ ролѣ Рутландъ, не Экгофъ, а Шарлота покорялась его вліянію; но Экгофъ не вѣрилъ и отвѣчалъ возвысивъ голосъ:

— Чѣмъ болѣе я уважаю въ Шарлотѣ Аккерманъ геній артистки, тѣмъ ниже преклоняюсь передъ геніемъ женщины. Я не могу и не умѣю выразить своей мысли; но мнѣ кажется, что дѣвушка эта порабощаетъ насъ какою-то невѣдомою силою; потому что никакое изученіе искусства и всѣ средства его не могутъ довести до такого совершенства. Можно выучиться мимикѣ, жестамъ рукъ, звукамъ голоса, но душевнымъ порывамъ нельзя выучиться, друзья мои! Вѣдь Шарлота не училась той глубинѣ души, полной самыхъ сердечныхъ, жгучихъ и нѣжныхъ порывовъ; не училась воодушевлять взора своего, который пронзаетъ до глубины сердца... а голосъ ея!.. что́ за ноты, вѣчно новыя и трогательныя, вылетаютъ у нея изъ сердца

и наполняютъ восторгомъ!.. Она превосходна и въ комедіи и въ трагедіи: не знаешь, покоряетъ ли она страсти и чувства, которыя выражаетъ, или сама имъ покоряется; прибавьте къ тому тѣ тонкіе оттѣнки, которые она, безъ кокетства, придаетъ всѣмъ своимъ характерамъ, то удивительное и совершенное пониманіе роли; наконецъ, ту красоту пластическихъ движеній, даже въ самыхъ страстныхъ монологахъ, и все это соединено въ дѣвушкѣ, которой, по метрическому свидѣтельству, нѣтъ еще и восемнадцати лѣтъ! Если кто, послѣ этого, не повѣритъ врожденному вдохновенію, тотъ никогда не пойметъ искусства и пусть лучше прибережетъ восторги свои для какого-нибудь ремесла.

— Экгофъ правъ, сказалъ Боде: фрейлейнъ Аккерманъ—великая артистка; но вотъ что еще восхищаетъ меня, что Шарлота основываетъ славу свою въ ту самую эпоху, когда жизнь искусства пробуждается въ Германіи. Геній, не имѣя задушевныхъ связей съ своимъ временемъ, никогда не является. Это было мое всегдашнее убѣжденіе, и потому я смѣю утверждать, что нѣмецкій театръ въ Гамбургѣ начнетъ считать свою цвѣтущую эпоху съ Аккермана и Шрёдера; и не только Шарлота, но вы всѣ воздвигаете великолѣпный храмъ, первый камень котораго положенъ нашимъ знаменитымъ Лессингомъ.

— Пора, пора! сказалъ Бормеръ. Всѣ образованныя націи опередили насъ: англичане, испанцы и даже французы, которыхъ мы называемъ вѣтреными, а между тѣмъ, живемъ только тѣмъ, что они уже бросаютъ, а бываемъ оригинальны только въ безобразномъ и педантическомъ. И даже когда подражаемъ имъ, то непремѣнно прилагаемъ къ ихъ твореніямъ свои неизбѣжныя нѣжности особеннаго рода, какъ будто безъ этого и обойтись нельзя.

— Иначе и быть не можетъ, сказалъ Брокманъ:—До тѣхъ поръ, пока съ драматическаго нашего искусства не снимутъ фланелей и фуфаекъ мелкой мѣщанской жизни, и пока мы не посмѣемъ вплясти въ ткань нашихъ драмъ современныхъ и живыхъ идей и сдѣлать ихъ посредниками между природой и людьми, до-тѣхъ-поръ мы принуждены будемъ жить на мѣщанскомъ грунтѣ нашихъ *семейныхъ пьесъ*. Такое искусство, какъ наше, которое остается робко-чуждымъ всѣмъ великимъ духовнымъ интересамъ, всѣмъ важнымъ вопросамъ жизни, чуждымъ поэзіи и философіи, не можетъ быть ни чѣмъ иначе, какъ жалкой штукатуркой педантической существенности. Это искусство ничтожное,

ни къ чему не ведущее. Оно не потрясетъ зрителя, не исправитъ пороковъ. Всегда и вездѣ видѣнъ только одинъ семейный бытъ, съ его поверхностною чувствительностью, съ его свадебными пирогами, обыкновенными положеніями, переходящими изъ рода въ родъ, и стереотипными фигурами! Что́ можетъ вырости на такой бѣдной почвѣ?.. Развѣ только какой-нибудь орѣшникъ, или луковица, для раздраженія слезныхъ глазныхъ шариковъ сантиментальной публики!

— Вы слишкомъ торопитесь, молодые люди: развѣ можно построить что-нибудь великое въ одинъ день? сказалъ совѣтникъ Кохъ, качая головою. Какъ ни велики преграды, останавливающія развитіе драматическаго искусства въ Германіи, все-таки, вѣрьте мнѣ, мы сдѣлали огромные успѣхи съ-тѣхъ-поръ, какъ я началъ знать и въ первый разъ увидѣлъ нашу сцену. Вспомните только о тѣхъ безконечныхъ пьесахъ, о томъ жалкомъ подражаніи испанскимъ драмамъ, до того напыщеннымъ, неприличнымъ и тривіальнымъ, что можно было вообразить себя на Регенсбургскомъ сеймѣ. Вотъ лакомства, которыми подчивали любителей драматургіи, когда имъ надоѣдали маріонетки, жалкіе италіянскіе тенора и другія буфонства. Бросьте взглядъ на ту эпо́ху, и вы согласитесь, что настоящій нашъ театръ не имѣетъ ничего общаго съ подмостками того времени. Какое усовершенствованіе въ актерамъ! Какъ вкусъ облагородился! Развѣ мы имѣли тогда хоть малѣйшее понятіе о сценическомъ устройствѣ? о хорошо выученныхъ роляхъ, о репетиціяхъ, костюмахъ, театральной дирекціи? Даже и помину не было объ общемъ ходѣ всего представленія: каждый игралъ самъ по себѣ и самъ про себя... не было ни правилъ сценическихъ, ни приличныхъ костюмовъ, ни малѣйшаго понятія въ раздаваньи ролей. Истинныхъ талантовъ не понимали, да ихъ и не было, и самымъ грубымъ и площаднымъ выходкамъ аплодировали до неистовства. Тогда не подозрѣвали даже, что содѣйствіе каждаго необходимо для красоты и совершенства общаго состава, и— странная вещь!—это униженіе, этотъ развратъ искусства, не слѣдуетъ приписывать грубой толпѣ, но тѣмъ слоямъ общества, которыхъ называютъ образованными, аристократіею. При дворахъ раждался дурной вкусъ и распространялся по государствамъ; тамъ гримасы шутовъ и скверныя иностранныя оперетки были обыкновеннымъ угощеніемъ; ничего не могло быть хуже Вѣнскаго и Берлинскаго театровъ; остальные же магнаты Римской

имперіи, старались наперывъ, каждый по своимъ силамъ, поддерживать этотъ пустой театръ, который оскорблялъ и вкусъ и нравственность. Они покровительствовали, во вредъ драматическому искусству, нелѣпымъ и пустымъ комедіямъ и давали разныя привилегіи странствующимъ директорамъ театровъ, которые, не смотря на грубое свое невѣжество, находили вездѣ покровительство, снисхожденіе и одобреніе. То, что называлось тогда *правильною драмой*, кое-какъ прозябало еще, а какой-нибудь фокусникъ, какъ напримѣръ Пиколини, производилъ, своими учеными обезьянами, (Лессингъ называлъ такъ его танцоровъ-дѣтей) болѣе шуму, чѣмъ весь классическій театръ грековъ.

— Въ 1752 году, одинъ романическій портной, по имени Рейбсхандъ, осмѣлился бросить иголку, и, схватясь за трагедію, сдѣлался директоромъ Гамбургскаго театра. Я помню еще, какъ во времена моей молодости играли пьесу подъ названіемъ: *Погибшій сынъ, или архи-блудный виновникъ, преслѣдуемый четырьмя стихіями, и бѣгущій съ арлекиномъ, веселымъ товарищемъ своего безпутнаго господина.* Какъ вамъ нравится это названіе? Неправда-ли, чудесно? Пьеса, чрезвычайно нравственная, представлялась съ большими аппаратами и великолѣпіемъ, какъ напримѣръ: плоды, которые погибшій сынъ намѣревался ѣсть, превращались въ головы мертвецовъ; а вода, когда онъ бросился на кубокъ, чтобъ пить ее, въ огонь. Но что самое ужасное, это былъ конецъ: скала, расколотая громомъ, распадалась и глазамъ представлялась висѣлица, на которой висѣлъ какой-то негодяй, и негодяй этотъ распадался по кускамъ, потомъ снова склеивался, принималъ человѣческій образъ, и бѣжалъ стремглавъ за погибшимъ сыномъ, какъ за самимъ собой, то-есть своимъ двойникомъ. Наконецъ, первый являлся на сцену въ сообществѣ, увѣряю васъ, въ сообществѣ трехъ поросятъ, но настоящихъ, живыхъ и даже хрюкающихъ поросятъ, съ которыми ѣлъ барду изъ корыта!.. Чудная выдумка, вылетѣвшая изъ мозга портнаго!

Палочные удары были обыкновенною приправою этихъ *драматическихъ* произведеній. Послушайте только первыя слова пролога знаменитой пьесы, называемой. «*Веселая ночная комедія*».

Громкій хохотъ послѣдовалъ за нелѣпымъ стихотвореніемъ, которое веселый совѣтникъ прочиталъ прекомическимъ образомъ; потомъ онъ началъ разсказывать, съ удивительнымъ гумо-

ромъ, презабавные анекдоты и всю старинную хронику гамбургскаго театра. Онъ разсказалъ, между прочимъ, какъ однажды въ маленькой залѣ города Альтоны * давали трагедію Гамлетъ: директоръ театра, низенькій и толстый, съ огромною головою и краснымъ лицомъ, представлялъ тѣнь короля. Въ театрѣ не было тогда ни машинъ, ни траповъ. Когда тѣнь должна была исчезнуть, выломали половицу и подставили снизу лѣстницу. Привидѣніе, толстое и тяжелое, съ великомъ трудомъ сошло съ первой ступеньки, не переставая махать руками и декламировать; ноги исчезли наконецъ; онъ сошелъ со второй ступеньки, и животъ прошелъ, но огромная голова исчезла только въ четвертомъ актѣ, не переставая дѣлать гримасы, къ великой радости публики.

Офелія, съ распущенными волосами, металась и кричала, какъ Мегера, а актеръ, игравшій Гамлета, вмѣсто принца датскаго, представлялъ Фауста Вотъ что былъ еще нѣмецкій театръ, во времена г-жи Нейберъ и даже Шёнемана. Публика была груба, необразованна; актеры — невѣжды; языкъ — варварскій.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ молодаго студента, гибкаго, высокаго, прекрасно-сложеннаго: на немъ былъ кафтанъ, обшитый снурками и украшенный кистями и фуражка въ родѣ берета.

Какъ только его завидѣли, всѣ запѣли въ одинъ голосъ, новую тогда пѣсню:

Am Rhein, am Rhein,
Wo unsre Reben wachsen.

И вотъ почему: новый посѣтитель былъ именно знаменитый популярный поэтъ Матіасъ Клаудіусъ, авторъ наилучшей изъ пѣсень, внушенныхъ нѣмцамъ рейнскимъ виномъ. Онъ жилъ въ сосѣдствѣ, въ Вандсбекѣ, какъ литераторъ, и часто посѣщалъ трактиръ Высшаго Общества.

Столъ, за которымъ сидѣли актеры и литераторы, присоединился къ хору прекрасной пѣсни, автора которой встрѣтили заздравнымъ тостомъ, потомъ раздвинулись, и молодой человѣкъ радостно сѣлъ въ этотъ кружокъ, гдѣ ему казалось было очень хорошо, послѣ ночной осенней дороги, послѣ дождя и холода.

* На Эльбѣ, недалеко отъ Гамбурга.

— Ну, что.. Какъ здоровье спросилъ Брокманъ студента, протягивая ему дружески черезъ столъ руку. Васъ давно не видать въ городѣ. Что удерживало васъ: музы и ученость, или какая-нибудь свѣтлоокая Филиса, приковавшая скромнаго любимца девяти сестеръ?

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ улыбаясь Клаудіусъ. Я потому не былъ въ городѣ, что былъ занятъ приготовленіями—съ достоинствомъ вступить въ корпорацію филистровъ *, а для этого прежде всего надо уединенную и безпорочно-скромную жизнь. Я и то каждый день жду диплома главнаго коммисара ландграфа въ Дармштатѣ, и хотя я почти не имѣю понятія о будущемъ своемъ назначеніи, однако меня положительно увѣрили, что должность эта можетъ прокормить человѣка, что на время совершенно успокоиваетъ меня. Мнѣ, вѣроятно, придется повѣсить въ канцеляріи города Дармштата палку и котомку странника; слѣдовательно, еще не время говорить, какимъ образомъ дармштатскій коммисаръ станетъ обращаться съ музами.

— Да, странная вещь! сказалъ вздыхая Боде: бѣдность литераторовъ отнимаетъ у нихъ возможность писать такъ, какъ они бы могли. У васъ въ Англіи совсѣмъ иначе, прибавилъ онъ обращаясь къ молодому лорду.

Елкнисъ хотѣлъ отвѣчать, какъ чья-то рука дотронулась до плеча его; онъ обернулся и увидалъ передъ собою друга своего, датчанина, маіора, барона Макса фонъ-Зильбурга, красиваго, статнаго воина, лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Они обнялись радостно, и какъ будто не вѣря глазамъ своимъ, съ восторгомъ выражали другъ другу пріязнь свою. Особенно Зильбургъ былъ, повидимому, радъ этой неожиданной встрѣчѣ.

— Вотъ ужъ три года, сказалъ онъ Елкинсу, какъ ты, покинувъ Транкебаръ, возвратился въ Англію. Черезъ полгода я послѣдовалъ за тобою въ Европу, потому-что полкъ мой былъ внезапно отозванъ на стоянку въ Шлезвигъ... Послѣ наслажденій на берегахъ Ганга, гдѣ мы упивались такъ часто пальмовымъ виномъ, слѣдуетъ отпраздновать нашу счастливую встрѣчу на берегахъ Эльбы и упиться рейнскимъ.

* Такъ обыкновенно называютъ въ университетахъ всѣхъ гражданъ, какъ-то: купцовъ, ремесленниковъ (которыхъ тоже называютъ олухами) однимъ, словомъ, исключая дворянства, артистовъ и всѣхъ, кто не носитъ званія студента или профессора.

Елькинсъ представилъ друга своего обществу, и, по приглашенію Боде, баронъ сѣлъ за столъ. Пріятная его наружность и свѣтскія, учтивыя манеры, доказывавшія хорошее воспитаніе и человѣка высшаго общества, понравились всѣмъ, и онъ былъ принятъ какъ нельзя лучше. Всѣ слушали съ большимъ удовольствіемъ занимательные его разсказы о томъ, какъ онъ жилъ въ Индіи, какъ и гдѣ путешествовалъ; къ тому же, живость ума его, непринужденность и пріятность движеній, должны были нравиться такому обществу. Забыта была разница сословій и даже то отчужденіе, которое гамбургскіе жители чувствовали къ датскимъ офицерамъ. Мнѣніе, довольно неблагопріятное, которое имѣли о господахъ этихъ, уступало мѣсто искреннему уваженію къ Зильбургу, особенно когда во время разговора онъ объявилъ себя большимъ любителемъ театра и выразилъ мнѣніе свое на счетъ музыки и литературы, мнѣніе, обнаружившее въ немъ человѣка со вкусомъ и истиннаго знатока и цѣнителя всего прекраснаго.

Было около одиннадцати часовъ; посѣтители первыхъ столовъ разошлись и лампы загашены. Клеферъ шумно храпѣлъ за конторкою. За послѣднимъ столомъ нѣкоторые кутили еще, и тѣмъ разгульнѣе, что на дворѣ стояла прескверн ѣйшая погода. Вдругъ, въ темномъ углу залы показалось странное лицо какого-то стараго негра, закутаннаго въ черный плащъ. Медленными шагами, какъ привидѣніе, подошелъ онъ къ пирующимъ и сказалъ что-то на ухо барону, посматривая на всѣхъ съ недовѣріемъ.

— Хорошо, Олафъ, сейчасъ буду, отвѣчалъ баронъ.

Старикъ удалился, а Зильбургъ, съ видимымъ неудовольствіемъ вставая со стула, сказалъ, что служба призываетъ его въ Альтону, къ коменданту; потомъ, раскланявшись всѣмъ съ самою чистосердечною пріязнію, благодарилъ за пріятно-проведенный вечеръ, прося позволенія снова пользоваться этимъ удовольствіемъ, на что всѣ съ радостью согласились, наговоря ему бездну любезностей. Боде и два англичанина, жившіе въ домѣ его, вышли вмѣстѣ съ бароном ъ, потому-что имъ лежала одна дорога. Остальные разошлись вскорѣ послѣ нихъ; остались только Экгофъ, Брокманъ и Кохъ и велѣли подать себѣ пуншу; потому-что, по словамъ стараго совѣтника, выходки котораго всегда были исполнены всею веселостью молодости, и который говорилъ: если истина въ винѣ, то вдохновеніе въ пуншѣ. Вскорѣ пламенѣющій напитокъ съ ароматнымъ испареніемъ загорѣлся на столѣ. Брокманъ и Кохъ были въ ве-

селомъ расположеніи духа, и ихъ вдохновеніе проявлялось въ остроумныхъ разговорахъ. Экгофъ, напротивъ,—вѣчно спокойный и хладнокровный, задумывался и какъ будто углублялся въ самого себя. Держась обѣими руками за дымящійся стаканъ, онъ смотрѣлъ вдаль, не говоря ни слова. Вдругъ, какъ будто говоря самъ съ собою, онъ прервалъ разговоръ своихъ собесѣдниковъ этими словами, вылетѣвшими невольно изъ среды его мрачныхъ размышленій:

— Нѣтъ! вскричалъ онъ: я не люблю такихъ людей! Это безпрестанное, судороженное коробленье рта, эта принужденная веселость... этотъ безпокойный, вѣчно рыщущій взглядъ... и это непріятное выраженіе лица, когда онъ забывается на минуту... Нѣтъ! что хотите говорите... можетъ быть я совершенный олухъ и не имѣю ни малѣйшаго понятія о характерахъ... Но этотъ датчанинъ совсѣмъ не то, чѣмъ хочетъ казаться и чѣмъ показался вамъ всѣмъ сегодня вечеромъ.

— За что ты вооруженъ противъ этого человѣка? спросилъ удивленный Брокманъ.

— Вовсе не вооруженъ, отвѣчалъ все болѣе и болѣе расходившійся Экгофъ. Можетъ быть, я самый скверный человѣкъ, потому что подъ кожею самаго прекраснаго лица открываю самыя безобразныя черты. Да, меня бы стоило отколотить за это проклятое ясновидѣніе, которое навязалось на меня за какіе-нибудь грѣхи... такъ что, подъ самою лучшею маскою, я вижу, сквозь незамѣтный шовъ, всего дѣйствительнаго человѣка. Какъ хорошій актеръ, я знаю, какъ люди могутъ притворяться! Ну, что сдѣлалъ мнѣ этотъ Зильбургъ, а между тѣмъ, всякій разъ, какъ я смотрѣлъ на него, самыя мрачныя мысли тѣснились въ головѣ моей. Я не могъ удержаться, чтобъ не смотрѣть ему на руку, на которой, какъ глазъ василиска, блестѣлъ бриліянтъ и невольно привлекалъ взоръ мой. Человѣкъ этотъ былъ въ Индіи, говоритъ чрезвычайно остроумно, разсказываетъ о торговлѣ неграми тоже умно; забавляется разсказами о бѣдствіяхъ униженнаго человѣчества... а черезъ минуту восхищается Ифигеніей Глука и Олимпіадой Пиччини. Послушайтесь меня, дѣти! говорю вамъ—это человѣкъ вредный! удалитесь отъ него! Восторгамъ ко всему прекрасному также можно научиться, какъ и торговлѣ неграми! Слѣдовательно, совѣтую вамъ быть внимательными, если онъ еще разъ удостоитъ насъ своимъ присутствіемъ!

Сказавъ это, Экгофъ всталъ съ своего мѣста, нахлобучилъ шляпу на глаза, и, не простясь съ пріятелями, вышелъ поспѣшно.

Брокманъ, покачавъ головой, посмотрѣлъ на совѣтника, который, сдѣлавъ хлѣбокъ пуншу, сказалъ:

— Пусть его говоритъ! Онъ не былъ бы великимъ трагикомъ, еслибъ не дѣлалъ безпрестанно новыхъ и серьезныхъ изученій характеровъ. Вѣдь это ремесло его—шнырить, подъ всѣми возможными масками и нарядами, по слѣдамъ демона. Не все ли равно, какими глазами онъ смотрѣлъ на барона: глазами воображенія или тѣлесными глазами? Онъ безпрестанно подстерегаетъ тайны человѣческаго сердца, какъ кошка мышей, и у него часто....

— Крысы въ головѣ! сказалъ Брокманъ, помирая со смѣху.

Пріятели встали и допивъ, стаканы за здоровье психологическаго истолкователя барона, отправились домой.

III.

ОТЪ ПОЛЮСА КЪ ПОЛЮСУ.

(Часть вторая и послѣдняя.)

—

I.

ШТИЛЬ.

Вчера еще море было бурно; оно пѣнилось, волновалось. Но кто изучалъ его, тотъ по виду самыхъ волнъ могъ видѣть, что это не возрастающее бѣшенство, а послѣднія вспышки утомившагося гнѣва, и что весь этотъ шумъ и ревъ ничто иное, какъ предсмертное бореніе.

Сегодня наступила тишина, но какая?—безмолвная, какъ могила, унылая какъ пустыня; море превратилось въ зеркало: никакое дыханіе вѣтерка не рябитъ его; на горизонтѣ нѣтъ ни лоскутка какого-нибудь облака, и корабль, со всѣми своими парусами, пригвоздился къ морю, какъ бы набѣжалъ на подводную скалу.

Не только вся природа вдругъ измѣнилась, но и характеръ экипажа. Во время бури и вѣтра матросъ дѣятеленъ, живъ, веселъ, говорливъ. Наступитъ штиль—и онъ сдѣлается лѣнивъ, угрюмъ, молчаливъ, неповоротливъ. Напрасно распускаетъ онъ по временамъ верхній парусъ, чтобъ посмотрѣть, нѣтъ ли вѣтра въ верхнихъ слояхъ атмосферы, парусъ тяжело и безсильно падаетъ вдоль мачты.

Ночью штиль еще торжественнѣе. Кассопъ и Сиріусъ, эти два

солнца южнаго полушарія, изливаютъ бѣлые, свѣтлые лучи, и со всѣмъ видимымъ горизонтомъ тихо восходятъ и заходятъ. Миріады звѣздъ надъ вами движутся, а вы одни неподвижны надъ бездною моря.

Матросы, усталые отъ бездѣйствія, не спятъ и по ночамъ, во время штиля. Онъ для нихъ мучителенъ; они сидятъ и караулятъ всѣ точки горизонта, откуда можетъ подуть спасительный вѣтеръ... Вдругъ какъ бы отъ электрическаго удара всѣ вскакиваютъ, мертвая тишина еще продолжается, но они уже почувствовали на морѣ первую ласку отдаленнаго вѣтра. Радостный крикъ исторгается изъ груди матроса. Онъ будетъ теперь жить, дѣйствовать, работать. Съ восторгомъ бросается онъ на мачты и расправляетъ паруса; легкое дуновеніе наполняетъ ихъ, и неподвижный корабль сдвинулся съ мѣста. Изъ всѣхъ бѣдствій на морѣ, штиль самое ужасное и опасное, Но умъ человѣка преодолѣлъ теперь и его. Онъ для плаванія своего по морямъ отвергъ содѣйствіе вѣтровъ, и взялъ себѣ пары. Съ ними онъ презираетъ штили и противные вѣтры; съ ними царствуетъ онъ на океанѣ.

II.

ОСТРОВЪ СВ. ЕЛЕНЫ.

Утро было чистое и ясное. Солнце великолѣпно поднялось на горизонтѣ. Передъ нами угрюмая скала, извергнутая океаномъ въ минуту гнѣва своего; произведеніе подземнаго огня и лавы... Всѣ съ почтеніемъ сняли шляпы... это былъ островъ Св. Елены.

Какое непостижимое чувство наполняетъ грудь! одно имя, одно воспоминаніе—и предъ нимъ невольно склоняютъ голову!

Мы сошли на берегъ. Намъ указали мѣсто, гдѣ *онъ* ступилъ на островъ, сходя съ Беллерофона, и съ этой минуты весь островъ показался намъ могилою.

Джемсъ-Тоунъ сдѣлался теперь укрѣпленнымъ городомъ. На каждомъ возвышеніи построены форты. Я пошелъ пѣшкомъ вверхъ по главной улицѣ. Пройдя ее, вы уже за городомъ; передъ вами долина. Вы опять поднимаетесь въ гору по слоямъ разноцвѣтной лавы. Наконецъ вы достигаете до сосноваго лѣса, который съ трудомъ тутъ растетъ, подъ жгучими лучами солнца и при порывахъ тропическихъ вѣтровъ.

Идите еще дальше и снимите шляпу. Передъ вами три ивы, кругомъ деревянная рѣшетка, небольшая палатка, караульная будка за оградою, внутри еще желѣзная рѣшетка—и надгробный камень. Вотъ все, что осталось.

У часоваго лежитъ книга, въ которую путешественники записываютъ свои фамиліи и мысли. Много тутъ умныхъ словъ, а еще болѣе глупыхъ; много выраженій благородныхъ чувствъ, но есть и постыдныя мысли. Съ любопытствомъ пробѣгалъ я эту книгу и выписалъ много стиховъ и фразъ.

Англичане стараются въ этой книгѣ защищать своего тюремщика, Сира Гудсона Ло. Однакоже, есть люди и въ Англіи, чувствующіе весь позоръ его поступковъ:

«Я бы не желалъ быть англичаниномъ, когда подумаю, что Сиръ Гудсонъ Ло мой соотечественникъ. Подписано: Девисъ, Джоржъ Стритъ № 13.

Вотъ благородное чувство! не только подписать свою фамилію, но и адресъ жительства.

Очень много женскихъ подписей и, къ утѣшенію человѣчества, всѣ женскія выраженія чувствъ нѣжнѣе и благороднѣе.

Одна надпись очень меня тронула:

«Женщина ли была та, которая забыла, что она была женою *его*?»

И я вписалъ свое незначущее имя, поклонясь съ благоговѣніемъ тому мѣсту, гдѣ опочилъ великій человѣкъ, котораго Англія сдѣлала страдальцемъ, не успѣвши ни унизить его, ни помрачить вѣковѣчной славы.

Но вотъ и бывшее его жилище. Оно уже въ развалинахъ. Вотъ его спальня, гдѣ происходило послѣднее предсмертное бореніе героя. Теперь здѣсь мукомольня. Обои всѣ сняты, а на стѣнахъ вездѣ надписи посѣтителей. Впрочемъ, при входѣ въ домъ вамъ тоже подаютъ книгу для вписыванія своего имени.

Далѣе увидите вы и домъ губернатора. Сердце ваше, конечно, стѣснится, вспомнивъ, что тамъ жилъ Гудсонъ Ло...

Осмотрѣвъ жилище и могилу, намъ нѣчего было больше дѣлать на островѣ Св. Елены, и мы отправились на корабль.

Капитанъ нашъ почему-то не хотѣлъ пристать къ западнымъ берегамъ Африки, какъ первоначально былъ намѣренъ, а поднялся опять вверхъ. Вотъ уже четвертый разъ перехожу я экваторъ. Матросы измучились отъ жаровъ, а я всякій день восхищался удивительнымъ закатомъ солнца на экваторѣ. Велико-

лѣпнѣе этого зрѣлища мудрено придумать что-нибудь,—по-крайней-мѣрѣ описать его нельзя. Надобно склониться только во прахъ предъ Создателемъ, сотворившимъ эти чудеса.

III.

НАСЕЛЕНІЕ АРХИПЕЛАГОВЪ.

Какъ велика и драгоцѣнна для исторіи человѣчества та наука, посредствомъ которой стараются дойти до общаго сродства языковъ и до первоначальныхъ корней первобытнаго діалекта.

Можетъ быть, читатели двадцать разъ спрашивали, читая мою книгу: какимъ образомъ могъ я разговаривать съ разными дикарями? Очень просто: я вамъ это тотчасъ же объясню.

Если, напримѣръ, я сбираюсь въ экспедицію къ Кафрамъ или Готтентотамъ, то сперва развѣдываю все о ихъ нравахъ, образѣ жизни, вкусахъ; запасаюсь предметами мѣновой торговли съ ними. Я знакомлюсь съ человѣкомъ, который уже тамъ бывалъ и который мнѣ сообщаетъ всѣ слова, которыя знаетъ на ихъ языкѣ. Въ нѣсколько дней, даже въ нѣсколько часовъ, я столько же знаю, какъ и мой учитель, потому, что лексиконъ этихъ народовъ весьма ограниченъ. У насъ въ одной комнатѣ больше названій разныхъ предметовъ, нежели у нихъ въ цѣлой области.

Хижина, цыновка, лодка, лукъ и стрѣлы, рѣка, рыба, дерево, вотъ и все. Съ этимъ вы можете ѣхать къ этимъ народамъ. Дополняйте слова жестами, игрою физіономіи и терпѣніемъ, васъ вѣрно поймутъ. Фразы, періоды существуютъ только у образованныхъ народовъ: это роскошь страстей и нуждъ. Вмѣсто того, чтобъ говорить: «я тебѣ дамъ ножъ, а ты мнѣ за это дашь курицу,» вы скажете: «я—ножъ, ты—курица: *сату пино, сату айанъ*. Возьмите негровъ, которые десятки лѣтъ живутъ между европейцами: они выучатся говорить вашимъ діалектомъ, но фразы ихъ все будутъ не граматическія.

На всякомъ островѣ архипелаговъ есть европейцы, которые знаютъ уже туземный языкъ и діалекты сосѣдственныхъ острововъ. У всѣхъ записаны цѣлые лексиконы. Стоитъ переписать и затвердить.

Внимательный филологъ удивится однако же замѣчательному разнообразію языковъ между самыми близкими племенами и островами. Самые звуки, оттѣнки словъ различны. Напримѣръ:

Панкесы говорятъ ясно, рѣзко и отрывисто; Мондрукосы медленно, тяжело, глухо; Бутикудосы—важно, и звукъ рѣчей ихъ вѣроятно испорченъ смѣшною палкою, продѣтою въ нижнюю губу. Языкъ Готтентотовъ настоящее хрюканье: эти звуки печальны, тяжелы, отвратительны. Вообще, послѣ языка четвероногихъ, это грубѣйшій языкъ въ природѣ. Языкъ Кафровъ нельзя передать нашими буквами. Онъ состоитъ изъ краткихъ и гортанныхъ слоговъ, съ безпрестаннымъ прищелкиваніемъ языка. Діалектъ перуанскихъ туземцевъ состоитъ въ особенности изъ гласныхъ *а* и *е*. Онъ чрезвычайно бѣденъ и выучиться ему можно скоро. На Тиморѣ говорятъ грубо и рѣзко; въ Омбаѣ тоже: и тутъ и тамъ людоѣды. Языкъ Каролинскихъ острововъ—чистая музыка. На Сандвичевыхъ діалектъ слѣдуетъ за природою отдѣльныхъ острововъ. Въ Овайги онъ грубѣе, нежели въ Мовги и Вагу, потому, что въ первомъ изъ нихъ лава волкана подавляетъ растительность, а на двухъ послѣднихъ роскошь почвы побѣждаетъ потрясенія огнедышущихъ горъ. Языкъ Малгашей утомителенъ, Орасовъ робокъ и медленъ.

Какимъ образомъ населились всѣ Архипелаги?—вотъ вопросъ, который занимаетъ всѣхъ давно уже. Вотъ что я, съ моей стороны, думаю объ этомъ.

Ближайшіе къ материкамъ острова были, конечно, населены прибрежными жителями этихъ материковъ. Даже сами острова эти могли отдѣлиться отъ береговъ, въ слѣдствіе переворотовъ и землетрясеній. Напримѣръ: Дружественные острова, Фиджи, острова Товарищества, такъ недалеко отстоятъ одни отъ другихъ, что первоначальное ихъ населеніе однимъ прибрежнымъ народомъ вовсе немудрено. Китай и Японія высылали имъ свои излишки по всему Тихому океану до сѣвера Новой Голландіи. Здѣсь вдругъ уже все отдѣльно: земля, растительность, животные, вся природа непохожа ни на какую изъ прочихъ частей свѣта.

Ванъ-Дименова Земля, безспорно, принадлежитъ къ Новой Голландіи. Островитяне Новаго Южнаго Валлиса—братья съ туземцами Ванъ-Димена. Но Новая Зеландія населена сильнымъ, великорослымъ, воинственнымъ племенемъ, а вокругъ нихъ, въ Новой Голландіи—черное, слабое умомъ и тѣломъ племя, которое, вѣроятно, вскорѣ исчезнетъ отъ столкновенія съ англійскою цивилизаціею.

На Филиппинскихъ островахъ взоръ тотчасъ же пораженъ сходствомъ жителей съ китайцами, слившимися съ испанцами.

На Сандвичевыхъ — тоже сходство, но уже болѣе одичалое и цвѣтъ кожи темнѣе.

На Молукскихъ, очевидно, встрѣчаете вы малайцевъ, которыхъ обвиняютъ въ звѣрствѣ и предательствѣ. Но врожденное ли это свойство, или оно произошло отъ жадности и насильствъ первыхъ европейцевъ? Нельзя оставаться кроткимъ и ласковымъ, когда будутъ дѣйствовать пушки.

И такъ, китайцы, японцы и малайцы заселили всѣ острова Архипелаговъ, и чѣмъ отдѣленіе этихъ метрополій было продолжительнѣе, тѣмъ нравы, языкъ и типъ породы измѣнялись болѣе отъ климата и образа воспитанія.

Одна Новая Голландія составляетъ неразрѣшимую задачу. Подождемъ опытнѣйшихъ людей. Со временемъ должны открыться всѣ тайны, если мы не впадемъ въ первобытное невѣжество.

Впрочемъ, я не разъ стыдился за собственное свое невѣжество передъ самыми грубыми дикарями.

Однажды, на африканскомъ берегу, я съ Жаномъ и нѣсколькими неграми – провожатыми, проѣзжалъ черезъ лѣсъ. Вдругъ мулы наши остановились и задрожали. Я не могъ понять причины этого страха; но негръ указалъ мнѣ на огромнаго удава, который лежалъ подъ банановымъ деревомъ и поднялъ голову.

Мы съ Жаномъ тотчасъ же спрыгнули съ муловъ, и удавъ не замедлилъ напасть на одного изъ нихъ. Тотъ долго увертывался отъ грознаго врага и наносилъ ему сильные удары копытами; но наконецъ удаву удалось обвиться около шеи и мулъ палъ. Однакоже, и избитый врагъ его, довольный своею побѣдою, съ шумомъ удалился въ чащу лѣса.

Мы уже хотѣли продолжать путь, но одинъ изъ нашихъ негровъ – проводниковъ стоялъ, наклонясь подъ деревомъ и насвистывалъ что-то. Я сталъ его звать.

— Не троньте, сказалъ мнѣ другой негръ. Посмотрите. Хорошо!

Я подошелъ, взглянулъ и ужаснулся. Негръ стоялъ надъ другимъ ужаснѣйшимъ удавомъ, пристально глядѣлъ ему въ глаза, насвистывалъ что-то и прищелкивалъ языкомъ; а удавъ судорожно вытягивался, моргалъ своими глазами, широко разѣвалъ свою пасть, испускалъ какіе-то свисты и выпускалъ множество слюны, или пѣны.

Нѣсколько минутъ продолжалось это зрѣлище. Насвистыванье негра сдѣлалось чаще и сильнѣе, прерывалось иногда отрывистыми словами и криками, а удавъ болѣе и болѣе изгибался, привскакивалъ, растягивался, трепеталъ... Наконецъ, послѣ сильнаго свиста, приподнялъ еще разъ голову, закрылъ глаза и растянулся неподвижно.

— Умеръ! вскричалъ негръ.

— Какъ умеръ? кто же его убилъ?

— Братъ убилъ.

— Чѣмъ? словами? свистомъ?

— Нѣтъ! глазомъ.

Все это было для меня непостижимо, и, однако же, неоспоримо. Я сталъ распрашивать негра-волшебника, гдѣ онъ научился этому искусству? Я ожидалъ отъ него сказокъ, хвастовства. Онъ мнѣ очень просто отвѣчалъ:

— Страхъ научилъ меня. Однажды удавъ хотѣлъ проглотить меня, я сталъ передъ нимъ на колѣни и пристально глядѣлъ ему въ глаза, умоляя о помилованіи. Онъ сталъ отъ меня отворачиваться. Я преслѣдовалъ его моими просьбами и умоляющими взглядами. Наконецъ онъ легъ, растянулся и уснулъ. Съ тѣхъ поръ это для меня бездѣлка.

Растолкуйте мнѣ, господа ученые и философы, это явленіе. Вы станете отдѣлываться громкими, учеными фразами, а я вамъ представляю фактъ и требую яснаго ключа къ нему.

IV.

КАПКАЭ.

Вѣтеръ былъ намъ попутный и тихій. Мы шли по восьми узловъ. Западные берега Африки отъ мыса Доброй Надежды до Бѣлаго мыса чрезвычайно любопытны и живописны. Мы плыли довольно близко береговъ и часто становились въ дрейфъ, чтобъ осмотрѣть какой-нибудь занимательный предметъ. Этимъ временемъ пользовались туземцы, чтобъ производить съ нами мѣновый торгъ.

Вскорѣ буря заставила насъ отойти въ открытое море. Она была непродолжительна и вахтенный снова воскликнулъ: *берегъ!*

Это былъ Сенегалъ. Нашъ корветъ имѣлъ порученіе охранять французскія конторы и торговлю на этомъ берегу.

Мы семью выстрѣлами салютовали небольшой фортъ, который

отвѣчалъ намъ также учтивостію. Я первый спѣшилъ сойти на берегъ. Два негра предложили мнѣ свою лодку; я заплатилъ имъ деньги впередъ и отправился. Что за пѣсни, что за веселость! Деньги мои сдѣлали ихъ вполнѣ счастливыми. Они воображали себѣ блаженство напиться на нихъ ввечеру замертво.

Переночевавъ въ фортѣ, я рѣшился на другой день, со вчерашними моими гребцами, чрезвычайно полюбившими меня, отправиться для осмотра окрестностей. Со мною было ружье, ятаганъ и два пистолета; но это была излишняя предосторожность: здѣшніе жители миролюбивы и кротки, потому, что еще мало имѣли сообщенія съ европейцами. Черезъ два часа ходьбы достигъ я до опушки лѣса, у котораго до двадцати негровъ сидѣли около какого-то четвероногаго и обѣдали.

Увидя меня, они встали и ласково звали участвовать въ ихъ трапезѣ. Я усѣлся между одною старухою и малолѣтнимъ мальчикомъ, на плечи котораго набросилъ я подарокъ—красный платокъ. Мой поступокъ привелъ всѣхъ въ восхищеніе, и всѣ ласкали меня и осыпали вопросами.

Два негра знали нѣсколько словъ по-англійски, а одна молодая женщина порядочно говорила по-португальски. Отъ нея узналъ я, что собравшаяся толпа составляетъ селеніе, назначившее тутъ мѣсто свиданія другому, которое должно было придти на другой день. Цѣль этого сходбища составлялъ бракъ этой самой дѣвушки съ храбрымъ предводителемъ племени Боиновъ, котораго имя страшно даже европейскимъ конторамъ.

Этотъ случай былъ слишкомъ занимателенъ, чтобъ не посмотрѣть на него. Я остался съ ними.

Ночью улеглись всѣ на шерстяныхъ одѣялахъ, прикрывшись львиными, тигровыми и гиппопотамовыми шкурами. Но я не могъ заснуть во всю ночь отъ жужжанія и жала здѣшнихъ комаровъ, которымъ кожа европейцевъ всегда больше нравится.

Поутру принялся я срисовывать всѣхъ вокругъ себя, къ величайшему удовольствію негровъ.

Послѣ завтрака принялись всѣ пѣть и плясать. Я тоже подпѣвалъ подъ монотонныя ихъ три ноты. По окончаніи пляски невѣста пошла со мною прогуливаться. Ее звали Калкаэ. Весь ея костюмъ состоялъ изъ краснаго стекляннаго ожерелья.

Долго бродили мы по окрестности. Вдругъ она съ ужасомъ остановила меня и вскричала:

— Гіена идетъ!

Дѣйствительно, къ намъ подкрадывалось это отвратительное животное, ощетинилось и разинуло пасть.

— Стрѣляй! сказала Калкаэ.

— Еще рано.

Оставя дѣвушку позади себя, я съ пистолетомъ въ рукѣ пошелъ къ животному, и въ то мгновеніе, какъ оно хотѣло на меня броситься, я застрѣлилъ его.

— Убилъ, вскричала Калкаэ и подбѣжала къ намъ, схвативъ гіену за хвостъ; но злое животное сохранило еще довольно живучести, чтобъ укусить въ ногу бѣдную негритянку.

Я тотчасъ же перевязалъ ея рану.

— Это ничего, добрый бѣлой, сказала она.

— Кто знаетъ,—можетъ быть и опасно.

На мой выстрѣлъ сбѣжались негры. Калкаэ разсказала имъ случившееся, и они съ торжествомъ унесли убитую гіену.

Пришло и ожидаемое селеніе. Всѣ усѣлись и начали длинные разговоры между собою. Женихъ сидѣлъ подлѣ невѣсты, подавая ей разные плоды. Потомъ надѣли на шею ея жемчужное ожерелье.

Барабанный бой возвѣстилъ наступленіе вѣнчальнаго обряда. Женихъ украсилъ еще свою невѣсту уборами изъ слоновой кости... Вдругъ дѣвушка пошатнулась, вскрикнула и упала. Это было слѣдствіе укушенія гіены. Черезъ нѣсколько минутъ Калкаэ была мертва.

Вмѣсто свадьбы произошли похороны. Всѣ поодиначкѣ проходили молча мимо тѣла умершей, склоняя передъ нимъ колѣно и трижды ударяя лбомъ въ землю.

Вырыли могилу въ пять футовъ глубины и вмѣстѣ съ тѣломъ положили туда разныя принадлежности усопшей. Впрочемъ, никто не пролилъ ни слезы, не произнесъ ни одного слова. Печаль была молчалива и торжественна.

V.

СТЕПЬ.

Три дни продолжалъ я свои пустынныя прогулки по окрестностямъ. Наконецъ увидѣлъ прибытіе каравана, шедшаго въ Мекку. Онъ зашелъ къ здѣшней колоніи за новыми запасами.

Мнѣ указали въ толпѣ на араба, говорившаго по-португальски.

— Куда вы идете? спросилъ я ихъ.

— Въ Мекку.

— Знаю; но по какой дорогѣ, и куда будете заходить?

— Сперва мы пойдемъ чрезъ большую степь Сагары, потомъ зайдемъ въ Марокко.

Чего же было лучше для меня? Я уже довольно насмотрѣлся на море. Надобно было взглянуть и на песчаный океанъ, со всѣмъ его величіемъ, со всѣми ужасами. Я обратился къ начальнику каравана, и тотъ легко согласился взять меня съ собою.

Я запасся всѣмъ нужнымъ, устроилъ себѣ ходули для песковъ, и черезъ часъ мы двинулись въ путь.

Вотъ порядокъ шествія. Два араба впереди колонновожатыми. За ними четыре верблюда съ мѣхами, наполненными водою. Изъ переднихъ арабовъ одинъ вооруженъ былъ желѣзнымъ трезубцемъ, другой сигнальнымъ рожкомъ, чтобъ отвѣчать на звуки, издаваемые по временамъ во всей колоннѣ. Послѣ верблюдовъ шли до двадцати солдатъ, вооруженныхъ саблями и ружьями. Они вели подъ устцы лошадей, на которыхъ сидѣли женщины и дѣти. Между этимъ передовымъ отрядомъ и вторымъ было до двухъ сотъ шаговъ разстоянія, и отъ втораго до третьяго столько же. Въ среднемъ везли всѣ сокровища каравана, то-есть: золотой песокъ, шкуры львовъ, тигровъ, леопардовъ и множество слоновой кости.

Весь караванъ занималъ до двухъ километровъ. Такимъ образомъ пыль, вздымаемая каждымъ отрядомъ, не безпокоила послѣдующихъ, и когда я, шагая на своихъ ходуляхъ, глядѣлъ на весь этотъ растянувшійся караванъ, то находилъ его похожимъ на огромнаго удава, разсѣченнаго на три части, которыя, извиваясь по пустынѣ, старались соединиться, чтобъ срости сь.

На другой день выступленія нашего достигли мы до границы лѣсовъ, простирающихся отъ морскихъ береговъ до песчаной степи.

На три часа сдѣлали мы привалъ у послѣдней опушки кончающагося лѣса, и, при звукахъ нашихъ сигнальныхъ рожковъ, выступили опять въ походъ.

Кончились деревья, не видать уже было растительности. Вся почва была покрыта колючимъ волчцомъ, отъ котораго только копыта верблюдовъ и лошадей остаются безвредными, но ноги пѣшеходовъ чрезвычайно страдаютъ. Я одинъ на своихъ ходуляхъ спасся отъ этой участи.

Направляясь къ востоку, караванъ вскорѣ попалъ на какую-

ту каменистую почву. По временамъ попадались намъ сѣрыя и пестрыя змѣи, быстро убѣгавшія отъ насъ. Небольшое четвероногое съ острымъ рыльцемъ, нѣсколько побольше крысы, тоже являлось во множествѣ и падало подъ ударами палокъ или стрѣлъ. Мясо этихъ животныхъ служило пищею, изъ шкуръ дѣлали сандаліи.

Наконецъ, исчезли и камни; начался песокъ, степь.

При вступленіи въ степь совершены были молитвы. Едва онѣ окончились, какъ раздался ревъ звѣря. Верблюды упали и задрожали; лошади столпились головами между собою, чтобъ встрѣтить врага задними копытами. Арабы двинулись впередъ на встрѣчу опасности, негры спрятались за обозъ.

Я былъ на ходуляхъ и первый могъ видѣть, откуда приближается опасность. Это былъ тигръ, бѣгущій къ каравану. Сойдя съ ходуль, присоединился я съ ружьемъ къ прочимъ охотникамъ, и мы стали на широкой насыпи краснаго песку, выжидая звѣря на разстояніи выстрѣла.

Вдругъ послышался другой ревъ, изъ-за насыпи бросилась большая пантера наперерѣзъ къ тигру, и вскорѣ произошло ужаснѣйшее между ними сраженіе. Оно продолжалось долго. Мы сперва не замѣтили, что подъ песчаною насыпью логовище пантеры и что тамъ два ея дѣтеныша. Тигръ искуснымъ маневромъ бросился туда и успѣлъ разорвать ихъ, прежде нежели пантера подоспѣла къ ихъ защитѣ; но за то съ этой минуты гибель тигра была рѣшена. Пантера вцѣпилась въ него, и, не смотря на всѣ усилія противника, не прежде оставила его, какъ увидя его безъ дыханія. Тогда, колеблющимися шагами подошла она къ дѣтенышамъ, легла подлѣ нихъ и умерла.

Спектакль кончился, и мы двинулись далѣе.

VI.

БУРЯ.

На другое утро всѣ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ стали поглядывать другъ на друга. Жаръ былъ душный. Въ воздухѣ готовилась какая-то невзгода. Люди и животные сдѣлались вдругъ безсильными. По всѣмъ членамъ пробѣгали какія-то искры, щекотавшія насъ. Тучи покрыли горизонтъ. По временамъ сильныя молніи разрѣзывали облака. Это была тропическая буря.

Вотъ полился дождь какъ съ водопада; вотъ разразилась

и оглушительная гроза. Весь караванъ взобрался на песчаныя насыпи, чтобъ спастись отъ потоковъ воды. Три часа продолжалась эта буря; много запасовъ было испорчено; много палатокъ изорвано, но ни изъ людей, ни изъ животныхъ никто не пострадалъ.

Раздались троекратные звуки рожка, и караванъ остановился на ночлегъ.

Пища раздается два раза въ день: поутру передъ выступленіемъ каравана и при закатѣ солнца. Между этими часами есть еще привалъ для раздачи воды. На ночлегѣ при всякой палаткѣ назначается старшина, которому всѣ должны повиноваться. Во всякую палатку приносится кружка съ водою посреди усѣвшихся на цыновкахъ людей, и начальникъ наливаетъ съ величайшею осторожностію каждому порцію полукокосоваго орѣха. Самъ начальникъ пьетъ послѣ всѣхъ, а начинаютъ женщины и дѣти. Если начальникъ видитъ, что кто-либо пьетъ глоткомъ больше воды, нежели опредѣлено, то останавливаетъ пьющаго легкимъ прикосновеніемъ жезла, и тотъ повинуется.

Раздача съѣстныхъ припасовъ производится съ величайшею строгостію, хотя и слабѣе, и начальникъ соразмѣряетъ раздачу больше съ аппетитомъ и возрастомъ каждаго, нежели съ одинаковымъ количествомъ. Поутру раздается также порція водки. Ввечеру никогда.

Еще недѣлю шли мы по степи. Воздухъ былъ жгучъ, какъ въ натопленной печи. Солнечные лучи гибельно дѣйствуютъ на людей и животныхъ. Одна изъ красивѣйшихъ лошадей каравана подверглась солнечному удару и съ ужаснѣйшимъ ржаніемъ вдругъ пустилась по степи. На ней былъ богатый вьюкъ, который могъ бы погибнуть, еслибъ всѣ подобныя животныя бѣгали не по дугѣ круга, котораго центръ то мѣсто, откуда она прибѣжала. Хозяинъ лошади, увидя случившееся, схватилъ ружье, пошелъ въ противоположную сторону и, окинувъ глазомѣромъ кругъ ея бѣга, встрѣтилъ ее мѣткимъ выстрѣломъ: она пала, вьюкъ былъ снятъ, и вороны пустыни вскорѣ слетѣлись на эту добычу.

Въ этотъ день термометръ Реомюра показывалъ въ тѣни 37°, на солнцѣ 70°.

Черезъ нѣсколько дней ударъ солнца похитилъ въ нашемъ караванѣ пятнадцатилѣтнюю дѣвушку. Припадки ея изступленія и смерти были ужасны.

Вскорѣ произошло важнѣйшее, всеобщее несчастіе. Однажды,

послѣ перехода въ густой туманъ, вожатые объявили начальнику, что они сбились съ дороги и требуютъ совѣта всѣхъ *бывалыхъ* людей каравана. Собрались всѣ старшины. Пригласили и меня, какъ ученаго (эффенди). Оказалось, что всѣ были разныхъ мнѣній.

Въ моемъ багажѣ была намагниченная подкова и я ею тотчасъ намагнитилъ большую иглу, помѣстилъ эту иглу на бумагѣ, плавающей въ полунаполненной кокосовой скорлупѣ, и она тотчасъ обратилась къ сѣверу...

Но для невѣждъ наука—зло, страхъ и колдовство! Старшины ужаснулись дѣйствій магнита, и одинъ изъ нихъ, схвативъ мой приборъ, бросилъ его далеко изъ палатки, въ которой мы сидѣли. Меня обвинили и рѣшили остановиться, покуда Аллахъ укажетъ путь.

VII.

ДАЛЬНѢЙШЕЕ СТРАНСТВОВАНІЕ.

Однакоже, и мое доказательство нашло много приверженцевъ, не хотѣвшихъ оставаться неподвижными. Споры разгорячились и доходили до дракъ. По счастью, темнота прекратила все.

Поутру всѣ почувствовали, что миръ и согласіе всего нужнѣе. Всѣ согласились, что наука, можетъ быть, говоритъ правду и что прежде всего надобно совершить общую молитву. Принесли въ это время съѣстные припасы для раздачи и воду.

Какъ выразить всеобщій ужасъ! Вода была испорчена и негодна къ употребленію. Побѣжали за другимъ мѣхомъ, но изъ всѣхъ палатокъ бѣжали съ тою же вѣстію. Никто не постигалъ этого случая, но онъ былъ смертнымъ приговоромъ для всего каравана, если въ тотъ же день не найдутъ источника.

Двинулись въ путь по моему компасу къ сѣверу, пустивъ (по совѣту арабовъ) верблюдовъ впередъ. Животные эти инстинктомъ знаютъ, гдѣ источники воды и часто спасали караваны.

Но прошелъ цѣлый день въ безполезной ходьбѣ, и ничего не было найдено. Остановились на ночлегъ. Роса освѣжила и землю и наши пылающія груди. Мы лизали, сосали всякую былинку, смоченную драгоцѣнною влагою.

Поутру двинулись опять въ путь, и толпа арабовъ со вниманіемъ смотрѣла на вожатаго верблюда: не обнаружитъ ли онъ какого-либо спасительнаго признака. Тотъ, какъ бы понимая высокую цѣль своего назначенія, важно выступалъ, повертывалъ

свою голову и вдыхалъ въ себя воздухъ, чтобъ по свойству его узнать, гдѣ близка вода.

Но, между тѣмъ, весь караванъ изнемогалъ подъ бременемъ жажды и отчаянія. Многіе уже рѣшались остаться на мѣстѣ и предаться своей участи. Они чувствовали свое безсиліе бороться съ судьбою.

Вдругъ верблюдъ заржалъ. Всѣ вскрикнули и обступили его, хозяинъ взялъ его за повода и хотѣлъ вести къ точкѣ, въ которой предполагалъ найти воду; но верблюдъ вырвался у него изъ рукъ и самовольно пошелъ въ другую сторону. Всѣ радостно за нимъ послѣдовали.

Два часа шли мы. Всѣ силы возобновились; всѣ увѣрены были въ спасеніи. Это былъ оазисъ въ пустынѣ.

Полоса свѣжей зелени; ручей, орошавшій эту полосу земли, пальмовыя деревья съ всегдашними своими плодами: густой сводъ деревьевъ, образующихъ тѣнь, то-есть—радость, утѣшеніе при жгучихъ лучахъ солнца: вотъ оазисъ въ Сагарской степи.

Нѣсколько людей и три лошади пали отъ жажды; остальные оживились, и пошли съ новою бодростію. Всѣ мѣха снова налиты запасами воды, и на другой день караванъ продолжалъ уже путь весело и безпечно, какъ бы ничего не случилось.

На третій ожидалъ насъ одинъ ужасный эпизодъ. На разсвѣтѣ вдругъ раздался крикъ часоваго, приставленнаго къ съѣстнымъ припасамъ. Всѣ сбѣжались. Одинъ арабъ, мучимый жаждою, подкрался къ мѣху съ водою и, прорѣзавъ его ножемъ, съ жадностію пилъ ее.

Его окружили и объявили ему, что онъ будетъ судимъ. Онъ зналъ свою участь и покорился ей.

Судъ недолго продолжался. Сказано было два-три слова. Всѣ склонили головы въ знакъ общаго согласія. Четыре судьи отдѣлились, взяли лопатки и стали копать яму въ песку. Яма была почти въ ростъ человѣка.

Окончивъ работу, подошли они къ осужденному, взяли его подъ руки, привели къ ямѣ, связали ноги и руки и стоймя спустили въ яму до самыхъ плечъ, наполнили ее опять землею, утоптали, и начальникъ каравана, наливъ въ полукокосъ воды, подошелъ къ несчастному, поставилъ эту чашу укора передъ его глазами. Правою же рукою коснулся до лба его и сказалъ ему:

«Ты укралъ воду своихъ братьевъ: ты умрешь отъ жажды. Ты нарушилъ законы пустыни, и она приметъ тебя въ свои

нѣдра. Раскайся и молись, да проститъ тебя Аллахъ въ будущей жизни.»

Сказавъ это, онъ повернулся, и весь караванъ двинулся въ путь.

VIII.

СМЕРЧЬ.

На другой день видѣли мы любопытное явленіе. Нѣсколько птицъ упали между нами отъ жара и утомленія. Итакъ, ни легкость полета, ни частые оазисы не спасаютъ пернатыхъ отъ гибельнаго дѣйствія африканскаго солнца!

Можно вообразить себѣ, что мы болѣе всего желали выбраться изъ Сагары, и одинъ изъ опытнѣйшихъ арабовъ объявилъ намъ, что на другой же день дойдемъ мы до каменистой почвы; но онъ ошибся, и всѣ старшины присудили, чтобъ онъ продолжалъ путь пѣшкомъ, съ завязанными глазами.

Другой арабъ, дерзкій въ рѣчахъ, взялся вести насъ, и велѣлъ всему каравану сдѣлать полуоборотъ направо и итти по этому направленію. Напрасно верблюды долго противились этому движенію. Оно было исполнено. Черезъ недѣлю, и этотъ вожатый подвергся тому же приговору, и оба сознались тогда, что не знаютъ дороги. Каково же было итти по степи, не зная куда. Одинъ только компасъ зналъ, что надобно итти къ сѣверу.

Но вотъ уже спускалась ночь надъ пустынею... вдругъ раздался ужасный свистъ въ воздухѣ. Всѣ взоры обратились къ востоку, откуда слышенъ былъ свистъ...

Ничего!.. Однакоже, нѣкоторые арабы со страхомъ засуетились... Далеко передъ нами поднялась колонна песку. Основаніе ея шло медленно по землѣ, капитель соединялась съ облаками...

Но вотъ и другая, и третья, и нѣсколько колоннъ, вотъ цѣлая сотня, неизмѣримая галлерея, ежеминутно измѣняющаяся въ видѣ и направленіи.

— Это братъ симуна, сказалъ мнѣ арабъ, падая на колѣни.

— Видалъ ты эти столбы?

— Никогда. Но нашъ послѣдній часъ насталъ.

— Почему же ты это думаешь?

— Отецъ мой разсказывалъ мнѣ.

— Онъ видѣлъ эти столбы?

— Три раза въ жизни.

— И три раза значитъ спасся. Будемъ и мы надѣяться.

Наконецъ, столбъ песку окружилъ насъ, осыпая тысячами разныхъ животныхъ: рыбами, насѣкомыми, пресмыкающимися. Все вокругъ насъ трещало и разрушалось. Столбы песку сталкивались, поглощали одинъ другой и продолжали свой опустошительный путь. Впрочемъ, нѣтъ кисти, нѣтъ словъ, чтобъ передать эту картину.

И я, и всѣ, заботились только о томъ, чтобъ бѣжать отъ приближенія этихъ смерчей, которые каждаго могли увлечь; но, по счастію, никто не былъ тронутъ изъ всего каравана.

Какъ скоро опасность миновала, мы пошли осматривать дѣйствія, произведенныя этимъ явленіемъ.

Тамъ, гдѣ отъ столкновенія урагана обрушивались столбы, образовались цѣлые холмы страннаго, фантастическаго вида. Я попробовалъ взойти на эти холмы... О, чудо! земля подо мною шевелилась... Что это значитъ? я раскопалъ пистолетомъ одинъ изъ движущихся бугорковъ, и вдругъ изъ него выползла ужасная жаба. Далѣе были то живыя еще, то раздавленныя летучія мыши, змѣи, кроты, крысы. Все это подхватываемо было песчанымъ вихремъ и уносимо то къ облакамъ, то на землю.

Я хотѣлъ было собрать въ банку нѣсколько этихъ животныхъ, но раздался сигналъ выступленія и я только успѣлъ захватить огромнаго паука и три ибисовыхъ пера.

IX.

ПОЕДИНОКЪ АРАБОВЪ.

Мнѣ удалось видѣть удивительное явленіе природы, случающееся иногда въ экваторіальныхъ странахъ (Клапротъ его уже описывалъ; Бутенъ и Бельзани не могли добиться до этого зрѣлища). Вотъ восхожденіе солнца. Вы смотрите на поднимающійся огненный шаръ и зрѣніе ваше нисколько не утомляется. Вы вспоминаете, что это съ вами и прежде бывало при закатѣ и восходѣ даже въ нашихъ широтахъ. Но вотъ оно выше и выше, а блескъ его не прибавляется; вы изумляетесь, оглядываетесь, удивленіе ваше еще болѣе усиливается: вы видите на противоположной сторонѣ звѣзды первой величины. Но вотъ солнце ближе подходитъ къ зениту, и видъ его не перемѣняется, лучезарность не умножается. Это шаръ раскаленнаго желѣза, и больше ничего.

Явленіе это всегда видятъ тѣ, которые всходятъ на высокія горы или очень высоко поднимаются въ воздушныхъ шарахъ. Тамъ это дѣлается отъ слишкомъ разрѣженнаго воздуха, которымъ едва можно дышать и отъ котораго лучи солнца не разсѣваются, и гдѣ, слѣдовательно, темно при солнечномъ сіяніи. Но здѣсь свѣтло, здѣсь день, здѣсь я легко дышу, а явленіе тоже самое.

Значитъ, теплота до такой степени разрѣдила нашу атмосферу, что сдѣлала ее полуэѳиромъ.

Когда я восхищался этимъ зрѣлищемъ, сидя на песчаномъ холмѣ, ко мнѣ подошелъ одинъ умный арабъ, Теги, съ которымъ я познакомился. Я спросилъ его о причинѣ видимаго явленія.

— Аллахъ отдыхаетъ въ этотъ день! отвѣчалъ онъ мнѣ.

— А завтра будетъ ли онъ отдыхать?

— Нѣтъ! Завтра солнце будетъ опять солнцемъ, а звѣзды будутъ днемъ спать. Завтра Сагара сдѣлается опять пустынею, проклятою пророкомъ.

Онъ замолчалъ. Я тоже не зналъ, что отвѣчать на его астрономическія познанія. Но замѣтивъ, что онъ очень печаленъ, я спросилъ у него:

— Что съ тобою, Теги? отчего ты печаленъ?

— Оттого, что я долженъ убить человѣка.

— За что? Какое онъ зло тебѣ сдѣлалъ?

— Мнѣ! никакого. Но онъ нравится той дѣвушкѣ, которую я люблю.

— И за это развѣ вашъ законъ позволяетъ умерщвлять?

— Онъ позволяетъ вызывать врага на единоборство. Я уже послалъ вызовъ Такжару. Онъ согласился. Я сильнѣе его и убью. Калида не будетъ принадлежать ему.

— Когда будетъ этотъ поединокъ?

— Завтра, при восходѣ солнца.

— Но если ты убьешь противника, выйдетъ ли за тебя Калида?

— Нѣтъ! Она *его* любитъ. Но все равно...

— А ты ее очень любишь?

— До того, что убью и ее, если она откажетъ мнѣ въ своей рукѣ.

— Магометъ не наказываетъ убійцъ?

— Неумолимо наказываетъ!...

Онъ удалился, а я нарочно пошелъ въ палатку, гдѣ жила Калида, чтобъ изучить эту восточную драму.

При первомъ взглядѣ на нее, я былъ изумленъ. Маленькая ростомъ, широкоплечая, уже не молодая, довольно нечистоплотная, съ узенькимъ лбомъ и огромными ногами, вотъ красавица, за которую хотѣли драться арабы. Увы! Вездѣ безуміе дуэлей!

На другое утро звукъ трубы возвѣстилъ часъ поединка. Весь караванъ собрался на это зрѣлище. Явилась и Калида—безъ малѣйшаго смущенія. Она сѣла на львиной шкурѣ, на приготовленномъ ей мѣстѣ.

Теги и Такжаръ стали другъ противъ друга. Три раза перевернулись на пяткахъ, призвали имя Магомета, стали на колѣни и ожидали сигнала начальника каравана.

Сигналъ поданъ. Теги всталъ и подойдя къ своему противнику, спросилъ его:

— Отказываешься ли ты отъ Калиды?

— Нѣтъ!

Вопросъ и отвѣтъ были трижды повторены.

Тогда сверкнули ятаганы и начался смертный бой. У европейскихъ дуэлистовъ рѣшаетъ искусство и хладнокровіе. Здѣсь не было ни того, ни другаго. Здѣсь удары сыпались одинъ за другимъ съ неимовѣрною быстротою и отбивались только потому, что падали на лезвее. Только тогда, когда ударъ соскакивалъ съ лезвея противника, тотъ получалъ рану.

Я видѣлъ однакоже, что Теги слишкомъ горячится. Онъ удивлялся, что давно уже не разрубилъ противника. Испустивъ яростный крикъ, бросился онъ на него, высоко размахнувшись, но Такжаръ нагнулся почти до земли и вонзилъ свой ятаганъ въ грудь соперника.

Тотъ упалъ со стономъ, и бой былъ конченъ; но драма еще начиналась.

— Я умираю, сказалъ Теги подошедшимъ къ нему друзьямъ. Снесите меня къ ногамъ Калиды, я тамъ хочу окончить жизнь.

Просьба его была исполнена. Калида подала ему руку, и въ это самое мгновеніе онъ кинжаломъ поразилъ ее въ сердце.

Такжаръ упалъ безъ чувствъ. Вырыли двѣ могилы и похоронили Теги и Калиду. Послѣ этого караванъ тронулся и пошелъ дальше.

Я спросилъ о Такжарѣ. Онъ остался на могилѣ Калиды.

Какія ужасныя драмы разыгрываются въ степяхъ Сагары!

X.

ОАЗИСЪ.—СИМУМЪ.—МИРАЖЪ.

Вездѣ песокъ, вездѣ молчаніе и смерть.

Но вотъ чистый сосудъ поднесенъ къ жаждущимъ устамъ; вотъ солнечный лучъ, озаряющій очи слѣпца; вотъ ласковый взглядъ матери къ плачущему ребенку; вотъ въ пустынѣ разбросаны небольшіе лоскутки земли, гдѣ есть трава, цвѣты, деревья, тѣнь, вода....

Передніе верблюды всегда узнаютъ, если есть вблизи оазисы. Они первые заржали и быстро зашагали туда. Мы почти бѣгомъ спѣшили за ними.

Напиться чистой, свѣжей воды, растянуться на травѣ подъ тѣнью финиковыхъ деревьевъ—это высочайшее наслажденіе для путешествующаго въ пустынѣ. Никто уже не просилъ, не хотѣлъ ужина. Когда при закатѣ солнца раздался сигналъ для полученія вечерней порціи, всѣ уже спали глубокимъ сномъ.

Я и здѣсь нашелъ слѣды самолюбія европейцевъ. На пнѣ пандануса было вырѣзано: «Банксъ, 1793 года», а на другомъ деревѣ: «Леди Альтонъ». Были и другія надписи, но время уже стерло ихъ.

Гораздо пріятнѣе и полезнѣе нашелъ я тутъ же, въ рощѣ на фиговомъ деревѣ, бутылку, повѣшенную на суку. На бутылкѣ была сдѣлана по-англійски и по-французски надпись:

«Если вы хотите идти прямо въ Марокко, то слѣдуйте по прямой линіи отъ этого дерева къ банановому, въ двѣнадцати шагахъ отъ него. Въ десяти лье на западъ, найдете вы такой же прекрасный оазисъ; тамъ, у корня сломаннаго кокосоваго дерева, есть колодезь, къ которому спускаются по десяти ступенямъ.

Джонъ Беккеръ».

Вотъ истинная слава и польза!

На другой день нашего пребыванія въ оазисѣ, случилось частное солнечное затмѣніе; но, къ удивленію моему, ни негры, ни арабы не были испуганы этимъ явленіемъ, только лошади и верблюды легли и не прежде хотѣли продолжать путь, какъ по совершенномъ очищеніи солнца.

День этотъ былъ чрезвычайно знойный. Поднялся юго-западный вѣтеръ; мы упали отъ утомленія на землю, а верблюды

жалобно блѣяли, какъ овцы. Вдругъ вѣтеръ перебросился къ сѣверу, и все опять ожило.

И, однако же, во время этого непродолжительнаго, удушливаго утра, умерли негръ и негритянка. Ихъ похоронили и выступили изъ оазиса.

При отъѣздѣ, я тоже оставилъ свое имя и описаніе всего путешествія по пустынѣ, повѣсивъ этотъ листокъ на деревѣ въ маленькой жестянкѣ.

На ночлегѣ въ этотъ день негры и арабы праздновали какое-то религіозное торжество, и ввечеру была музыка и танцы.

Это было просто мученье. Три ноты, повторяемыя безпрерывно, безъ всякой модуляціи, подъ барабанный бой, составляли истинное терзаніе!

Музыканты сидятъ посединѣ, а танцоры пляшутъ около нихъ. Танцы состоятъ изъ движеній рукъ и положеній тѣла, но все это важно и торжественно.

Эти празднества и танцы всегда оканчиваются браками. И у насъ въ пустынѣ совершился подобный бракъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвушка вышла замужъ за одного изъ старшинъ каравана. Сперва происходило сватовство, во время котораго женихъ осыпалъ ее богатыми подарками. Нарядясь во все, данное ей, она вскочила на арабскаго скакуна и полетѣла по степи.

Послѣ этой прогулки воротилась она къ жениху и усѣлась подлѣ него. Старшина благословилъ ихъ, и тѣмъ кончился весь обрядъ.

Въ эту ночь разбудило весь караванъ рыканіе льва; но, или огонь костровъ нашихъ испугалъ его, или онъ не былъ голоденъ, только онъ вскорѣ ушелъ.

Поутру караванъ двинулся опять въ путь, но почему-то верблюды неохотно поднялись. Они все что-то боязливо оглядывались и жалобно ржали; однако же, когда ихъ напоили, то они пошли впередъ, хотя и медленнымъ шагомъ.

Никто не понималъ этого; но арабы качали головою и предвѣщали что-то недоброе.

Страннымъ эпизодомъ этого дня было то, что новобрачные не хотѣли слѣдовать за нами, а объявили, что они остаются жить въ оазисѣ. Напрасны были всѣ убѣжденія: они были непреклонны.

Когда мы двинулись въ путь, насъ освѣжалъ благотворный сѣверный вѣтеръ, доказывающій близость Средиземнаго мо-

ря. Всѣ были довольны и радовались прекрасной температурѣ; одни арабы-проводники покачивали головою....

Вдругъ стали летать надъ нами стаи птицъ, испускавшихъ боязливые крики... Еще нѣсколько минутъ, и все измѣнилось вокругъ насъ. Лошади и верблюды повернулись къ западу и забили копытами, какъ бы желая выкопать себѣ ямы и скрыться въ нихъ.

— Симумъ! Симумъ!

Этотъ ужасный крикъ оледенилъ всѣ сердца. Солнце сдѣлалось раскаленнымъ, палящимъ шаромъ; около него составились разноцвѣтные круги, которые, мало-по-малу темнѣя, превратились въ грозныя тучи, совершенно закрывшія солнце. Вмѣсто его, всѣ горизонтъ кажется воспламенился, земля дрогнула отъ дѣйствія удушливаго урагана, воздухъ помрачился, лавины песку поглотили все. Настала ночь, хаосъ, смерть!

Гдѣ всѣ запасы, палатки, лошади? гдѣ люди, осмѣлившіеся проникнуть въ ужасную пустыню? День ли теперь, ночь ли? Все равно, вы ничего не видите; да и горе тому, кто бы смѣлъ открыть глаза!

Всѣ предались судьбѣ и молились.

Симумъ прошелъ. Оставшіеся въ живыхъ оглянулись, увы! Почти всѣ негры погибли; шесть арабовъ были задушены въ глыбахъ песку; два верблюда и шесть лошадей пали.

Палатки надобно было далеко отыскивать по-полю; припасы всѣ исчезли; одинъ передовой верблюдъ взбѣсился уже послѣ бури, и убѣжалъ въ пустыню.

Я спасся надѣвши фехтовальную маску, прикрытую тройнымъ, синимъ газомъ. Я сидѣлъ все время на шеѣ верблюда, который тоже пряталъ голову въ ямы, выбиваемыя копытами.

Мало-по-малу возстановился порядокъ въ караванѣ. Ночью мы отдохнули. На зарѣ земля покрылась росою,—и климатъ вдругъ какъ будто измѣнился. Песокъ пустыни сдѣлался жестче и не такъ раскаленъ. Наконецъ увидѣли мы камни и кустарники, а вдали зелень, лѣсъ, луга. Какая роскошная, великолѣпная природа!

Пустыня уже за нами. Она не поглотила насъ. Первымъ нашимъ движеніемъ было благодареніе Бога.

Вотъ наконецъ послышался и шумъ волнъ Средиземнаго моря, разбивающихся о песчаный берегъ.

Всѣ въ восторгѣ, всѣ блаженствуютъ,—одни верблюды молчаливы. И одни арабы-проводники печально улыбаются!..

Вообразите себѣ! Все это была одна мечта!.. Лѣса, луга, море, были только явленіемъ природы: это былъ миражъ. Взошло солнце еще выше—и все исчезло!

Мы опять въ пустынѣ.

XI

ПРИБЫТІЕ ВЪ МАРОККО.

Ничто такъ не убиваетъ нравственныя силы, какъ разочарованіе. Мы въ миражѣ видѣли луга, лѣса, море, а теперь вокругъ насъ были одни пески. Всѣ упали духомъ.

Но за то вдругъ верблюды и арабы стали веселѣе. Это значило, что земля близко. Я видѣлъ это и по полету птицъ, которыя, подлетѣвши къ намъ, радостно возвращались. Я это помнилъ изъ перваго путешествія Колумба.

Дѣйствительно, вскорѣ увидѣли мы настоящіе кустарники, деревья. Вотъ бабочка, ласточка, стрекоза. Вотъ наконецъ жизнь природы, тогда какъ въ пустынѣ она мертва.

Мы вступили въ границы Марокко; вотъ уже и правильныя плантаціи; вотъ дома, бѣлые какъ снѣгъ. Вотъ, наконецъ, люди! Всѣ окружаютъ насъ, разспрашиваютъ о претерпѣнныхъ нами опасностяхъ.

Караванъ остановился въ лѣсу. Я пошелъ въ городъ и явился къ консулу, который принялъ меня ласково.

На другой день салютовали въ гавани приходъ европейскаго корабля. Я тотчасъ же отправился для развѣдыванія. Онъ назначенъ въ Нью-Фуанлендъ.

Вотъ прекрасно! Да это истинная находка для меня. Давно ли я былъ на южномъ полюсѣ? Надобно побывать и на сѣверномъ. И, разумѣется, — я вскорѣ отправился.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА КИТОЛОВСТВО.

В. Мельницкаго.

—

Китоловство, составляя одинъ изъ главнѣйшихъ промысловъ морскихъ націй, совпадаетъ съ древнѣйшею исторіею Европы.

Принимая въ соображеніе малое знакомство древнихъ народовъ съ водною стихіею, несовершенство морскихъ судовъ тогдашняго времени и трудность имѣть орудіе, съ которымъ можно было бы напасть на кита — одного изъ самыхъ огромныхъ животныхъ, обитающихъ на морѣ, нельзя не удивляться мужеству первыхъ китолововъ, рѣшившихся на борьбу съ подобнымъ гигантомъ.

Полагаютъ, что первый народъ, начавшій заниматься ловлею китовъ, были финикіяне. Предположеніе это заслуживаетъ вѣроятіе, какъ потому, что китъ водился въ финикійскихъ водахъ, такъ и потому, что финикіяне были отважные мореплаватели.

Киты-дельфины были у грековъ болѣе предметомъ почитанія, нежели промысла: видя ихъ плавающими стаями, греки полагали, что они имѣютъ нравы дружелюбные. Впрочемъ, во времена Аристотеля, греки занимались ловлею китовъ и, между прочимъ, били ихъ гарпунами; жилы этихъ животныхъ шли на выдѣлку струнъ и, кромѣ того, ихъ употребляли при устройствѣ военныхъ машинъ.

Римляне также занимались китоловствомъ и ловили китовъ, между прочимъ, посредствомъ бычачьей печени, прикрѣпляя ее къ крюку, привязанному къ веревкѣ, къ другому концу которой

прикрѣпляли мѣха. Этотъ поплавокъ указывалъ мѣстонахожденіе кита, на котораго потомъ и нападали.

Надобно замѣтить, римляне,что подобно грекамъ, къ разряду китовъ причисляли какъ обыкновенныхъ китовъ, такъ и акулъ и другихъ подобныхъ морскихъ животныхъ.

Изъ сѣверныхъ народовъ, первые, занимавшіеся ловлею китовъ, были норманны, а потомъ приступили къ этому дѣлу и баски или бискайцы. Въ XII столѣтіи жители Норвегіи и Исландіи разлагали уже китовъ по родамъ и насчитывали ихъ до 23-хъ. Гренландскій китъ считался между ними самымъ большимъ: длина его простиралась до 90 локтей, не менѣе того и окружность самой толстой части тѣла, а голова составляла третью часть всей длины.

Баски занимались ловлею китовъ въ Гасконскомъ Заливѣ и, преслѣдуя ихъ до Гренландіи, открыли Новую Землю.

Вообще можно сказать, что баски были учителями другихъ народовъ въ этомъ дѣлѣ, до нихъ остававшемся въ первобытномъ, грубомъ состояніи. Они первые взялись за китовый промыселъ, какъ за важную отрасль торговли, подвели ее подъ правила, усовершенствовали орудія для лова китовъ и завели китоловный флотъ, на которомъ стали отважно преслѣдовать китовъ даже въ открытомъ морѣ.

Въ теченіе XII, XIII и XIV столѣтій * баски занимались китоловствомъ съ большимъ успѣхомъ, такъ что, въ 1261 году, въ Байонѣ была наложена пошлина на привозные въ этотъ портъ китовые языки. Въ 1338 году, Эдуардъ III, король англійскій, даровалъ Пьеру де Пюйяну (Pierre de Puyane) право на взиманіе пошлины въ шесть фунтовъ стерлинговъ съ кита, привозимаго въ Біаррицкій портъ (Biarritz), въ вознагражденіе за издержки, понесенныя имъ при сооруженіи королевскаго флота. Въ 1635 г. бискайскій рыбакъ, Франсуа Супитъ (Soupite), изобрѣлъ приборъ, посредствомъ котораго на китоловномъ же суднѣ китовый жиръ перетапливается въ масло (спермацетъ). Изобрѣтатель умеръ въ бѣдности и неизвѣстности, но приборъ его принесъ неоцѣненную пользу китоловамъ, которые до того времени должны были при-

* Мясо китовъ продавалось на рынкахъ; языкъ считался здоровымъ и лакомымъ кушаньемъ. Соленое мясо кита составляло часть съѣстныхъ припасовъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ. Военные люди, вмѣсто плюмажей, носили султаны изъ утонченныхъ китовыхъ усовъ, надъ своими шишаками.

ставать къ берегу послѣ каждой поимки кита, если не хотѣли, чтобы жиръ испортился, и уже на берегу производить перетапливаніе.

Въ концѣ XIV столѣтія ожесточенная война противъ китовъ заставила ихъ ретироваться изъ Бискайскаго Залива, гдѣ они водились въ большомъ количествѣ, и вообще отъ береговъ Франціи, далѣе на сѣверъ, въ моря, болѣе бурныя. Предпріимчивые и неустрашимые бискайцы преслѣдовали ихъ и на пути отступленія. Воды Исландіи, Шпицбергена и Гренландіи были покрыты китоловными судами басковъ; только льды полярные могли удержать ихъ отъ преслѣдованія гигантовъ моря. Во время этихъ-то преслѣдованій открыта Новая Земля.

Не смотря на всю предпріимчивость басковъ, китоловый промыселъ ихъ съ этого времени сталъ постепенно упадать и, какъ увидимъ ниже, развился у голландцевъ и англичанъ, а впослѣдствіи у американцевъ.

Безпрестанно преслѣдуемые и на сѣверѣ, киты удалились въ южное полушаріе: надобно было отыскивать ихъ у береговъ Патагоніи, въ опасныхъ, бурныхъ водахъ мысовъ Горна и Доброй Надежды, у береговъ Чили, на югѣ отъ Новой-Голландіи, въ широтахъ сосѣдственныхъ южному полюсу, а впослѣдствіи въ сѣверной части Тихаго Океана, возлѣ острововъ Сандвичевыхъ, и, въ настоящее время, китоловы находятъ огромныхъ китовъ, безпрестанно отступающихъ отъ преслѣдователей, снова на сѣверъ, и въ самыхъ опасныхъ и рѣдко посѣщаемыхъ судами моряхъ Японскомъ и Камчатскомъ и у сѣверо-западныхъ береговъ Америки, до самаго берега Берингова Пролива и даже у непроницаемыхъ ледяныхъ границъ Сѣвернаго Океана. И такъ, отыскивая себѣ убѣжище отъ преслѣдованія, по инстинкту самосохраненія, которымъ одарено всякое животное, киты удалились на оконечности земнаго шара, подъ защиту полярныхъ льдовъ.

Подобно тому, какъ тщетное отыскиваніе философскаго камня повело къ важнымъ открытіямъ въ химіи, и какъ столько же безуспѣшныя изысканія вѣчнаго двигателя (perpetuum mobile) обогатили механику новыми соображеніями, точно также стремленіе голландцевъ и англичанъ въ сѣверный ледовитый океанъ, для отысканія кратчайшаго пути въ Индію, повело къ открытію мѣстопребыванія китовъ, между тѣмъ, какъ первоначальная цѣль отважныхъ мореплавателей осталась недостигнутою.

Спутники Баренуа *, открывшаго Шпицбергенъ въ 1596 году, и Гудсона **, изслѣдовавшаго Полярное море въ 1607—1609 годахъ и открывшаго въ 1610 году заливъ своего имени, при отыскиваніи сѣверо-западнаго прохода въ Индію, разсказывали своимъ соотечественникамъ о большомъ числѣ видѣнныхъ ими въ тѣхъ моряхъ китовъ.

Въ слѣдствіе этихъ разсказовъ тогда же были снаряжены англичанами и голландцами суда для китоваго промысла. Гарпунщиками (ловцами) и частію матросами наняты были опытные бискайцы.

Московская компанія *** получила привилегію, въ силу которой каждому судну другой націи запрещалось производить китоловство близъ Шпицбергена. Въ первые годы существованія компаніи часто возникали непріязненныя отношенія между голландскими и компанейскими китоловцами, но въ послѣдствіи, убѣдившись, что ледовитый океанъ достаточно великъ и изобиленъ для всѣхъ, китоловы согласились раздѣлить Шпицбергенъ и прилежащее къ нему море на части, съ назначеніемъ каждой націи по участку. Въ скоромъ времени голландскіе китоловы пріобрѣли надъ всѣми соперниками такое преимущество, что въ половинѣ XVII столѣтія основали на островѣ «Амстердамѣ» селеніе, состоявшее изъ деревянныхъ домовъ, привезенныхъ изъ Голландіи. На этомъ-то островѣ было главное сборное мѣсто китоловныхъ судовъ, гдѣ они имѣли котлы и все нужное для вывариванія жира и проч. Распространяя и совершенствуя промыслъ свой въ столь отдаленной и пустой странѣ, китоловы не только не терпѣли никакихъ лишеній, но даже пользовались нѣкоторыми удобствами жизни. Такъ, напримѣръ, матросы каждое утро по-

* См. Хронологическую исторію всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны, Берха, часть I, стр. 28.

** Тамъ же, стр. 47.

*** Около 300 лѣтъ назадъ, въ Англіи основалось товарищество, исключительно изъ Англичанъ, для производства торговли съ Россіею, подъ названіемъ московской или русской компаніи, существовавшей до настоящей войны. Любопытныя подробности о компаніи этой, читатель найдетъ въ Сборникѣ Коммерческихъ Знаній, Вавилова, стр. 13, и въ статьѣ The first relation of England With Russia, въ журналѣ United service Magazin and Naval and Military Journal, іюнь 1850 г., стр. 177—194. Изъ этой же газеты, а равно изъ Nauticol standart и изъ «La Marine» почерпнуты нами и прочія свѣдѣнія о китоловствѣ.

лучали по горячему хлѣбу, что у голландцевъ считается большимъ лакомствомъ.

Тѣ же причины, которыя повели къ прекращенію китоловства въ Бискайскомъ Заливѣ и о которыхъ мы сказали уже, положили конецъ промысламъ у Шпицбергена: киты появлялись здѣсь все рѣже и рѣже, и китоловы, принужденные отыскивать ихъ на большомъ разстояніи отъ Шпицбергена, нашли выгоднѣе доставлять невываренный жиръ прямо въ Голландію. Самое цвѣтущее состояніе китоловства было около 1680 года, когда на промыслъ этотъ одни голландцы употребляли 266 судовъ и 14,000 матросовъ (среднимъ числомъ по пятидесяти два человѣка на судно).

Англійское китоловство, какъ мы сказали уже, въ первое время предпринятое частною Московскою Компаніею, перешло въ руки другой компаніи, которая, послѣ разныхъ неудачъ, окончательно рушилась. Въ 1727 году образовалась китоловная компанія южнаго моря, - которая черезъ восемь лѣтъ своего существованія тоже прекратилась, понеся значительныя убытки. Въ 1732 году закономъ опредѣлялась премія въ 20 шиллинговъ за тоннъ каждаго китоловнаго судна, превышающаго 200 тонновъ. Въ 1749 году премія эта увеличена до 40 шиллинговъ за тоннъ, но въ 1777 году понижена, по прежнему, до 30 шиллинговъ. Въ слѣдствіе сбавки поощрительной суммы, число китоловныхъ судовъ, въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ, понизилось со 105 до 39. Тогда парламентъ опять возвысилъ премію, но не надолго: въ 1787 году снова понизилъ ее на 30 шиллинговъ за тоннъ; въ 1792 году на 25 шилл., въ 1795 на 20 шилл., а въ 1824 году совершенно ее уничтожилъ, достигнувъ желаемаго распространенія китоловства. Оказалось, что для поощренія китоловства правительство переплатило: съ 1750 по 1788 годъ—1,577,735 фун. стерлинговъ; съ 1788—1824 болѣе 1,000,000 фун. стерл., итого около трехъ милліоновъ фунтовъ. Въ 1815 году 134 судна и около 5,800 матросовъ (среднимъ числомъ по 43 матроса на судно) занимались китоловствомъ на сѣверѣ, и около 30 судовъ и 800 матросовъ (среднимъ числомъ тоже по 27 матросовъ на судно) на югѣ.

Не смотря на то, что французамъ (бискайцамъ) принадлежитъ созданіе китоловства, въ настоящее время промыселъ этотъ стоитъ у нихъ ниже всякой другой мореходной промышленности. Баски пользовались почти исключительной монополіей

до 1638 года, когда испанцы, овладѣвъ ихъ страною, нанесли смертельный ударъ ихъ китоловнымъ экспедиціямъ. Голландцы и въ-послѣдствіи англичане, какъ мы уже видѣли, совершенно завладѣли этою промышленостью, и гораздо позже Франція завела тоже китоловный флотъ, но не могла уже соперничествовать съ этими двумя націями. Морское могущество Франціи при Людовикѣ XIV-мъ не извлекло французское китоловство изъ жалкаго состоянія; промыслъ этотъ изнемогалъ въ рукахъ французовъ въ теченіе всего XVII столѣтія; переставали даже заниматься имъ. Людовикъ XVI воскресилъ его: въ 1790 году число французскихъ китоловныхъ судовъ возрасло до 40. Но вскорѣ вспыхнувшія войны снова разрушили китоловство Франціи, и только по возстановленіи мира, въ 1815 году, французы снова начали снаряжать китоловныя суда. Въ 1817 году ихъ было 4, въ 1826 году 7, въ 1833—34 и въ 1837—44 судна. Послѣдняя цифра представляетъ maximum успѣха китоловства во Франціи. Съ этого времени начинается прогрессія уменьшающаяся: въ 1844 году число французскихъ китоловныхъ судовъ простиралось до 17-ти, въ 1845 г. до 15-ти, а въ 1849-мъ до 7. Въ настоящее время, послѣдняя цифра увеличивается, но весьма слабо, не смотря на то, что до-сихъ-поръ еще раздается премія * и недавно представлена была палатамъ новая смѣта, для поддержанія и поощренія этой важной отрасли мореплаванія, которую справедливо считаютъ лучшимъ разсадникомъ неустрашимыхъ и опытныхъ матросовъ для военнаго флота **.

Море, лежащее между Шпицбергеномъ и Гренландіею, мало-по-малу оставлялось китоловами, которые стали промышлять въ Девисовомъ Проливѣ и Бафиновомъ Заливѣ. Англійскіе китоловы однакожъ позже другихъ націй стали посѣщать Девисовъ Проливъ, именно съ 1826 года, а до этого времени промышляли

* Для поощренія промысловъ правительство выдавало премію по 67 франковъ за каждый тоннъ груза; премія эта нынѣ возвышена до 120 франковъ для судовъ общества: «Flotte Commerciale» (Морск. Сборн. Томъ VIII, стр. 257).

** Въ теченіе 1851 года вошло въ Гавръ 16 французскихъ китоловныхъ судовъ въ 6273 тонна; съ грузомъ:

Китоваго жира	33,855 бочекъ	цѣною	3,385,500 франковъ.
Кашалотоваго жира	213 —	—	23,430 —
Китоваго уса	140,574 килограмъ.	—	1,140,030 —

Всего на сумму 4,548,960 франковъ.
или 1,137,240 р. сер.

вблизи Гренландіи. Хотя Девисовъ Проливъ не столь много загромождается сплошнымъ льдомъ, какъ море близъ Гренландіи и Шпицбергена, но за то въ Баффиновомъ Заливѣ и Зундѣ Ланкастера встрѣчаются ледяныя горы, угрожающія судамъ величайшею опасностью. По причинѣ столь затруднительнаго и опаснаго плаванія, число китолововъ съ 1820 года уменьшилось тамъ почти на половину.

Желающій узнать статистику кораблекрушеній, въ слѣдствіе китовыхъ промысловъ на сѣверѣ, найдетъ подробныя данныя въ сочиненіяхъ Скорезби.

Китоловство въ южныхъ моряхъ впервые предпринято англичанами передъ американской войной, между тѣмъ, какъ американцы уже давно занимались имъ съ успѣхомъ и энергіей. Въ 1791 году отправилось на югъ 75 англійскихъ китоловныхъ судовъ, но съ этого времени число англійскихъ китолововъ на югѣ стало уменьшаться. Въ 1829 г. въ южныхъ моряхъ промышляло только 31 англійское судно съ 937 человѣками экипажа (среднимъ числомъ по 30 матросовъ на судно).

Въ періодъ первыхъ попытокъ англичанъ на югѣ, китоловы ихъ, промышлявшіе до сего у береговъ Гренландіи, не были знакомы со средствами пораженія новаго для нихъ рода китовъ и потому судохозяева стали нанимать для этого Нантукетскихъ китобоевъ. Южное китоловство началось отъ нантукетскихъ скалъ въ Мексиканскомъ заливѣ, къ западу до острововъ Зеленаго мыса, простиралось даже до береговъ Бразиліи и Гвинеи и всегда производилось около малыхъ глубинъ, т. е. близъ краевъ банокъ, на мѣстахъ, достигаемыхъ лотомъ. Вспыхнувшая война съ американскими штатами прекратила на время китоловство на югѣ, начатое тамъ американцами въ 1775 году.

Долго не могли привыкнуть англичане къ этой промышленности въ южныхъ моряхъ, безъ помощи американцевъ, и только послѣ всевозможныхъ стараній пріучить англійскихъ матросовъ къ китоловству, промыселъ этотъ сдѣлался народнымъ въ Англіи.

По окончаніи войны въ 1783 году, китоловство совершено водворилось въ Англіи, хотя на южное китоловство употреблялось еще не болѣе 4 или 5 судовъ. Въ 1786 году открылась еще новая вѣтвь этой ловли, именно добываніе чернаго кита (имѣющаго «китовый усъ») у западныхъ береговъ Африки. Въ теченіе тридцати лѣтъ привезено было изъ этихъ странъ не менѣе 50,000 тонновъ китоваго жиру въ Англію, что стоило болѣе

шести милліоновъ руб. сереб. Считаютъ, что американцы въ это же время пріобрѣли отъ китоловства половину этой суммы.

Въ 1788 году въ первый разъ началось китоловство въ Тихомъ Океанѣ. Первое возвратившееся оттуда китоловное судно прибыло полное груза и объявило, что море это изобилуетъ спермацетовыми китами.

Нелѣпый страхъ долго удерживалъ моряковъ отъ плаванія кругомъ мыса Горна, въ особенности послѣ несчастнаго путешествія лорда Ансона, который, огибая мысъ Горнъ съ большимъ флотомъ, потерялъ большую часть своихъ судовъ. Однакожъ, разсказы о множествѣ китовъ у мыса, почти истребили страхъ этотъ, и въ непродолжительномъ времени, многія китоловныя суда были туда отправлены. Сначала ловля производилась между 20° и 12° южной широты и только въ-послѣдствіи около южныхъ береговъ Чили и у острова Чилоэ и наконецъ между 40° южной широты и экваторомъ.

Гораздо позже, Остъ-Индская компанія допустила китолововъ распространять свои промыслы въ сѣверной части Тихаго Океана и вдоль западнаго берега Сѣверной Америки, но не западнѣе 180° долготы.

Въ 1790 году открылся еще новый источникъ этому выгодному промыслу. У острова южной Георгіи ежегодно стали добывать большое количество тюленей и морскихъ слоновъ.

Теперь обращаютъ на себя вниманіе Аукландскіе острова *, гдѣ, въ портѣ Россъ, предположено основать селеніе, могущее служить сборнымъ и складочнымъ мѣстомъ для южнаго китоловства, подобно тому, какъ Сандвичевы острова служатъ главнымъ пунктомъ для китолововъ сѣверныхъ морей.

Наибольшее число англійскихъ судовъ, промышлявшихъ въ южныхъ моряхъ, доходило до 150, среднимъ числомъ въ 300 тонновъ каждое.

Въ настоящее время, изъ всѣхъ европейскихъ портовъ отправляются на китовый промыселъ, въ южныя и сѣверныя моря, не болѣе 400 кораблей **.

* Ва широтѣ 51° Z и долготы 116° O; въ 180 миляхъ къ югу отъ Новой Зеландіи и въ 900 миляхъ къ юго-востоку отъ Вандименовой Земли. Острова эти открыты въ 1806 году шкипером англійскаго китоловнаго судна Осеап. См. брошюру: «The Auckland Islands, a short account of thei climate, soil, and production etc...

** Въ послѣднее время въ Тихомъ Океанѣ и Беринговомъ Проливѣ появились

Первое мѣсто между современными китоловами занимаютъ американцы, которые развили эту промышленость до того, что въ настоящее время отправляютъ для ловли китовъ до 650 кораблей, поднимающихъ 12,000,000 пудовъ груза и стоющихъ около 24,00,000 рублей серебромъ; экипажи этихъ кораблей состоятъ изъ 17,000 человѣкъ (среднимъ числомъ по 26 человѣкъ на судно). Ежегодно добывается спермацету, ворвани и китоваго уса болѣе чѣмъ на 8,000,000 руб. сер.; часть этого идетъ на потребленіе въ Сѣверныхъ Штатахъ, а прочее отпускается въ другія страны: ворвань преимущественно въ Голландію и Германію, а спермацетъ въ Англію. Въ 1847 году вывезено изъ Соединенныхъ Штатовъ ворвани на 3,000,000, а спермацетныхъ свѣчъ на 200,000 руб. сер. Морскія поѣздки китолововъ на промыселъ продолжаются до 3⅓ годовъ. Въ Америкѣ имѣются большіе заводы для выдѣлки спермацетовыхъ свѣчъ.

Голландцы, до временъ Петра Великаго, занимались китоловствомъ и въ нашихъ сѣверныхъ водахъ. Заботясь о развитіи всѣхъ отраслей промышлености, Петръ Великій не упустилъ изъ виду и китоловства, имѣющаго полезное вліяніе на успѣхи мореходства. Указомъ 13 августа 1704 года повелѣвалось китовые и другіе промыслы на Сѣверномъ Океанѣ отдать въ содержаніе Меншикову съ компаніей, со взятіемъ за это пошлинъ.

Чрезъ 17 лѣтъ потомъ, именнымъ указомъ 30-го октября 1721 года, наши сѣверные промыслы велѣно передать купцу Евреинову и дѣтямъ его, на 30 лѣтъ, т. е. до 1752 года, причемъ производство собственно китоваго промысла предоставлено на его волю.

Вслѣдъ за симъ, государь приказалъ заняться китоловствомъ близъ Архангельска пяти казеннымъ судамъ и нанять для этого китолововъ въ Голландіи, а воды отъ Носа до Колы отдать компаніи на паяхъ, дозволивъ участвовать въ оной и иностранцамъ. Компанія эта, по недостатку въ деньгахъ и китоловахъ, встрѣчала въ производствѣ промысла нѣкоторыя затрудненія, но при содѣйствіи правительства, препятствія эти были устранены.

Китоловный промыселъ на казенный счетъ производился тремя кораблями. Полученныя отъ пойманныхъ китовъ усы и спер-

даже и нѣмецкіе китоловы. Ихъ дѣятельность и надежны высказаны въ любопытной брошюрѣ Der Walfischfang und seine Beförderung etc.

мацетъ, до 35 пудовъ, проданы въ Москвѣ: усы съ аукціоннаго торга, а спермацетъ въ аптеку. Но вообще казна терпѣла отъ производства этого промысла ежегодные убытки, и потому его передали сыну Евреинова на тѣхъ же основаніяхъ, какъ было при Петрѣ Великомъ.

Между тѣмъ, такъ называемый гренландскій китоловный промыселъ отданъ былъ въ десятилѣтнее содержаніе дѣйствительному тайному совѣтнику Шафирову, съ тѣмъ, чтобъ онъ привелъ его, *«для пользы государственной, въ доброе состояніе»;* причемъ ему вмѣнено было въ обязанность въ продолженіе этого срока, *содержать для ловли китовъ хотя одинъ корабль, даже въ томъ случаѣ, еслибъ отъ этого происходилъ убытокъ.*

Императрица Елисавета Петровна, именнымъ указомъ отъ 6 іюля 1748 года, для лучшаго производства архангельскихъ промысловъ, повелѣла передать ихъ графу Шувалову и дѣтямъ его на 20 лѣтъ.

Въ началѣ царствованія Екатерины II, повелѣно возобновить китовый промыселъ у Шпицбергена и на расходы по сему предмету опредѣлено 20,000 руб. сер. Архангельскій же китовый промыселъ, по истеченіи срока данной на него графу Шувалову привилегіи, приказано передать въ вольный промыселъ обывателямъ *Архангелогородской* губерніи.

Императоръ Павелъ I-й старался обратить вниманіе промышленниковъ на преимущество китовой ловли *«въ обливающемъ россійскіе берега»* Сѣверномъ Океанѣ, и съ этою, между прочимъ, цѣлію велѣно строить корабельныя верфи.

Въ 1803 году, по представленію министра коммерціи, Императоръ Александръ I, въ 14 день августа, соизволилъ на устройство компаніи на Бѣломъ морѣ, которой, въ числѣ прочихъ промысловъ, представлено было заниматься и китоловствомъ.

Въ-послѣдствіи сдѣлано было еще нѣсколько попытокъ къ развитію нашего сѣвернаго китоловства; но всѣ они кончились неуспѣшно.

Подъ именемъ китовъ здѣсь разумѣются всѣ животныя, составляющія по зоологіи отрядъ китообразныхъ, каковы: настоящіе киты, кашлоты, дельфины и проч.

Голова китовъ составляетъ почти треть всего животнаго, а у кашлотовъ еще болѣе; на ней сверху находятся одно или два

отверстія, называемыя дыхалами, это ноздри, служащія для дыханія и выбрасыванія поглощенной китами воды. Глаза китовъ болѣе воловьихъ, имѣютъ вѣки и рѣсницы; взглядъ отличается кротостью; верхняя часть такъ называемыхъ черныхъ китовъ, преимущественно водящихся въ южныхъ моряхъ, снабжена бородою, изъ которой получается такъ называемый *китовый усъ*; усъ этотъ посреднѣ бороды достигаетъ иногда 17 футовъ длины; каждый усъ вѣситъ около двухъ фунтовъ, и такъ какъ число ихъ простирается до 500, то борода кита можетъ имѣть вѣсу 25 пудовъ. Спермацетовые или икорные киты снабжены небольшимъ усомъ, не имѣющимъ никакой цѣнности, но за то имѣютъ большіе зубы, которые, какъ увидимъ ниже, идутъ въ дѣло. Мозгъ и подкожный жиръ спермацетовыхъ китовъ составляетъ вещество, извѣстное подъ именемъ спермацета. Черный китъ водится подъ малыми глубинами, близъ береговъ или около подводныхъ камней въ Океанѣ, а дѣтей рождаетъ всегда въ заливахъ. Спермацетовый же китъ вообще не живетъ на малыхъ глубинахъ, но поодаль отъ нихъ. Южный черный китъ доставляетъ отъ 5 до 8 тонновъ жиру; спермацетовый отъ 3 до 13 тонновъ. Черные киты живутъ независимо одинъ отъ другаго; спермацетовые, напротивъ, обыкновенно водятся табунами, иногда въ такомъ количествѣ, что не видно конца имъ.

Начиная съ шеи, тѣло кита постепенно расширяется до половины брюха и спины; съ этого мѣста толстота уменьшается, и у хвоста вдругъ съуживается. Подкожный пластъ жира на груди, брюхѣ и спинѣ простирается до 17 дюймовъ; одинъ языкъ, состоящій изъ жиру, можетъ наполнить многія бочки. Хвостъ кита расположенъ горизонтально и служитъ ему, при случаѣ, и весломъ, и защитою; длина хвоста простирается до 9 дюймовъ, а ширина до 22. Длина всего кита бываетъ въ 50, 60 и 70 футовъ.

Самка китовая носитъ плодъ свой отъ 9 до 10 мѣсяцевъ, и по рожденіи питаетъ его молокомъ своимъ, очень похожимъ на коровье. Нѣжная заботливость самки о дѣтенышѣ удивительная. Если китенокъ раненъ, то мать защищаетъ его до послѣдней крайности съ самоотверженіемъ.

Пищу кита составляетъ рыба и другія морскія животныя. Жизнь его, говорятъ, продолжается полтораста лѣтъ и болѣе.

Не смотря на свою огромную величину, китъ быстро носится по морю и плаваніемъ своимъ производитъ волны, подобныя тѣмъ, которыя остаются за кормою плывущаго корабля. На ловлю китовъ употребляютъ крѣпкія, большія суда и при нихъ нѣсколько шлюпокъ. Замѣтивъ кита издали, болѣе опытные и отважные ловцы на шлюпкѣ подплываютъ къ нему съ величайшей осторожностью, выбирая для сего преимущественно то время, когда китъ дремлетъ или спитъ, иначе онъ уйдетъ въ воду или хвостомъ разобьетъ шлюпку. Подплывъ къ киту на возможно-близкое разстояніе, ловцы пускаютъ въ него строгу, длиною футовъ въ шесть, съ зубцами, и спѣшатъ отплыть какъ можно далѣе отъ кита. Къ другому концу строги привязывается веревка, остающаяся на шлюпкѣ. Строга, проколовъ кожу кита, проходитъ чрезъ жиръ до мяса, и чѣмъ болѣе животное бьется, тѣмъ болѣе вонзается строга. Раненый китъ, особенно изъ рода кашлотовъ, начинаетъ метаться и уходитъ въ воду. На случай, если бы китъ ушелъ въ глубину слишкомъ далеко, китоловы имѣютъ на готовѣ топоръ, чтобъ обрубить веревку, привязанную къ шлюпкѣ, или же прикрѣпляютъ къ концу этой веревки боченокъ, который, въ случаѣ нужды, спускаютъ въ воду, и посредствомъ его узнаютъ мѣстонахожденіе кита. Черезъ полчаса китъ снова появляется на поверхности моря, чтобы подышать воздухомъ, тогда китоловы окружаютъ его на многихъ шлюпкахъ, и уже обезсиленнаго потерею крови изъ раны, причиненной строгою, поражаютъ копьями со всѣхъ сторонъ и поворачиваютъ ими въ ранахъ; особенно же стараются разрубить мускулы, посредствомъ которыхъ приводится въ движеніе хвостъ кита, сила котораго такъ велика, что онъ взбрасываетъ на воздухъ шлюпку съ двадцатью китоловами. Наконецъ, жертва умираетъ. Тѣло кита разрубается, цѣнныя части берутся, а остальное бросается.

Таковы послѣдствія удачной ловли. Но иногда китоловы подвергаются большой опасности. Раненый китъ бросается во всѣ стороны, и бѣда ловцамъ, если они не успѣютъ увернуться!.. Особенно опасна ловля кашлотовъ, отличающихся большимъ проворствомъ. Если самка китовая находится съ дѣтенышемъ и китоловы ранятъ его въ ея присутствіи, то весьма легко могутъ поплатиться жизнію.

Есть и другіе способы ловли китовъ. Американскіе дикари,

увидѣвъ кита, приближаются къ нему и втыкаютъ палку въ его дыхало; китъ скрывается и когда явится вновь на поверхности, то ему затыкаютъ и другое отверстіе, отчего животное, потерявъ возможность дышать, умираетъ. Въ послѣднее время начали убивать китовъ посредствомъ электричества.

Какъ мы сказали уже, въ настоящее время киты ловятся преимущественно у береговъ Камчатки и западныхъ береговъ русской Америки, а также въ Южномъ Океанѣ. Не смотря на опасности, представляемыя суровымъ климатомъ и льдами полярныхъ морей, человѣкъ преслѣдуетъ китовъ почти до самыхъ полюсовъ. За то и выгоды, доставляемыя этимъ промысломъ, очень обширны. Одинъ китъ доставляетъ около трехъ тысячъ рублей серебромъ и болѣе.

Усъ кита, отличающійся крѣпостью и упругостью и цѣнимый довольно дорого, идетъ на зонтики, трости, ружейные шомполы, корзинки, рогожки и разныя мелочи для дамскаго туалета. Мясо употребляется въ пищу дикими народами. Ворвань, то-есть жиръ, идетъ на освѣщеніе, на выдѣлку и смазку кожъ, на смазку разныхъ машинъ и снарядовъ и на разныя другія вещи, а мозгъ или спермацетъ на свѣчи и на лекарство; кишки и жилы идутъ на домашнія потребности и снаряды для ловли. Китъ даетъ около двухсотъ-пятидесяти боченковъ жиру, который продается по пятнадцати руб. сер. за боченокъ. Кромѣ того извлекаютъ выгоду изъ зубовъ кашлота (чернаго кита), которые, не имѣя цѣнности слоновой кости и моржевыхъ клыковъ, отличаются однакожъ твердостью и могутъ быть полированы.

Въ настоящее время, когда всѣ отрасли промышлености быстро развиваются, можно надѣяться, что, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, и наше китоловство не будетъ забыто. Прежнія неудачи не должны страшить будущихъ промышленниковъ; при нынѣшнемъ усовершенствованіи мореходнаго искусства, орудій и средствъ китоловства, промыселъ этотъ сдѣлался болѣе легокъ. Китоловство доставляетъ большія выгоды. Голландцы, въ первые тридцать-шесть лѣтъ нынѣшняго столѣтія, пріобрѣли отъ ловли китовъ около семидесяти милліоновъ руб. сер.

Россійско-американская кампанія, всегда готовая на полезное предпріятіе, отчасти оправдала уже эти надежды; предположивъ

заняться китоловствомъ въ подвѣдомственныхъ ей водахъ, она, обще съ судохозяевами г. Або въ Финляндіи, образовала китоловное общество, которое и выслало 22 іюля 1851 года корабль на промыселъ. 16 сентября 1852 года изъ Або отправленъ на промыселъ китовъ второй корабль россійско-финляндской компаніи, но современныя политическія событія остановили на время дѣйствія этой компаніи.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Романъ и романисты въ Италіи.—Одинъ изъ братьевъ Наполеона I. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ**: Гвоздеобразныя надписи. — Зоологическіе сады и общества естественной исторіи въ Бельгіи.—Канурійскій языкъ въ центральной Африкѣ. — Дыханіе растеній.—Жертвы молніи.—Уклоненіе компасной стрѣлки на желѣзныхъ корабляхъ. **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА**: Сцены и очерки парижской театральной жизни *(статья четвертая)*. **АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ**: Госпиталь въ Балаклавѣ. (*Разсказъ англичанина*).—Частное право у Китайцевъ.—Предстоящее изверженіе Везувія.—Цѣны картинъ въ древности. **ПУТЕШЕСТВІЯ И ОЧЕРКИ НРАВОВЪ**: Шпицбергенъ. (*Изъ записокъ Леоніи Біари*).—Западно-африканскія колоніи.—Новая Зеландія. — Ронсеваль и Баски. **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ**: Любители автографовъ. *(Разсказъ Леона Гозлана)*.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Романъ и романисты въ Италіи. Періодъ процвѣтанія историческаго романа за Альпами нынѣ окончился; но національное направленіе, характеризовавшее эту эпоху, не погибло. Историческій романъ родился въ Италіи вмѣстѣ съ авторомъ *Обрученныхъ*. Былъ однакоже въ хронологическомъ порядкѣ романическій писатель, который дѣйствовалъ до Манцони. Вальтеръ-Скотъ имѣлъ въ Бидзони усерднаго подражателя. Его «*Замокъ Треццо*» читали съ жадностію во всей Италіи, охотно забывая слабость дѣйствія и разговора, небрежности слога, ошибки въ событіяхъ и даже въ историческомъ колоритѣ. Едва замѣтно было, что авторъ очень вѣрно описываетъ одежду, но никогда вѣрно не изображаетъ самое лицо, и прочтя его книгу, можно все еще спросить: какой же сюжетъ ея? Всѣ увлеклись сценами подземелій, разбойниковъ и тюремъ, къ которымъ публика была такъ пристрастна въ Англіи и во Франціи.

Авторъ *Замка Треццо* написалъ, правда, потомъ гораздо занимательнѣйшій романъ Falco della Rupe, но никто не обратилъ на него вниманія. Причиною этого равнодушія было появленіе *Обрученныхъ*.

Мы не будемъ излагать плана романа Мандзони. Будучи мирнымъ гражданиномъ Милана, онъ писалъ противъ чужеземнаго запятія, только разсказывая бѣдствія, порождаемыя имъ; его умѣренность, незамѣтная улыбка, тихая иронія, краснорѣчивѣе говорятъ, нежели сильнѣйшія выходки.

Старикъ, теперь уже почти восьмидесятилѣтній, Розини, профессоръ въ пизанскомъ университетѣ, извѣстный уже своими учеными трудами и поэзіею, былъ первымъ послѣдователемъ младшаго своего учителя. Конечно, лучше бы онъ не мѣнялъ сценическихъ своихъ успѣховъ на романъ. Онъ обнародовалъ нѣсколько *разсказовъ*, которыхъ никакъ нельзя назвать романами. Въ одномъ изъ нихъ: Ugolino della Gherardesca, выведенъ извѣстный Уголино, котораго обезсмертили стихи Данте.

Его *Монцская Отшельница* составляетъ уже подражаніе Мандзони. И у него таже Гертруда, которой мрачная жизнь составляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ *Обрученныхъ*. Мандзони не сказалъ уже о ней ничего, какъ скоро она не нужна была для его романа; но Розини продолжалъ этотъ разсказъ, и онъ имѣлъ болѣе двѣнадцати изданій.

Третій разсказъ его: *Луиза Строцци*, не имѣлъ никакого успѣха.

Первымъ подражателемъ Мандзони былъ ученый, вторымъ поэтъ. На этотъ разъ подражаніе было ближе къ подлинникy. Томасъ Гросси, недавно умершій въ Миланѣ, долго шелъ по слѣдамъ Мандзони. Его поэмы и стихотворенія доставили ему прозваніе Ламартина Италіи. Онъ напечаталъ: *Марко Висконти, исторію XIV вѣка*. Жизнь кондотьери Марко Висконти была слишкомъ груба для романа, и потому онъ принужденъ былъ исказить исторію, придавъ разбойнику кроткій и великодушный нравъ.

Канту былъ третьимъ подражателемъ. Онъ опять по примѣру Розини, только съ бо́льшимъ искусствомъ, заставилъ преобладать въ романѣ ученость. Его Margherita Pusterla имѣла большой успѣхъ въ Италіи. Въ ней множество патетическихъ сценъ, болѣе приличныхъ для сцены, нежели для романа; но вообще въ разсказѣ мало жара.

Послѣ него явился Массимо д'Азеліо, который былъ живописцемъ, романистомъ и поэтомъ. Два романа поставили его наряду съ первыми писателями. Ettore Fieramosca—было довольно слабое произведеніе, хотя и имѣло величайшій успѣхъ въ Италіи; но второе Niccolo de

Lapi, чисто эстетическій романъ. Это картина самой славной эпохи въ исторіи Флоренціи. Женскія лица этого романа не совсѣмъ удачны. У одной дочери Лапи слишкомъ много самоотверженія, чтобъ любовь ея была серьезна; любовь другой дочери къ измѣннику не можетъ нравиться читателю; зато характеръ Николо Лапи превосходенъ. Ему восемьдесятъ девять лѣтъ. Онъ былъ другомъ Савонароллы, и благородныя чувства старца одушевляютъ читателя.

Азеліо возвратилъ романъ на стезю, проложенную Мандзони. Послѣ него авторы стали уже болѣе и болѣе уклоняться отъ нея, и теперь романъ продолжаетъ унадать. Представителями его остались только: Каналь, издавшій Gerolamo Adarno; Варезе, напечатавшій Falchetto Malaspina и Sibilla Odaletta; Коллеони — Isnardo, Кабіанка— Giovani Tanesio, Ровани — Lamberto Malatesta; Брешіано, издавшій *Веронскаго Жида;* Травизани — *Разбойниковъ въ Монтевердо,* г-жа Саджани—*Послѣдніе дни Мальтійскихъ рыцарей.* Всѣ эти сочиненія имѣютъ значительныя достоинства, но ни въ одномъ нѣтъ дара изобрѣтенія оригинальности.

Каролли, о которомъ намъ остается говорить, подражалъ Розини, имѣя еще меньше его воображенія. Его Oliviero Capello изданъ въ 1846 году и прошелъ незамѣченнымъ; Fra Girolamo Savonarolla, напечатанъ въ 1852 году и гораздо выше перваго.

Гверацци дебютировалъ *Сраженіемъ при Беневентѣ.* Это разсказъ о пораженіи Манфреда братомъ французскаго короля Людовика-Святаго, и о паденіи Гибеллиновъ въ южной Италіи. Это исторія, а не романъ. Самъ Гверацци смѣялся потомъ надъ ничтожною любовною интригою, вставленною имъ въ этотъ разсказъ. И, однако же, во многихъ мѣстахъ видно близкое подражаніе Гёте, Шатобріану и Байрону. Такъ Гверацци, описывая себя, говоритъ: «Я былъ бы порядочнымъ человѣкомъ, еслибъ меньше похожъ былъ на обезьяну, а больше на орла.»

Осада Флоренціи выше *Сраженія при Беневентѣ.* Въ этомъ романѣ Гверацци описываетъ лучшую эпоху флорентинской исторіи. Очень жаль только, что исторія всегда у автора на второмъ планѣ, и что у него много возгласовъ. *Осада Флоренціи* начинается послѣдними минутами жизни Макіавеля, который на смертномъ одрѣ диктуетъ свое завѣщаніе, разсуждая съ друзьями объ исторіи Флоренціи.

Третій разсказъ его, Isabella Orsini, слабѣе втораго. Въ немъ замѣтенъ дурной вкусъ и напыщенность.

Marquis de Santa Prasede, или *Отцовское мщеніе,* написано въ Кор-

сикѣ. Это странное сочиненіе, наполненное ужасами. Нѣтъ ни завязки, ни занимательности; остался одинъ слогъ.

Послѣ Гверацци, Евгеній Местрацци былъ послѣднимъ итальянскимъ романистомъ, и слабѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Его *Ломбардскій Союзъ* и *Іоанна Анжуйская* едва заслуживаютъ, чтобъ говорить о нихъ, потому что авторъ заимствовалъ у своихъ предшественниковъ одни недостатки.

Очень странно, что современная жизнь въ Италіи вовсе не изучена ихъ писателями. Сами итальянцы говорятъ, что у нихъ для романа нравовъ нѣтъ французской живости, которая колетъ, а не ранитъ, которая выставляетъ смѣшное безъ преувеличенія; для историческаго же романа нѣтъ единства въ древней Италіи, нѣтъ изученія общаго національнаго характера.

Николай Томасъ напечаталъ, три года тому назадъ, сочиненіе на французскомъ языкѣ: Rome et le monde. Это былъ родъ воззванія къ католицизму. Потомъ онъ писалъ много филологическихъ статей, нѣсколько стихотвореній, нѣсколько хорошихъ учебныхъ книгъ, и, наконецъ, два сочиненія, которымъ, за неимѣніемъ другаго приличнѣйшаго имени, согласились дать названіе романовъ. Слогъ въ нихъ довольно своенравенъ и мило описываетъ мелочи; но въ немъ мало естественности. У итальянцевъ есть особое слово для этого слога. Они называютъ его sazievole, то есть, которымъ легко пресыщаются.

Романъ, *Герцогъ Авинскій* состоитъ въ разсказѣ о покушеніи и изгнаніи Готье де Бріенна, о которомъ писали Виллани и Макіавель. Слѣдственно, это не романъ, а историческій разсказъ. Fede et Bellezza, психологическая этюда въ родѣ Вертера, но съ бо́льшимъ участіемъ драматическаго элемента.

Юлій Карнано первый получилъ большой и заслуженный успѣхъ въ семейномъ романѣ. Damiano и Angiola Maria прославили автора. Въ первомъ изображена борьба человѣка съ преслѣдующими его несчастіями; но сюжетъ этотъ съ одной стороны избитъ, а съ другой слабо представленъ.

Анджіола Марія—проще, но лучше. Она потеряла отца. Братъ ея случайно познакомился съ однимъ англичаниномъ Лесли, котораго сестра дружится съ Анджелою и увозитъ ее на зиму въ Миланъ. Тамъ Лесли объясняется ей въ любви, и она, отвергая ее, пишетъ къ брату, чтобъ тотъ спасъ ее. Тутъ всѣ несчастія обрушиваются на нее. Брата невинно сажаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ и умираетъ. Она идетъ въ услуженіе и снова подвергается разнымъ оскорбленіямъ. Лесли предлагаетъ жениться на ней; но она знаетъ, что его отецъ не согласенъ

на этотъ бракъ, отказывается и вскорѣ умираетъ отъ болѣзни. Вотъ вся исторія.

Какъ ни милъ этотъ разсказъ, но другой: la Nunciata, еще лучше, хотя и занимаетъ всего сто страницъ. Это краснорѣчивый протестъ противъ скопленія дѣтей обоего пола на фабрикахъ.

Карнано могъ бы считаться главою новой школы романистовъ, еслибъ имѣлъ послѣдователей; къ сожалѣнію, ихъ не было, если не считать Каччіанига, издававшаго сперва журналъ въ родѣ парижскаго Charivari, а потомъ написавшаго романъ: *Изгнанники*, гдѣ доказываетъ неоспоримую истину, что изгнаніе составляетъ величайшее несчастіе.

Г–жа Карлети, сочинительница послѣдняго романа, о которомъ намъ остается сказать, писала на такомъ италіянскомъ діалектѣ, который тосканскіе пуристы должны почитать неправильнымъ. Ея романъ *Пальмира* доказываетъ, что она не тамъ родилась, гдѣ Данте и Боккачіо образовали лучшій италіянскій языкъ. Сюжетъ романа состоитъ въ указаніи всѣхъ недостатковъ при воспитаніи женщинъ, потому что отъ него происходятъ всѣ несчастія жизни. Не смотря на достоинства сочиненія, видно, что г–жа Карлети–Калени имѣетъ еще нужду въ серьезномъ ученіи. Надобно, чтобъ дарованіе ея больше созрѣло, чтобъ слогъ былъ опредѣлительнѣе, а идеи имѣли болѣе между собою связи.

Вообще будемъ надѣяться, что бѣдность этого рода литературы только временная въ Италіи и что будущіе романисты покажутъ намъ внутреннюю жизнь италіянскаго общества безъ рѣзкости, горечи и холодности.

Наконецъ, вотъ самыя послѣднія замѣчательныя произведенія, появившіяся въ Италіи:

Нардини издалъ очень хорошее сочиненіе по части архитектуры: Della razionalità architettonica. Основаніемъ его системы служитъ правило, чтобъ прекрасное было и полезнымъ. Критики обвиняютъ его, что онъ даетъ слишкомъ большой перевѣсъ послѣднему.

По поводу этой книги, ученый неаполитанскій историкъ Карло Тойа изложилъ совершенно новый взглядъ на готическую архитектуру. Онъ полагаетъ, что древніе Даки были тѣ же Готы, и что они находились на высокой степени образованности, принесенной съ монотеистическаго востока. Будучи оттѣснены переселеніемъ народовъ къ сѣверу, основали они новую Готію и Дакію (Данія до XV вѣка называлась на картахъ Дакіею). Потомъ Вестъ-Готы и Остроготы превратились въ италіянцевъ и испанцевъ. Эти даки-готы первые построили въ Равеннѣ и Толедѣ готическія церкви, да и во Франціи всѣ съ VI вѣка

построенные храмы принадлежатъ готамъ. Въ самой же Германіи долго держался византійскій стиль, тогда какъ вездѣ, гдѣ владычествовали норманны, возникли прекраснѣйшія готическія церкви.

Палерини издалъ *Исторію Садовъ Флоренціи*, извѣстныхъ подъ названіемъ Orti orticellari, съ описаніемъ всѣхъ виллъ, принадлежащихъ къ нимъ. Знаменитѣйшая вилла Санъ-Доната принадлежитъ А. П. Демидову.

Графъ Помане издалъ для Сардиніи проектъ введенія такой же точно системы общества недвижимаго имущества, какъ во Франціи. Но прочіе экономисты опровергаютъ его книгу.

Бони перевелъ съ греческаго книгу Ѳукидида *о Пелопонесской войнѣ*, а Бетти книгу Саллустія — *о войнѣ съ Югуртою*.

(Revue des deux mondes).

—

Одинъ изъ братьевъ Наполеона I. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ оконченное изданіе «Записокъ Іосифа Бонапарте» обратило вниманіе публики на одного изъ братьевъ Императора Наполеона. Портретъ Іосифа, очерченный превосходно въ этихъ *Запискахъ*, бросаетъ новый свѣтъ на императорскую эпоху и на политику завоевателя. Братъ Наполеона открываетъ намъ своею корреспонденціею сильную и слабую стороны наполеоновской системы политическаго управленія. Въ этой книгѣ видимъ мы, съ одной стороны, насильственное положеніе народовъ, подпавшихъ подъ власть Франціи, и тягостное состояніе адъютантовъ Наполеона, имѣвшихъ приказаніе управлять этими народами; съ другой— неимовѣрныя, почти сверхъестественныя усилія этого человѣка, который одинъ противился всѣмъ препятствіямъ, удерживалъ и оскорбленныя національности и новыхъ правителей, старавшихся согласить преданность къ нему съ обязанностями къ странамъ, ввѣреннымъ ихъ управленію.

Рѣдко подобныя открытія доходили до публики, и потому, впечатлѣніе, произведенное этими *Записками*, было сильно и важно. Эта длинная корреспонденція объясняетъ еще болѣе личное участіе во всѣхъ вопросахъ правленія и безпрестанную бдительность императора, и заставляетъ видѣть всѣ недостатки системы, которая довела великаго человѣка до того, что онъ заглушилъ въ себѣ всѣ нѣжныя чувства, и съ упрямствомъ отвергалъ совѣты опытности, просьбы преданности. Скромный Іосифъ, разумѣется, въ этихъ страницахъ далеко не можетъ сравниться съ своимъ великимъ братомъ: это борьба разсудительныхъ совѣтовъ противъ гордыхъ рѣшеній, смиренія противъ непреклонной воли, — словомъ, это почти побѣда разсудка надъ геніальностью.

Если читать только одну корреспонденцію братьевъ, можно подумать, что у Наполеона умъ убилъ сердце; но исполнитель этой непреклонной воли самъ старается разувѣрить насъ утѣшительнымъ объясненіемъ. Въ историческомъ отрывкѣ, гдѣ Іосифъ разсказываетъ про молодость его, которой былъ обязанъ всѣми почестями и непріятностями въ жизни, онъ подтверждаетъ, что Наполеонъ родился съ добрымъ сердцемъ и пламеннымъ воображеніемъ, и только достигнувъ власти, скрылъ свой характеръ подъ расчитанною, систематическою холодностью, чтобъ не останавливаться препятствіями, не трогаться просьбами; но, стоило только сойтись съ нимъ ближе и объясниться, и прежній характеръ его—добрый и ласковый, всегда бралъ верхъ. На островѣ Св. Елены онъ предписалъ товарищамъ своего изгнанія такой же строгій этикетъ, какъ въ Эрфуртѣ и Дрезденѣ. Всѣ знаютъ, что отказъ англійскаго правительства—называть его императоромъ, былъ первою причиною болѣзни, окончившей его жизнь. Какъ далеко отъ этого страдальца до добраго молодаго человѣка, проводящаго молодость посреди наукъ и родственныхъ привязанностей. Переходъ въ Наполеонѣ отъ природнаго характера къ искусственному такъ быстръ, что не успѣваешь приготовиться къ нему. Не успѣлъ Наполеонъ занять мѣсто въ управленіи Франціи, какъ уже перемѣнился, предчувствуя будущую судьбу.

Только что генералъ Бонапарте получилъ начальство надъ Италіянскою арміею, какъ призвалъ товарища и повѣреннаго своей молодости, чтобъ раздѣлить съ нимъ свое счастіе. Іосифъ представилъ Пію VI первыя предложенія Франціи, со времени революціи. Во время народнаго возстанія, стоившаго жизни генералу Дюфо, Іосифъ выказалъ много энергіи и осторожности, и похвальное его поведеніе, кажется, въ послѣдній разъ заслужило отъ брата искреннія, родственныя похвалы, выходящія прямо отъ сердца. Побѣдитель Италіи началъ уже осторожно выбирать свои выраженія и принимать безстрастный видъ повелителя, сохраненный на скалѣ Св. Елены и производившій сильное дѣйствіе на воображеніе окружавшихъ его лицъ.

Корреспонденція братьевъ почти прерывается во время италіянской кампаніи. Послѣ побѣды при Пирамидахъ, Наполеонъ описываетъ брату свою печаль. «Меня мучатъ семейныя непріятности... Твоя дружба мнѣ дорога, и чтобъ сдѣлаться мизантропомъ, мнѣ недостаетъ только потерять ее и испытать твою измѣну. Мнѣ надоѣли люди, я хочу уединенія и одиночества; почести мнѣ въ тягость; чувства притупились. Даже слава несносна въ двадцать-девять лѣтъ... я все испыталъ — теперь мнѣ остается сдѣлаться настоящимъ эгоистомъ.»

Сдѣлавшись, послѣ Маренго, властителемъ Франціи, а послѣ Аустерлица властителемъ полъ-міра, Наполеонъ продолжалъ заниматься своимъ семействомъ; онъ заботился о родныхъ столько же, какъ и въ первый періодъ жизни, только иначе. Вмѣсто того, чтобъ хлопотать о счастіи своихъ братьевъ, онъ сдѣлалъ изъ нихъ орудія своей власти.

Во время консульства, Іосифъ съ твердостію и благородствомъ отказался отъ президентства сената, котораго онъ былъ членомъ, и остался жить въ Морфонтенѣ, вполнѣ наслаждаясь семейнымъ счастіемъ. Но Наполеонъ послалъ его съ арміею въ Италію, гдѣ Неаполитанское королевство сдалось почти безъ сопротивленія. Іосифъ старался улучшить положеніе побѣжденныхъ, избавить ихъ отъ униженій, возстановить порядокъ и дисциплину; вотъ почему онъ вошелъ на тронъ, къ явному удовольствію бо̀льшей части дворянства и народа. Онъ старался заслужить любовь своихъ подданныхъ, а не внушать имъ страхъ; онъ думалъ, что можно быть неаполитанскимъ королемъ и, въ то же время, французскимъ принцемъ; но императоръ, къ несчастію, не такъ понималъ свою систему. Іосифъ хотѣлъ хорошимъ обращеніемъ довести неаполитанцевъ до того, чтобъ они любили Францію, Наполеонъ рѣшилъ обезсилить ихъ совершенно, чтобъ они не были для него опасны. Король не хотѣлъ отягощать бѣдный народъ наложеніемъ военной контрибуціи; но въ планы императора входило, чтобъ контрибуціи были собраны, какъ для того, чтобъ истощить силы Неаполя, такъ и для улучшенія его собственной арміи. Іосифъ хотѣлъ управлять съ одобреніемъ образованнаго сословія и привязать его къ Франціи естественнымъ ходомъ дѣлъ; Наполеонъ объявилъ, что только силой можно удержать то, что взято силой, и съ обыкновенною его дальновидностію предсказалъ Іосифу неизбѣжную реакцію, которая уничтожитъ всѣ эфемерныя его созданія. Странная дальновидность, которая еще болѣе приводитъ къ заключенію, что система, послѣдствія которой можно предвидѣть, должна быть совершенно ложная.

Вмѣстѣ съ многими документами, доказывающими въ Іосифѣ способность правителя, во многихъ письмахъ видна его доброта и прекрасный характеръ. Вотъ отрывокъ изъ одного письма его къ королевѣ Юліи:

«Любе́зная Юлія! я пріѣхалъ въ Сен-Люси (близъ Неаполя), въ воскресенье, потому что выбираю праздники, чтобъ отдохнуть немного. Остальные дни я занятъ дѣлами. Вотъ результатъ моихъ усилій: при моемъ пріѣздѣ, неаполитанскіе банковые билеты потеряли 25 процентовъ, теперь они въ настоящей цѣнѣ. Я, своими собственными средствами окончилъ войну и осаду Гаэты, что мнѣ стоило шесть милліоновъ франковъ. На моемъ содержаніи 90,000 человѣкъ, потому что

кромѣ арміи въ 60,000, у меня 30,000 моряковъ, инвалидовъ, пенсіонеровъ старой арміи, береговыхъ стражей, канонировъ, а у меня 1500 миль берега, окруженнаго непріятелемъ. И, при всемъ этомъ, я не дѣлаю тяжелыхъ налоговъ, чтобъ владѣтели земель и народъ не роптали. Они такъ довольны мною, что я почти вездѣ ѣзжу одинъ; въ Неаполѣ также спокойно, какъ въ Парижѣ; я дѣлаю займы и мнѣ охотно даютъ въ долгъ, — словомъ, всѣ классы общества одобряютъ меня и знаютъ, что если я не поступаю еще лучше, то въ этомъ не моя вина. Я даю примѣръ умѣренности, экономіи, живу безъ роскоши, мало трачу на себя; у меня нѣтъ ни любимицъ, ни любимцевъ, которые бы управляли мною. Прочитай, добрая Юлія, это письмо маменькѣ и Каролинѣ, потому что онѣ безпокоятся обо мнѣ, и скажи имъ, что если бы онѣ знали меня лучше, то были бы совершенно покойны. Скажи, что въ мои лѣта уже поздно мѣняться. Напомни маменькѣ, что во всѣ эпохи моей жизни, какъ гражданинъ, земледѣлецъ и судья, я всегда съ удовольствіемъ посвящалъ все время своимъ обязанностямъ. Я не принадлежу къ тѣмъ, которые, достигнувъ почестей, отдыхаютъ; нѣтъ, я и въ нихъ вижу только новыя обязанности. Для честолюбія я не сошелъ бы съ мѣста, но готовъ три раза въ годъ объѣзжать мое королевство, чтобъ только помочь тремъ несчастнымъ. Благодарю небо, что оно дало мнѣ честную совѣсть и добрую жену, способную оцѣнить меня. Цѣлую нѣжно васъ троихъ.»

Въ началѣ 1808 года, Іосифъ призвалъ свое семейство къ трону, на который возвела его не нѣжность брата, а система, приготовлявшаяся уже замѣстить его другимъ. Въ Тильзитѣ Наполеонъ увѣрился, что можетъ располагать всею Южною Европою и мѣнять династіи по произволу. Давно уже карловингская мысль занимала побѣдителя. Онъ хотѣлъ на всѣхъ тронахъ замѣнить Бурбоновъ королями своей династіи, и овладѣть тропомъ Испаніи было любимою мечтою всей его жизни.

Разумѣется, намѣреніе это было не легко исполнить; трудно было даже найти предлогъ, чтобъ лишить трона короля, который старался угождать во всемъ побѣдителю Европы и огорчить народъ, всѣ классы котораго питали почтительное удивленіе къ Наполеону. Но никакія препятствія не могли остановить этого непреклоннаго генія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Іосифъ былъ призванъ въ Байону.

6-го Іюня 1808 года, Іосифъ провозглашенъ былъ королемъ Испаніи; но вся нація, уважавшая Наполеона по тому, что считала его врагомъ ненавидимаго ею Годои, вдругъ возстала на него за то, что онъ смѣлъ располагать короною католическихъ королей и поклялась отмстить за

свою честь. Всѣ знаютъ чудеса этого геройскаго народнаго возстанія, которое заставило, въ первый разъ, отступить знамена Франціи. Съ перваго шага, сдѣланнаго въ своемъ королевствѣ, Іосифъ понялъ всю тщету усилій брата, и письма его въ эту эпоху составляютъ самую любопытную часть корреспонденціи, въ которой выражается вся проницательность Іосифа. Въ концѣ этого же года, Наполеонъ долженъ былъ самъ войти въ Испанію съ своею арміей, побѣдившею при Іенѣ и Аустерлицѣ, чтобъ шагъ за шагомъ завоевывать эту страну. Онъ вездѣ разбивалъ инсургентовъ и вступилъ съ побѣдою въ Мадритъ, но нигдѣ не встрѣтилъ повиновенія, и правленіе Іосифа было только номинальное. Въ это время, Австрія, расчитывая на Испанію, вздумала отмстить за Аустерлицъ, не воображая, что встрѣтитъ Ваграмъ, и императоръ поспѣшилъ оставить полуостровъ, не окончивъ побѣды и не начавъ даже усмиренія народа. Надобно себѣ вообразить, какой безпорядокъ происходилъ въ Испаніи. Наполеонъ, дѣлаясь несчастнымъ, сдѣлался еще несправедливѣе и обвинялъ брата въ несчастіяхъ, которыя тотъ самъ предсказывалъ ему съ самаго начала войны. Вмѣсто того, чтобы возвышать Іосифа въ общемъ мнѣніи и помогать ему помириться съ благородною, обиженною націею, Наполеонъ старался унижать его, чтобъ всѣ неудачи приписать ему одному. Онъ отдавалъ справедливость добрымъ качествамъ брата, его образованности, кротости, но часто повторялъ, что Іосифъ не военный человѣкъ и ничего не понимаетъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ то же время онъ угналъ маршала Журдана, котораго самъ назначилъ начальникомъ войскъ короля испанскаго. Удивительно ли послѣ этого, что французскія войска, послѣ двойнаго пораженія въ Португаліи, принуждены были къ тягостному отступленію отъ береговъ Миньо до Пиринеевъ.

Посреди этихъ, съ каждымъ днемъ увеличивающихся, препятствій, не смотря на пренебреженіе окружающихъ его генераловъ и отсутствіе финансовыхъ средствъ, Іосифъ старался все-таки придерживаться одной системы. Онъ удалялъ отъ себя французовъ и старался привлечь къ себѣ испанцевъ; но послѣдніе все-таки удалялись отъ него, а первые возбуждали противъ него Наполеона. Однакоже, въ минуты, когда звѣзда Наполеона блеститъ яркимъ свѣтомъ, онъ дѣлается добрѣе къ брату, и испанцы, кажется, послѣ Ваграма, готовы были признать Іосифа; но управленіе запутывалось все болѣе; императоръ, занятый своими мыслями, не хотѣлъ слушать справедливыхъ требованій брата, или отвѣчалъ на нихъ гордо и насмѣшливо. Послѣдній томъ этой корреспонденціи производитъ самое тягостное впечатлѣніе. Онъ наполненъ жало-

бами Іосифа, угрозами отреченія, но всѣ эти трогательныя письма остаются безъ отвѣта.

Наконецъ, судьба несчастной Испаніи рѣшилась на берегахъ Березины. Въ 1813 году Іосифъ началъ уже защищать не свой тронъ, но Францію отъ нападеній англо-испанской арміи, подъ начальствомъ Веллингтона. Возстаніе на берегахъ Эбро и Рейна уничтожило окончательно мечты владычества, которымъ имперія пожертвовала своимъ спокойствіемъ и славою.

Въ 1814 году Іосифъ остался только подданнымъ и служителемъ своего брата. Онъ окружилъ бѣднаго императора родственными заботами и утѣшеніями, хотя обращеніе съ нимъ Наполеона должно бы было отучить брата отъ нѣжности. Въ послѣднія минуты имперіи Іосифу поручили защищать Парижъ отъ семисотъ-тысячнаго войска союзниковъ, Парижъ безъ арміи и оружія, и несчастная судьба не перестала преслѣдовать несчастнаго Іосифа, потому, что имя его упоминается въ капитуляціи, въ которой онъ также невиноватъ, какъ и въ потерѣ Испаніи. Въ послѣднемъ дѣйствіи каррьеры брата Наполеона собрано много несчастій, но нѣтъ ни одной ошибки.

Вмѣстѣ съ имперіею кончается публичная жизнь Іосифа. Бывшій король Неаполя и Испаніи, сдѣлался почетнымъ гражданиномъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и пережилъ двадцатью-тремя годами человѣка, котораго любилъ преданно и нѣжно и которому служилъ вѣрно, не смотря на всѣ свои несчастія и его несправедливости. Ошибки Іосифа принадлежатъ его положенію и особенно его преданности. Качества же остаются его собственностію. Читая эту огромную корреспонденцію, нельзя не замѣтить его прекрасной, доброй души, всегдашней разсудительности и, главное, вѣрности взгляда и проницательности. Эти качества драгоцѣнны, но Іосифъ не умѣетъ выказывать ихъ, не гордится ими, и часто, даже очень часто, принимаетъ видъ виноватаго, когда онъ во всемъ правъ. Вотъ почему до-сихъ-поръ мало знали этого замѣчательнаго человѣка и только изученіе его записокъ вполнѣ заставитъ отдать ему справедливость и показываетъ въ настоящемъ видѣ добрую, кроткую физіономію этого человѣка, который оставался незамѣтнымъ въ лучахъ братниной славы. (Revue des deux mondes).

—

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ и ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Гвоздеобразныя надписи. Въ Athenaeum français напечатана любопытная статья Жюля Оппéра, бывшаго члена французской экспедиціи въ

Вавилонѣ. Ему преимущественно была поручена лингвистическая часть. Вотъ обзоръ его донесенія.

Главное затрудненіе при чтеніи гвоздеобразныхъ письменъ состояло въ томъ, что одинъ и тотъ же знакъ имѣлъ повидимому разное значеніе, и какъ это обстоятельство съ перваго взгляда ни невѣроятно, но, разсматривая внимательно бизитинскую надпись, Опперъ удостовѣрился, что это различное значеніе дѣйствительно существуетъ.

Роулисонъ назвалъ это свойство ассирійскаго письменнаго искусства *полифоніею*, тогда какъ противники его увѣряли, что это искусство основано на *гомофоніи*, то-есть, что одинъ и тотъ же звукъ можетъ быть выраженъ различными знаками, какъ и египетскіе гіероглифы.

Теперь въ Куюнджикѣ, въ глиняныхъ библіотекахъ ниневійскихъ королей, нашли отрывки ассирійскихъ азбукъ и складовъ, доказывающіе, что полифонія ассирійцевъ, кажущаяся намъ такъ странною, дѣйствительно существовала, и что сами тогдашніе ученые почли нужнымъ изложить правила ея. Новѣйшій родъ гвоздеобразныхъ письменъ называется ахеменидскій, употребляемый древними персами. Это строгобуквенная система съ немногимъ выборомъ силлабическихъ знаковъ. Изобрѣтатель этой системы, безъ сомнѣнія, былъ умный человѣкъ, хотѣвшій избѣжать безполезной запутанности халдейской системы.

Опперъ говоритъ, что всѣ роды гвоздеобразныхъ письменъ произошли изъ древне-халдейской гіероглифики, какъ она существовала въ Китаѣ, Египтѣ, Финикіи. Сперва это были фигурныя изображенія, которыя для изсѣченія на камнѣ были, для удобства, передѣлываемы. «Если я хорошо понимаю дальнѣйшее изложеніе этихъ письменъ, говоритъ Опперъ, то въ этой гіероглификѣ отличали, какъ въ египетской, изображенія вещей, которыя ставили вмѣсто самого слова, напримѣръ *битъ*—домъ; потомъ эти же изображенія вмѣсто звуковъ безъ смысла; напримѣръ, во второмъ слогѣ *риббитъ*—невольникъ, ставили *домъ*, а въ третьихъ: *обозначательныя изображенія*, которыя приставляли къ другому, чтобъ опредѣлить особенный его смыслъ; напримѣръ, къ знаку *савасъ* (солнце) прибавляли другой, означающій *божество*.

Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что четыре различные народа: ассиро-халдеи, скиоы, сузіане и армяне употребляли одинаковую систему письменъ, хотя языки ихъ и были совершенно различны. Де Соси, Роулисонъ, Гинксъ и др. признали фактомъ, что языкъ Ниневіи и Вавилона составлялъ совершенно отдѣльную вѣтвь семитическихъ языковъ, тогда какъ извѣстно, что армянскій принадлежитъ арійскимъ, или индогерманскимъ, что можно сказать и о сузіанскомъ.

Въ сузіанскихъ надписяхъ, въ королевскихъ именахъ: Сутрукъ, На-

хунта, Таргакъ, Оппе́ръ видитъ слѣды персидскаго языка, хотя и съ осторожностію выставляетъ это мнѣніе. Скорѣе можно бы было приписать этотъ языкъ сильному, воинственному и разбойническому племени элимеевъ, потому что слово *Эламъ* обозначаетъ всю Сузіану. Народъ ея самый древній, потому что Эламъ (Сузіана), Ассуръ (Ассирія), Арпахшадъ (округъ Халден) называются сынами Сима, а во времена Авраама эламскій царь Кедаръ Леомеръ велъ войну съ сеннаарскою царицею Элассаръ и царями Содома и Гоморра.

Что же касается до скиѳовъ, то Оппе́ръ считаетъ ихъ языкъ татарскимъ, и именно тѣмъ, какимъ они говорили во времена Геродота, сохранившаго нѣсколько словъ изъ него. Такъ напримѣръ слова: *ойоръ* (мужъ), *пата* (убивать), *аріа* (собственное имя) соотвѣтствуютъ въ скиоской гвоздеобразной грамотѣ словамъ: *райуръ, патъ, гиррима*, имѣя тотъ же смыслъ.

Теперь ясно, что когда три разные языка (считая армянскій и эламитскій сродными между собою) употребляли одинаковую систему письменъ, то, какъ изображенія вещей, такъ и означательныя изображенія своей гіероглифики, выражали совершенно различными звуками, и что только силлабическіе знаки египетскихъ словъ и фонетическіе гіероглифы древнихъ языковъ сохранили одинаковые звуки.

Такъ напримѣръ знакъ *короля* выражается двумя крючками, а выговаривается: по-ассирійски *сарь*, по-скиоски *нисъ*, по-армянски *манъ*. Дѣло становится запутаннѣе тамъ, гдѣ смѣшеніе и частое сообщеніе народовъ могли дать словамъ особое значеніе. Напримѣръ, если ассирійскій знакъ звука *атъ* обозначаетъ изображеніе *отца*, называемаго въ скиоскомъ *атта*, тогда какъ въ ассирійскомъ смыслѣ этотъ выражается словомъ *абъ*, то должно принять, что ассирійцы взяли этотъ знакъ въ силлабическомъ и вещественномъ значеніи отъ скиѳовъ.

Это же можно сказать и о другихъ знакахъ. Напримѣръ, *Аннапъ* по-скиоски *Богъ*, силлабически же *анъ*, пишется изображательно *илу*. Еще запутаннѣе слѣдующее: племя, семейство называется по-скиоски *пимасъ*. Изображательно выговаривается это слово: по-ассирійски *каль*, или *зиръ*, на семитическомъ языкѣ *тукульта*, гдѣ слогъ *куль* выражается тѣмъ же знакомъ; по этому въ армянскомъ *куль* (въ санскритскомъ *кула*) имѣетъ тоже значеніе.

Чтобъ всѣ гвоздеобразныя письмена произвести изъ одного источника, и именно: изъ древне-вавилонской гіероглифики, надобно принять многіе промежуточные члены. А потому-то Оппе́ръ выставляетъ слѣдующій рядъ діалектовъ:

1.—а) Халдейскіе гіероглифы.

2.—b) Древне-скиоскія письмена.
—c) Ново-скиоскія (вторыя ахеменидскія).
3.—d) Древне-армянскія.
—e) Армянскія (на скалѣ Ванѣ).
4.—f) Древне-сузіанскія (оставшіяся на многихъ развалинахъ).
—g) Ново-сузіанскія (найденныя въ Маламирѣ).
5.—h) Древне-ассирійскія (на многихъ памятникахъ и на камнѣ лорда Абердина).
—i) Средне-ассирійскія (смѣсь древнихъ и ново-ассирійскихъ).
—k) Ново-ассирійскія (въ Хорсабадѣ, Нимрудѣ и Ниневіи).
—l) Ассирійскія курсивныя письмена на кирпичахъ.
6.—m) Древне-вавилонскія (на кирпичахъ въ Вавилонѣ, на цилиндрахъ, на надписи индѣйской компаніи).
—n) Ново-вавилонскія, сходныя съ нижеслѣдующими.
—o) Вавилонскія письмена азхменидовъ.
—p) Вавилонскія курсивныя письмена.

Все удостовѣряетъ въ существованіи древнѣйшей вавилонско-халдейской гіероглифики, потому что, подобно египтянамъ, вавилоняне тоже изображали свои понятія о божествахъ разными составными фигурами людей и звѣрей. Позднѣйшее невѣжество халдеевъ приняло эти изображенія за дѣйствительныя существа, рожденныя водою изъ хаоса. Беррозисъ говоритъ о людяхъ съ двумя крыльями, о другихъ съ четырьмя крыльями и двумя лицами, о людяхъ съ однимъ тѣломъ и двумя головами, одною мужскою, другою женскою, о людяхъ съ козлиными ногами и рогами, съ конскими копытами, о кентаврахъ, о быкахъ съ человѣческою головою, о четырехъ-головыхъ собакахъ съ рыбьимъ хвостомъ, о лошадяхъ съ собачьею головою и другихъ подобныхъ чудовищахъ.

Въ новыхъ открытіяхъ найдено много подобныхъ изображеній. Наука должна будетъ разобрать ихъ для составленія миѳологіи тогдашнихъ народовъ. Всѣ они сдѣланы не по желанію произвести какое-нибудь странное чудовище, а въ видахъ миѳологическихъ. Для доказательства довольно одного примѣра. Извѣстно, что фигуры львовъ съ человѣческими головами, по нашему называемыя *сфинксами*, означали у египтянъ царя и писались словомъ *небъ* (господинъ). Это была только перифраза первоначальнаго царскаго титла *роми-лабу*, или *уэръ-лабу*, то-есть *левъ-человѣкъ*, какъ индійцы называли своихъ королей *нара-синха*,—человѣкъ-левъ. Тѣ колоссальные крылатые львы и быки съ человѣческими, бородатыми лицами и съ роговою тіарою на головѣ, которые находятся въ ассирійскихъ дворцахъ, не что иное, какъ гіеро-

глифически изображенныя названія царей: *нарасинха*, *нарастура*, если читать ихъ по-индійски. Персидское имя *пурусама*—человѣкъ—конь, можно бы было просто писать изображеніемъ кентавра, о которомъ упоминаетъ Берозисъ.

Скиоскія письмена многимъ покажутся неожиданными, потому что они пейдутъ къ нынѣшней исторической системѣ. Скиоы—дикое, кочующее племя, имѣютъ письмена и слѣдственно литературу, въ тѣ времена, когда и у грековъ не было ни того, ни другаго! Это служитъ только доказательствомъ, что наши историческія свѣдѣнія о древности грековъ очень недостаточны. Самое слово *скиоы* очень неопредѣленно, и ему надобно придать болѣе положительный смыслъ.

Древніе скиоы, которые, по показанію Юстина, царствовали надъ Азіею 1500 лѣтъ, покуда Нинъ (то-есть основатель средне-ассирійской имперіи въ 1270 году до Р. Х.) освободился отъ владычества ихъ, и которые слѣдственно около 2270 года вторглись въ древнѣйшія образованныя царства на Нижнемъ Евфратѣ, не могутъ быть татары, а арійцы. Плиній говоритъ, что персы называютъ скиоовъ *саками* и древними народами *арамейцами*. Амміанъ Марцеллинъ говоритъ, что персы были въ древности скиоами, то-есть саками, или конным кочующимъ народомъ. Если предположить, что древніе скиоы, вторгшіеся въ Вавилонъ, были саки, арамейцы, принявшіе потомъ арамейскій языкъ, то все объяснится, потому, что въ эту же самую эпоху хронологія выставляетъ вторженіе потомковъ Ноя, появленіе миоологіи арійцевъ, поклоненіе огню въ Вавилонѣ, и владычество дикихъ исполиновъ. Впрочемъ, сходство древнѣйшихъ татарскихъ племенъ съ арійскимъ можетъ быть до-историческое, подъ названіемъ саковъ. Сами персіяне могли почитать одинаковымъ племенемъ народы, говорившіе разными языками, но ведущими одинаковый образъ жизни. Предположеніе, что скиоы гвоздеобразныхъ письменъ, и геродотовскіе—одинъ и тотъ же народъ, очень вѣроятно, потому что именно послѣдніе завоевали въ 624 до Р. Х. Азію и владѣли ею двадцать восемь лѣтъ (до 596), какъ упоминаетъ Геродотъ въ IV книгѣ. Они ниспровергли мидійское владычество, и самый походъ Дарія противъ нихъ былъ возмездіемъ за это вторженіе.

Не принимая найденныхъ скиоскихъ памятниковъ за остатки двадцати-восьми-лѣтняго ихъ владычества, потому что этотъ періодъ слишкомъ коротокъ, можно надѣяться, что дальнѣйшія изысканія откроютъ настоящее время этихъ памятниковъ. Можно полагать, что уральскія племена, совершавшія свои переселенія на западъ: хазары, гунны, печенѣги, угры и пр., составляютъ часть тѣхъ скиоовъ. Плиній говоритъ,

что саки называли персовъ хазарами, и всѣ слѣды доказываютъ, что эти народы въ древности были въ тѣсныхъ между собою сношеніяхъ и вѣрили въ Ормузда. Византійскій историкъ Циннамъ говоритъ, что гунны ведутъ одинаковый образъ жизни съ персами (хазарами). Самые слѣды въ языкѣ обнаруживаютъ древнюю связь этихъ племенъ. Такъ напримѣръ: по-венгерски *атіа*, по-скиоски *атта*—отецъ; по-венгерски *аримани*, злой духъ, какъ и у скиоовъ; *истенъ*—Богъ, въ зендскомъ языкѣ *увастано*, *менни*—небо, по-зендски *меенъу*, *арани*—золото, по-скиоски *ираньо*. Числительныя слова: *эгу* одинъ, по-санскритски *эки*, *гетъ* семь, по-зендски *гаптанъ*, *эзеръ*—тысяча, по-зендски *азанза*, и другія слова въ искусствахъ и нравахъ. Все это впрочемъ должны подтвердить дальнѣйшія изысканія.

—

Зоологическіе сады и общества естественной исторіи въ Бельгіи. — Въ бельгійскомъ королевствѣ существуютъ теперь три общества натуральной исторіи. Зоологическія познанія тѣсно связаны съ изученіемъ земнаго шара. Въ среднихъ вѣкахъ, когда была баснословная географія, были и баснословныя животныя. Глядя на карту Бельгіи, не мудрено угадать, что первый зоологическій садъ долженъ быть основанъ въ Антверпенѣ, гдѣ была естественная складка всѣхъ богатствъ земнаго шара.

Теперешній зоологическій садъ въ Антверпенѣ находится за городомъ, близъ станціи желѣзной дороги. Въ главномъ зданіи есть коллекція чучелъ разныхъ животныхъ, жившихъ въ этомъ саду. Въ нижнемъ этажѣ помѣщены живыя плотоядныя животныя, въ числѣ которыхъ есть тигръ съ самкою, сенегальскій левъ, пантера, парагвайскій кугуаръ и гепаръ (кошка съ гривою).

Въ переднемъ фасадѣ помѣщены птицы тропическихъ странъ: всѣ породы попугаевъ Америки и Новой Голландіи и множество красивѣйшихъ породъ. Въ той же залѣ спитъ, съ 15-го мая по 15-е сентября крокодилъ; посрединѣ сада устроенъ домикъ для двухъ жирафъ, двухъ слоновъ и множества сенегальскихъ антилопъ.

Жвачко-жующія животныя гуляютъ по парку, отдѣленному легкимъ трельяжемъ. Въ числѣ ихъ замѣтенъ козелъ съ Азорскихъ острововъ. Въ особенныхъ клѣткахъ размѣщены хищныя птицы. Въ другихъ: султанская курица съ береговъ Сенегаля, ибисъ, красный бразильскій ибисъ, мандаринская утка, голубь съ вѣнкомъ и множество другихъ иноземныхъ птицъ.

Подлѣ нихъ прудъ, въ которомъ всѣ водяныя птицы, а подъ деревомъ устроены шалаши для разныхъ животныхъ низшаго разряда. Вотъ

клѣтка для обезьяны. Въ числѣ ихъ есть одинъ рѣдкій экземпляръ съ Филиппинскихъ острововъ. Далѣе берлога медвѣдя, и проч.

По примѣру Антверпена, устроили и жители Гента, въ 1851 году, зоологическій садъ. Число членовъ гентскаго общества натуральной исторіи простирается до четырехъ тысячъ, и въ саду Гента до семисотъ живыхъ животныхъ. Въ этомъ саду собираются въ лѣтнее время и для даваемыхъ въ немъ концертовъ.

Въ Брюсселѣ зоологическій садъ запоздалъ противъ прочихъ и только недавно началъ развиваться.

Истинная цѣль этихъ садовъ состоитъ въ изученіи натуральной исторіи, то-есть въ изслѣдованіи: какъ животное отъ дикой жизни переходитъ къ домашней, какъ оно можетъ выдерживать другіе климаты. Изученіе царства животныхъ составляетъ чисто-географическій курсъ.

Напримѣръ, полагаютъ, что шакалъ, переходя изъ дикаго состоянія, сдѣлался собакою. Это надобно теперь доказать на опытѣ, со всѣми постепенностями. Ближайшую породу дикихъ собакъ видимъ мы въ Новой Голландіи. Уши ея прямы, и подъ верхнею шерстью есть родъ мягкаго пуха, который вовсе потерянъ нашими дворовыми собаками. Дикая собака не лаетъ; лай—признакъ цивилизаціи. Послѣ ново-голландской слѣдуетъ эскимосская собака: эта уже ближе къ домашней. Весь ея инстинктъ состоитъ въ упряжи и возкѣ саней по снѣгу и льду. Такъ постепенно можно дойти и до нашей собаки. Высшая степень образованности—американская собака, сбивающая масло и исправляющая множество домашнихъ работъ.

Сравнительное изученіе всѣхъ породъ собакъ должно распространить и на другихъ животныхъ, чтобъ видѣть превращеніе эгагра въ домашняго козла, дикаго барана въ смирнаго европейскаго, дикаго буйвола въ быка и вепря въ свинью.

Всѣ эти превращенія уже сдѣланы человѣкомъ въ теченіи вѣковъ. Остается наукѣ составить теорію этихъ превращеній. Звѣри тоже способны къ развитію, къ усовершенствованію. Они ничего не изобрѣтаютъ, но все перенимаютъ.

Переселенія животныхъ изъ одного климата въ другой тоже требуютъ историческихъ и практическихъ доказательствъ. Большая часть домашнихъ европейскихъ животныхъ принадлежитъ не Европѣ. Первые народы, пришедшіе въ Европу, нашли только одинъ дубъ, сосну и вепря. Все, что теперь мы видимъ, создано волею человѣка. Изъ центральной Азіи вывезена лошадь, изъ Индіи и Египта быкъ, изъ Персіи овца, изъ Индостана курица, изъ Колхиды фазанъ, изъ Африки

цесарка, изъ Америки индѣйка. Слѣдственно, все вокругъ насъ завоевано человѣкомъ.

Оконченъ ли трудъ человѣка? Едвали. Мы еще видимъ множество животныхъ, которыхъ могли бы сдѣлать ручными и домашними.

Изъ плотоядныхъ человѣкъ заимствовалъ самое полезное животное— собаку; но на этомъ онъ и остановился. А между тѣмъ открылось, что гіена обнаруживаетъ величайшую привязанность къ человѣку. Гепаръ (кошка съ гривою) уже пріучена индійцами служить имъ на охотѣ, и оказываетъ всевозможное повиновеніе и понятливость.

Наконецъ, тюлень могъ бы также оказать намъ много услугъ. Онъ кротокъ, понятливъ. Въ Дижонѣ, у директора кабинета естественной исторіи, жилъ до такой степени пріученный тюлень, что онъ никогда уже не ходилъ въ воду, а оставался при хозяинѣ своемъ, у камина. Еслибъ сдѣлать тюленя ручнымъ, онъ бы на водѣ дѣлалъ тоже для рыбной ловли, что собака на охотѣ.

Въ Европѣ недостаетъ много животныхъ, которымъ жители Азіи, Африки и Америки обязаны своими богатствами: верблюдъ, дромадеръ, геміана, куагга, лама, альпака. Верблюдъ и дромадеръ своею терпѣливостію и устройствомъ желудка, дозволяющаго долго терпѣть жажду, были бы чрезвычайно полезны въ сухихъ и гористыхъ странахъ Европы. Въ Парижѣ пріученъ былъ верблюдъ къ механизму добыванія воды въ колодцѣ, и онъ больше доставалъ ее, нежели двѣ лошади.

Лама въ Америкѣ тоже, что верблюдъ въ Азіи. Она не такъ сильна, но съ вьюками, въ гористыхъ странахъ, лама пройдетъ тамъ, гдѣ ни лошадь, ни верблюдъ не въ состояніи проникнуть. За ламою нѣтъ почти никакого ухода; она сама себѣ находитъ пищу и пріютъ. Притомъ же, мясо ея вкусно, а изъ шерсти ткутся драгоцѣнныя ткани.

Альпака даетъ еще лучше и нѣжнѣе шерсть. Недавно привезли нѣсколько этихъ животныхъ въ Европу, и они очень хорошо привыкаютъ къ климату.

Лось, извѣстный въ Америкѣ подъ названіемъ wapety, привезенъ былъ въ Балтимору нѣмецкимъ натуралистомъ; индійцы сдѣлали его ручнымъ. Онъ носитъ на себѣ тяжести, возитъ сани по льду съ чрезвычайною быстротою и служитъ пищею, имѣя вкусное мясо. Въ 1817 году привезены были четыре лося въ Англію изъ Америки, и получено было отъ нихъ три прекрасныя поколѣнія. Недавно одно изъ этихъ животныхъ запряжено было въ тильбюри, и всѣ любовались его силою и быстротою.

Лань составляетъ богатство всѣхъ жителей сѣвера. Она замѣняетъ имъ корову, лошадь и барана, питая ихъ своимъ молокомъ, согрѣвая

шерстью и перевозя ихъ тяжести; притомъ мясо ея очень вкусно. Какъ бы она была полезна, еслибъ могла быть разведена по всей Европѣ, и переносила всѣ умѣренные климаты. До-сихъ-поръ попытки въ Англіи были неудачны. Но пріученіе къ другому климату надобно дѣлать постепенно, нечувствительно.

Тапиръ въ Америкѣ тоже, что гиппопотамъ Африки. Онъ бы могъ дополнить породу свиней, которыхъ польза уже испытана. Вигонь, кабіэ, газель—всѣ эти животныя могли бы быть драгоцѣнны для нашей промышлености.

По мѣрѣ распространенія образованности, дикія животныя удаляются въ пустыни. Если въ Африкѣ и въ Азіи будетъ когда-либо тоже, что въ Америкѣ; если топоры колонистовъ прорубятъ лѣса, распашутъ пустыни и проведутъ по степямъ желѣзныя дороги, то звѣрямъ останется на выборъ—или покориться власти человѣка, или исчезнуть съ лица земли.

Уже въ историческія времена есть породы животныхъ, которыя исчезли. *Додо*, большая короткокрылая птица, открыта была на островѣ Иль-де-Франсѣ, а теперь осталось только одно описаніе ея (снятое съ натуры). Эму и кунгуру тоже, кажется, скоро исчезнутъ въ Австраліи отъ умножающагося тамъ народонаселенія.

Бобръ, преслѣдуемый сѣверными американцами, тоже будетъ истребленъ, если не найдутъ средства разводить его въ видѣ домашняго животнаго.

Наши домашнія птицы очень малочисленны по разнообразію породъ. Мы еще можемъ многихъ присоединить изъ Африки, Австраліи и Америки. *Гокко* и *пауксо* могутъ быть намъ очень полезны.

Искусственное разведеніе рыбъ у насъ еще во младенчествѣ, но оно должно развиться и принести величайшую пользу. Новые стеклянные аппараты, сквозь которые можно наблюдать за размноженіемъ рыбы, дозволятъ намъ вникнуть вполнѣ въ этотъ предметъ.

Хотя наука и старается изъ смѣси разныхъ породъ составлять новыя, но успѣхи еще весьма сомнительны. Гораздо важнѣе улучшеніе существующихъ породъ. Возьмите напримѣръ дургамскихъ быковъ. Особенное воспитаніе увеличило мясистыя его части и почти отняло рога, и въ этомъ видѣ его можно назвать усовершенствованнымъ животнымъ.

Въ Бельгіи были недавно свиньи, рожденныя отъ кабана съ домашнею свиньею. Ростъ и походка ихъ были совершенно отличны отъ обоихъ. Вѣроятно, и другія породы могутъ возобновляться и улучшаться подобнымъ образомъ.

Вспомнимъ, что главные предметы нашей пищи и роскоши не-европейскаго произведенія: картофель, рисъ, греча, сахаръ, кофе, чай— все иностранное и недавно еще введено. Въ растительномъ царствѣ успѣхи человѣка изумительны, а въ животномъ еще очень слабы. Съ открытія Америки получили мы только индѣйку. Человѣкъ долженъ все завоевывать у природы; царство животныхъ столько же должно помогать ему въ домашней жизни, какъ и растительное. Усиливая свою власть, онъ собираетъ плоды своего превосходства надъ животными.

(Revue des deux mondes).

Канурійскій языкъ въ центральной Африкѣ.—Этотъ замѣчательный діалектъ изслѣдованъ однимъ нѣмецкимъ путешественникомъ. Сигизмундъ Вильгельмъ Кёлле, виртембергскій уроженецъ, изучилъ канурійскій языкъ, составляющій главный діалектъ, которымъ говорятъ въ королевствѣ Барму, во время пребыванія своего на берегахъ Гвинеи съ декабря 1847 до февраля 1853. Сотрудникомъ его и учителемъ былъ уроженецъ Барму, оставившій свою родину. Граматическое богатство языка, а особливо въ глаголахъ, совершенно изумило филолога. Надобно было употребить чрезвычайное постоянство, чтобъ привести въ систематическій порядокъ всѣ свѣденія. Канурійскій языкъ изложенъ въ грамматикѣ Кёлле въ томъ видѣ, какъ говорятъ на немъ въ области Газиръ, или какъ по-крайней-мѣрѣ говорили при составленіи грамматики, потому, что при внутреннихъ, кровопролитныхъ войнахъ въ Африкѣ, часто истребляется народонаселеніе цѣлой области, или она выселяется въ другую страну.

Въ предисловіи своемъ Кёлле говоритъ:

«Приводимые мною примѣры чтенія тѣмъ замѣчательны, что они всѣ сочинены неграми. А извѣстно, что истинный характеръ языка узнается только, когда мы слышимъ разсказы самихъ туземцевъ. Негры большіе говоруны: они мнѣ по цѣлымъ часамъ диктовали свои мысли, а я ихъ записывалъ.»

Въ книгѣ для чтенія есть пословицы, разсказы, басни, описательные и историческіе отрывки. Между разсказами замѣчательна повѣсть «магометанскаго дервиша и идолопоклонника.»

Въ историческихъ очеркахъ видны перевороты могущественнѣйшихъ африканскихъ племенъ. Послѣдняя перемѣна династіи въ Барну описана вполнѣ удовлетворительно. Въ заключеніи написана біографія Али-Эйзами.

До-сихъ-поръ почитали языки этихъ полудикихъ племенъ бѣдными и легкими для изученія. Это ошибка. Напримѣръ, языкъ кафровъ,

гораздо труднѣе всѣхъ европейскихъ (кромѣ баскскаго), и, однако же, во всѣхъ видна гармонія одного происхожденія.

Языкъ Канури тоже очень труденъ и имѣетъ удивительныя особенности. Въ немъ видны то слѣды семитическаго направленія, то татарскихъ и арамейскихъ языковъ. Напримѣръ, существительныя имена ихъ имѣютъ пять падежей, и для обозначенія именительнаго существуетъ отдѣльный членъ. Личныя мѣстоименія не склоняются, но имѣютъ множественное число. Притяжательное мѣстоименіе выражается придаточными частицами, которыя при склоненіи вставляются между словомъ и окончаніемъ падежа, какъ въ турецкомъ и мадьярскомъ. Прилагательное производится отъ существительнаго посредствомъ придаточныхъ слоговъ. Оно ставится послѣ существительнаго и одно тогда склоняется.

Числительныя именованія десятичныя, какъ и у насъ. Отъ 1 до 10 не имѣютъ этимологической связи; но 20, 30 и т. д. составляются изъ слова *пи* (особенная форма *десяти*) и единственнаго названія два, три и проч., напримѣръ *пинди* двадцать.

Глаголъ—самая трудная часть рѣчи для изученія. Есть первообразные и производные глаголы; производные отъ другихъ глаголовъ выражаютъ измѣненіе въ первоначальной мысли глагола, какъ въ семитическихъ, или алтайско-уральскихъ языкахъ. Всѣ глаголы раздѣляются на два рода, по окончанію перваго лица *нгинъ*, или *скинъ*. Спряженій и временъ множество. Замѣчательно въ особенности *объективное* спряженіе.

Синтаксисъ составленъ Кёлле тоже съ большою тщательностію. Но всѣ особенныя свойства языка нигдѣ не противорѣчатъ здравой логикѣ. (Mag. f. d. L. d. A.)

—

Дыханіе растеній. До-сихъ-поръ почитали угольную кислоту главнымъ дѣятелемъ въ дыханіи растеній. Ученый химикъ Рабенъ доказываетъ теперь, что какъ въ дыханіи животныхъ, такъ и растеній, влажный кислородъ играетъ главную роль.

Разложеніе угольной кислоты, производимое зелеными частями подъ вліяніемъ свѣта, представлялось доселѣ главнымъ фактомъ этого дыханія; Рабенъ говоритъ, что это отдѣльный и второстепенный фактъ, а дыханіе влажнымъ кислородомъ — главный и существенный.

Явленія гніенія въ животномъ и растительномъ царствѣ, столь много объясняющія жизненный процессъ, доказываютъ, что въ обыкновенныхъ условіяхъ и при достаточной температурѣ, влажный кислородъ не можетъ имѣть соприкосновенія съ органическою матеріею, не подвергая ее

медленному горѣнію. Сверхъ того, они доказываютъ, что количество этого горѣнія усиливается вмѣстѣ съ температурою органической матеріи.

Не въ однихъ животныхъ и во время ихъ жизни только—влажный кислородъ производитъ неминуемое горѣніе: его дѣйствіе всеобщее и необходимое во всей органической природѣ. Оно происходитъ какъ въ растеніяхъ, такъ и въ животныхъ послѣ смерти, какъ и при жизни. Однимъ словомъ, дыханіе животныхъ и растеній составляетъ только отдѣльный случай во всеобщемъ горѣніи, производимомъ влажнымъ кислородомъ на органическую матерію.

Одинъ растительный слой зеленой матеріи можетъ произвести разложеніе угольной кислоты. Матерія эта существуетъ не во всѣхъ частяхъ зелени. Она составляетъ только легкую оболочку у тѣхъ растеній, которымъ не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, не распространяясь ни на корни, ни на цвѣты, ни на зрѣлые плоды.

Разложеніе угольной кислоты происходитъ не безпрерывно. Въ темнотѣ и ночью нѣтъ его. Оно бываетъ днемъ, быстро уменьшаясь при ослабленіи свѣта, и происходя очень слабо въ тѣни, или въ пасмурные дни. (Rev. Contemp.)

—

Жертвы молніи. Въ прежнія времена, метеорологи расчитывали, что пораженіе молніею составляетъ величайшую рѣдкость. Кемтцъ, въ своемъ *курсѣ метеорологіи*, говоритъ, что въ теченіе цѣлаго вѣка было только три человѣка, пораженныхъ молніею въ Геттингенѣ и два въ Галле.

Араго былъ того же мнѣнія, и говоритъ, что бояться во время грозы тоже самое, что, выходя со двора, бояться быть убитымъ черепицею съ крыши или горшкомъ цвѣтовъ съ окна.

Главный докторъ военнаго госпиталя въ Рулѣ, Буденъ, составилъ теперь сводъ всѣхъ происшествій въ этомъ родѣ, и оказывается, что случаи гораздо многочисленнѣе. Въ продолженіе семнадцати лѣтъ, то-есть съ 1835 по 1852 годъ, убито во Францію *тысяча тридцать восемь* челов. Въ одномъ 1835 году было сто-одиннадцать, а въ 1847 сто-восемь случаевъ. Число раненыхъ, оглушенныхъ еще болѣе. Въ Соединенныхъ Штатахъ было въ три мѣсяца семнадцать убитыхъ и восемьдесятъ-четыре раненыхъ. Въ Англіи круглымъ числомъ бываетъ въ годъ убитыхъ молніею двадцать два, въ Швеціи десять, въ Бельгіи три человѣка.

Авторъ замѣтилъ при этихъ изслѣдованіяхъ, что случаи болѣе происходили въ высокихъ и гористыхъ странахъ. Мужчинъ убивало болѣе, нежели женщинъ, животныхъ болѣе, нежели людей.

Большая часть убита *подъ деревьями*, и это служитъ подтвержденіемъ извѣстнаго правила, чтобъ въ грозу не становиться подъ деревьями.

До введенія громоотводовъ на корабляхъ, много судовъ ежегодно погибало отъ молніи. Въ 1829—1830, въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ, разбито молніею пять англійскихъ кораблей. Въ архивахъ адмиралтейства записано больше *двухъ сотъ* случаевъ пораженія кораблей молніею. Съ 1810 по 1815 года тридцать-пять линѣйныхъ кораблей и тридцать-пять другихъ судовъ сдѣлались негодными къ употребленію.

Въ запискахъ своихъ Буденъ описываетъ одно весьма любопытное явленіе, котораго нынѣшнее состояніе науки не могло еще объяснить, и которое новѣйшіе физики называютъ *изображеніями Мозера*.

Франклинъ первый видѣлъ, какъ человѣкъ, стоявшій у своихъ дверей, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дерева, почувствовалъ сильное потрясеніе отъ громоваго удара, раздробившаго это дерево, и потомъ на груди его оказалось изображеніе этого дерева.

Оріоли видѣлъ въ Неаполѣ даму Мороза ди Лагуно, которая точно также, ощутивъ сперва потрясеніе, не сдѣлавшее ей впрочемъ ни малѣйшаго вреда, увидѣла потомъ, послѣ удара молніи, изображеніе цвѣтка на ногѣ у себя, которое и сохранилось на всю жизнь.

На Іонійскихъ корабляхъ существуетъ суевѣріе, чтобы во время грозы прикрѣплять къ мачтѣ лошадиную подкову. Въ одинъ изъ подобныхъ судовъ (Buon Servo) ударила молнія и убила матроса Теодора Скарпанте подъ этою мачтою. Когда его раздѣли, то на боку его нашли изображеніе вывѣшенной подковы того же самаго размѣра.

Подобный же случай былъ на Монтскомъ рейдѣ, гдѣ на одномъ матросѣ, убитомъ молніею, нашли на груди цифру *44*, вывѣшенную на такелажѣ, куда ударила молнія.

Еще любопытнѣе былъ случай съ жителемъ Занта, Спиридіономъ Полита. Его убило молніею. Меръ, докторъ и присяжные явились осматривать его тѣло и нашли у него въ карманѣ въ кошелькѣ нѣсколько золотыхъ монетъ, которыхъ изображенія съ вѣрнымъ размѣромъ и оттисками были на плечѣ его.

Одинаковы ли эти явленія съ фотографическими, или имѣютъ другое основаніе, наука еще не объяснила. (Athenaeum).

—

Уклоненіе компасной стрѣлки на желѣзныхъ корабляхъ. Употребленіе желѣза на пароходахъ вмѣсто дерева сдѣлалось теперь почти всеобщимъ. Выгоды, представляемыя желѣзомъ такъ многочисленны, что заставили предпочесть желѣзо дереву. Но есть и неудобства. Магнитная стрѣлка

на желѣзномъ кораблѣ подвергается иногда уклоненіямъ, которыхъ причина и происхожденіе неизвѣстны. Извѣстно, что всякое желѣзо, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ сдѣлаться магнитомъ. Эти случаи встрѣчаются иногда и съ желѣзными кораблями. Сильнымъ ли треніемъ волнъ отъ бури, или постояннымъ направленіемъ по магнитному меридіану, вдругъ вся масса желѣза на кораблѣ превращается въ магнитъ и дѣйствуетъ на компасъ.

Уже шесть большихъ пароходовъ погибло отъ этого. При погибели *Тейлора* произведено было судебное слѣдствіе, и подтвердилось, что на суднѣ послѣ бури одинъ компасъ показывалъ двумя румбами больше нежели другой. Капитанъ повѣрилъ рулевому компасу, который, по его мнѣнію, былъ больше изолированъ, и ошибся: черезъ часъ онъ набѣжалъ на скалы и разбился.

Астрономъ Эйри предложилъ, для избѣжанія этого зла, имѣть на корабляхъ особые огромные магниты, которые своею силою уничтожали бы вредное дѣйствіе корабельнаго желѣза. Но извѣстный мореходецъ Скорезби опровергъ эту выдумку, доказавъ, что эта мѣра будетъ безполезна. Завязалась между ними сильная полемика, которая еще не кончилась: оба противника рѣшились произвести опыты вмѣстѣ. Подождемъ результата. (Novel. Zeit).

—

III. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Сцены и очерки Парижской театральной жизни. (*Статья четвертая*). Обычай объявлять объ имени автора пьесы установился въ началѣ восемнадцатаго столѣтія: только въ эту эпоху публика не довольствовалась тѣмъ, что ей называли сочинителя произведенія, имѣвшаго успѣхъ, но требовала, чтобъ онъ самъ являлся и принималъ аплодисменты и похвалы. За то, тогда только самыя лучшія произведенія удостоивались этой чести, тогда какъ теперь имена сочинителей фарсовъ и пошлостей принимаются съ восторгомъ.

Вольтеръ былъ первый, котораго публика захотѣла видѣть, послѣ представленія *Меропы*, игранной въ 1743 году. Однако онъ показался въ ложѣ и не хотѣлъ выходить на сцену.

Понемногу вызовы начали употребляться во зло. Публика захотѣла видѣть не только авторовъ образцовыхъ произведеній, но вызывала также бѣдныхъ сочинителей пьесъ, которыя упали, и находила удовольствіе въ томъ, что шикала и свистала. Разумѣется, что послѣ подобныхъ унизительныхъ сценъ, многіе авторы отказались являться на зовъ

публики; наконецъ, одинъ изъ нихъ, пьеса котораго не имѣла ни малѣйшаго успѣха, вышелъ на сцену и сказалъ публикѣ слѣдующую рѣчь:

«Господа! я написалъ пьесу нравственную, думая быть полезнымъ моимъ соотечественникамъ, но вижу, что ошибся. Наша нація находитъ удовольствіе не въ пьесѣ, но въ смущеніи и униженіи автора, не умѣвшаго угодить ея вкусу. Повѣрьте, что молчаніе публики гораздо чувствительнѣе, чѣмъ неприличный шумъ, доказывающій авторамъ только то, что публика не понимаетъ пьесы и не уважаетъ литературы».

Этотъ маленькій урокъ, ко всеобщему удивленію, былъ выслушанъ не только со вниманіемъ, но еще авторъ былъ награжденъ громкими рукоплесканіями за свою храбрость. Съ-тѣхъ-поръ публика стала осторожнѣе, а писатели почти совсѣмъ отказались выходить на сцену. Съ 1789 года перестали уже вызывать авторовъ.

За то, послѣ каждой новой пьесы объявляютъ имя автора, какъ будто публика не знаетъ его. Правда, что оно не стоитъ на афишѣ, но до начатія репетицій журналы уже разгласили его; друзья автора, артисты, служители театра, знаютъ его давно; какъ же предполагать, что публика, и еще въ первое представленіе, не знаетъ его. Пора бы уничтожить и это обыкновеніе, не служащее ни къ чему и не доказывающее ничего. На что же афиши, какъ не для того, чтобъ говорить публикѣ, какая идетъ пьеса, кто въ ней играетъ и кто ее написалъ? Впрочемъ, обыкновеніе это не можетъ продолжиться, потому, что теперь бо̀льшая часть публики уходитъ не дождавшись объявленія имени автора.

Установленіе ценсуры на театральныя пьесы восходитъ до шестнадцатаго вѣка.

Парламентъ, позволившій играть фарсы, скоро увидѣлъ, что авторы стараются не забавлять и учить народъ, а только развращать его и смѣяться надъ тѣмъ, что заслуживало уваженія; по этому онъ принужденъ былъ запретить нѣкоторыя изъ этихъ представленій; но когда, не смотря на это, злоупотребленія продолжались съ тою же силою, то главный судъ издалъ въ 1536 году законъ, которымъ опредѣлялись строгія наказанія за безнравственныя пьесы, личности и непозволительныя выходки.

Однако и это средство не помогло, потому что авторы фарсовъ, выражаясь аллегорически, все-таки находили средство задѣвать разныя лица и постановленія, и Парламентъ рѣшилъ наконецъ установить ценсуру, которая просматривала всѣ пьесы за двѣ недѣли до представленія, вычеркивая все, что находила неприличнымъ и иногда совсѣмъ запрещала пьесу.

Цензура эта простиралась не только на пьесы, но также на рѣчи режиссеровъ и на объявленія о представленіяхъ. Тогда еще не было афишъ, но одинъ изъ актеровъ обходилъ главныя улицы при громѣ барабана и на перекресткахъ объявлялъ о вечернемъ спектаклѣ, разсказывая сюжетъ пьесы, расхваливая ее и прибавляя свои замѣчанія. Такъ какъ и тутъ эти *крикуны* иногда объяснялись очень рѣзко и неприлично, то цензура наблюдала за ними и иногда останавливала потокъ краснорѣчія, напоминая правила цензуры.

Съ-тѣхъ-поръ драматическое искусство подчинено цензурѣ, то строгой, то слабой и она наблюдаетъ надъ всѣми театрами Парижа, заботится объ очищеніи вкуса, о распространеніи нравственности и не допускаетъ театральныя представленія до личностей и пасквилей, что̀ непремѣнно случилось бы, еслибъ авторы были совершенно свободны говорить, что имъ вздумается.

Сотрудничества нѣсколькихъ авторовъ для одной пьесы относятся также къ самымъ отдаленнымъ временамъ. *Фарсы и глупости сословія клерковъ*, составлялись тоже нѣсколькими лицами, бо̀льшею частію самими артистами, изъ которыхъ одинъ отыскивалъ остроты, другой риѳмы, третій придумывалъ завязку или развязку пьесы, и такъ далѣе. Обычай пародій на серьозныя пьесы существуетъ тоже давно. Образцовыя произведенія были всегда пародированы, и отъ этого слава ихъ нисколько не уменьшилась, но напротивъ еще болѣе утверждалась, такъ что многіе писатели желаютъ удостоиться чести попасть въ пародію. Теперь впрочемъ и это средство употребляется во зло, потому что пародіи дѣлаются по заказу и поддерживаются клакерами.

Отношенія между авторами и артистами были всегда дружественныя, потому, что они имѣли нужду одни въ другихъ и принуждены были угождать другъ другу; только неизвѣстно почему, теперь гордость артистовъ до того увеличилась, что они считаютъ авторовъ своими подчиненными, обходятся съ ними съ пренебреженіемъ и требуютъ, чтобъ роли ихъ были всегда лучшими въ пьесѣ. Разумѣется, что если пьеса падаетъ, то въ этомъ обвиняютъ однихъ авторовъ, а ужъ никакъ не артистовъ, про которыхъ никто не смѣетъ сказать ни слова.

Есть однако исключенія изъ этого правила, и нѣкоторые современные писатели, зная себѣ цѣну, не унижаются передъ артистами, которые сами обязаны просить ролей, а не заставлять себя упрашивать, играть въ какой-нибудь пьесѣ.

Расинъ читалъ однажды одну изъ своихъ трагедій въ комитетѣ Французскаго театра, и Баронъ, одинъ изъ любимцевъ публики, прослушавъ пьесу, сдѣлалъ автору нѣсколько замѣчаній.

— Я васъ позвалъ сюда, чтобъ дать вамъ роль въ моей пьесѣ, отвѣчалъ Расинъ, а совсѣмъ не для того, чтобъ слушать ваши разсужденія.

Этотъ отвѣтъ до того смутилъ актера, что онъ замолчалъ, а Расинъ между тѣмъ раздавалъ роли и объяснялъ каждому артисту, какъ играть и выражать характеръ лица. Обращаясь потомъ къ Барону, онъ прибавилъ:

— Вамъ же я не нахожу нужнымъ объяснять вашу роль, потому, что вашъ драматическій талантъ такъ великъ, что создастъ роль лучше, чѣмъ я могу ее изобразить.

Это второе лестное замѣчаніе загладило совершенно строгость перваго и не уменьшило уваженія артиста къ автору и автора къ артисту. Вообще, надобно много ловкости и ума, чтобъ ужиться съ артистами въ мирѣ, и обращаясь съ ними ласково, не допускать до фамильярности, къ которой они чрезвычайно какъ расположены.

Съ 1697 года установлено чтеніе пьесъ во Французской комедіи; оно должно происходить въ присутствіи автора. Послѣ чтенія, авторъ долженъ удалиться изъ залы совѣта, чтобъ рѣшеніе артистовъ было совершенно свободно. Когда же пьеса принята большинствомъ, то авторъ можетъ раздать роли кому хочетъ и никто не смѣетъ отъ нихъ отказаться.

Иногда авторъ, не надѣясь на силу своего голоса, или по другимъ причинамъ, не читаетъ самъ пьесы и даже совсѣмъ не присутствуетъ при чтеніи, тогда особа, занимающая его мѣсто, должна прежде всего объявить его имя, чтобъ комитетъ зналъ, чья пьеса. Безъименныя пьесы не принимаются. Псевдонимы должны тоже быть извѣстны артистамъ, хотя публика остается въ невѣдѣніи, если этого желаетъ авторъ.

Есть еще обычай на парижскихъ театрахъ, теперь почти оставленный, но который имѣлъ много силы въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Это интрига противъ автора или противъ какого-нибудь артиста (чаще артистки). Бурсо, авторъ пьесъ: Esope à la ville и Esope à la cour, зная, что противъ него составляется сильная интрига, чтобъ помѣшать успѣху его пьесъ, до начала спектакля написалъ басню, подъ названіемъ: *Собака и Быкъ*, и роздалъ ее въ партерѣ. Она оканчивалась слѣдующими словами:

A tout d'honnêtes gens qui sont devant vos yeux,
Laissez la liberté d'applaudir ce mélange,
Et ne ressemblez pas à ce dogue envieux,
Qui ne veut pas manger ni souffrir que l'on mange.

Разумѣется, что послѣ этого публика приняла сторону автора, и интрига не смѣла возвысить свой голосъ во все представленіе пьесы, имѣвшей огромный успѣхъ.

Всѣ авторы восемнадцатаго вѣка, трагедіи которыхъ упали, обвиняютъ въ этомъ интригу. И надобно замѣтить, что ее составляли всегда писатели, старавшіеся повредить славѣ и будущности товарищей. Только Кребильонъ пренебрегалъ этими низкими средствами и никто не смѣлъ сказать про него, чтобъ противъ кого-нибудь онъ составилъ интригу, или раздавалъ даромъ билеты, чтобъ поддерживали его трагедіи. Однако, *Идоменея*, *Электра*, *Радомистъ*, и особенно *Катилина* имѣли блистательный успѣхъ. Кребильонъ никогда даже не давалъ билетовъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, а если и случалось кому-нибудь выпросить у него мѣсто въ первое представленіе, онъ обыкновенно прибавлялъ:

— Не думайте, что вы обязаны мнѣ аплодировать; напротивъ, будьте ко мнѣ какъ можно строже, какъ будто вы заплатили за билетъ вдвое.

Интригъ онъ не боялся, потому, что публика умѣла бы защитить своего любимца, и потому даже критика была съ нимъ осторожна, уважая его талантъ и благородный характеръ.

Теперь тоже случается, что какая-нибудь жалкая интрига, заплаченная очень дорого, вздумаетъ идти противъ общественнаго мнѣнія, чтобъ уронить пьесу, заслужившую вниманіе публики (это было недавно при представленіи пьесы Барьера (Les filles de marbre); но точно также, какъ клакеры не могутъ спасти совершенно плохой пьесы своими аплодисментами, такъ и интрига только доказываетъ, что пьеса очень живо изображаетъ какой-нибудь классъ общества, или описываетъ смѣло пороки, которые находятъ себѣ особенныхъ защитниковъ. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ интрига добивается только того, что ее выводятъ изъ театра.

Музыкантъ театральнаго оркестра тоже представляетъ оригинальный типъ, и такъ какъ онъ также необходимъ для каждаго театра, какъ и актеръ, то мы обязаны заняться имъ.

Есть нѣсколько категорій музыкантовъ:

Музыканты, получающіе въ мѣсяцъ отъ 50 до 60 франковъ, всегда имѣютъ еще другое занятіе, которое позволяетъ имъ посвящать вечеръ искусству. Они принадлежатъ большею частію маленькимъ театрамъ, потому, что музыканты большихъ театровъ всегда бываютъ артистами, превосходно играютъ на своихъ инструментахъ и даютъ уроки музыки.

Оркестры Комической Оперы, Италіянской и Музыкальной Академіи составлены изъ истинныхъ музыкантовъ. Когда проходитъ съ музыкою второй легіонъ національной гвардіи, всѣ сбѣгаются слушать чудные марши, играемые первыми музыкантами этихъ оркестровъ.

Такъ какъ для акомпанированія водевильныхъ куплетовъ не надобно большаго искусства и вниманія, то музыканты этихъ театровъ играютъ не только машинально, но, кажется, иногда какъ будто во снѣ. Они не слушаютъ пьесы, которую уже знаютъ, и потому, чтобъ совсѣмъ не заснуть, читаютъ романы Поль-де-Кока, въ ожиданіи куплета угнетенной невинности. Вотъ отчего иногда случается, что кларнетъ не можетъ отъ хохота держать во рту свой инструментъ, когда героиня плачетъ о разлукѣ съ милымъ и умираетъ на голосъ марша изъ Сороки Воровки. Не мудрено; онъ передъ этимъ только читалъ *Сосѣда Ремонъ*, или *Бельвильскую дѣвственницу*, Поль-де-Кока. Если дирижеръ оркестра вздумаетъ когда-нибудь осмотрѣть пюпитры своихъ музыкантовъ, то вѣрно на каждомъ найдетъ романъ Поль-де-Кока. Когда-нибудь всѣ эти артисты, въ благодарность за ежедневное развлеченіе, дадутъ громадную серенаду этому народному писателю, имѣющему даръ смѣшить посреди раздирательныхъ мелодрамъ.

Однако, не всѣ музыканты занимаются дреманіемъ или чтеніемъ. Есть изъ нихъ и такіе, которые работаютъ глазами и наблюдаютъ то за ножками субретки, то за ручками героини, то даже за таліей актрисы на амплуа старухъ. Иногда случается, что музыкантъ успѣетъ взорами выразить свою любовь и инструментомъ тронетъ сердце артистки. Тогда всѣ товарищи радуются его побѣдѣ и поздравляютъ его, не думая завидовать.

Чаще же всего, взгляды и вздохи не замѣчаются актрисами, которыя не очень жалуютъ музыкантовъ и смотрятъ всегда дальше оркестра.

Въ самомъ дѣлѣ, музыкантъ не банкиръ, не нажившійся торговецъ и потому не можетъ привлечь актрису богатствомъ; чтобы тронуть ея сердце надобно быть поэтическимъ юношей, блѣднымъ, чахлымъ, разочарованнымъ, а не уродовать себѣ лице, надувая духовой инструментъ, не коверкать фигуры, играя на скрипкѣ или контръ-басѣ. Таковъ нынче вкусъ у актрисъ. Прежде прельщали ихъ въ шелковыхъ кафтанахъ, въ кружевахъ; теперь, чтобъ понравиться, имъ надобно имѣть непромокаемое пальто, сигару во рту и шляпу на головѣ. Современные поэты называютъ эту любовь фантастической.

Прежнія Клеронъ, Конта, Сале тоже влюблялись, только если не въ знатность и богатство, то ужъ навѣрное въ красоту. Теперь же, когда

нѣтъ наружнаго различія въ классахъ общества, всѣ воображаютъ, что даже вѣжливость сдѣлалась лишнею, и потому не ищите ее ни за кулисами, ни въ обществахъ.

Стало быть, музыканты, люди вообще положительные и достойные уваженія, имѣютъ мало шансовъ къ побѣдѣ, когда вмѣстѣ съ сердцемъ предлагаютъ руку.

Фигуры музыкантовъ оркестра чрезвычайно разнообразны, смотря по инструментамъ, на которыхъ они играютъ.

Контрбасъ отчего-то всегда напоминаетъ дровосѣка; рогъ—отставнаго вѣтряника, кларнетъ—утку, проглотившую цѣлую картофелину, флейта похожа на разсерженнаго соловья; играющій на треугольникѣ всегда важенъ какъ геометръ; скрипка—это телеграфъ, передающій самую важную депешу. Что же касается до тромбона, этого страннаго инструмента, то растягивающагося, то сжимающагося, то музыкантъ кажется претерпѣваетъ такое мученіе, какъ будто бы онъ поминутно глотаетъ тромбонъ и потомъ опять вытаскиваетъ его изъ горла.

Однако музыканты приносятъ пользу бѣднымъ авторамъ, особенно если справедливы слова Бомарше: о чемъ не стоитъ говорить, то поютъ. Часто куплеты спасаютъ пьесу, а такъ какъ куплеты не могутъ быть безъ музыки, хотя ихъ часто не поютъ, а декламируютъ, то музыка спасаетъ и куплеты и авторовъ.

Есть еще классъ людей, живущихъ театромъ и безъ которыхъ никто не можетъ попасть на свое мѣсто. Это женщины, отворяющія ложи (ouvreuse). Случается, что подобная женщина была первою актрисою на какомъ-нибудь провинціальномъ театрѣ; но несчастія и зависть лишили ее всего, время унесло съ собою передніе зубы, волосы, которые теперь надобно покрывать парикомъ, и эта непонятая артистка является въ дирекцію какого-нибудь театра просить мѣста капельдинерши. Если она не совсѣмъ дряхла, не совсѣмъ страшна, если одѣта прилично и не страдаетъ ни кашлемъ, ни другими шумными болѣзнями, если говоритъ довольно понятно, то принимается въ это важное званіе, которое приноситъ очень мало дохода, но за то очень много непріятностей.

Зимой капельдинерша достаетъ такъ мало, что съ трудомъ можетъ быть сыта. Лѣтомъ же и тѣ доходы прекращаются почти совершенно.

Бываютъ блистательныя представленія, собирающія разъ двадцать многочисленную публику, и въ нихъ-то капельдинершѣ перепадаетъ нѣсколько лишнихъ монетъ, но бо́льшею частію она теряетъ почти да-

ромъ лучшіе вечера своей жизни, бѣгая и хлопоча безъ устали за пятнадцать или двадцать су.

Должность ея состоитъ въ томъ, чтобъ предлагать скамеечку подъ ноги, настаивать, чтобъ ее взяли, предлагать афишу, навязать ее силою, если не хотятъ взять, брать на сохраненіе плащи, шляпы, зонтики, настаивать, если посѣтители не хотятъ раздѣваться и за все это ждать награжденія. Случается, что послѣ всѣхъ этихъ услугъ, надобно еще настаивать, чтобъ выпросить какую-нибудь плату, и все-таки есть франты, которые платятъ только словами: извините, сударыня, у меня нѣтъ мелкихъ; въ будущій разъ я заплачу вамъ вдвое.

Разумѣется, что этого будущаго раза не бываетъ никогда. Вообще замѣчено, что люди, посѣщающіе театръ даромъ, не хотятъ даже платить двухъ су за сохраненіе плаща. Другіе простираютъ экономію еще дальше: чтобъ не дать двухъ су капельдинершѣ за сохраненіе зонтика, они нанимаютъ въ дурную погоду карету, платя за нее 25 су.

У многихъ капельдинершъ есть дочери, занимающія какое-нибудь амплуа на этомъ же театрѣ, и въ такомъ случаѣ нѣжная маменька не пропуститъ ни одного изъ посѣтителей своихъ ложъ, чтобъ не сказать имъ, что дочь ея играетъ такую-то роль, въ которой она, разумѣется, превосходна.

На большихъ театрахъ капельдинерша бываетъ иногда молода и не дурна. Она не носитъ передника, не нюхаетъ табаку, но одѣвается какъ гризетка и объясняется изысканными выраженіями. Это отъ того, что на большихъ театрахъ никто не унизится, чтобъ дать два су; но настоящій типъ капельдинерши все-таки на бульварныхъ театрахъ, гдѣ торгуются даже за два су.

Замѣчательно тоже лицо продавца газетъ. Онъ также когда-то былъ артистомъ, можетъ быть баритономъ и теперь остатками своего голоса выкрикиваетъ названіе журналовъ, высчитываетъ, что въ нихъ напечатано, какъ идетъ политика, что дѣлаютъ на биржѣ, что случилось на желѣзной дорогѣ, что продается, что покупаютъ.

Этотъ скромно-одѣтый человѣкъ предлагаетъ также старыя собранія пьесъ, изъ которыхъ молодые писатели дѣлаютъ новыя; потомъ эти же новыя пьесы покупаются стариками, которые передѣлываютъ ихъ снова на старинный ладъ и публика смотритъ все, что бы ей ни предлагали и забавляется отъ души всѣми этими обманами, не приносящими никому вреда. Напротивъ, дирекція очень рада, что заманила зрителей хоть новымъ названіемъ, и ей нѣтъ никакого дѣла, если многіе догадаются, что новая пьеса, просто, старое кушанье, разогрѣтое уже нѣсколько разъ и которое никогда не переваривается въ желудкѣ.

Возлѣ баритона, продавца газетъ, слышится всегда теноръ мальчика изъ кафе, предлагающаго оржадъ, лимонадъ, мороженое. Если первый можетъ назваться политикою театральной залы, то второй, по справедливости, ея фельетонъ.

Привратникъ театра играетъ тоже важную роль въ театрѣ. Его обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ никого не пускать за кулисы; но самъ онъ можетъ всегда дойти до уборной и передать записку или посылку какой угодно мамзель Адель или Сесиль. Иногда въ этой маленькой атласной записочкѣ заключается карета, запряженная чудными лошадьми, загородный домъ или великолѣпный ужинъ.

Разумѣется, что за эти коммиссіи платятъ очень щедро, потому что влюбленные всегда великодушны.

Привратникъ всегда вѣжливъ съ тѣми, которые начинаютъ разговаривать, всунувъ ему въ руку монету, и грубъ съ желающими узнать что-нибудь даромъ. Доходы его очень порядочные и онъ дѣлаетъ большой вредъ почтѣ, потому что, какъ настоящій Меркурій, поминутно передаетъ записочки. Онъ знаетъ какъ-нельзя-лучше всѣхъ артистовъ обоего пола, всѣ ихъ привычки, характеры, и до того привыкъ къ нимъ, что говоритъ имъ *ты* и *дѣти мои*. Впрочемъ, это неудивительно, потому что въ театрѣ царствуетъ фамильярность въ высшей степени. Всѣ артисты, режиссеры, авторы въ тѣсной дружбѣ, и никогда не говорятъ другъ другу *вы*.

Привратникъ дѣлаетъ также большой вредъ сосѣднимъ ресторанамъ, потому что приготовляетъ у себя разныя кушанья и напитки и кормитъ за извѣстную цѣну не только фигурантовъ, но и порядочныхъ молодыхъ людей, ожидающихъ отвѣта на свои посланія.

Стало быть, должность эта выгодна во всѣхъ отношеніяхъ, и умный человѣкъ можетъ въ короткое время составить себѣ маленькое состояніе. Надобно еще замѣтить, что жена привратника всегда отставная актриса съ какого-нибудь театра и что комната ихъ наполнена всегда толпою ребятишекъ разнаго возраста, приготовляющихся непремѣнно на первыя роли.

—

IV. АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Госпиталь въ Балаклавѣ *(разсказъ англичанина)*. Въ Daily News напечатано очень любопытное описаніе корреспондента этой газеты о пребываніи его въ Балаклавѣ. Сперва онъ проводилъ время въ лагерѣ, въ палаткахъ знакомыхъ ему офицеровъ, и даже ходилъ съ ними въ

траншейные караулы; но когда настала зима, а съ нею и голодъ, то онъ рѣшился переселиться въ Балаклаву, куда пригласили его два англійскіе коммисаріатскіе чиновника.

Здѣсь заняли они пустой домъ, котораго хозяинъ былъ изгнанъ за преданность свою къ русскимъ. Правда, что зуавы совершенно опустошили и ограбили этотъ домъ; но, какъ стѣны, потолокъ и полы остались цѣлы, то и можно было помѣститься.

Корреспондентъ съ большимъ юморомъ описываетъ бюрократическіе продѣлки двухъ коммисаріатскихъ чиновниковъ, которые, живя въ полномъ изобиліи и набивая себѣ карманы, очень равнодушно выслушивали ежедневныя извѣстія, что соотечественники ихъ сотнями умираютъ отъ голода и холода.

«Можно вообразить себѣ, продолжаетъ корреспондентъ, что образъ жизни нашей былъ скученъ и однообразенъ. Только по временамъ, слухъ о предстоящемъ штурмѣ, а съ другой стороны, о приближеніи Липранди нѣсколько разнообразили наши разговоры.

«Впрочемъ, оказалось вскорѣ и другое непріятное развлеченіе. Мои товарищи захворали: одинъ лихорадкою, другой желтухою, а я поносомъ. Мы принуждены были всѣ сидѣть дома, изрѣдка пользуясь посѣщеніемъ врача.

«Я позабылъ вамъ сказать, что мы заняли только половину дома, а другая оставалась пустою. Вдругъ однажды услышали мы шумъ и говоръ въ пустой половинѣ. Мы послали узнать, кого намъ судьба послала въ сосѣди. Увы! это были турки, которые таскали туда кровати. Слѣдственно, они намѣрены были надолго тутъ поселиться.

«Мы еще не знали всего ужаса нашего положенія и сосѣдства! На другое утро, выглянувъ въ надворное окно, увидѣли мы три мертвыя тѣла, лежавшія посреди двора. Ихъ только что раздѣли и обмывали. Вскорѣ за нимъ пришли носильщики, взвалили ихъ на носилки и унесли.

«Когда трупы скрылись, то турецкій караульный офицеръ подошелъ къ снятымъ платьямъ и обшарилъ ихъ сверху до низу, чтобъ посмотрѣть, нѣтъ ли въ нихъ зашитыхъ денегъ. Не найдя ни одного піастра, онъ бросилъ одежду въ уголъ, а самъ ушелъ въ домъ.

«И такъ, это былъ турецкій госпиталь. Но прошу европейскихъ моихъ читателей не полагать, что слово госпиталь имѣетъ здѣсь какое-нибудь значеніе, похожее на европейское заведеніе въ этомъ родѣ. Всякаго турку, какъ скоро онъ уже между товарищами не можетъ болѣе лежать, относятъ въ госпиталь, чтобъ онъ *спокойнѣе умеръ*. Но ни врача, ни лекарствъ не бываетъ, и никто, даже самъ больной, не думаетъ о леченьи. При всякомъ госпиталѣ есть конечно *гакимъ-баши*

(врачь), но онъ обязанъ только принять больнаго, положить на кровать, и когда тотъ умретъ, то велѣть вынести его, обмыть и отправить на носилкахъ на кладбище. Турецкій госпиталь тоже, что адъ Данте. *Входящій* долженъ уже оставить всякую надежду.

«Съ этого дня мы всякій день принуждены были присутствовать при зрѣлищѣ обмыванья труповъ, которыхъ число безпрестанно возрастало. А какъ я въ это время поправился, то зашелъ и въ госпиталь. Всѣ комнаты были завалены умирающими.

«Всего ужаснѣе поразили меня нечистота и зловоніе, какъ самыхъ комнатъ, такъ кроватей, постелей и больныхъ. Я сдѣлалъ гакимъ-баши нѣкоторое замѣчаніе, но онъ съ философскимъ равнодушіемъ сказалъ, что этихъ людей присылаютъ сюда только для того, чтобъ умереть и что для нихъ все равно, въ чистотѣ или зловоніи окончатъ они жизнь.

«Что было отвѣчать? я замолчалъ и побрелъ въ гавань, поискать себѣ корабля, возвращающагося въ Англію. Около меня были уже не люди, а тѣни. Всѣ мои знакомые умерли отъ голода или отъ холода. Я было пріѣхалъ, чтобъ доставить въ свою газету описаніе побѣдъ и тріумфовъ, а уже нѣсколько мѣсяцевъ видѣлъ вокругъ себя одни пораженія, неслыханныя бѣдствія, голодъ, нищету и ужасную смерть во всѣхъ видахъ.»

Частное право у китайцевъ. Нѣкто Рейнеръ де Клеркъ (голландецъ), во вновь изданной имъ книгѣ: Bydragen tot de kennis van de wetten en instellingen der Chinezen in Nederlandsche Indie (Дополненіе къ изученію законовъ и учрежденій китайцевъ въ Нидерландской Индіи), изложилъ самымъ подробнымъ и положительнымъ образомъ весь кодексъ частнаго права китайцевъ. Оно чрезвычайно любопытно. Постараемся извлечь самую сущность.

Законныя отношенія обоихъ половъ. Старшій членъ семейства мужскаго рода считается главою. Послѣ него идетъ второй сынъ и т. д. Незамужнія особы женскаго пола состоятъ, не смотря на лѣта, подъ властію отца; замужнія подъ властію мужа.

Надъ вдовами назначается опекуномъ совершеннолѣтній сынъ; за неимѣніемъ же его старшій мужескій наслѣдникъ умершаго мужа.

Вдова не получаетъ никакого наслѣдства, развѣ съ согласія старшаго мужскаго наслѣдника. Кровные родственники умершаго мужа могутъ усыновить одного, или нѣсколько сыновей, которые и получаютъ наслѣдство.

Замужняя жена не имѣетъ права дѣлать никакихъ распоряженій по имѣнію и производить торговлю.

Права рожденія. Законными почитаются дѣти замужней жены. Старшій сынъ, перваго или втораго брака—все равно, считается главою надъ прочими.

Если ни отъ перваго, ни отъ втораго брака нѣтъ дѣтей мужескаго пола, то дѣти наложницъ, начиная съ первороднаго, вступаютъ въ права законныхъ.

По смерти отца, рожденное дитя считается законнымъ, если мать разрѣшилась отъ бремени до истеченія десяти мѣсяцевъ со дня кончины мужа.

Незаконнорожденныя дѣти считаются низшими противъ законныхъ, но, за неимѣніемъ послѣднихъ, дѣлаются главами семействъ, а если и есть законные, то незаконнорожденные получаютъ однако же часть наслѣдства, хотя и мéньшую.

Совершеннолѣтніе и несовершеннолѣтніе. Шестнадцатилѣтній мужчина почитается совершеннолѣтнимъ; но женскій полъ всегда находится подъ опекою.

Дряхлымъ, то-есть неспособнымъ управлять имѣніемъ, почитается тотъ, чей умъ ослабъ отъ старости. Въ этомъ случаѣ придается ему помощникомъ старшій сынъ или другой ближайшій родственникъ.

Несовершеннолѣтними считаются юноши до шестнадцатилѣтняго возраста, и тѣ, которые по увѣчью, врожденному или случайному, не въ состояніи печься о себѣ и о своемъ семействѣ.

Власть старшихъ. Дѣти находятся подъ властію отца, покуда онъ живъ. По смерти отца, званіе главы семейства переходитъ къ старшему сыну, если онъ совершеннолѣтній.

Отецъ можетъ самопроизвольно распоряжаться имуществомъ дѣтей. Если сыновья женаты, то они остаются съ женами въ дому отца, и все, что они пріобрѣтаютъ торговлею или службою, принадлежитъ отцу или семейству, служа для его содержанія.

Женитьба и замужство. Юноша можетъ уже жениться шестнадцати лѣтъ, если онъ впрочемъ довольно развился тѣлесно. Однакоже, обыкновенно оба пола ожидаютъ для брака двадцатаго года.

Бракъ долженъ происходить съ воли и согласія отца, который самъ выбираетъ своему сыну невѣсту, или дочери жениха, и выборъ его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отвергнутъ.

Если за невѣстою есть приданое (это весьма рѣдко бываетъ), то оно состоитъ въ землѣ, доходы съ которой присоединяются мужемъ къ

общему имуществу. Если жена умретъ, прежде или послѣ мужа, то имѣніе ея возвращается въ прежнее семейство.

По смерти мужа, вдова не иначе можетъ вступить во второй бракъ, какъ съ согласія старшаго члена семейства.

Мужу, напротивъ того, можно и при жизни жены взять еще себѣ нѣсколько женъ. Впрочемъ, образованные люди не одобряютъ этого обычая, который законами только *терпимъ*. Однако же, мужъ не можетъ брать другихъ женъ изъ того же семейства и даже селенія.

Вдова рѣдко выходитъ вторично замужъ, потому что это считается для нея стыдомъ. Если же и выходитъ, то все ея имущество остается въ пользу дѣтей перваго ея мужа, или пріемышей, или ближайшихъ кровныхъ родственниковъ, такъ что она получаетъ только свое платье.

Если умершій оставляетъ по себѣ долги, то вдова его, дѣти, внуки должны ихъ выплатить по мѣрѣ возможности. Родственники второй степени, какъ-то: двоюродные братья, сестры и проч. не отвѣчаютъ за долги.

Разводъ. Въ древнія времена китайской имперіи, мужъ могъ отвергнуть свою жену, когда ему было угодно. Этимъ въ особенности пользовались лица высшихъ сословій. Несчастная жена не могла тогда выйти уже вторично за мужъ, а мужу дозволялось это. Но уже около *2000* лѣтъ не было въ Китаѣ ни одного примѣра развода, развѣ только за нарушеніе супружеской вѣрности со стороны женщинъ, что впрочемъ тоже чрезвычайно рѣдко бываетъ. Въ случаѣ нарушенія вѣрности, жена лишается всего имущества и изгоняется изъ дому безъ всего. Никто не смѣетъ жениться на ней, кромѣ мужа, который ее прогналъ. Впрочемъ, если онъ при первомъ удостовѣреніи о невѣрности жены не объявилъ объ этомъ, а вздумаетъ потомъ искать развода, то ему отказываютъ.

Жена не можетъ жаловаться на мужа и требовать развода.

Опека. Отецъ — опекунъ всего своего семейства, кромѣ замужней дочери, которая принадлежитъ уже семейству мужа. По смерти отца, право его переходитъ къ старшему сыну, потомъ ко второму и т. д.

Если имѣніе раздѣлено между братьями, то каждый живетъ своимъ домомъ, и отношенія зависимости теряются между ними. Но семейство старшаго брата всегда въ бо́льшемъ почетѣ, и въ важныхъ дѣлахъ всегда требуется совѣтъ старшаго.

Если осиротѣлыя дѣти еще малолѣтны, то наслѣдство ихъ поступаетъ въ руки брата ихъ отца или матери, или ближайшаго родственника, который управляетъ имъ и сберегаетъ его.

Хотя (какъ сказано выше) мать не имѣетъ участія въ опекѣ, но кураторы обязаны спрашивать ея совѣта, оказывать ей все уваженіе и, по мѣрѣ силъ, содержать ее.

Правительство не назначаетъ никакихъ кураторовъ. Если китаецъ изъ какой-либо отдаленной провинціи умираетъ въ Кантонѣ, или другомъ мѣстѣ, то одинъ изъ знакомыхъ можетъ собрать его имущество, заплатить долги и передать остальное семейству его. Но все это дѣлается безъ участія правительства.

Право наслѣдства. При завѣщаніяхъ никогда не участвуетъ ни какое правительственное лицо. Если завѣщатель хочетъ оставить письменную духовную, то онъ призываетъ писаря и диктуетъ ему свою волю, въ присутствіи одного изъ старшихъ въ своемъ семействѣ. Потомъ она подписывается всѣми членами семейства и писаремъ, въ видѣ свидѣтеля. Всѣ подписавшіе получаютъ копіи съ духовной. Впрочемъ, завѣщанія пишутся только въ рѣдкихъ случаяхъ и въ важныхъ домахъ. При этомъ всегда наблюдается, чтобъ распоряженія какъ можно менѣе уклонялись отъ предписанныхъ законами, иначе старшіе въ семействѣ протестуютъ.

При раздѣлѣ имѣнія вдова столько же получаетъ, какъ и старшій сынъ. Сынъ старшаго сына получаетъ одинаковую часть съ прочими законными сыновьями. Незаконнорожденные сыновья получаютъ меньшія части противъ законныхъ.

Законныя и незаконныя дочери получаютъ только платья и вещи.

Такимъ образомъ, для раздѣла, напримѣръ 1,000 руб. сер. между вдовою, тремя законными сыновьями, сыномъ старшаго сына и двумя незаконнорожденными сыновьями, распредѣленіе производится слѣдующимъ образомъ:

Вдовѣ	200	руб.
Старшему сыну (все равно, если онъ и пріемышъ)	200	»
Его старшему сыну (или пріемышу)	150	»
Остальнымъ двумъ братьямъ по 150 . . .	300	»
Двумъ незаконнорожденнымъ по 75	150	»
	1,000	»

Если вдова вторично выйдетъ замужъ, то должна отдать назадъ выдѣленную ей часть.

Если нѣтъ ни нисходящаго, ни восходящаго потомства, то братья умершаго наслѣдуютъ въ равныхъ доляхъ. За неимѣніемъ братьевъ, наслѣдуютъ племянники и т. д. мужскаго поколѣнія.

Сестры—ни замужнія, ни дѣвицы—не наслѣдуютъ ничего отъ брать-

евъ, кромѣ бездѣлокъ, платьевъ и вещей. Все прочее переходитъ мужеской линіи.

Лишеній наслѣдства никогда не бываетъ, или чрезвычайно рѣдко. Отецъ-завѣщатель можетъ однакоже уменьшить часть, слѣдующую какому-либо сыну, но онъ долженъ объявить о своихъ причинахъ всей фамиліи. Передачи имѣнія постороннему лицу не бываетъ: имѣніе должно остаться въ семействѣ.

Если нѣтъ ни сыновей, ни внуковъ, то усыновляютъ одного или нѣсколькихъ дѣтей. Если этого не было по причинѣ внезапной смерти, то братъ умершаго, или старшій въ семействѣ исполняетъ это, и тогда пріемыши получаютъ наслѣдство.

Усыновленіе. Оно совершается по предварительному объявленію о томъ всему семейству, которое однако же не можетъ воспротивиться этому. Между усыновленнымъ и отцемъ семейства заключается контрактъ.

Если усыновляющій будетъ потомъ имѣть одного, или нѣсколько собственныхъ законныхъ дѣтей, то усыновленный пользуется однакоже всѣми правами старшаго его сына.

Усыновленный не получаетъ уже никакого наслѣдства отъ прежнихъ своихъ родственниковъ.

Усыновленный не можетъ уже быть лишенъ этого званія, развѣ какъ за тяжкое преступленіе.

Дочерей также усыновляютъ, но они не пользуются никакими правами, а выдаютъ ихъ только замужъ.

Къ этому извлеченію изъ гражданскихъ законовъ Китая надобно присовокупить весьма важное обстоятельство. Судебныя мѣста и лица въ Китаѣ никогда не судятъ (или чрезвычайно рѣдко) спорныхъ случаевъ по частному и гражданскому праву, а одни уголовныя преступленія. Законы по имуществу, раздѣламъ, браку, усыновленію, наслѣдству и проч. до такой степени строго всѣми исполняются, что въ судъ никогда не поступаетъ подобныхъ дѣлъ, и потому нѣтъ печатнаго кодекса частнаго и гражданскаго права. Его всѣ знаютъ наизусть и исполняютъ.

(M. f. d. L. d. A).

—

Предстоящее извержение Везувія. Изъ Неаполя пишутъ въ Athenaeum, что тамъ ожидаютъ новаго изверженія Везувія. Его предсказываютъ уже цѣлый годъ, и оно все еще не произошло, хотя неминуемо: на вершинѣ горы образовалось новое жерло, изъ котораго извергается много дыма. Близъ Punta del Palo (одна изъ трехъ скалистыхъ вершинъ съ сѣверной стороны) составился другой кратеръ, во сто метровъ

ширины и неизмѣримой глубины. Базальтовые слои боковъ дали большія трещины. Нѣтъ сомнѣнія, что гора у Punta del Palo скоро провалится. Для геологовъ теперешнее положеніе Везувія весьма поучительно, потому что всѣ слои, отъ подошвы до вершины, обнажены для наблюденій.

Прежнія тропинки, по которымъ всходили путешественники, теперь опасны, и никакой проводникъ не берется вести на гору, говоря, что обвалъ всякую минуту можетъ случиться.

Если Punta del Palo провалится, то весь Везувій будетъ имѣть другой видъ. (Erheiter.)

—

Цѣны картинъ въ древности. Живописецъ Булархъ, жившій четыреста семь лѣтъ послѣ троянской войны, получилъ за свою картину, представлявшую сраженіе, столько же золота, сколько она вѣсила.

Плиній говоритъ, что за картины Апеллеса, Эхіона, Меланхтія и Никомаха платили въ его время огромныя суммы.

Агриппа заплатилъ за Аякса и Венеру 10,000 сестерцій (до 500 руб. сер.); Атиллъ купилъ картину Аристидеса за 600,000 сестерцій (30,000 руб. сер.), а другую за сто талантовъ (40,000 руб.)

Живописцу Никіасу предлагали за картину его *Некромантія* (представляющую разговоръ Улисса въ царствѣ мертвыхъ съ слѣпцомъ Тирезіасомъ) *60* талантовъ, но онъ не принялъ ихъ, а подарилъ картину своему родному городу—Аѳинамъ.

Мнасонъ, тиранъ Элатеи, заплатилъ живописцу Асклепіадору *300* минъ (6,600 руб.) за картину двѣнадцати боговъ. Ту же сумму заплатилъ онъ другому живописцу, Теомнесту, за картину двѣнадцати героевъ.

Лукуллъ заплатилъ два таланта за копію съ картины Павсія, изображающей Гликерію.

Картина Ойдіаса (Аргонавта), заплачена Гортенсіемъ 144,000 сестерцій (7,000 руб.).

Наконецъ, болѣе всѣхъ заплатилъ Юлій Цесарь, за двѣ картины, Тимомаха (Аяксъ и Медея), а именно *80* талантовъ. (Novell. Zeit.)

—

V. ПУТЕШЕСТВІЯ и ОЧЕРКИ НРАВОВЪ.

Шпицбергенъ. (*Изъ записокъ Леоніи Біаръ, урожденной д'Оне, жены извѣстнаго живописца*). За Сибирью и за Новою Землею лежитъ еще далѣе къ сѣверу островъ Шпицбергенъ, между 77° и 81°

сѣв. широты. Это ближайшій къ полюсу островъ въ сѣверномъ полушаріи.

О климатѣ Шпицбергена довольно сказать, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ замерзаетъ ртуть, а водку надобно разрубать топоромъ. Холодъ бываетъ отъ 45° до 50°.

Островъ имѣетъ около шестидесяти нѣмецкихъ миль (420 верстъ) въ длину и до тридцати пяти ширины (265 верстъ). Видъ его похожъ на большой латинскій N, съ сильными зазубринами. Какъ съ сѣвера, такъ и съ юга врѣзались въ островъ большіе заливы, которые еще не были достаточнымъ образомъ изслѣдованы, чтобъ опредѣлительно утвердить сплошной составъ острова. Многіе моряки думаютъ, что весь Шпицбергенъ состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ острововъ, соединенныхъ между собою вѣчнымъ льдомъ, но это тоже не доказано. Многія голландскія и англійскія экспедиціи, зимовавшія здѣсь, старались изслѣдовать этотъ вопросъ, но труды ихъ были напрасны.

Мы бросили якорь на западной сторонѣ острова, въ бухтѣ Св. Магдалины, находящейся насупротивъ неизслѣдованнаго еще берега Гренландіи. Эта бухта составляетъ послѣднее якорное мѣсто на островѣ. Оно лежитъ подъ 80° сѣв. шир. и только въ 250 часахъ отъ сѣвернаго полюса, то-есть какъ Парижъ отъ Марсели. Послѣдняя скала острова, выдавшаяся къ полюсу, называется Гакбуитскимъ мысомъ и находится въ 15 часахъ отъ бухты Св. Магдалины.

Эта бухта со всѣхъ сторонъ окружена гранитными горами, отъ 1500 до 1800 футовъ вышины. Большіе *Глечеры* (ледяныя горы), годъ отъ году возрастающіе въ вышину, наполняютъ узкія долины между горъ. Это ежегодное возрастаніе глечеровъ неизбѣжно: короткое лѣто, или, лучше сказать, *одинъ день*, продолжающійся три мѣсяца, не въ состояніи растопить зимнихъ льдовъ, какъ уже настаетъ новая девяти-мѣсячная зима и наростаетъ новый слой льду. Можно было бы даже изчислить, во сколько времени высота этихъ глечеровъ сравнится съ гранитными горами.

Эти глечеры не выпуклы, какъ Альпійскіе, а вогнуты, потому, что ледъ близъ камней прежде всего таетъ.

Мы пристали къ острову 31 іюля, и въ этотъ день шелъ такой сильный дождь, что я не могла сойти на берегъ. Но на другое утро я поспѣшила туда. Вездѣ снѣгъ и ледъ! Тогда начинался безконечный полярный день и солнце уже не заходило за горизонтъ.

Покуда я спала (тоже не ночью, а днемъ), сдѣлалась оттепель, и видъ бухты измѣнился, какъ отъ мановенія волшебнаго жезла. Послѣ совершенной, мертвой тишины, вдругъ настало оглушительное движеніе.

Сотни плавающихъ ледяныхъ обломковъ окружали нашъ корветъ и покрывали все видимое пространство моря.

Ледъ полярныхъ странъ никогда не покрывается пылью и совершенно блестящъ, какъ алмазъ. Я изумлялась безпрестанному разнообразію формъ въ ледяныхъ массахъ. Ударъ волны вдругъ перевертывалъ глыбу и верхняя часть становилась нижнею, а нижняя верхнею. Сперва видите вы цѣлый волшебный городъ; вдругъ онъ исчезаетъ и превращается въ гладкую ледяную поверхность. Около насъ носились архитектурныя зданія всѣхъ стилей и временъ: колонны, башни, минареты, арки, пирамиды, бойницы. Все качалось, кружилось, блистало и мгновенно исчезало. Этого зрѣлища нельзя описать: его надобно видѣть.

Какъ великолѣпенъ былъ видъ моря, такъ унылъ и печаленъ видъ земли. Куда ни оглянись, вездѣ кости тюленей и морскихъ коровъ, брошенныя норвежскими и русскими моряками, пріѣзжающими сюда на этотъ ловъ. Съ перваго взгляда кости эти кажутся скелетами баснословныхъ гигантовъ, населявшихъ погибшій городъ. Въ особенности кости тюленьихъ ластъ весьма похожи на человѣческія руки.

Здѣсь есть христіанское кладбище. Извѣстно въ исторіи путешествія о многолѣтнемъ пребываніи здѣсь русскихъ рыболововъ, изъ которыхъ нѣкоторые погребены здѣсь. Много и другихъ жертвъ оставили здѣсь свои остатки, которыхъ твердость почвы не позволяетъ глубоко зарывать. Всегда потомъ оказывается, что бѣлые медвѣди выроютъ ихъ и растерзаютъ.

Я насчитала пятьдесятъ двѣ могилы на этомъ кладбищѣ. Признаюсь, видъ этихъ гробовъ возбудилъ во мнѣ ужасную мысль, что можетъ быть и я буду здѣсь погребена...

Когда я возвратилась на корабль, то нашла, что на картѣ не обозначено мѣсто кладбища. Капитанъ тотчасъ же выставилъ его и назвалъ *Долиною мертвыхъ*.

Мысль ли о смерти, или климатъ Шпицбергена дѣйствовалъ надо мною, но я чувствовала себя день ото дня слабѣе. Капитанъ уступилъ мнѣ свою каюту, обилъ полъ шкурами ланей, задѣлалъ всѣ скважины и далъ мнѣ постель, набитую гагачьимъ пухомъ. Правда, что вся каюта составляла пространство, только мнѣ одной поворотиться. Но, не смотря на всѣ согрѣвательныя мѣры, я часто по ночамъ должна была вставать съ постели, чтобъ, бѣгая по каютѣ, согрѣться. Само собою разумѣется, что кто ѣдетъ въ Шпицбергенъ, тотъ никогда не раздѣвается.

Странное дѣло, но я почти лишилась сна, и отъ чего же?—оттого, что не было ночи! Вѣчное солнце мучило меня своимъ блескомъ, и я все какъ будто ждала, чтобъ оно зашло.

Я безъ смѣха не могла даже взглянуть на свою одежду. Я носила толстыя мужскія панталоны, матросскую рубашку толстаго синяго сукна, толстый галстухъ изъ красной шерсти, чернокожаный кушакъ, высокіе сапоги, подбитые войлокомъ и матросскую шапку изъ вязаной шерсти. Не знаю, на что я была похожа, только конечно не на женщину. Кромѣ того я, разумѣется, вся была съ головы до ногъ во фланели. Когда я выходила на палубу, то надѣвала вахтенную шубу и мѣховую шапку, превращаясь въ совершенный мѣшокъ. Волосы мои, обстриженныя на дорогу, теперь перепутались, и я уже не трудилась ихъ расчесывать: я уже заботилась объ одномъ, чтобъ не замерзнуть.

Когда была не снѣжная погода, то мы катались съ горъ на русскій манеръ. Сперва взлѣзали мы на глечеры футовъ въ триста (это было легко, по причинѣ крѣпкаго снѣга), потомъ садились на скатъ горы съ другой стороны и, управляя руками, летѣли внизъ. Такимъ образомъ, въ двѣ три минуты пролетали мы высоту, на которую два-три часа всходили. Это движеніе было пріятно и полезно, потому что разогрѣвало насъ. Я была самая неискусная наѣздница, и часто, потерявъ равновѣсіе, кубаремъ скатывалась внизъ, но никакой бѣды не могло тутъ случиться, развѣ что немного снѣгу попадетъ за шею.

Я выше говорила о красотѣ здѣшняго льда; но о снѣгѣ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ бѣлъ. Иногда бываетъ онъ свѣтло-зеленый, иногда блѣдно-розовый. Большія пространства покрываются иногда этимъ особеннаго рода снѣгомъ. Онъ происходитъ отъ выростающихъ на снѣгу грибковъ, едва замѣтныхъ простому глазу. И вотъ единственная и поразительнѣйшая растительность Шпицбергена!

Впрочемъ, осматривая долины, можно въ лѣтніе мѣсяцы найти иногда, подъ защитою каменныхъ скалъ, нагрѣваемыхъ солнцемъ, нѣкоторые бѣдныя, блѣдныя растенія: рапункулы, баданы и бѣлый макъ. На скалахъ растетъ толстый мохъ въ видѣ высохшаго гриба. Я успѣла однакоже переложить всѣ листки моего журнала здѣшними цвѣтками и растеніями.

Говорятъ, что на Шпицбергенѣ много бѣлыхъ медвѣдей и ланей. Можетъ быть. Но мы ни тѣхъ, ни другихъ не видали. Случайно ли это было, или они на лѣто уходятъ еще сѣвернѣе,—не знаю. За то мы много здѣсь видѣли тюленей, а далѣе въ морѣ и морскихъ коровъ; морскихъ птицъ тоже довольно было. Но что въ нихъ? Ни пѣнья, ни красивыхъ перьевъ, ни пищи.

Наши охотники убили нѣсколько голубыхъ лисицъ. Но онѣ далеко уступаютъ сибирскимъ и исландскимъ, которыхъ шкуры цѣнятся дорого. У шпицбергенскихъ мѣхъ очень мелокъ и плотенъ, болѣе годенъ на ковры, нежели на шубы. Попробовали готовить этихъ животныхъ въ

пищу, и то не удалось: мясо отвратительное, также какъ и у всѣхъ морскихъ птицъ.

Я уже говорила, что корабль нашъ стоялъ въ бухтѣ. По обыкновеннымъ понятіямъ, это бы значило, что онъ въ безопасности. Здѣсь—напротивъ того. Всякій день, всякій часъ могъ застать его внезапный морозъ, и бухта служила бы ему темницею на десять мѣсяцевъ.

Это мы испытали 7-го августа. Нѣсколько людей съ корабля, пользуясь ясною погодою, вздумали проѣхать до оконечности Шпицбергена (Гаклуитскій мысъ). Хотя поѣздка должна была продолжаться только однѣ сутки, но меня не хотѣли взять съ собою, опасаясь за слабость моего здоровья; а потому я съ капитаномъ осталась на кораблѣ.

Первая половина дня прошла хорошо, и я уже завидовала тѣмъ, которые на нѣсколько часовъ ближе меня будутъ къ полюсу. Чтобъ утѣшиться, занялась я письмами и прописала до четырехъ часовъ пополудни. Вдругъ въ каютѣ моей сдѣлалось темно; я вскочила, взглянула въ окно: густой туманъ покрылъ весь островъ. Я побѣжала на палубу. Тамъ капитанъ въ ночную трубу наблюдалъ за движеніями ледяныхъ горъ, скоплявшихся у входа въ бухту. Боязливо спросила я его:

— А что́ если весь этотъ ледъ остановится у входа?

— Не думаю, отвѣчалъ капитанъ. Морозовъ еще нѣтъ, чтобъ связать ихъ... Впрочемъ, я вышлю лодку, чтобъ осмотрѣть...

— А если ледъ остановится, что тогда?

Капитанъ ничего не отвѣчалъ и занялся отправленіемъ лодки; я смотрѣла ей вслѣдъ, но туманъ вскорѣ скрылъ ее отъ глазъ.

Черезъ часъ она воротилась. Напрасно люди пытались выйти изъ бухты: входъ былъ затертъ льдомъ. Холодъ былъ уже тамъ довольно силенъ, чтобъ связать между собою эти глыбы, составившія теперь непроницаемую стѣну, крѣпче гранита.

Хотя вообще моряки привыкли къ непріятнымъ впечатлѣніямъ; но донесеніе ѣздившихъ на шлюпкѣ произвело въ капитанѣ видимое безпокойство.

— А что же будетъ съ тѣми, которые уѣхали сегодня утромъ? спросила я у него.

— Они-то меня и безпокоятъ. Они взяли съ собою только на два дни провіанта. Это непростительная неосторожность.

— Что́ же вы намѣрены дѣлать, капитанъ?

— Завтра поутру подойду я къ выходу и буду пушками пробивать проломъ въ стѣнѣ. А до-тѣхъ-поръ подожду: послѣ тумана поднимается вѣтеръ. Посмотримъ, не поможетъ ли онъ намъ.

Молча стали мы ходить по палубѣ; но часы проходили, а перемѣны

никакой не было. Мало-по-малу сталъ спускаться туманъ и все вокругъ выяснѣло, но солнце было тускло, а барометръ началъ быстро опускаться.

Въ полночь поднялся вѣтеръ, который вскорѣ превратился въ ураганъ. Старый Океанъ потрясъ своею сѣдою, пѣнистою бородою. Разыгрались волны, и вдругъ, съ оглушительнымъ трескомъ, котораго описать нельзя, ледяная стѣна бухты разорвалась и глыбы пошли въ разныя стороны.

Вѣроятно, никогда еще ужасная буря не возбуждала такой радости между людьми!

Черезъ нѣсколько времени возвратилась и наша шлюпка.

На слѣдующій день часть экипажа высѣкала на большой скалѣ годъ и время нашего пребыванія, съ именами всей экспедиціи. Мнѣ досталась честь стоять первой въ этомъ спискѣ.

Впрочемъ, нельзя было теперь долѣе медлить. Употребили еще наскоро нѣсколько дней, чтобъ по всѣмъ частямъ естественныхъ наукъ дополнить свѣдѣнія о Шпицбергенѣ. 10 августа былъ опять весьма ясный день, и солнце ярко озарило насъ. Оно даже грѣло и оживляло: настала оттепель, и продолжалась нѣсколько часовъ. Но на другой же день опять туманъ и холодъ. Глыбы льда опять показались и опять начали слѣпляться.

Это заставило насъ поспѣшить отъѣздомъ, и 14 августа мы вытянулись изъ бухты.

Когда мало-по-малу горы Шпицбергена утонули въ морѣ, мнѣ какъ-то легко стало на сердцѣ.

На другой же день отъѣзда нашего (15 августа) увидѣли мы въ морѣ извѣстныя подъ названіемъ *Трехъ коронъ* ледяныя горы, описанныя Парри и Скорезби. Дѣйствительно ли онѣ изъ одного вѣчнаго льда, или это гранитныя скалы, покрытыя льдомъ—неизвѣстно, но путешественники видятъ ихъ всегда въ одинаковомъ положеніи.

Всякій шагъ нашъ къ югу обнаруживалъ возвращеніе природы къ жизни. 18 августа солнце въ первый разъ скрылось подъ горизонтъ. Мы всѣ обрадовались этому: до того однообразіе вѣчнаго дня утомляетъ.

21 числа вытерпѣли мы сильную бурю. Я въ первый разъ еще видѣла подобное зрѣлище. Закутанная въ шубу сидѣла я на палубѣ на пушкѣ и крѣпко держалась за веревки.

24 числа увидѣли мы Нордканъ, но не могли пристать къ нему, по причинѣ продолжавшейся бури.

25 августа ночь продолжалась уже цѣлый часъ, а 26 числа достигли мы до Гаммерфорста. (Erheiter.)

—

Западно-африканскія колоніи. Если вѣрить древнимъ хроникамъ, то французы изъ Нормандіи имѣли уже въ XIV вѣкѣ поселенія на западныхъ берегахъ Африки. Къ концу XV столѣтія, то-есть со времени путешествій португальцевъ, начали европейцы заводить конторы у устья Сенегала. Слѣдственно, уже четыреста лѣтъ живутъ здѣсь образованные люди. И, однакоже, если взглянуть на эти берега, то кажется едва прошло нѣсколько лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ основались здѣшнія колоніи, до того европейское просвѣщеніе имѣло мало дѣйствія на нихъ. Кочующія племена мавровъ и негровъ все еще блуждаютъ по необозримымъ степямъ.

Островъ Сенъ-Луи едва на семь часовъ отдаленъ отъ устья Сенегала. Это песочная отмель въ двѣ тысячи метровъ длины и отъ двухъсотъ до пятисотъ ширины. Она омывается двумя рукавами рѣки, изъ которыхъ одинъ въ триста, а другой въ двѣсти саженъ.—Островъ лежитъ подъ 16° сѣверной широты и 18° восточной долготы отъ парижскаго меридіана. Лѣтомъ островъ почти въ уровень водъ рѣки, а зимою заливается. Почва къ срединѣ понижается, а потому тамъ образуются болота. Только садъ правителя острова представляетъ нѣкоторую зелень. Вокругъ же все голо и пустынно. Жилища европейцевъ и мулатовъ расположены на здоровыхъ мѣстахъ. Негры живутъ въ тростниковыхъ хижинахъ, какія они строютъ во внутренности Африки. Кто знаетъ всю губительность сенегальскаго климата, для того неудивительно, что европейцы боятся селиться здѣсь. Легкомысленные же французы, пріѣзжавшіе сюда для обогащенія себя, никогда не думали о томъ, чтобъ сдѣлать гигіеническія улучшенія въ этой почвѣ.

Здѣшнія колоніи тогда только могутъ быть полезны, прочны и продолжительны, когда климатъ будетъ не убивать жителей, а содѣйствовать ихъ размноженію. А потому надобно сперва изучить почву и климатъ, чтобъ потомъ улучшить ихъ,—тогда и европейская образованность можетъ восторжествовать надъ варварствомъ туземцевъ. Сенегалія составляетъ, конечно, удобнѣйшій пунктъ Африки, чтобъ завести сношенія съ внутренними областями ея, и заслуживаетъ по этому особеннаго вниманія. (Erheiter.)

—

Новая Зеландія. Нѣкто Шортландъ издалъ весьма любопытныя свѣдѣнія о преданіяхъ и обычаяхъ ново-зеландцевъ. Давно уже этнографы задумывались: какимъ образомъ заселена Новая Зеландія? и Шортландъ рѣшилъ, что въ весьма-недавнее время, а именно не болѣе 800 лѣтъ, прибыли сюда переселенцы, бѣжавшіе отъ войны и политическихъ переворотовъ своего отечества.

По замѣчанію его, вездѣ, гдѣ потомъ поселились миссіонеры, ученіе ихъ оставляло явные слѣды въ повѣрьяхъ и преданіяхъ народа. Только, по страннымъ понятіямъ этихъ народовъ, они принимали христіанство не въ видѣ новой вѣры, а только какъ дополненіе своей. А потому теперь легко отдѣлить и то и другое, изучая прежнія ихъ преданія.

Шортландъ думаетъ, что Новая Зеландія первоначально населена была темно-коричневымъ племенемъ Индійскаго архипелага. Для поддержанія своей теоріи приводитъ онъ въ доказательство діалектъ, преданія и физическій характеръ. Сами жители полагаютъ, что предки ихъ пришли изъ сѣверо-восточной стороны, называемой Гаваики. Названія, данныя ими по прибытіи, разнымъ бухтамъ, горамъ, рѣкамъ, сохранились и донынѣ.

Шортландъ думаетъ, что названіе Гаваики тоже, что Гаваи на Сандвичевыхъ островахъ, и что ново-зеландскіе основатели именно оттуда.

Есть тутъ, правда, одно затрудненіе. Между Новою Зеландіею и Полинезіею огромное пространство Океана. Возможно ли, чтобъ островитяне Сандвичевыхъ острововъ, которыхъ лодки за 500 лѣтъ вѣрно еще хуже были нынѣшнихъ, могли переплыть черезъ бурный Океанъ? И, однако же, Эллисъ удостовѣряетъ, что гавайскіе рыбаки ѣздятъ въ ничтожныхъ своихъ лодкахъ за шестьсотъ англійскихъ миль. Мы знаемъ, что индійскіе челноки доходили до заливовъ Австраліи.

Шортландъ разсказываетъ между прочимъ одинъ подобный примѣръ. Въ 1844 году одна лодка пришла изъ Опотики въ Таурангу за шестьдесятъ миль; она была захвачена бурею у Масету, съ жителями котораго опотикцы ведутъ войну и, слѣдственно, не могла пристать тамъ, а потому рѣшилась итти въ Таурангу, что и удалось ко всеобщему удивленію.

Далѣе Шортландъ описываетъ повѣрья и миѳологію Зеландіи:

«Въ тѣ дни, когда еще на землѣ жили безсмертныя существа, были три брата по имени Мади. Оба старшіе не любили и угнетали младшаго. Недалеко отъ ихъ хижины жила одна старуха *Уине-пуи-а-тео* (большая дочь Ночи). Ее всѣ боялись и никто не смѣлъ коснуться до принадлежащаго ей. Однако же младшій Мади пошелъ къ ней. Не дойдя до ея жилища, сѣлъ онъ на пригоркѣ, изъ котораго видѣнъ былъ садъ и началъ играть на дудкѣ. Услышавъ звуки, старуха выслала своихъ невольниковъ, посмотрѣть, кто идетъ, и приказала связать ему руки и ноги: если онъ на ногахъ сойдетъ съ холма, если же на четверенькахъ, то не трогать его.

«Мади слышалъ этотъ приказъ и поползъ на четверенькахъ; невольн-

пики не тронули его, а онъ, обойдя такимъ образомъ все жилище старухи, непримѣтно залѣзъ въ ея кладовую, гдѣ набралъ себѣ самыхъ вкусныхъ кумаръ, и ушелъ домой.

«Поутру, когда братья его завтракали и бросали ему свои объѣдки, онъ сталъ вынимать свои вкусныя кумары и часть ихъ бросилъ братьямъ. Тѣ спросили, откуда онъ это взялъ, и онъ разсказалъ, что былъ у страшной старухи, гдѣ и укралъ много запасовъ.

«Оба братья пошли въ свою очередь на промыселъ; но какъ они пришли на ногахъ, то ихъ схватили, и старуха задушила ихъ.

«Однако же, совѣсть потомъ стала мучить младшаго брата: онъ рѣшился переселиться далеко, далеко на западъ.» (Erheit.)

—

Ронсеваль и Баски. Извѣстнѣйшая, болѣе другихъ посѣщаемая часть Пиринеевъ, находится между узкою долиной, гдѣ течетъ Гаронна, и Осойскою долиною. Тутъ находятся всѣ заведенія минеральныхъ источниковъ. Путешественники осматриваютъ Люшанъ съ его каскадами, озерами и скалами, Маладетту съ льдистыми ребрами; Баньеръ де Бигорръ съ каштановою долиною; Барежъ и дикую его природу; Люзъ и бѣлыя башни Мардоре; Котере съ жужащими его водопадами; наконецъ О-бонпь и О-шодъ съ двухолмною вершиною Оссойскаго Пика.

Въ той части Пиреней, гдѣ горы склоняются къ сторонѣ Испаніи, живетъ народъ таинственнаго происхожденія, не смѣшавшійся до-сихъ-поръ ни съ однимъ изъ сосѣдственныхъ племенъ. Здѣсь же лежитъ долина, возбуждающая героическое воспоминаніе временъ Карла Великаго; гремитъ имя, прославленное поэзіею и преданіями. Народъ этотъ Баски, долина Ронсеваль; имя—Роландъ.

1.

Пришедшій изъ неизвѣстныхъ странъ во время переселенія древнихъ народовъ съ востока на западъ, остановившійся на двойномъ склонѣ Пиреней, отдѣлившійся тутъ отъ прочей Европы; сохранившій свое таинственное происхожденіе и не смѣшивающійся браками съ другими племенами; гордящійся своею древностію и старинными добродѣтелями; имѣющій свою отдѣльную физіономію, нравы и, въ особенности, свой языкъ, котораго не можетъ теперь понять ни одинъ европейскій народъ,—вотъ народъ Басковъ, заслуживающій особеннаго вниманія путешественника и изслѣдованій ученаго.

Эскарійцы, или Васконы, видѣли много варварскихъ народовъ, вторгавшихся въ Испанію. Аннибалъ принужденъ былъ вести съ ними пе-

реговоры и принять ихъ союзниками въ свою армію въ походѣ къ Риму. При Тразименѣ, при Каннахъ Аннибалъ лично предводительствовалъ ими. Это была лучшая его пѣхота.

Римляне никогда не могли покорить ихъ. Они защищали Сагунтъ, Нуманцію. Они же были въ войскѣ Цесаря, когда онъ перешелъ черезъ Рубиконъ. Они были при Фарсалѣ. Римъ имѣлъ въ нихъ попеременно то друзей, то враговъ.

Явились арабы, и встрѣтили въ нихъ сильныхъ противниковъ. Когда побѣжденные испанцы искали убѣжища въ Астурійскихъ горахъ, Васконы имъ помогали, и восемьсотъ лѣтъ выдерживали жестокую борьбу христіанства противъ исламизма.

Васконы сражались съ франками, но Дагобертъ побѣдилъ ихъ и покорилъ своей власти на короткое время, потому что Пепинъ, отецъ Карла Великаго, уже воевалъ съ ними.

Съ Карломъ Великимъ были они тоже во враждѣ. Не смѣя противиться всей его арміи, они пропустили ее въ Испанію, но на возвратномъ пути отрѣзали ея арьергардъ и разбили при Ронсевалѣ. Карлъ возвратился, разбилъ ихъ, повѣсилъ ихъ предводителя Лупуса, но Ронсеваль остался въ поэзіи и преданіяхъ.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя истребили они еще, въ этихъ же самыхъ тѣснинахъ, другую армію франковъ сына Карла Великаго, Людовика. Съ тѣхъ поръ исторія ничего не упоминаетъ о нихъ, вѣрно потому, что сосѣдственные народы оставили ихъ въ покоѣ и дикой ихъ независимости.

Баски гостепріимны, умѣренны, неутомимы, лучшіе ходоки въ Европѣ, и, можетъ быть, лучшіе моряки. Баскамъ наиболѣе обязаны открытіемъ Америки. Къ несчастію, теперь открылась и между ними всеобщая болѣзнь западной Европы—страсть къ эмиграціи. Поселенія пустѣютъ, пашни поростаютъ травою, для земледѣлія недостаетъ уже рукъ.

Баски говоритъ собственнымъ своимъ языкомъ и рѣдкіе понимаютъ по-французски. Языкъ этотъ еще не изслѣдованъ; но это замѣчательно, что онъ не смѣшался ни съ латинскимъ, ни съ романскимъ, ни съ французскимъ, ни съ испанскимъ!

Сами баски, говоритъ Амедей-Тьерри, называютъ себя *эскальдунаками*, а языкъ свой *эскиро*. По отдѣльному характеру коренныхъ своихъ словъ, по весьма оригинальной граматической системѣ, языкъ этотъ совершенно различенъ со всѣми, происходящими отъ латинскаго и отъ тевтонскаго. Первобытный ли это языкъ галловъ, или другихъ народовъ, еще раньше тутъ поселившихся? Однакоже, онъ самъ теперь

раздѣляется на двѣ отрасли: однимъ говорятъ близъ французскихъ границъ, другимъ близъ испанскихъ.

По изслѣдованіямъ Гумбольдта, языкъ басковъ сперва распространенъ былъ на большомъ пространствѣ, а именно: по всей Аквитаніи и по берегамъ Средиземнаго моря, по обоимъ склонамъ Альпъ и до сѣверной Италіи. Имена городовъ, рѣкъ и горъ на этомъ языкѣ, составленныя въ древніе времена, служатъ указаніемъ, что до смѣшенія съ романскимъ племенемъ обитали тутъ баски. Даже на югѣ Франціи встрѣчаются эти слѣды въ областяхъ, гдѣ обитали аквитане и лигуры. Самое слово Лигура баскское: *Ли—гора; Ли, илли* значитъ народъ, племя, *гора*, высокій, гористый.

Въ то же время эскирскимъ языкомъ говорили въ бо́льшей части Испаніи, и до этого дошли тѣми же изслѣдованіями. Тьерри заключилъ изъ этого, что баскскій языкъ остатокъ иберійскаго. Откуда же вышли иберійцы, и какого они племени—это еще нерѣшеный вопросъ. Въ Сенъ-Жанъ-Пье-де-Порѣ сохранился этотъ языкъ всего чище. Здѣсь путешественникъ святъ для каждаго жителя. Онъ его принимаетъ и угощаетъ самымъ радушнымъ и гостепріимнымъ образомъ. Жестоко бы обидѣли его, еслибъ предложили плату за угощеніе.

Главное и почти единственное орудіе баска—дубина, окованная въ толстомъ, нижнемъ концѣ мѣдью и желѣзомъ, и горе тому, кто его разсердитъ.

Баски любятъ поэзію и музыку. У немногихъ народовъ такое богатое собраніе національныхъ пѣсень, переходящихъ изъ рода въ родъ, безпрестанно увеличивающихся новыми рапсодами.

Вотъ два примѣра баскскихъ пѣсень о героическихъ временахъ исторіи ихъ народа. Въ первой воспѣвается переходъ Аннибала чрезъ Пиринеи; вторая описываетъ борьбу Кантабровъ съ легіонами Августа.

(Надобно знать, что почти во всѣхъ баскскихъ романсахъ любовники обозначены аллегорически двумя звѣздами, двумя цвѣтками, двумя птичками, которыя разговариваютъ у поэта. Здѣсь горлица обращается къ жениху, отправлявшемуся ночью въ Италію).

— Птичка моя, прелестная пѣвица! Какая сила удерживаетъ тебя далеко отъ меня? Давно уже я не слышу звука твоего прелестнаго голоса! Я же всякій часъ, всякую минуту вспоминаю о тебѣ, и ты безпрестанно представляешься моему печальному воображенію.

(Послѣ этого вопроса, поэтъ самъ вдругъ отвѣчаетъ:)

— Однажды ввечеру проходилъ у подошвы нашихъ горъ чужеземецъ, пришедшій изъ Африки съ тамошними войсками. Онъ сказалъ нашимъ старцамъ и отцамъ, что дѣти ихъ мужественны. Это была

правда. Онъ еще сказалъ, что идетъ войною не на насъ, а на римлянъ.

«Тогда юноши наши воскликнули: Аннибалъ! если ты не обманываешь, если твои намѣренія точно таковы, то мы соединимся съ твоими чужеземными воинами; мы пойдемъ передъ ними и передъ тобою. Напрасно римляне хотѣли вооружить на насъ галловъ. Мы за тобою послѣдуемъ на край свѣта.

«И мы отправились въ тотъ часъ, какъ женщины засыпаютъ спокойно, и ушли не разбудивъ младенцевъ, спавшихъ у груди матерей. И вѣрныя собаки наши, думая, что мы по обыкновенію съ зарею возвратимся—не лаяли.

«Съ тѣхъ поръ много прошло дней и ночей, и мы еще не возвратились. Храбрые эскарійцы, легкіе на ходьбѣ, мы сражались за африканца. Мы перешли черезъ Рону, которая сердитѣе Эбро; мы переступили черезъ Альпы, которыя круче Пиринеи.

«Побѣдивъ вездѣ, мы какъ потокъ разлились по прозрачной Италіи, гдѣ есть плодородныя поля, позлащенные города, красивыя женщины; но все это гораздо хуже нашихъ горъ, нашихъ матерей, сестеръ и невѣстъ.

«Мнѣ сказали, что мы скоро вступимъ въ городъ римлянъ и будемъ черпать золото шляпами. Я отвѣчалъ, что не хочу. Съ меня довольно. Я хочу лучше возвратиться въ наши горы и увидѣть ту, которую люблю. Отечество мое далеко.»

(Послѣ этого поэтъ опять возвращается къ первому куплету, и отвѣтъ обнаруживаетъ печальный конецъ этой любви).

— Птичка, милая пѣвица! пой тише. Я самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ. У меня была невѣста, когда я оставилъ родную долину. При этомъ воспоминаніи слезы мои текутъ неизсякаемымъ ручьемъ.»

Вторая пѣснь описываетъ геройское сопротивленіе кантабровъ римской арміи. Римляне, не привыкшіе къ такому сопротивленію, назвали его *кантабрскимъ бѣшенствомъ*. Семь лѣтъ противились они Риму; но сила одолѣла, и Лекобиди, предводитель басковъ, былъ убитъ съ тремя стами своихъ ратныхъ товарищей.

— Пришли люди Рима и осадили насъ. Съ одной стороны былъ Октавій, владѣтель міра, съ другой—бискаецъ Лекобиди. И съ береговъ океана и со стороны равнины мы были окружены. Всѣ выходы были въ ихъ власти. У насъ были горы, ущелье, пещеры. Оградясь скалами, мы одушевлялись мужествомъ. Желѣзо было намъ не страшно въ бою, но нашъ ларецъ съ хлѣбомъ былъ часто пустъ. Пусть тяжелыя латы защищаютъ ихъ; за то обнаженныя наши тѣла быстрѣе

ихъ. Семь дней и семь ночей продолжалась эта битва. За одного нашего убитаго падаютъ у нихъ пятнадцать. Ихъ много, насъ мало; наконецъ намъ дали миръ. И гордые дубы падаютъ оттого, что ихъ каждый день клюютъ птицы.»

Послѣ каждаго куплета слѣдуетъ припѣвъ:

Лело, иль лело,
Лелоа:
Заракъ иль лело,
Лелоа!

Это значитъ:

Нѣтъ славы! Она погибла слава,
Наша слава:
Древность привела въ забвеніе славу,
Нашу славу!

II.

На разсвѣтѣ оставилъ я Сенъ-Жанъ-Пье-де-Поръ. По дорогѣ въ Ронсеваль нельзя ѣхать въ каретѣ, и потому я панялъ лошадь. Передо мной шелъ пѣшкомъ вожатый. Мы скоро вступили въ темную долину, а черезъ часъ потомъ достигли поста таможенной стражи. Тутъ протекаетъ узенькій ручей, черезъ который положенъ мостикъ. По ту сторону—Испанія.

Вершина горъ освѣщалась солнцемъ, но изъ долины поднимались утренніе туманы. Маленькая деревенька Валькарлосъ, какъ бы прилѣпленная къ склону горы, отогрѣвалась на солнцѣ отъ ночной стужи. Чѣмъ выше поднимаешься по этой тропинкѣ, тѣмъ природа становится угрюмѣе. Долина съуживается и становится бездною. Вершина горы голая; только между иными разсѣлинами поднимается уединенное каштановое дерево. Поэтъ *пѣсни Роланда* былъ правъ, говоря:

Halt sunt li pui et li val teneЬrus,
Les rochs Ьisess...

(Высоки горы, долины мрачны, скалы сѣры, потоки быстры.)

Вѣрно вдоль этихъ самыхъ узкихъ тропинокъ развивались ряды арміи Карла Великаго, когда они услышали отдаленное эхо роландова рога, призывающаго на помощь.

*

«Франки (сказано въ пѣсни) возвращаются въ свою страну. Они мечтаютъ о своихъ помѣстьяхъ, женахъ, дѣтяхъ: они плачутъ отъ умиленія. Болѣе всѣхъ озабоченъ Карлъ. Въ Испаніи оставилъ онъ своего племянника (Роланда). Сердце его взволновано: онъ не можетъ воздержаться отъ слезъ.

Въ Испаніи остались двѣнадцать перовъ и двѣнадцать тысячъ франковъ. Они не боятся смерти. Императоръ возвращается во Францію и подъ мантіею своею скрываетъ печаль свою. Подлѣ него ѣдетъ Немъ (Naimes) и говоритъ ему: «О чемъ вы такъ печалитесь?» — «Лучше не спрашивай меня, отвѣчаетъ Карлъ: я не въ силахъ скрыть своего горя. Въ эту ночь ангелъ возвѣстилъ мнѣ, что копье мое похищено. Я отдалъ подъ начальство племяннику мой арьергардъ, и оставилъ его во враждебной землѣ. Если я потеряю его, кто мнѣ его замѣнитъ?»

Наконецъ взобрался я на высоту этой части Пиринеи. Здѣсь возвышается пустынная часовня. И въ преданіи сказано, что Карлъ Великій велѣлъ воздвигнуть часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ армія его была разбита.

Отсюда спускаются въ Ронсевальское аббатство. Но вмѣсто гостепріимныхъ монаховъ стоитъ въ монастырѣ теперь таможенная стража. Въ церкви показываютъ путешественникамъ обувь краснаго бархата архіепископа Тюрпена, погибшаго на полѣ битвы, и огромную булаву самого Роланда. Сильна была рука, которая дѣйствовала подобнымъ оружіемъ! Но нѣтъ доказательствъ, что оружіе это было его.

Есть даже склепъ, гдѣ множество человѣческихъ костей; увѣряютъ, что это кости воиновъ Роланда.

Дождь, который началъ накрапывать, принудилъ меня скрыться въ *позаду*. Она была наполнена испанскими хитанами, отправляющимися на ярмарку въ Баргетту, небольшую деревню съ милю отъ Ронсеваля. Всѣ они сидѣли около очага, гдѣ кипѣлъ котелъ, издававшій самый непріятный запахъ прогорьклаго масла, которое испанцы такъ любятъ и которое преслѣдуетъ путешественника по всей Испаніи.

Я верхомъ доѣхалъ до Баргетты. Ярмарка была очень оживлена. Я могъ разсмотрѣть всѣ типы горныхъ жителей и странное разнообразіе ихъ костюмовъ. Тутъ были и французскіе и испанскіе баски, потомки тѣхъ смѣлыхъ васконовъ, которые разбили армію Карла Великаго. Во всякое другое время деревня эта печальна и бѣдна. Въ домахъ здѣсь нѣтъ ни печей, ни трубъ. Въ кухнѣ разводятъ огонь на очагѣ, а дымъ выходитъ въ отверстіе на чердакъ, откуда расходится въ скважины крыши.

Хлѣбъ здѣсь не родится. Возвышенность горъ и холодъ не позволяютъ ему созрѣвать.

III.

Карлъ Великій перешелъ черезъ Пиринеи по васконской области и вторгся въ Испанію. Передъ нимъ все пало. Осадивъ Сарагоссу, беретъ онъ заложниковъ отъ эмира этого города и другихъ арабскихъ предводителей, и на возвратномъ пути приказываетъ срыть стѣны Памплелуны. Доволенъ будучи, что унизилъ гордость мусульманъ до береговъ Эбро, императоръ пошелъ назадъ въ свои владѣнія. Но герцогъ васконскій Лупъ (Lupus) напалъ въ горныхъ тѣснинахъ на его арьергардъ.

Этотъ Лупъ уже однажды присягалъ въ вѣрности Карлу. Онъ былъ сынъ Вайфера, который сражался съ отцемъ Карла, Пепиномъ, и былъ убитъ въ одномъ сраженіи.

При этомъ неожиданномъ нападеніи франки защищались съ отчаяніемъ, но спасеніе было невозможно. Враги невидимо поражали ихъ съ высотъ и изъ-за скалъ. Хроника говоритъ, что отъ двадцати до тридцати тысячъ человѣкъ, составлявшихъ этотъ арьергардъ, всѣ погибли до послѣдняго человѣка. Послѣ чего непріятели разсѣялись.

Эгинардъ, секретарь и исторіографъ Карла Великаго, въ двухъ словахъ описываетъ этотъ бой, говоря, что: «Карлъ потерялъ въ этой битвѣ часть своей арміи и лучшихъ полководцевъ. Эгинардъ, гофмейстеръ его (regiæ mensæ prepositus), Ансельмъ, охранитель дворца (Comes palatii), и *Роландъ*, префектъ бретанскихъ мархій, убиты тутъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ.»

Карлъ возвратился, но не поспѣлъ къ нимъ на помощь. Онъ только жестоко отмстилъ. Онъ разбилъ васконовъ, повѣсилъ герцога ихъ, Лупа, и объявилъ подвластною себѣ всю страну отъ Пиринеи до Эбро.

Исторія не многорѣчива. Мы узнаемъ только, что ронсевальское пораженіе дѣйствительно случилось и что Роландъ точно существовалъ при дворѣ Карла.

Трубадуръ Туральдъ (Turaldus) первый составилъ пѣснь Роланда, манускриптъ которой находится въ оксфордской библіотекѣ. Это огромная поэма, гдѣ битва васконовъ и франковъ составляетъ только эпизодъ. Это борьба христіанства съ исламизмомъ. Уже можно предвидѣть будущіе крестовые походы. Самое истребленіе арьергарда арміи Карла ни что иное, какъ измѣна сарацинъ, за которую потомъ императоръ достойнымъ образомъ мститъ.

Мысль Роланда въ этой поэмѣ возвышенна и благородна. Посреди поля битвы онъ остался одинъ. Всѣ товарищи пали вокругъ него. Звучный рогъ его уже давно призывалъ на помощь Карла и, наконецъ, отдаленный отголосокъ трубъ возвѣщаетъ ему, что Карлъ близокъ. Но силы Роланда уже истощились; кровь струями течетъ изъ двадцати ранъ. Онъ чувствуетъ близкую смерть и только заботится о томъ, чтобъ мечь его, Дурандаль, не впалъ въ руки невѣрныхъ. Двукратно пытается онъ сломать его, разсѣкая самъ скалу; но силы ли его ослабли, или крѣпость меча такъ велика, что обломки скалъ летятъ, а мечь цѣлъ. Наконецъ, онъ умираетъ, положивъ мечь подъ себя и совершивъ теплую молитву къ Богу.

Такимъ образомъ скончался Роландъ, и имя его вскорѣ сдѣлалось достояніемъ исторіи и поэзіи.

Чрезъ триста лѣтъ воспѣвается уже оно на поляхъ гастингской битвы. Норманецъ Тальеферъ, выѣхавъ впередъ, запѣлъ извѣстную пѣснь о Карлѣ Великомъ и Роландѣ:

Taillefer, ki mult bien cantait,
Sur un cheval ki tost alait,
De vant li dus alous cantant
De Karle maine e de Roland
E d'Oliviers et des vassals
Ki morurent en Rencheval's.

Это служитъ доказательствомъ, что пѣснь о Роландѣ сдѣлалась уже популярною. Ни одно имя не было такъ славно въ героическихъ временахъ христіанскихъ лѣтописей.

Древніе баски съ своей стороны также воспѣвали ронсевальскую битву. *Пѣснь Альтобисаро,* или *Альтобискаро* (высокая гора) была замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ эскарійской музы. Вотъ она цѣликомъ (съ перевода Гарай де Монглава).

Пѣснь Альтобисаро.

«Раздался крикъ посреди эскарійскихъ горъ. Хозяинъ сталъ у воротъ дома и прислушиваясь сказалъ: «Кто идетъ? Чего хотятъ отъ меня? И псы, спавшіе у ногъ хозяина, встали и огласили громкимъ лаемъ окрестности Альтобисары.

«Въ Ибинетской тѣснинѣ раздался шумъ: онъ приближается между скалъ. Это глухой отголосокъ приближающагося войска. Наши воины

отвѣчали на это съ вершины горъ, трубя въ воловьи рога, и хозяинъ дома сталъ точить свои стрѣлы.

«Идутъ, идутъ! Какой лѣсъ копій! какъ развиваются разноцвѣтныя знамена ихъ! Какія молніи сверкаютъ отъ оружія! Сколько ихъ? Дитя! считай хорошенько. Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать.

«Двадцать, и еще нѣсколько тысячъ. Много надобно времени на исчисленіе ихъ. Соединимъ силы жилистыхъ нашихъ рукъ и оторвемъ эти скалы; низвергнемъ ихъ съ высоты горъ на ихъ головы. Раздавимъ ихъ, истребимъ!

«Зачѣмъ они пришли въ наши горы, эти люди сѣвера? Зачѣмъ они нарушили нашъ миръ? Если Богъ воздвигъ горы, то для того, чтобъ люди не переходили черезъ нихъ... И вотъ скалы покатились и упали, подавляя войска. Кровь течетъ ручьями; трупы устилаютъ землю; кости хрустятъ; цѣлое море крови разлилось. Бѣгите! бѣгите, у кого есть еще силы, или лошадь. Бѣги Карлъ съ черными своими перьями и красною шляпою. Племянникъ твой, храбрѣйшій и любимѣйшій Роландъ, лежитъ уже мертвъ; мужество не помогло ему. И теперь, эскарійцы, бросьте камни и примитесь за стрѣлы для пораженія бѣгущихъ.

«Бѣгутъ, бѣгутъ! Гдѣ же лѣса копій? гдѣ развѣвающіяся знамена? Молніи не сверкаютъ уже отъ оружія, обагреннаго кровію. Сколько теперь? Дитя! сочти ихъ хорошенько. Двадцать, девятнадцать, восемнадцать, семнадцать, шестнадцать, пятнадцать, четырнадцать, тринадцать, двѣнадцать, одиннадцать, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, одинъ.

«Одинъ! и того уже нѣтъ! Все кончено. Хозяинъ дома, ты можешь воротиться съ своею собакою, обнять жену и дѣтей, очистить стрѣлы, положить ихъ съ воловьимъ твоимъ рогомъ, и потомъ лечь на нихъ спать. Ночью будутъ слетаться вороны, чтобъ насытиться трупами, а кости побѣлѣютъ для свидѣтельства будущимъ вѣкамъ.»

IV.

Теперь посмотримъ, какъ испанскіе романсеросы воспользовались именемъ и славою Роланда. Роландъ былъ франкъ; онъ погибъ въ Испаніи; слѣдственно народная гордость требовала, чтобъ онъ палъ побѣжденный рукою кастильца. Они создали какого-то Бернара де-Карпіо, сдѣлали его самымъ знаменитымъ своимъ рыцаремъ и заставили его

сразиться у Ронсеваля съ Роландомъ. И вотъ, какую поэму они сочинили.

Но прежде описанія ея нужно вспомнить печальный періодъ испанской исторіи. Испанія была тогда раздѣлена на множество мелкихъ королевствъ: одни мусульманскія, другія христіанскія, которыхъ владѣтели вели между собою войну, но часто и роднились посредствомъ браковъ, сражаясь потомъ подъ одними знаменами. Очень часто случалось, что войска, состоящія вполовину изъ христіанъ и арабовъ, сражались съ другимъ, точно также составленнымъ.

Теперь можемъ разсказать и поэму. Альфонсъ Цѣломудренный, не имѣя дѣтей и угрожаемый сильнымъ нападеніемъ мавровъ, отправляетъ пословъ къ Карлу Великому, котораго геній внушилъ ему удивленіе. Въ награду за освобожденіе отъ мавровъ, обѣщаетъ онъ ему послѣ себя леонское королевство.

Карлъ, получивъ это посольство, тотчасъ же идетъ въ Испанію съ сильною арміею, которою предводительствуетъ Роландъ. Но когда народъ узналъ о приближеніи франковъ, то всѣ приступили къ Альфонсу, чтобъ онъ не отдавалъ ихъ франкамъ и отперся отъ своего обѣщанія.

Болѣе всѣхъ дѣйствуетъ при этомъ Бернаръ де-Карпіо, которому Альфонсъ ввѣряетъ свои войска и отправляетъ къ Сарагоссѣ, гдѣ уже ожидалъ союзникъ Альфонса, эмиръ Марсиль, объявившій тоже войну франкамъ. Оттуда обѣ союзныя арміи идутъ къ Ронсевалу, сходятся съ арміею Роланда. Раздается военный крикъ арабовъ *(Алгазара)*, и битва начинается.

Вскорѣ племянникъ Альфонса (Бернаръ де Карпіо) вступаетъ въ единоборство съ племянникомъ Карла.

«Непобѣдимый франкъ, могущественный сенаторъ Рима (?!), побѣдитель храбраго Агрикана, котораго обратилъ въ христіанство; похитившій у гордаго Аламона драгоцѣнный рогъ, которымъ потомъ призывалъ на брани, устрашающія міръ; тотъ, кто въ Абранѣ одинъ обратилъ въ бѣгство цѣлую армію; кто никогда не былъ побѣжденъ, а всегда побѣждалъ людей и рокъ, тотъ явился на бой предъ рядами франковъ. Но ни мужество его, ни славный мечъ, ни добрый конь не могли даровать ему на этотъ разъ побѣды, потому что противъ него выступилъ Бернаръ де Карпіо».

«Онъ уже умертвилъ несчастнаго Дидона, маркиза Оливье и сыновей его, бѣлаго и чернаго, составивъ около себя озеро изъ крови франковъ; но видя, что, не смотря на свои подвиги, Роландъ еще живъ,

знаменитый племянникъ Альфонса съ бѣшенствомъ бросился отыскивать племянника Карла Великаго.

«Онъ его встрѣтилъ, покрытаго кровью. Оба храбрѣйшіе въ мірѣ рыцаря бросились въ единоборство, и обѣ арміи мгновенно прекратили бой, чтобъ смотрѣть на нихъ. Всѣ сердца наполнились страхомъ и надеждою. Но небо уже рѣшило участь Роланда, счастіе утомилось и побѣда готовилась оставить франка, чтобъ перейти къ кастильцу».

Такимъ образомъ, французская поэма не приписываетъ чести побѣды надъ Роландомъ никому, а только многочисленности, какъ равно и въ баскской (Атольбанезъ), а въ испанскомъ *романсѣ* побѣжденъ онъ кастильцемъ, хотя и тутъ по волѣ рока.

Наконецъ, даже Дантъ, въ своей Divina comedia, выводитъ лице Роланда. Вотъ что тамъ сказано:

«Въ планетѣ Марсъ помѣщаются тѣни героевъ, сражавшихся за вѣру и отечество. Въ пятой сферѣ увидѣлъ я Карла Великаго и Роланда. Они блистали самымъ яркимъ свѣтомъ...»

(Revue contemporaine).

—

VI. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и ПОВѢСТИ.

Любители автографовъ *(разсказъ Леона Гозланъ)*. Есть родъ безумія, который можно назвать прекраснымъ, потому-что хотя онъ и доказываетъ разстройство разсудка, но вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ всегда отъ избытка ума или воображенія.

Составители коллекцій, неимѣющіе ученой и полезной цѣли, незамѣтно, съ лѣтами, доходятъ до состоянія прекраснаго безумія, разумѣется сами того не замѣчая, и остаются въ этомъ положеніи до конца жизни. Они понемногу жертвуютъ всѣмъ одной мысли. Сперва разсудокъ улетаетъ, потомъ доходы, потомъ исчезаютъ всѣ привязанности, и наконецъ вся жизнь, всѣ дни и ночи посвящаются одной безумной идеѣ.

Если какой-нибудь любитель начнетъ собирать одну породу птицъ, онъ всегда начинаетъ съ самой некрасивой, и истощитъ всѣ свои силы, весь умъ, чтобы достать всѣ разнообразные виды этой породы. У другихъ есть страсть къ птицамъ съ хохолками, и они готовы пѣшкомъ обойти весь земной шаръ, чтобъ собрать всевозможные хохлы. Были также любители птичьихъ носовъ, которые переплывали океаны, переходили Кордильеры, испытывали всѣ дѣйствія вредныхъ климатовъ, подвергались всѣмъ болѣзнямъ и опасностямъ и возвращались домой уста-

рѣлые, слабые, разоренные, но въ восторгѣ, потому, что привезли съ собою какой-нибудь небывалый птичій носъ и присоединили его къ тысячѣ восемьсотъ другимъ замѣчательнымъ носамъ.

А коллекціи яицъ? Сколько они произвели безумій! Впрочемъ, яицъ столько на свѣтѣ, что человѣческой жизни мало для собиранія всѣхъ породъ, начиная отъ яица птицы Рокъ, котораго никто еще не видалъ, до яица Колибри, которое почти незамѣтно. Въ Парижѣ есть домъ, извѣстный многимъ, гдѣ стѣны, потолокъ, мебель все покрыто гирляндами изъ яицъ и еще изъ однихъ утиныхъ яицъ. Цѣлыя пирамиды этихъ же яицъ возвышались во всѣхъ углахъ.

Однажды, въ день народныхъ смутъ, я встрѣтилъ этого владѣльца утиныхъ яицъ, встревоженнаго, безпокойнаго.

— Что̀ съ вами, спросилъ я съ участіемъ: не боитесь ли вы за ваше семейство?

— Совсѣмъ нѣтъ, я боюсь за мои яица.

И онъ побѣжалъ спасать свое сокровище.

Впрочемъ, близкихъ родныхъ и не было у любителя яицъ, потому что, преданный одной страсти, онъ не хотѣлъ никогда жениться.

Не странны ли также собиратели тростей и палокъ, бросающіе состояніе, нажитое трудами, чтобъ составить коллекцію всѣхъ извѣстныхъ палокъ, начиная отъ дубины дикаря, до хрустальной палочки Бруммеля. А коллекціи трубокъ, зонтиковъ, пуговицъ, туфлей, вѣеровъ, табакерокъ—развѣ все это не безуміе, начавшееся, можетъ быть, прихотью, но усилившееся до страсти. Нѣкоторыя организаціи расположены къ этому болѣе другихъ, особенно если въ серединѣ жизни, когда кровь начинаетъ дѣлаться холоднѣе, они испытываютъ непріятности, разочарованія и, желая избавиться впредь отъ того же, стараются утѣшать себя мелочами, переносятъ свою жизнь въ новый міръ, иногда поэтическій, иногда странный и смѣшной, который увлекаетъ ихъ до того, что заставляетъ забывать о жизни и людяхъ.

Въ первомъ ряду этихъ безумцевъ можно поставить любителей автографовъ. Ихъ очень много, вѣроятно потому, что въ страсти этой много волненій, и потому, что она почти простительна, столько въ ней занимательнаго, лестнаго, неожиданнаго. Въ самомъ дѣлѣ, не пріятно ли разбирать на пергаментѣ или бумагѣ строки, написанныя рукою какого-нибудь знаменитаго человѣка? Не производитъ ли пріятное ощущеніе собственноручное письмо Боссюэта, Фенелона, Монтескье. Эти строки составляютъ частичку ихъ самихъ, отблескъ ихъ мысли; эта бумага была у нихъ въ рукахъ, глаза ихъ слѣдили за тѣми же буквами, за которыми мы слѣдимъ, словомъ—безсмертіе такъ привлекательно, что

дотрогиваясь до малѣйшей вещи, принадлежавшей великимъ людямъ, мы чувствуемъ особенное наслажденіе. Все прекрасное, великое, благородное,—поэзія, честь, храбрость, будутъ всегда производить сильное впечатлѣніе и никогда не изгладятся изъ памяти людей. Когда послѣдняя пирамида потонетъ въ пескѣ, арабъ будетъ все-таки называть гладкое мѣсто пирамидою. Это значитъ, что истинныя чувства вѣчны, точно также какъ страсть къ прекрасному и высокому, только не надобно доводить ее до мелочности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ самыхъ старыхъ улицъ стараго Парижа, Готфельской, застроенной древними домами, гдѣ жили продавцы бумаги, чернилъ, словолитчики, семейства переплетчиковъ, словомъ всѣ ремесла, употребляемыя для типографическаго искусства, занимали квартиры два человѣка среднихъ лѣтъ, но разнаго состоянія: Дюмартуа, имѣвшій двадцать тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода, и Пентандръ, у котораго было только три тысячи дохода и, сверхъ того, двое дѣтей, сынъ и дочь. Воспитаніе ихъ, хотя не блистательное, все-таки истребило уже частичку ихъ капитала. Бѣдный этотъ капиталъ былъ въ ужасной опасности, не отъ одного воспитанія дѣтей, но отъ несчастной страсти Пентандра.

Богачъ и почти бѣднякъ жили въ одномъ домѣ и были сосѣдями и друзьями. Чѣмъ объяснить этотъ феноменъ? Тѣмъ, что кварталъ этотъ—отечество бумагъ, точно также, какъ Эпиръ родина лавра, что въ немъ собраны всѣ старыя книги, бумаги, рукописи, пергаменты, сгнившіе, источенные червями, обглоданные мышами, стертые и изглаженные временемъ, но которые имѣютъ необыкновенную прелесть для любителей. Этотъ запахъ отъ литературныхъ мертвецовъ для нихъ пріятнѣе всего на свѣтѣ; вотъ почему букинисты и собиратели автографовъ поселяются въ этомъ ученомъ кварталѣ. Для нихъ садомъ служитъ Пассажъ Комерціи, гдѣ живутъ одни торговцы старыми книгами. Они гуляютъ по Вольтеровой набережной и въ улицѣ Малаке, потому, что тутъ базаръ настоящихъ букинистовъ.

Вотъ почему Дюмартуа и Пентандръ поселились въ одномъ домѣ и одномъ этажѣ, какъ двѣ книги, переплетенныя въ одинъ переплетъ.

Странно, что уже нѣсколько лѣтъ сосѣди жили дружно, хотя цѣль ихъ была одна, и они шли по одной дорогѣ, гдѣ могли часто столкнуться. Оба они собирали рѣдкіе автографы на аукціонныхъ продажахъ и вездѣ, гдѣ могли добыть какое-нибудь рѣдкое письмо. Но по всему было видно, что дружба эта была уже не такъ искренна, какъ въ началѣ, и что одинъ какой-нибудь случай могъ превратить ее въ нена-

висть, потому что собиратели автографовъ уже завидовали другъ другу и скрывали свои поступки.

Однажды Дюмартуа вошелъ къ сосѣду веселый и блистательный, какъ роскошное илюстрированное изданіе и сказалъ иронически:

— Не сердись на меня, Пентандръ.

— Отгадываю, перебилъ тотъ: ты былъ на какомъ-нибудь аукціонѣ и добылъ какую-нибудь рѣдкость?

— Да, мой другъ.

— Покажи поскорѣе... что такое?

— Зачѣмъ торопиться? Одинъ мудрецъ Востока сказалъ: «счастіе— это дорогое вино: надобно пить его медленно.»

— Ну, давай пить медленно. Гдѣ ты былъ?

— На распродажѣ у лорда Дансея. Ты знаешь, что этотъ превосходный человѣкъ умеръ отъ апоплексическаго удара.

— Не все равно, отъ чего онъ умеръ, отъ чахотки или водяной! Главное—что̀ онъ оставилъ?

Не удивляйтесь, что любители автографовъ не чувствительны. Вообще, всѣ люди, занятые однимъ предметомъ, теряютъ доброту сердца. Жизнь человѣка для нихъ ничего не значитъ, только бы онъ оставилъ драгоцѣнную книгу, старую рукопись, историческое оружіе, древнюю монету или медаль.

— Посмотри, продолжалъ Дюмартуа, показывая ему листъ пергамента, тонкій и нѣжный какъ бумага и сложенный въ-четверо письмомъ.

— Это письмо?

— Точно такъ, любезный товарищъ.

— Пятнадцатаго вѣка?

— Нѣтъ, шестнадцатаго.

— Да чье же?.. Говори скорѣе... развѣ ты не видишь мое нетерпѣніе... сжалься надо мною.

— Это письмо Генриха VIII—не болѣе.

Пентандръ не могъ удержать крика восторга и удивленія.

— Письмо Генриха VIII къ Катеринѣ Арагонской, прибавилъ Дюмартуа.

— Да это сокровище, настоящій перлъ...

— Не только перлъ, но цѣлое ожерелье перловъ, потому что каждое слово тутъ драгоцѣнно. Знаешь ли ты, что говоритъ въ этомъ письмѣ Генрихъ VIII Катеринѣ Арагонской... Прочитай... Это написано дурнымъ латинскимъ языкомъ, но за то можетъ свести съ ума каждаго собирателя автографовъ. Слушай:

«Если вы будете продолжать обходиться съ Анною Боленъ также презрительно, то берегитесь! Вы будете раскаяваться!»

— Это превосходно! Въ этомъ письмѣ исторія цѣлаго царствованія.

— Точно такъ, Пентандръ. Теперь, не угодно ли вамъ посмотрѣть на число.

Пентандръ вскричалъ съ новымъ восклицаніемъ:

— Письмо написано за два дня до развода Генриха VIII съ Катериною Арагонской...

— Стало быть, за три дня до его брака съ Анною Боленъ. Что вы на это скажете?

— Что ты заплатилъ за письмо тысячу франковъ, потому, что дешевле нельзя достать такой рѣдкости.

— Ошибаешься, я досталъ его почти даромъ. Оно стоитъ двѣсти шестьдесятъ франковъ.

— Счастливецъ, Дюмартуа!

— А тебѣ завидно, Пентандръ?

— Совсѣмъ нѣтъ; я только говорю, что ты особенно счастливъ.

— Можетъ быть. Пойти однако положить въ картонъ письмо Генриха VIII къ Катеринѣ Арагонской.

— А онъ мнѣ ничего не сказалъ объ этой распродажѣ, ворчалъ Пентандръ, когда другъ его ушелъ. Онъ сдѣлалъ это съ умысломъ, чтобъ подразнить меня своими письмами Генриха VIII. Хорошо же, я припомню ему это.

И Пентандръ побѣжалъ къ привратнику и сказалъ ему:

— Вотъ тебѣ двадцать франковъ, любезный Тротба. Обѣщаю давать тебѣ столько же всякій разъ, когда ты всѣ объявленія объ аукціонахъ будешь отдавать мнѣ одному въ домѣ. Слышишь ли, мнѣ одному и никому другому.

— Слушаю, г. Пентандръ: я честный человѣкъ и не захочу даромъ получать ваши деньги. Будьте покойны. Всѣ объявленія объ аукціонахъ будутъ у васъ однихъ, отвѣчалъ плутъ Тротба.

Ясно, что этимъ способомъ Пентандръ хотѣлъ помѣшать другу быть на аукціонахъ. Блокада началась, и Дюмартуа удивлялся, отчего въ Парижѣ цѣлыя двѣ недѣли нѣтъ нигдѣ аукціона.

— Неужели въ это время никто не умеръ? говорилъ онъ. Неужели всѣ любители автографовъ сговорились жить долго. Что бы это значило!

Въ эту минуту въ кабинетъ Дюмартуа вошелъ его сосѣдъ съ такою блистательною физіономіею, какая была двѣ недѣли тому назадъ у Дюмартуа, и сказалъ голосомъ побѣдителя:

— Посмотри, Дюмартуа, что я досталъ.

— Что такое.

— Автографъ, письмо.

Дюмартуа поблѣднѣлъ, но сказалъ, стараясь казаться покойнымъ:

— Не пятнадцатаго ли вѣка?

— Нѣтъ, шестнадцатаго.

— Развѣ былъ аукціонъ?... Какъ же я не зналъ этого?

— Не знаю, отчего тебѣ неизвѣстно, что недавно скончался богатый голландскій банкиръ Ванъ-Претъ. Послѣ него былъ аукціонъ. Говорятъ, что онъ умеръ отъ аневризма въ сердцѣ: бѣдняжка, онъ долго страдалъ.

— Что мнѣ за дѣло, чѣмъ онъ страдалъ... Мнѣ только странно, что я ничего не зналъ о распродажѣ... Что же ты купилъ тамъ?

— Да вотъ это письмо Генриха VIII.

— Какъ, ты тоже нашелъ письмо этого короля?

— Да, и мое еще драгоцѣннѣе твоего. Посмотри самъ. Генрихъ VIII пишетъ въ этотъ разъ Аннѣ Боленъ и вотъ что онъ ей говоритъ:

«Вы хотите удалить Женни Сеймуръ. Если вы рѣшитесь это сдѣлать, то бойтесь моего гнѣва.

Генрихъ.»

— И такъ какъ всѣмъ извѣстно, продолжалъ Пентандръ, что Генрисъ VIII, послѣ Анны Боленъ, женился на Женни Сеймуръ, то мое письмо важнѣе. Твое письмо было передъ разводомъ, мое передъ смертью.

— Да, ты правъ: смерть важнѣе развода, отвѣчалъ Дюмартуа, грустно опустивъ голову, и когда сосѣдъ ушелъ, онъ прибавилъ: «Этотъ мошенникъ Пентандръ одурачилъ меня. Хорошо же, я съумѣю отомстить ему тѣмъ же.»

И Дюмартуа задумалъ свою месть и началъ приводить ее въ исполненіе. Однажды ночью Пентандръ замѣтилъ огонь въ квартирѣ сосѣда, чего никогда не было, и пошелъ къ нему. Когда онъ постучалъ въ дверь, ему не сейчасъ отворили; это означало что-то чрезвычайное. Притомъ наши друзья уже нѣсколько дней были чрезвычайно холодны, что-то скрывали другъ отъ друга, а это не предвѣщало ничего хорошаго.

Наконецъ дверь отворилась.

— Куда это ты собрался, спросилъ Пентандръ, пораженный удивленіемъ, увидя два туго набитыхъ чемодана и всѣ приготовленія къ отъѣзду?

— Я уѣзжаю, отвѣчалъ Дюмартуа, немного смѣшавшись.

— Когда?

— Сегодня ночью въ три часа, по желѣзной дорогѣ, въ Гавръ.

— А оттуда?

— Въ Англію.

— Какъ въ Англію? и ты мнѣ ничего не сказалъ...

— Я только-что хотѣлъ идти къ тебѣ... когда ты вошелъ... Я хотѣлъ только уложить мои чемоданы... Я бы не уѣхалъ, не простившись съ тобою...

— Да зачѣмъ ты ѣдешь въ Лондонъ? продолжалъ сосѣдъ, замѣчая смущеніе и заиканіе друга.

— Мой докторъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать лечиться...

— Вотъ что! Я въ первый разъ слышу, что лондонскій воздухъ полезенъ для здоровья. Развѣ ты болѣнъ?

— Да, немного...

— Ну, если болѣзнь твоя неопасна, то, можетъ быть, климатъ Лондона, сырой и туманный, поможетъ тебѣ. А какъ продолжительно будетъ твое леченье?

— Не знаю, смотря по обстоятельствамъ...

— Будешь ли ты хоть писать мнѣ?

— Какъ же! можешь ли ты объ этомъ спрашивать, мой другъ, сказалъ быстро Дюмартуа и съ жаромъ сжалъ руку сосѣда; но въ сердцѣ друзей не было уже и слѣдовъ дружбы, только оба старались обмануть другъ друга.

— Прощай же, мой добрый Дюмартуа, счастливаго пути.

— Благодарю, мой другъ... до свиданія.

И послѣ этого нераздирательнаго прощанья, Дюмартуа съ чемоданами отправился въ фіакрѣ къ конторѣ желѣзной дороги; но выѣзжая изъ улицы Готефель проворчалъ сквозь зубы:

— Ты думалъ, что одурачилъ меня, Пентандръ, тѣмъ, что не допускалъ до меня каталоговъ аукціонной продажи. Ты купилъ письмо Генриха VIII, чтобъ посмѣяться надо мною и унизить меня. Посмотримъ, кто будетъ больше смѣяться.

Пентандръ, проводивъ своего друга, вмѣсто того, чтобъ заняться своими дѣтьми и поправленіемъ своего разстроеннаго состоянія, еще съ бо̀льшимъ жаромъ предался своей страсти, желая только одного — возбудить удивленіе и зависть Дюмартуа, когда тотъ вернется изъ Англіи. Когда же тутъ думать объ обязанностяхъ отца!

Такъ поступаютъ всѣ эти невинные безумцы, посвятившіе свою жизнь коллекціямъ раковинъ или яицъ, писемъ или книгъ. Они собираютъ рѣдкости не столько для себя, сколько для того, чтобъ уничтожить своихъ соперниковъ. Въ *автографоманіи* есть свои Нероны.

И Пентандръ, пользуясь таинственнымъ отсутствіемъ друга, началъ собирать автографы *всѣхъ полководцевъ, командовавшихъ арміями отъ Карла VII до нашихъ временъ*. Это заняло у него немного времени, потому, что онъ купилъ почти всю коллекцію у одного стараго любителя, который извѣстенъ былъ долго какъ благороднѣйшій человѣкъ, но о которомъ впослѣдствіи узнали, что онъ поддѣлываетъ фальшивыя бумаги. Онъ назывался Флиппаръ Дюронель. Искусство его было такъ велико, что въ десять минутъ онъ находилъ нужную бумагу, чернила и выраженія, чтобъ написать духовное завѣщаніе пятнадцатаго вѣка, контрактъ шестнадцатаго или любовную записку семнадцатаго. Флиппаръ Дюронель умѣлъ придать пергаменту или бумагѣ желтый и даже фіолетовый цвѣтъ, какой бываетъ на древнихъ рукописяхъ.

Любопытно какъ поддѣлка его была открыта. Флиппаръ Дюронель такъ превосходно составилъ пригласительное письмо отъ теолога шестнадцатаго вѣка Эколампадія къ Меланхтону, что самъ попался въ обманъ. Вотъ какъ это случилось. Знаменитый автографъ былъ проданъ одному извѣстному любителю, и авторъ его давно забылъ о немъ, какъ вдругъ черезъ двадцать лѣтъ любитель умираетъ и коллекція его продается съ аукціона. Дюронель, думая получить большой барышъ, покупаетъ приглашеніе Эколампадія къ Меланхтону, но вдругъ черезъ нѣсколько дней узнаетъ, что оно фальшивое. Тогда онъ въ гнѣвѣ бѣжитъ къ наслѣдникамъ покойника, на аукціонъ, и вездѣ объявляетъ, что его обманули, что продали ему подложный автографъ шестнадцатаго вѣка. Наконецъ судъ вмѣшался въ это дѣло и разобралъ его такъ внимательно, что нашелъ настоящаго автора письма — самого Флиппара Дюронель! Что можетъ быть ужаснѣе этого наказанія для обманщика, попавшагося въ свои собственныя сѣти. Однако, шутка эта кончилась тѣмъ, что автора знаменитаго приглашенія посадили въ тюрьму на восемнадцать мѣсяцевъ.

Замѣтно, что безумцы, предающіеся страсти къ коллекціямъ, начинаютъ всегда поступать благоразумно и выбираютъ предметъ занимательный или ученый. Но, мало-по-малу, страсть эта овладѣваетъ всѣми ихъ способностями и дѣлаетъ ихъ смѣшными и жалкими, потому что доводитъ всегда до разоренія. Но автографоманы не обращаютъ уже ни на что вниманія и съ жадностію стремятся къ одной цѣли.

Вотъ почему и Пентандръ бросилъ до двадцати тысячъ франковъ на подозрительные автографы, оставшіеся подлѣ Дюронеля; но это показалось ему недостаточнымъ, и онъ, послѣ коллекціи автографовъ главныхъ полководцевъ, вздумалъ собрать рукописи тѣхъ, которые командовали на второмъ планѣ. Это дѣлалось уже странно. Черезъ нѣсколько времени онъ началъ приближаться къ смѣшному, потому, что вздy-

малъ осуществить эксцентрическую мысль: собрать автографы генераловъ, потерявшихъ въ сраженіи правый глазъ.

Эта прихоть обошлась Пентандру не дешево и стоила много хлопотъ, потому что хотя число кривыхъ генераловъ на правый глазъ и не велико, но все-таки письма ихъ были разбросаны по разнымъ городамъ и ихъ надобно было отыскивать. Послѣ этого, чудаку пришла фантазія собрать автографы знаменитыхъ актеровъ. Цѣною золота досталъ онъ нѣсколько строкъ Барона, Лекена, Флери, Моле, Тальмы; но это показалось ему не оригинальнымъ и онъ вздумалъ собрать колекцію писемъ, принадлежащихъ актерамъ, освистайнымъ публикою. Этой эксцентрической мысли еще никому не приходило въ голову и Пентандръ былъ увѣренъ, что Дюмартуа захвораетъ отъ зависти.

— Пусть онъ гуляетъ по Англіи, говорилъ Пентандръ улыбаясь: пусть тратитъ время и деньги, отыскивая рукописи, стертыя лондонскимъ туманомъ. Онъ думалъ, что я повѣрилъ его выдумкѣ. Поѣхалъ лечиться въ Англію. Нѣтъ, г. Дюмартуа, я не такъ глупъ, какъ вы думаете. Пріѣзжайте только сюда и я вамъ приготовлю такой сюрпризъ, что вы будете довольны.

И Пентандръ приготовилъ картонъ для новыхъ автографовъ, но тутъ онъ встрѣтилъ непредвидѣнное препятствіе. Къ какому актеру онъ не обращался, хоть къ самому жалкому, ни одинъ не сознавался, чтобъ его когда-нибудь ошикали, и всѣ отвѣчали: «Во всѣхъ городахъ и роляхъ я былъ осыпанъ рукоплесканіями.»

Что тутъ дѣлать? Пентандръ принужденъ былъ обойтись безъ сознанія освистанныхъ артистовъ и набралъ колекцію ихъ автографовъ.

Потомъ и этого показалось мало мстительному собирателю колекцій, и онъ, чтобъ совершенно убить Дюмартуа, началъ отыскивать письма великихъ людей, только такія, чтобъ въ каждомъ письмѣ или рукописи была граматическая ошибка. Онъ плакалъ отъ радости, когда находилъ письмо Лафонтена или Буало, въ которомъ недоставало какой-нибудь буквы или знака. Но восторга его нельзя описать, когда онъ досталъ за баснословную цѣну рукописный листокъ изъ Гораціевъ Корнеля, на которомъ знаменитыя слова qu'il mourût были написаны безъ accent circonflexe. Онъ не обращалъ вниманія на то, что въ рукахъ его находился лучшій полустихъ трагедіи, что онъ написанъ рукою безсмертнаго генія; все это были мелочи въ сравненіи съ отсутствіемъ этого знака на словѣ mourut. Эта ошибка должна была привести въ отчаяніе бѣднаго Дюмартуа.

Но путешественникъ вернулся изъ Англіи. Ненависть его къ сосѣду возрасла до такой степени, что онъ не хотѣлъ жить съ нимъ въ

одномъ домѣ въ скромной Готфельской улицѣ. Притомъ же онъ видѣлъ, что въ Англіи автографы помѣщаются во дворцахъ и собираются знатными лордами. Онъ вздумалъ во Франціи подражать лордамъ-любителямъ, нанялъ цѣлый этажъ въ улицѣ Шоссе д'Антенъ и помѣстилъ въ великолѣпныхъ залахъ рукописи, привезенныя имъ изъ Лондона, Дублина, Эдимбурга. Дюмартуа, какъ видно, посѣтилъ не одну Англію и употребилъ съ пользою свое путешествіе. Только надобно спросить: чего оно ему стоило?

Всѣ любители Парижа бросились на выставку Дюмартуа; всѣ приходили въ восторгъ отъ его драгоцѣнной колекціи, заключавшей въ себѣ рукописи отъ двѣнадцатаго до семнадцатаго вѣка. Пентандръ былъ совершенно побѣжденъ и готовъ былъ съ отчаянія проглотить всѣ свои автографы, но, къ счастію, удержался.

Онъ сначала не хотѣлъ явиться на выставкѣ соперника. Да и что тамъ было ему дѣлать? Ясно, что Дюмартуа съ намѣреніемъ не далъ знать о своемъ пріѣздѣ и не навѣстилъ сосѣда и друга. Значитъ, онъ хотѣлъ только унизить, оскорбить Пентандра.

Но вдругъ однажды Дюмартуа объявилъ печатно, что онъ покажетъ своимъ товарищамъ нѣсколько автографовъ временъ Генриха VIII, и Пентандръ не могъ никакъ удержаться. Онъ вспомнилъ два письма этого короля, бывшія причиною разрыва дружбы; вспомнилъ, что его письмо, писанное къ Аннѣ Боленъ, было признано самимъ Дюмартуа важнѣе, чѣмъ письмо къ Катеринѣ Арагонской и захотѣлъ удостовѣриться, что̀ еще могъ любопытнаго достать соперникъ.

Онъ отправился въ отель Шоссе д'Антенъ и вошелъ въ залы съ толпою любопытныхъ, гдѣ думалъ остаться незамѣченнымъ въ толпѣ и просмотрѣть всѣ рѣдкости, привезенныя изъ Англіи. Самъ Дюмартуа въ это время объяснялъ значеніе разныхъ автографовъ, и наконецъ, взявъ два листка, сказалъ слушателямъ:

— Господа, когда я только начиналъ собирать мою колекцію, то одинъ жалкій любитель, узнавъ, что я досталъ письмо Генриха VIII къ Катеринѣ Арагонской, вздумалъ похвастать другимъ письмомъ этого короля къ Аннѣ Боленъ, увѣряя, что его письмо важнѣе. Что̀ бы сказалъ теперь этотъ бѣднякъ, если только онъ живъ, увидя мою колекцію, гдѣ есть, кромѣ писемъ Анны Боленъ, письмо Анны Клевской, письмо Катерины Говардъ и, главное, историческое письмо, писанное Анною Боленъ передъ смертью. Вотъ оно:

«Вы меня всегда возвышали, государь: изъ фрейлины вы сдѣлали маркизу, изъ маркизы королеву. Теперь изъ королевы я сдѣлалась невинная страдалица. *Анна.*»

— Да, я бы желалъ, продолжалъ Дюмартуа насмѣшливо, чтобъ этотъ ничтожный любитель автографовъ. Какъ-бишь его звали: Пеншо... нѣтъ, Пенсекъ... да—Пентандръ... увидѣлъ бы это письмо и рѣшилъ, которое важнѣе. Мнѣ жаль бѣдняка... если онъ живъ. Впрочемъ, оставимъ его въ его могилѣ или въ неизвѣстности...

— Онъ видѣлъ меня! О! какъ онъ меня унизилъ, говорилъ Пентандръ, выходя изъ великолѣпнаго отеля. И онъ думалъ, что я оставлю это такъ; нѣтъ, я знаю какъ отомстить... Онъ съѣздилъ въ Англію за всѣми этими рукописями. Онъ на вѣсъ золота покупалъ тамъ пергаментъ... Ну, чтожъ, и я поѣду туда... Продамъ все, что у меня есть и поѣду въ Англію за автографами.

Безумцу немного надобно было продавать, потому, что у него почти уже ничего не было, и черезъ двѣ недѣли онъ поѣхалъ въ Англію, оставя дѣтей своихъ не на соломѣ, а на автографахъ,—а это очень жосткая постель.

Нѣсколько мѣсяцевъ бѣдный Пентандръ бродилъ по Англіи, не пріобрѣтя еще ничего, потому, что въ этой странѣ надобно много золота, чтобъ найти то, чего ищутъ, какъ вдругъ онъ услышалъ, что въ лондонской башнѣ, гдѣ хранятся всѣ національныя древности, сдѣлана покража. Въ числѣ похищенныхъ вещей было нѣсколько рукописей; но такъ какъ послѣднихъ чрезвычайно много, то не успѣли еще доказать, что именно пропало.

— Что если въ числѣ украденныхъ рукописей были письма Генриха VIII къ своимъ женамъ, или письма Анны Боленъ, думалъ Пентандръ. И тотчасъ же побѣжалъ къ главному судьѣ, чтобъ объяснить ему свои подозрѣнія. Судья обрадовался случаю и, желая показать свое стараніе, повелъ путешественника въ лондонскую башню, гдѣ началъ перебирать реестръ всѣхъ рѣдкостей. Вотъ наконецъ реестръ рукописей. Писемъ Генриха VIII нѣтъ; стало быть онѣ не украдены, но письмо Анны Боленъ записано въ реестрѣ: оно должно быть въ башнѣ.

Начали искать, перерыли всѣ шкафы, пересмотрѣли всѣ картоны,—письма нѣтъ.

— Я знаю, гдѣ оно, вскричалъ Пентандръ трагическимъ тономъ. Оно у Дюмартуа. Ненавистный Дюмартуа укралъ его.

Предположеніе это было слишкомъ сильно; но судъ, не разсуждая, собралъ всѣ доказательства, обратился къ парижской полиціи и та сдѣлала неожиданный визитъ въ отель Дюмартуа. Письмо Анны Боленъ было найдено и хозяина колекціи арестовали. Начался процессъ, и Дюмартуа доказалъ, что онъ не кралъ рукописей въ лондонской башнѣ, но только купилъ ихъ у одного изъ воровъ. Положеніе его не-

много улучшилось отъ этого, но все-таки онъ остался подъ обвиненіемъ, зная, что покупаетъ краденую вещь, а это тоже строго наказывается въ Англіи. Дюмартуа былъ осужденъ на тюремное заключеніе на годъ, на возвращеніе письма Анны Боленъ и на большой денежный взносъ. Этотъ процессъ, со всѣми расходами, до того истощилъ всѣ средства Дюмартуа, что онъ сдѣлался также бѣденъ, какъ Пентандръ.

Но Пентандръ былъ отмщенъ.

Оба друга автографоманы были разорены въ конецъ. При выходѣ изъ тюрьмы, Дюмартуа, не привыкшій къ ударамъ судьбы, впалъ въ такое отчаяніе, что жизнь его была въ опасности; но его поддержала все-таки страсть къ рукописямъ, которая, какъ страсть къ игрѣ, сильнѣе овладѣваетъ человѣкомъ, приближающимся къ старости. Хотя средства не позволяли ему большихъ расходовъ, но онъ все-таки покупалъ кое-какія подписи и составлялъ новыя колекціи. Однако Пентандръ не выпускалъ изъ виду своего врага и ненависть бывшихъ друзей возрасла до того, что они, какъ корсиканцы, поклялись въ душѣ истребить другъ друга. Оба они слѣдили за поступками другъ друга, и наконецъ Пентандръ узналъ, что Дюмартуа для чего-то посѣщаетъ всѣхъ привратниковъ двѣнадцатаго округа.

— Что ему дѣлать у привратниковъ? спрашивалъ себя Пентандръ. Кажется, эти люди пользуются репутаціею честныхъ гражданъ, но воспитаніе ихъ не такое блестящее, чтобъ человѣкъ умный, какъ Дюмартуа, могъ находить удовольствіе въ ихъ обществѣ. Я узнаю эту тайну, во что бы то ни стало.

И черезъ нѣсколько дней Пентандръ вошелъ въ комнату привратника на площади Пантеона и спросилъ:

— Г. Дюмартуа, кажется, занимаетъ квартиру въ вашемъ домѣ. Я встрѣтилъ его, когда онъ выходилъ отсюда. Поздравляю васъ съ хорошимъ жильцомъ. Онъ приходитъ домой рано, не воспитываетъ ни кошекъ, ни собакъ, не играетъ ни на какомъ инструментѣ и платитъ акуратно. Словомъ, желаю вамъ побольше такихъ жильцовъ.

— Вы ошибаетесь, сударь: г. Дюмартуа не ищетъ квартиры... онъ совсѣмъ не за тѣмъ приходилъ ко мнѣ.

— О, я не любопытенъ, и не хочу знать тайнъ г. Дюмартуа, сказалъ Пентандръ, положа на каминъ двѣ пятифранковыя монеты.

— Да это совсѣмъ не тайна, отвѣчалъ привратникъ, удивленный щедростью гостя. Я даже не обязывался молчать. Знаете ли, зачѣмъ приходилъ сюда вашъ пріятель?... Просто, смѣшно сказать... вы не повѣрите даже такой шуткѣ. Г. Дюмартуа приходилъ за тѣмъ, чтобъ

я написалъ ему нѣсколько строчекъ. Я пишу не совсѣмъ красиво, но все-таки исполнилъ его просьбу.

— Какъ? онъ просилъ васъ написать...

— Да, этотъ господинъ настаивалъ, чтобъ я написалъ, и заплатилъ мнѣ за мое писанье. Какіе странные капризы бываютъ у господъ. Ну, на что ему мое писанье?

— А! я начинаю понимать, ворчалъ Пентандръ, выходя на улицу. Этотъ Дюмартуа опять придумываетъ какую-нибудь колекцію. Пойду въ улицу Пуль и распрошу тамъ.

Другой привратникъ, къ которому обратился Пентандръ, отвѣчалъ:

— Г. Дюмартуа купилъ у меня четыре строчки моего писанья и заплатилъ за нихъ восемь франковъ, по два франка за строку, какъ въ большихъ журналахъ. Чрезвычайно лестно, что мнѣ заплатили какъ знаменитому писателю.

Третій привратникъ улицы Гре отвѣчалъ тоже самое, и Пентандръ удостовѣрился, что Дюмартуа собираетъ колекцію автографовъ всѣхъ привратниковъ двѣнадцатаго округа.

— Наконецъ-то я могу ему отомстить, вскричалъ Пентандръ. Я воспользуюсь его мыслію, которая нова и превосходна, и тоже соберу колекцію автографовъ привратниковъ двѣнадцатаго округа. Вотъ какой будетъ ему ударъ Exegi monumentum!

И въ продолженіе цѣлаго года Пентандръ ходилъ по слѣдамъ Дюмартуа и покупалъ автографы у тѣхъ же самыхъ привратниковъ, которые продавали свое писанье его врагу.

Но что это было за писанье! Что̀ за орѳографія, а, главное—что̀ за подписи!

Одинъ только привратникъ всѣми силами противился желанію Пентандра и наотрѣзъ отказалъ ему:

— Никогда и ни за что на свѣтѣ я не напишу вамъ ни одной строчки, говорилъ онъ.

— Это Дюмартуа подучилъ его, подкупилъ, вскричалъ Пентандръ съ отчаяніемъ. Онъ хочетъ погубить меня, потому, что безъ автографа этого привратника колекція моя неполна, а неполная колекція ничего не значитъ, ничего не стоитъ...

Просьбы, слезы, деньги ничто не могло поколебать твердости привратника.

— Рѣшусь на послѣднее средство, сказалъ Пентандръ.

И чтожъ онъ сдѣлалъ? Онъ продалъ всѣ свои прежнія колекціи автографовъ, собралъ за нихъ съ трудомъ три тысячи франковъ и принесъ ихъ упрямому сторожу дома въ улицѣ Гре.

— Вотъ тебѣ все, что я имѣю,—больше у меня ничего нѣтъ, только дай мнѣ хоть твою подпись.

— Надобно ли согласиться? спросилъ привратникъ человѣка, спрятаннаго за занавѣскою?

— Соглашайся, только проси, чтобъ онъ отдалъ тебѣ и часы, такъ, чтобъ выходя отсюда онъ былъ совершенно нищій и бросился бы съ отчаянія въ воду.

Этотъ безчеловѣчный совѣтъ, данный Дюмартуа, былъ исполненъ.

Привратникъ взялъ три тысячи франковъ и часы Пентандра, потомъ сдѣлалъ на бумагѣ крестъ. Это былъ его автографъ, потому что онъ не умѣлъ писать! (Musée des familles.)

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ.

—

Смерть Жерара де Нерваль.—Біографія его.—Дѣтство.—Первое явленіе Адріенны.—Переводъ Фауста.—Мнѣніе о немъ Гёте.—Характеръ Жерара.—Первыя его произведенія.—Гарель и драма.—Второе явленіе Адріенны.—Дюма и Комическая опера.—Ссора съ Мейербером.—Признаніе поэта.—Его бѣгство въ Неаполь.—Жизнь его въ Парижѣ.—Общество артистовъ.—*Пикильо* и Дюма.—Лео Буркгартъ и Жераръ.—Потеря поэта.—Его путешествія.—Послѣдній припадокъ.—Школа здраваго смысла.—Начало ея.—Рашель и классицизмъ.—Новый поэтъ.—Стихи *Лукреціи*.—Причина ея успѣха.—Простота древнихъ.—*Агнеса де Мерани*.—Шарлота Корде.—Древность и Гомеръ.—Честь и деньги.—Новости Парижа.—Снѣгъ и насморкъ.—Докторъ изъ Гасконіи.—Французскій театръ и комедія Гозлана.—Смерть Жака Араго.—Львы и дилижансъ.—Розы Абдель-Кадера.—Новый журналъ.—Новое открытіе.—Драматическій балъ.—Наряды Парижа.—Догадливый хозяинъ дома.—Новая комическая опера.—Гризаръ и его музыка.—Баледье-де-Гель. — Революція въ промышлености. — Морской альбомъ. — Оживленіе фабрикъ.—Дороговизна квартиръ.—Жильцы и хозяева.—Привратники.—Уничтоженіе дешевыхъ квартиръ.—Привратники-хозяева.—Великолѣпіе домовъ.—Жильцы журналисты.—Деспотизмъ хозяевъ.—Хозяйка и привратница.—Дѣти привратниковъ.—Анекдотъ про волосы.—Привратница и ея словарь.—Привратникъ безъ мѣста.—Врагъ жильца.— Отъѣздъ Рашели.—La femme d'un grand homme — Donnez aux pauvres.—Балетъ *Фонти*.—Южная звѣзда.—Новыя открытія.—Аукціонъ автографовъ.—Новыя занятія.—Шляпки-коляски.—Оригинальные браки.—Процессы.—Уличная продажа.—Литература.—Миркуръ и Дюма.—Женщины-писательницы.

Въ прошломъ мѣсяцѣ страшное извѣстіе поразило весь Парижъ и особенно литературный міръ. Жераръ де Нерваль, одинъ изъ замѣча-

тельнѣйшихъ писателей Франціи, заслужившій всеобщее уваженіе, какъ своими сочиненіями, такъ и благороднымъ характеромъ, найденъ былъ повѣсившимся на лѣстницѣ одного дома, въ улицѣ Вьель-Лантернъ. Въ послѣднее время, здоровье Жерара де-Нерваль было такъ опасно, что доходило до помѣшательства, и въ одномъ изъ такихъ припадковъ, онъ успѣлъ избавиться отъ присмотра друзей и окончилъ дни свои самоубійствомъ. Какой ужасный конецъ для человѣка, будущность котораго обѣщала такъ много!

Жераръ де-Нерваль принадлежалъ къ числу счастливцевъ, на лицѣ которыхъ ясно выражается доброта, остроуміе, откровенность, честность, которые, не подозрѣвая прозы жизни, живутъ въ идеальномъ мірѣ поэзіи и любви, замѣняя дѣйствительность мечтами.

Положительные люди называютъ ихъ поэтами, или безумцами,—но это избранники, которыхъ воображеніе переноситъ въ лучшій міръ, куда не всѣ могутъ за ними слѣдовать.

Жераръ де-Нерваль родился въ 1808 году, въ Парижѣ, въ одной изъ улицъ, прилегающихъ къ Палероялю. Отецъ его, старый офицеръ имперіи, еще живъ. Какой ударъ ожидалъ ветерана!

Біографія этого писателя такъ занимательна, что мы разскажемъ ее нѣсколько подробнѣе.

Жераль де-Нерваль не зналъ почти ласкъ матери, потому что ему не было еще и двухъ лѣтъ, когда она послѣдовала за мужемъ на войну, какъ это дѣлали многія женщины во время имперіи. Ребенокъ остался у дяди, который жилъ въ цвѣтущей Эрменонвильской долинѣ, гдѣ росъ на чистомъ воздухѣ и въ совершенной свободѣ.

Однажды Жераръ, играя на крыльцѣ, увидѣлъ смуглаго мужчину, который сбросилъ плащъ съ своего мундира и сказалъ, протягивая къ нему объятія:

— Узнаешь ли ты меня?

— Да; ты мой отецъ, сказалъ мальчикъ, обнимая воина.

Помнить его онъ, разумѣется, не могъ, но угадалъ по біенію собственнаго своего сердца и потомъ прибавилъ:

— Гдѣ же маменька?

Офицеръ крѣпче прижалъ сына къ сердцу и молча показалъ ему ан небо. Оба они заплакали.

Мать Жерара умерла въ Силезіи отъ воспаленія.

Послѣ отреченія императора, Нерваль оставилъ службу и занялся воспитаніемъ сына. Долгое пребываніе въ Пруссіи, Австріи, Германіи познакомило офицера съ нѣмецкимъ языкомъ; онъ зналъ также восточные языки и сынъ его въ два года сдѣлался полиглотомъ, почти не учась.

Потомъ его послали въ Парижъ, въ коллегію Карла Великаго.

Тутъ онъ отличался болѣе своими способностями и легкостію въ ученьи, чѣмъ прилежаніемъ и терпѣніемъ.

Жераръ проводилъ каникулы у своего дяди и по праздникамъ танцовалъ съ поселянками на зеленомъ лугу. Тутъ онъ встрѣтилъ эту таинственную Адріенну, имѣвшую такое вліяніе на его будущность. Эпизодъ этотъ превосходно имъ описанъ въ Les filles du feu, и имѣлъ огромный успѣхъ.

Возвратясь въ учебное заведеніе, Жераръ думалъ только объ Адріеннѣ, явившейся ему ночью, на лугу, при блескѣ луны, и началъ писать стихи, утѣшаясь только тѣмъ, что въ будущіе каникулы онъ увидитъ ее.

Но, увы! Онъ уже не встрѣчалъ ее, потому, что она поступила въ монастырь. Съ отчаянія, молодой человѣкъ началъ прилежно работать. Такъ какъ онъ находилъ развлеченіе только въ нѣмецкихъ стихотвореніяхъ, то ему пришла въ голову мысль перевести Фауста прозой и стихами, и онъ исполнилъ это такъ хорошо, что до-сихъ-поръ переводъ его считается лучшимъ. Самъ Гёте пришелъ въ восторгъ отъ этого труда.

Однажды, великій поэтъ, обѣдая съ Экерманомъ, не выпускалъ изъ рукъ книги, которую перелистывалъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Что вы читаете? спросилъ его Экерманъ.

— Французскій переводъ моего Фауста, Жерара де-Нерваль.

— Да, слышалъ... этотъ переводчикъ еще восемнадцати-лѣтній мальчикъ; стало быть, работа его должна напоминать школьную скамью.

— Восемнадцать лѣтъ! вскричалъ Гёте. Возможно-ли, чтобъ переводчикъ Фауста былъ такъ молодъ!

— Я знаю это навѣрное. Я справлялся.

— Такъ послушайте, что я вамъ скажу, продолжалъ поэтъ: этотъ переводъ сдѣланъ съ такимъ знаніемъ, написанъ такимъ превосходнымъ слогомъ, что авторъ его сдѣлается однимъ изъ лучшихъ французскихъ писателей.

— Неужели? спросилъ удивленный Экерманъ.

— Да развѣ вы не читали этой книги?

— Нѣтъ; я зналъ лѣта автора и не рѣшался прочесть ее.

— Такъ совѣтую вамъ сдѣлать это. Признаюсь, что я съ новымъ удовольствіемъ читаю Фауста во французскомъ переводѣ, такъ онъ кажется мнѣ свѣжъ и живъ. Я горжусь, что сочиненіе мое передано такъ превосходно. Повторяю вамъ, что молодой переводчикъ пойдетъ далеко.

Эта похвала выше всего, и Жераръ де-Нервалъ могъ бы гордиться ею, но никто изъ окружающихъ даже не слыхалъ, чтобъ онъ когда-нибудь разсказывалъ этотъ анекдотъ.

Переводчикъ Фауста, авторъ множества разсказовъ, которыми, по справедливости, гордится современная литература, — былъ до того скроменъ, что даже не подозрѣвалъ своей извѣстности и ни сколько не походилъ на бо́льшую часть писателей, которые поминутно трубятъ публикѣ о своихъ заслугахъ.

Тихій и робкій, Жераръ никогда даже не говорилъ о своихъ трудахъ и краснѣлъ, когда друзья его хвалили. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что занимаетъ послѣднее мѣсто въ войскѣ, вооруженномъ перьями, и когда до него доходили шумные крики зависти, или гордости, онъ утѣшался своею неизвѣстностію и не завидовалъ никакой блестящей славѣ. Литераторы, бѣгающіе за наградами, удивляли его, и онъ не понималъ также тружениковъ, посвящающихъ всю жизнь одной мысли. Политическіе писатели тоже не увлекали его: онъ смѣялся надъ этими литераторами и продолжалъ собирать медъ съ нѣжныхъ цвѣтовъ воображенія.

Берліозъ, найдя хоры Фауста гармоническими, просилъ позволенія написать къ нимъ музыку. Два тома стихотвореній Жерара: Souvenirs de nos gloires и Elégies nationales обратили на него вниманіе литературнаго міра, и библіофилъ Жакобъ, редакторъ Mercure de France, просилъ его помѣщать свои статьи въ этомъ журналѣ. Въ то время, въ этомъ же журналѣ блистали: Готье, Дюма и Жаненъ; библіофилъ Жакобъ присоединилъ къ нимъ Жерара де-Нерваль.

Онъ сошелся со всею партіею, возставшею противъ классицизма и писалъ въ томъ же духѣ.

Тогда вся пылкая молодежь раздѣлялась на три литературныхъ круга, собиравшихся у Шарля Нодье, у Беранже и у Виктора Гюго. Въ первомъ говорили, во второмъ пѣли, въ третьемъ шумѣли. Викторъ Гюго подалъ знакъ къ битвѣ, которая кончилась извѣстно чѣмъ. Въ числѣ павшихъ былъ и Віенне, убитый романтическою дубиною.

Жераръ, пользуясь перемиріемъ, написалъ премиленькую комедію: *Тартюфъ у Мольера* и другую le Prince des sots, которая при чтеніи была съ восторгомъ принята на театрѣ Одеона, но которую Гарель не хотѣлъ поставить, потому, что не любилъ *стиховъ*. Жераръ могъ бы заставить сыграть свою пьесу, но Гарель умѣлъ всегда вывернуться изъ непріятнаго положенія. Онъ увѣрилъ автора, что пьеса его не можетъ имѣть успѣха потому, что вкусъ къ комедіямъ прошелъ, и, вмѣсто Prince des sots, заказалъ ему драму въ новѣйшемъ вкусѣ.

— Напишите мнѣ великолѣпную пьесу изъ временъ Карла VI, говорилъ Гарель. Какая богатая эпоха и какое раздолье вашему таланту. Старый Парижъ, бургиньоны, арманьяки, казни, преступленія и надъ всѣмъ этимъ блѣдная фигура Изабеллы Баварской; что́ вы на это скажете?

— Что мысль ваша блистательна, только я никакъ не слажу съ пяти-актной драмой. На это надо много опытности.

— Совсѣмъ нѣтъ. Будьте смѣлы и больше ничего. Обѣщаю вамъ поставить вашу пьесу тотчасъ же, какъ вы ее принесете, и возьмите назадъ вашу комедію.

Жераръ де-Нерваль попалъ въ ловушку, поставленную ему Гарелемъ, который хотѣлъ только избавиться отъ комедіи. Что же касается драмы, то, расчитывая на неопытность молодаго человѣка и на поспѣшность работы, онъ былъ увѣренъ, что драма не будетъ годиться для сцены, какъ бы она ни была хороша.

Предположеніе его сбылось. Жераръ, увлеченный прелестью сюжета, взялъ все царствованіе, всѣ событія, всѣ лица и составилъ огромную хронику, полную занимательности и интригъ, но которую если и можно было поставить на сцену, то надобно было играть три дни сряду, а до такого прогресса не дошло еще драматическое искусство.

Жераръ де-Нерваль смѣялся надъ собою, что построилъ вмѣсто лодки корабль, который нельзя спустить въ рѣку. Съ-тѣхъ-поръ, за исключеніемъ *Алхимика*, онъ не брался писать драмъ. И однако, не смотря на его незнаніе сцены и неопытность въ составленіи пьесъ, ни одно его драматическое произведеніе не упало, потому, что слогъ автора—гладкій, увлекательный, всегда спасалъ пьесу. Если писатель принадлежитъ къ романтической школѣ, то слогъ его совершенно классическій.

Послѣ неудачной драмы онъ опять занялся своими любимыми германскими поэтами и написалъ превосходную комическую сказку: Main de gloire.

Во время іюльской революціи ему было только двадцать-два года.

Странно только, что ни время, ни работа, ни развлеченія, ни революція, ни извѣстность не могли изгладить изъ его памяти свѣтлое видѣніе дѣвушки, видѣнной имъ въ Эрменонвильскомъ паркѣ. При совершеннолѣтіи онъ небрежно принялъ въ свое владѣніе значительное состояніе, оставленное ему матерью, и все оплакивалъ потерю Адріенны.

Вдругъ однажды, въ Комической Оперѣ онъ видитъ актрису, которая наружностью, голосомъ напомнила ему Адріенну. Въ сильномъ волненіи онъ побѣжалъ на сцену, за кулисы и увидѣлъ ее, окруженную толпою

обожателей: вблизи она ему еще болѣе напомнила ту, которую онъ не могъ забыть.

Чтожъ? вы думаете, что молодой человѣкъ подойдетъ къ пѣвицѣ, начнетъ съ нею говорить, любезничать, какъ всѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Жераръ, мучимый одною мыслію, что это Адріенна—на другое же утро поѣхалъ въ Эрменонвиль и началъ всѣхъ распрашивать, что̀ случилось съ молодою, благородною дѣвушкою, принадлежащею къ знатной фамиліи. Никто не могъ отвѣчать ему на это, потому, что въ этихъ семействахъ семейныя тайны хранятся строго, и только одна поселянка, Сильвія, сказала ему:

— Не хлопочите о вашей Адріеннѣ: она пошла не по хорошей дорогѣ.

Эти слова доказали ему, что видѣніе парка и пѣвица Оперы была одно и тоже лицо и, возвратясь въ Парижъ, онъ въ тотъ же вечеръ слушалъ прекрасную незнакомку. Однако, робость или другое чувство не позволяли ему объясниться съ ней и, вмѣсто того, чтобъ идти къ актрисѣ, онъ на другое утро пошелъ къ Александру Дюма́.

— Напишемъ вмѣстѣ комическую оперу, сказалъ онъ, входя къ автору Генриха III.

— Не хочешь ли лучше драму? я готовъ быть твоимъ сотрудникомъ, отвѣчалъ Дюма.

— Мнѣ нужна комическая опера, а не драма. Я принесъ планъ, сюжетъ и заглавіе. Цѣлую ночь я писалъ. Мнѣ нужна великолѣпная женская роль.

Дюма взялъ тетрадь.

— Какое прекрасное названіе! вскричалъ онъ: «Царица Сабы»... я посмотрю... обдѣлаю. Сегодня я обѣдаю съ Мейерберомъ; онъ намъ напишетъ музыку.

— Не забудь же сильную роль для примадонны. Это главное.

Молодой писатель придумалъ это средство, чтобъ познакомиться съ примадонной. Поэты не любятъ идти по избитой дорогѣ.

Черезъ недѣлю либретто было въ рукахъ Мейербера, а между тѣмъ Жераръ жилъ восторгомъ, любуясь издали тою, которая для него все еще была Адріенною. Онъ, какъ настоящій герой романа, хотѣлъ явиться къ ней только съ оперою: онъ боялся дѣйствительности; боялся, что идеалъ его слишкомъ прекрасенъ и не хотѣлъ такъ скоро разбить свою мечту, сблизясь съ актрисою.

Къ несчастію, въ это время Мейерберъ поссорился съ Дюма за Братьевъ Корсиканцевъ и отослалъ ему назадъ либретто. Тогда Жераръ рѣшился объясниться и, написавъ пѣвицѣ чудное письмо, въ которомъ

вылилась вся его прекрасная душа, послалъ его съ букетомъ Адріеннѣ, а самъ, не дожидаясь отвѣта, уѣхалъ... въ Неаполь.

Это глупо, безумно, скажутъ опять положительные люди; но поэты вовсе не обязаны быть положительными. И потомъ, читая превосходные разсказы Нерваля, видишь въ нихъ такое нѣжное чувство, такіе тонкіе оттѣнки малѣйшихъ впечатлѣній, столько скромности и чистоты, что авторъ никакъ не могъ имѣть грубаго характера и обращаться съ любимою женщиною тривіяльно.

Многіе упрекаютъ Нерваля, что въ сочиненіяхъ его мало вымысла, движенія, драмы, что онъ работаетъ очень медленно. Совершенная правда, что онъ не можетъ сравняться съ фабрикантами-скороспѣлками, которые придумываютъ только эфекты, поражающіе читателя; но за то вся эта литература, наполняющая кабинеты для чтенія, не доживетъ и до конца нынѣшняго вѣка, тогда какъ Жераръ де-Нерваль будетъ жить и въ будущемъ, вмѣстѣ съ Бальзакомъ и нѣкоторыми романами Жоржа Занда.

По слогу, вкусу, чувствамъ и мыслямъ, Жераръ де-Нерваль выше Дюма.

И онъ могъ бы работать какъ паровая машина и сдѣлаться аферистомъ, а не литераторомъ, но остался вѣренъ искусству, поэзіи, и хотя современники, увлеченные потокомъ модныхъ романовъ, не отдаютъ ему полной справедливости, за то потомство оцѣнитъ его по достоинствамъ.

Взявъ свое либретто отъ Дюма, Жераръ сдѣлалъ изъ него одну изъ лучшихъ сказокъ, изданныхъ подъ названіемъ les Nuits du Ramazan.

Между тѣмъ, путешествіе въ Неаполь только усилило его любовь, не смотря на то, что одна молоденькая англичанка предлагала ему свое сердце и огромное состояніе. Онъ могъ бы сдѣлаться милліонеромъ и членомъ нижней палаты, но остался поклонникомъ хорошенькой пѣвицы и поѣхалъ въ Парижъ за отвѣтомъ на свое письмо.

Каковъ былъ этотъ отвѣтъ? Нашелъ ли Жераръ счастіе въ своемъ идеалѣ—это тайна, извѣстная ему одному.

Только онъ принялся съ жаромъ писать театральные фельетоны въ газетѣ Presse, гдѣ работалъ его другъ Теофиль Готье, чтобъ имѣть удовольствіе печатно хвалить хорошенькую пѣвицу.

Въ это время нашъ герой велъ самую фантастическую жизнь. Въ три года онъ прожилъ все свое состояніе, но не промоталъ его на оргіи, какъ это дѣлается бо́льшею частью, а разорился, покупая художественныя произведенія, картины, старый фарфоръ, разныя рѣдкости, которыя ему продавали на вѣсъ золота. Можно себѣ вообразить, какой хаосъ былъ въ его квартирѣ! Впрочемъ, поэтъ не одинъ жилъ такою цыганскою жизнью, не думая о будущности. Теофиль Готье, Арсенъ

Гуссе, Урліакъ, Альфонсъ Карръ и много другихъ писателей и артистовъ поселились въ улицѣ Дойенне въ старомъ домѣ и составили шумное, живописное общество, жившее со дня на день, то въ роскоши, то безъ обѣда. Квартира ихъ была обезпечена, потому что хозяинъ не смѣлъ никогда являться за деньгами въ этотъ пандемоніумъ. Случилось однакоже, что онъ какъ-то зашелъ къ своимъ жильцамъ, чтобъ узнать, не угодно ли имъ заплатить за квартиру; но тѣ показали ему стѣны, покрытыя сверху до низу живописью, и отвѣчали:

— Мы должны еще съ васъ получить за эти украшенія.

— Вы правы, молодые люди, отвѣчалъ старикъ, и съ-тѣхъ-поръ не безпокоилъ своихъ жильцовъ.

Тутъ всѣ были заняты работою. Музыканты мучали свои инструменты, живописцы кисти, писатели перья; Веръ-Веръ и Фигаро наполнялись почти одними статьями Жерара де Нерваль, Готье, Гуссе, Карра.

Недавно, когда Карусельская площадь была завалена обломками уничтоженной улицы Дойенне, всѣ видѣли незнакомца, который внимательно разрывалъ груды досокъ, дверей, планокъ и наконецъ, отложивъ нѣсколько обломковъ, призвалъ распорядителя работъ и спросилъ его:

— Можете вы продать мнѣ это? Сколько вы хотите за эти доски?

— Да на нихъ что-то нарисовано.

— Разумѣется, что я не покупаю у васъ дерево для топки.

— Но, можетъ быть, рисунки эти знамениты... если вы дадите пятьсотъ франковъ.

— Подождите, я сейчасъ вернусь.

И незнакомецъ побѣжалъ въ контору редакціи Revue des deux mondes, спросилъ деньги за двѣ статьи и принесъ ихъ на мѣсто разоренія, чтобъ выкупить воспоминанія молодости.

Любопытно, что Жераръ, накупая пропасть рѣдкихъ вещей, никогда не вздумалъ разобрать ихъ, и они были наложены безъ всякаго порядка въ двухъ или трехъ квартирахъ, нанимаемыхъ имъ въ Парижѣ, а между тѣмъ самому ему негдѣ было жить, негдѣ заняться, и онъ обѣдалъ гдѣ случится, спалъ тоже, работалъ вездѣ, на улицѣ, въ толпѣ, незамѣтно оканчивая сочиненіе.

Онъ написалъ въ сотрудничествѣ съ Дюма другую комическую оперу *Пикилло*. Монпу сдѣлалъ для нея музыку и пьеса имѣла огромный успѣхъ. Либретто подписано было однимъ Дюма.

Извѣстно, что это привычка великаго писателя.

Жераръ де Нерваль не обратилъ вниманія на этотъ поступокъ сотрудника. Онъ былъ счастливъ, аплодируя своей прекрасной примадоннѣ и не требовалъ, чтобъ его имя стояло на афишѣ.

За то на слѣдующій годъ, когда оба писателя написали другую пьесу *Лео Буркгартъ*, которая тоже понравилась публикѣ, Жераръ сказалъ своему сотруднику:

— Теперь моя очередь подписать либретто и стоять на афишѣ.

Дюма поворчалъ, но долженъ былъ согласиться, зная твердость Жерара и чувствуя свою несправедливость. Къ несчастію, немногіе писатели осмѣливались дѣлать тоже самое, и имя Дюма блеститъ на чужихъ произведеніяхъ.

Въ эту эпоху поэтъ былъ пораженъ сильнымъ горемъ, которое подѣйствовало на его здоровье, характеръ и на жизнь. Адріенна умерла въ полномъ блескѣ красоты и молодости, и бѣдный Жераръ, возненавидѣвъ Парижъ, пустился путешествовать. Онъ не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ,—все его раздражало; онъ успокоивался немного только въ дорогѣ.

Вотъ почему онъ объѣхалъ почти всѣ страны, былъ въ Римѣ, Венеціи, Берлинѣ, Константинополѣ, Каирѣ; вотъ почему онъ бросался изъ Европы въ Азію, потомъ въ Африку.

Кошелекъ его пустъ; это не останавливаетъ неутомимаго путешественника. Онъ надѣется не на случай, а на Провидѣніе, и Оно не оставляло его никогда.

Однажды нашъ герой бродилъ по улицамъ Вѣны безъ крейцера въ карманѣ, не зная чѣмъ поужинать, какъ вдругъ съ нимъ встрѣтился Александръ Вейль, знавшій его въ Парижѣ и пріѣхавшій въ Вѣну по семейнымъ дѣламъ.

— Васъ ли я вижу, любезный учитель! говорилъ Вейль: что вы здѣсь дѣлаете? чѣмъ занимаетесь?

— Я гуляю, отвѣчалъ наивно Жераръ.

— Гдѣ вы ужинаете?

— Не знаю.

— Такъ пойдемте ко мнѣ. Я буду радъ, если вы остановитесь у меня.

И молодой человѣкъ, угадавъ бѣдность учителя, объявилъ его имя вѣнскимъ газетамъ и тѣ заказали ему вдругъ двадцать статей.

Кошелекъ Жерара наполнился золотомъ.

Какъ же послѣ этого не вѣрить ему въ Провидѣніе.

Жераръ изучилъ германскіе нравы, національный характеръ и изобразилъ ихъ какъ настоящій нѣмецкій писатель. Арсенъ Гуссе, издававшій *Артиста*, просилъ путешественника присылать ему статьи, и Жераръ писалъ превосходныя письма съ береговъ Дуная, изъ Пратера и Шенбрунна.

Жераръ исполнялъ предписаніе докторовъ, совѣтовавшихъ ему лечиться всѣми возможными развлеченіями, но сердце поэта страдало также сильно, и онъ, пріѣзжая въ Парижъ поплакать надъ одною могилой, опять отправлялся въ путешествія, обѣщая нѣсколькимъ журналамъ присылать свои записки.

Между тѣмъ здоровье его дѣлалось все хуже, такъ что доктора боялись помѣшательства и, такъ какъ въ это время Жераръ получилъ неожиданно значительную сумму денегъ, то и отправился на Востокъ. Книга его: *Путешествіе на Востокъ* считается лучшею въ этомъ родѣ. Она написана безъ преувеличеній, просто, увлекательно; описанія живописны, разсказы живы, подробности занимательны, словомъ—всѣ съ жадностію бросились на это произведеніе, и изданіе разошлось въ нѣсколько дней.

Возвратясь въ Парижъ въ 1844 году, онъ опять началъ работать въ Presse и удивлялся, что разсказы его цѣнятся такъ высоко. Онъ написалъ еще рядъ повѣстей, согрѣтыхъ лучемъ восточнаго солнца, чтобъ доказать, что не совсѣмъ еще сумасшедшій, хотя уже въ то время съ нимъ были страшные припадки. Но, по окончаніи ихъ, онъ опять бралъ перо и писалъ также ясно, твердо и логически.

Однако, востокъ опять звалъ къ себѣ больнаго поэта, который ждалъ только поправленія средствъ, чтобъ отправиться въ это путешествіе. Но кошелекъ Жерара походилъ на бочку Данаидъ. Сколько ни бросай въ него золота, онъ все пустъ. Стоитъ Жерару пройти мимо магазина, и онъ накупитъ множество рѣдкостей, картинъ, вазъ, книгъ и раздастъ ихъ своимъ друзьямъ. О себѣ же онъ нисколько не заботился, и друзья его почти насильно заставляли его купить новое пальто. Другъ его, Стадлеръ, заботился о немъ какъ о сынѣ и не отходилъ отъ него во время болѣзней. Разумѣется, что кошелекъ Стадлера былъ всегда къ услугамъ Жерара, и когда въ Веймарѣ праздновали годовщину рожденія Гёте, другъ поэта отправилъ его на праздникъ, гдѣ переводчикъ Фауста былъ принятъ радушно.

Но все-таки, чувствуя влеченіе къ востоку, онъ ждалъ удобнаго случая, чтобъ отправиться туда и сговорился уже съ другомъ своимъ, Мери, который тоже сбирался путешествовать, свидѣться при входѣ въ Дарданеллы.

Разумѣется, что финансы Жерара были въ самомъ плачевномъ состояніи; но онъ былъ готовъ, какъ Вѣчный Жидъ, идти пѣшкомъ вокругъ свѣта съ пятью мѣдными монетами въ карманѣ и съ надеждою на Провидѣніе. Къ несчастію, силы ему измѣнили и оба друга-писателя не исполнили своего намѣренія. Правда, Мери издалъ недавно великолѣпный альбомъ съ

текстомъ *Путешествіе на Востокъ;* но всѣ знаютъ талантъ этого поэта—описывать превосходно то, чего онъ не видалъ, а Жераръ де Нерваль, въ припадкѣ сумасшествія, отправился въ вѣчное путешествіе, откуда не возвращаются.

Смерть его произвела сильное впечатлѣніе въ публикѣ, которая, можетъ быть, только теперь поняла, сколько она потеряла и какъ мало такихъ писателей, какъ Нерваль.

Замѣчательно еще, что онъ не принималъ никакого участія во всѣхъ революціяхъ, не служилъ ни одной партіи; но, какъ всѣ честные люди, зналъ только одну *партію Франціи.* Въ молодости онъ, какъ всѣ поэты, вздумалъ присоединиться къ ученикамъ Фурье; но узнавъ, что строители фаланстерій хотятъ срыть Парижъ со всѣми памятниками, какъ не нужныя вещи, онъ вскричалъ:

«Благодарю васъ; я не хочу быть вандаломъ, потому что люблю Парижъ и его воспоминанія.»

Серьезные люди причисляютъ Жерара де-Нерваль совсѣмъ не къ романтической школѣ, существованіе которой уже теперь оканчивается, но къ школѣ *здраваго смысла,* не слѣдующей ни нелѣпымъ правиламъ классицизма, ни свободѣ романтиковъ, но повинующейся вкусу, разсудку, требованіямъ образованности. Любопытно, какъ составилась эта школа.

Въ 1837 году романтизмъ былъ уже побѣдителемъ и партизаны древности не знали, гдѣ искать защитниковъ. Даже Французскій театръ не игралъ стараго репертуара и умѣлъ спасти послѣ сраженія только нѣсколько пьесъ Мольера. Не смотря на нѣкоторыя несообразности, происходившія отъ соблюденія правилъ, романтики все-таки уважали этого великаго поэта, списывавшаго съ натуры всѣ свои портреты. Но за то, всѣмъ другимъ приверженцамъ древности не было никакой пощады. Однако послѣдніе не считали себя погибшими и ждали только случая, чтобъ отмстить врагамъ. Въ этотъ разъ не мужчина, а женщина должна была спасти умирающій классицизмъ.

Въ ту минуту, какъ дебютировали Ламартинъ и Викторъ Гюго, въ маленькомъ городкѣ Швейцаріи родилась дѣвочка, въ бѣдномъ семействѣ странствующаго торговца, еврея. Поселившись въ Парижѣ, Феликсъ свелъ маленькую Рашель-Элизу въ классъ Корона учиться пѣнію, но музыка не занимала дѣвочку и она начала учиться декламаціи. Послѣ дебюта на маленькихъ сценахъ и послѣ Консерваторіи, она наконецъ нашла свой пьедесталъ и воскресила умершую трагедію. Первые ея дебюты поразили публику, потому что жесты, дикція, походка новой актрисы нисколько не согласовались съ преданіями и традиціями теат-

ра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ соглашались, что ученица комика Сансона оживила своею молодостью и талантомъ старую трагедію, наводившую прежде скуку. Классики вздохнули свободно и опять явились на афишѣ имена Цинны, Андромахи, Митридата, Баязета; опять начали превозносить древнихъ и правила Аристотеля. Невозможно описать восторга, производимаго игрою артистки, гиперболическихъ сравненій, похвалъ фельетоновъ! Слава Рашели затмила все, что было прежде нея.

Мы не отрицаемъ таланта артистки. У ней много энергіи, смѣлыхъ порывовъ, неожиданности, много страсти въ голосѣ, жестахъ, живописности въ движеніяхъ, увлекательности въ дикціи. Но видно также, что все это въ ней выучено, затвержено; но она дѣлаетъ все по внушенію: у ней нѣтъ ни своихъ идей, ни своего мнѣнія въ литературѣ, ни прочнаго образованія. Словомъ, она ученица Консерваторіи, хорошо затвердившая свои роли, которая не смѣетъ перейти назначенную ей черту. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только Рашель бралась за современную драму или комедію—никто не узнавалъ въ ней великой артистки, и всѣ сознавались, что даже не первоклассная актриса поняла бы и исполнила ихъ лучше.

Но успѣхи молодой артистки были недостаточны, чтобъ воскресить классическую литературу. Надобно было, чтобъ явился новый поэтъ, хоть съ ученическимъ произведеніемъ въ этомъ родѣ, и его тотчасъ провозгласили бы геніемъ.

Поэтъ не заставилъ себя ждать. Молодой человѣкъ, еще на школьной скамьѣ, составилъ планъ трагедіи въ древнемъ вкусѣ; тутъ были: неподвижные персонажи, длинныя тирады, разсказы, служащіе вмѣсто дѣйствія, неизбѣжный сонъ и блѣдность слога, словомъ—это былъ ученикъ, подававшій большія надежды: въ немъ видѣнъ былъ зародышъ прекраснаго таланта; но фельетонисты тотчасъ же произвели его въ знаменитость, восхищаясь простотою стиха, прелестію картинъ и даже правильностію языка, тогда какъ во всей Лукреціи поминутно встрѣчаются неловкіе и невѣрные стихи, въ родѣ слѣдующихъ:

La maison d'une épouse est un temple sacré,
Où même le soupçon ne *soit* jamais entré;
Et son époux absent est une loi plus forte,
Pour que toute rumeur *se taise vers sa porte.*

или:

N'importe en quel objet vous l'ayez résolue,
Votre arrivée ici, ramenant mon époux,
Me rejouit...

. . . . . .

Car vos repas guerriers sont conçus de façon
A couper valliamment le vivre et la boisson.

Любопытно, какъ это римляне рѣзали не только кушанье, но и питье.

Va mendiante, et dis à celle qui t'envoie
Que de Sextus timide on n'aura pas la joie... и проч.

И эти стихи сравнивали съ Расиновскими! Не говоримъ уже о бѣдности содержанія пьесы, о странныхъ разговорахъ, о неопытности автора, который былъ удивленъ неожиданною славою, благодарностію журналистовъ за то, что онъ будто бы спасъ французскую литературу.

Теперь успѣхъ Лукреціи непонятенъ и кажется мистификаціею; но во Франціи было много подобныхъ мистификацій и не въ одной литературѣ, потому что народъ этотъ увлекается всякою новостію и приходитъ въ восторгъ прежде, чѣмъ пойметъ въ чемъ дѣло.

Но главная причина успѣха Понсара состояла въ томъ, что въ то время, когда Одеонъ давалъ *Лукрецію*, Французская Комедія ставила *Бургграфовъ*—Гюго, и литературная интрига рѣшилась не только погубить это послѣднее произведеніе, но навсегда закрыть автору сцену и сосредоточить драматическое искусство въ тѣсныхъ рамкахъ классицизма.

Вотъ чему Понсаръ обязанъ, что слабую пьесу его возвысили до небесъ, хотя самые лучшіе ея стихи все-таки ниже самыхъ слабыхъ въ Бургграфахъ.

Въ то же время начали больше обращать вниманія на изученіе древнихъ, только и тутъ случилось маленькое недоразумѣніе. Понсара объявили начальникомъ школы за то, что онъ ввелъ на сцену *простоту* древнихъ; но когда начали разбирать лучше греческія трагедіи, то нашли, что у древнихъ было очень мало простоты и что въ отношеніи къ театрамъ они просто разорялись — такъ роскошны были ихъ постановки на сцену. Иначе не могло и быть. На сценѣ, освѣщенной солнцемъ, не могло быть несовершенныхъ костюмовъ и невѣрныхъ декорацій, которыя иногда возможны при нашихъ театральныхъ условіяхъ. При Эсхилѣ даже хоры были одѣты великолѣпно въ пурпуръ и золото, и свита Агамемнона и Пріама состояла изъ настоящихъ придворныхъ, хвастовшихъ другъ передъ другомъ своими роскошными нарядами. И въ нравахъ грековъ тоже не видать этой простоты. Всѣ возстали на ужасы современныхъ драмъ; но развѣ Софоклъ и Эврипидъ щадили чувствительность своей публики и ея скромность, выводя на сцену Эдипа,

только-что вырвавшаго себѣ глаза; Агаве, съ окровавленною головою ребенка; не говоря уже о вольныхъ сценахъ и неприличныхъ разговорахъ, которые были бы ошиканы бульварною публикою, и которыхъ ни одинъ современный авторъ не смѣлъ бы помѣстить въ мелодраму.

Правда, что греки не знали раздѣленія языка на аристократическій и простонародный, и потому выраженія ихъ не могли оскорбить ни чьего слуха, и въ этомъ отношеніи простота ихъ никакъ не можетъ быть принята современниками.

Послѣ Лукреціи, вздумали поставить на сценѣ Одеона *Антигону*, переведенную съ греческаго стихами, со всею постановкою древности. Разумѣется, что любопытство приводило многочисленную публику. Потомъ другой молодой писатель, Эмиль Ожье, написалъ тоже прекрасными стихами «Цикуту», комедію въ греческихъ нравахъ, и классики торжествовали, видя новое подкрѣпленіе.

Однако, глава школы отдыхалъ на своихъ лаврахъ и не торопился пускать въ свѣтъ новаго геніальнаго произведенія. Черезъ три года Понсаръ отдалъ на сцену *Агнесу де Мерани*, взявъ сюжетъ изъ среднихъ вѣковъ, но приложивъ къ нему правила классицизма. Тутъ отдѣлка и ходъ пьесы гораздо лучше, чѣмъ въ Лукреціи, но стихи тоже плохи и небрежны; напримѣръ:

A mon dommage,
Vous avez, cette fois, tardé plus que d'usage,
. . . . . .
Je regarde
Les baisers qu'ils me font comme une sauvegarde.
. . . . . .
C'est au dessus de toi qu'est *la vengeance à suivre;*
Mais demeure en repos, si tu fais cas de vivre.
. . . . . .
Ce n'est pas Jean qui peut *retablir la balance.*

И множество другихъ, до того нелѣпыхъ и не французскихъ выраженій, что каждый профессоръ сдѣлалъ бы за нихъ выговоръ ученику, но за которыя Понсара объявили великимъ поэтомъ. Пьеса имѣла тоже большой успѣхъ, хотя и не такой блистательный, какъ первая, потому что классики сердились на выборъ сюжета; но Понсаръ напечаталъ предисловіе къ Мерани, объявя, что онъ не признаетъ ни классиковъ, ни романтиковъ, что у тѣхъ и у другихъ есть много хороша-

го и нѣсколько недостатковъ, но что въ литературѣ должна быть одна школа *здраваго смысла*, и онъ будетъ всегда принадлежать ей.

Это мнѣніе имѣло большой успѣхъ и нашло тотчасъ много подражателей, тѣмъ болѣе, что романтическая школа дошла въ то время до предѣловъ несообразности и возбуждала только смѣхъ. Альфонсъ Эскиросъ написалъ въ это время такой несообразный, такой невозможный романъ: Le magicien, что нанесъ имъ рѣшительный ударъ романтизму, а Сенъ-Бёвъ набиралъ наудачу слова, выдавая ихъ за стихи, передъ которыми даже стихи *Лукреціи* могли показаться образцовыми.

Впрочемъ, и новая школа не могла хвастать образцовыми писателями. Люди всегда изъ одной крайности бросаются въ другую, и послѣ изысканности романтизма являются сухія разсужденія, стихи безъ поэзіи, простота, доходящая до пошлости.

Для того, чтобъ доказать свой разрывъ съ классицизмомъ, Понсаръ написалъ *Шарлотту Корде* и никто не узналъ въ этой пьесѣ автора Лукреціи. Поэтъ смѣло пошелъ по слѣдамъ Шекспира и Шиллера и выказалъ замѣчательный, первостепенный талантъ. Журналы и публика приняли пьесу довольно холодно, разумѣется въ сравненіи съ первыми трагедіями, но всѣ сознались, что Шарлотта Корде превосходная пьеса во всѣхъ отношеніяхъ. Планъ ея занимателенъ, характеры вѣрны, чувства возвышенны и стихи до того гладки и сильны, что въ нихъ нѣтъ и слѣда нелѣпостей первыхъ трагедій. Словомъ, это образцовое произведеніе останется однимъ изъ лучшихъ во французской драматической литературѣ.

Однако, чтобъ помириться съ своими первыми покровителями, Понсаръ опять вернулся къ древности и написалъ Горація и Лидію; но такъ какъ одинъ актъ былъ очень незначителенъ, то онъ отдалъ на сцену *Улисса* и напечаталъ переводъ Гомера, чтобъ доказать, что онъ не забылъ наводить скуку. И чтожъ, оба эти произведенія—слабы и написаны ученическими стихами, но за то они примирили автора съ академиками, которые уже начали приходить въ отчаяніе.

Гомеръ въ переводѣ Понсара поддѣлывается къ современнымъ нравамъ, точно также какъ и Улиссъ. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что онъ «варваръ, осмѣлившійся перевести мелодическаго грека.» Авторъ *Шарлоты Корде* принадлежитъ къ образованному народу, къ историческому періоду, извѣстному своими улучшеніями по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній; но Гомеръ былъ настоящій варваръ, такой же, какъ и его герои. Подвиги Улисса кажутся намъ теперь корсарствомъ; борьба Ахилла съ Гекторомъ, по нашимъ понятіямъ, не благородна, потому что Ахиллъ не побѣждаетъ врага, а убиваетъ его

обезоруженнаго. Но древніе рапсоды были не очень разборчивы въ средствахъ, лишь бы только достигнуть побѣды, и герои ихъ не могли понимать изысканности чувствъ, занимались сами тяжелыми работами, приготовляли себѣ кушанье, словомъ—были люди простые. Но Понсаръ вздумалъ нарядить Гомера въ современный костюмъ и чуть не надѣлъ на него палевыхъ перчатокъ и лакированныхъ сапоговъ. Стало быть, услуга его не велика, хотя трудъ заслуживаетъ вниманія.

Наконецъ, послѣ неудачныхъ греческихъ опытовъ, Понсаръ написалъ *Честь и деньги*, комедію, взятую изъ современныхъ нравовъ. Онъ взялъ смѣло французское общество, съ его недостатками, качествами, съ его идоломъ и составилъ удивительную пьесу, которая имѣла полный успѣхъ, не поддерживаемый никакою партіею. Авторъ Шарлоты Корде явился тутъ опять со всѣми своими достоинствами, и показалъ всю силу, все разнообразіе своего таланта. Критика вздумала было придраться къ нѣкоторымъ незамѣтнымъ ошибкамъ, но публика на этотъ разъ показала, что умѣла понимать и разсуждать, и каждый вечеръ награждала поэта громкими рукоплесканіями.

Комедія эта останется въ репертуарѣ также долго, какъ образцовыя произведенія геніальныхъ писателей, и публика будетъ съ удовольствіемъ смотрѣть ее, потому, что въ ней заключается настоящая современная простота, то-есть: характеры, взятые съ натуры, происшествія самыя возможныя, лица, съ которыми встрѣчаешься ежедневно, разговоры легкіе, положенія занимательныя. Неужели послѣ этого успѣха поэтъ не убѣдился, какой путь надобно ему избрать? неужели онъ опять вернется къ древности и классицизму? Разумѣется, воображеніе писателя должно быть свободно; но Понсаръ самъ видитъ, что, за исключеніемъ *Лукреціи*, успѣхъ которой почитается мистификаціею, всѣ его древнія попытки неудачны. Будемъ надѣяться, что глава школы *Здраваго смысла* не остановится на одной комедіи, и что Эмиль Ожье будетъ ему помогать своимъ талантомъ. Эти два имени считаются теперь поддержкою драматической литературы, и для нихъ открыты всѣ театры, которые перестали уже вѣрить въ романтизмъ, и не надѣются давно на классицизмъ.

Къ этой-то школѣ пристали многіе другіе первоклассные писатели, и Жераръ де-Нерваль занималъ между ними не послѣднее мѣсто.

Что новаго въ Парижѣ? Ничего особеннаго. Зима была такая суровая, какой давно не запомнятъ. Цѣлую недѣлю Парижъ былъ покрытъ снѣговымъ саваномъ, солнце не смѣло показываться, улицы затихли и вездѣ встрѣчались красные и синіе носы. При встрѣчѣ, знакомые или чихали или кашляли. Носовые платки вздорожали, потому, что по случаю насморковъ требованія на нихъ усилились. Одни только докто-

ра въ Парижѣ радуются морозу, приводящему за собою воспаленія и грипъ и хвастаютъ другъ передъ другомъ числомъ своихъ больныхъ.

Это напомнило намъ одинъ анекдотъ изъ временъ имперіи. У знаменитаго Корвизара собрались однажды обѣдать всѣ извѣстные доктора Парижа и между ними былъ одинъ пріѣзжій врачъ, гасконецъ. Разумѣется, между собратами рѣчь была о больныхъ и каждый увеличивалъ число своихъ паціентовъ.

— Стоитъ ли говоритъ объ этомъ, сказалъ гасконецъ на ухо хозяину: вотъ у меня такъ цѣлое кладбище въ Бордо—все мои паціенты.

Французскій театръ рѣшительно принялъ комедію Леона Гозлана, Le Gateau de Reine, которую нѣсколько разъ то отсылалъ, то опять бралъ. Наконецъ роли розданы артистамъ и публика ждетъ занимательной драмы, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время составлялись спектакли довольно скучные. Въ партерѣ, на одномъ изъ послѣднихъ классическихъ представленій, подслушанъ былъ слѣдующій разговоръ между двумя молодыми людьми:

— Тебя занимаютъ эти древности? спросилъ одинъ у сосѣда.

— Нисколько.

— Я тоже ужасно скучаю.

— Такъ зачѣмъ же мы остаемся?

— Не знаю... такъ принято. Только въ этомъ театрѣ и прилично скучать.

Въ Гаврской газетѣ пишутъ, что въ Бразиліи умеръ братъ знаменитаго астронома, извѣстный писатель и путешественникъ, Жакъ Араго. Еще новая потеря для литературы!

Жакъ Араго составилъ себѣ имя и на театрѣ, гдѣ многія его пьесы имѣли заслуженный успѣхъ. Не смотря на потерю глазъ, онъ все велъ дѣятельную жизнь, не переставалъ работать, составлять воспоминанія о своихъ дальнихъ путешествіяхъ, и наконецъ, въ послѣднее время, предпринялъ путешествіе въ Калифорнію. Два послѣднія сочиненія его переведены въ «Пантеонѣ» и читатели сами видятъ, какого замѣчательнаго разскащика потеряли они въ Араго.

Изъ Филиппвиля, въ Алжиріи, пишутъ, что и тамъ въ нынѣшнемъ году холодъ такъ ощутителенъ, что выгналъ изъ лѣсовъ дикихъ звѣрей, которые очень покойно прогуливаются въ окрестностяхъ городовъ. Недавно, дилижансъ, выѣхавшій изъ Константины, встрѣтилъ двухъ львовъ, и путешественники думали, что погибли; но кондукторъ не потерялъ присутствія духа, потому что привыкъ къ подобнымъ встрѣчамъ, и погналъ своихъ лошадей скорѣе. Одинъ изъ львовъ, желая, вѣроятно, показать быстроту своего бѣга, поскакалъ на ряду съ лошадьми, а другой

слѣдовалъ за дилижансомъ. Этотъ маневръ не могъ успокоить путешественниковъ; но львы, проскакавъ версты двѣ пространства, вѣроятно устали и, отойдя въ сторону, расположились отдыхать. Искатели сильныхъ впечатлѣній были бы очень довольны этимъ происшествіемъ.

Абдель-Кадеръ прислалъ въ зоологическое общество, котораго онъ считается членомъ, шестнадцать лучшихъ ангорскихъ козъ и козловъ, чтобъ развести эту породу во Франціи.

Въ Парижѣ явился еще одинъ новый журналъ, подъ названіемъ: Paris bon vivant... dedié aux gens d'esprit. Онъ надѣется на множество подписчиковъ, расчитывая на извѣстную скромность парижанъ, воображающихъ, что они всѣ очень остроумны.

Литераторы пользуются теперь особеннымъ значеніемъ. Съ давнихъ временъ привыкли почитать писателей бѣдняками и ремесло артиста— дорогою къ госпиталю; но, кажется, въ наше время можно перемѣнить это мнѣніе. *Общество литературы и искусствъ*, состоящее изъ писателей, живописцевъ, драматическихъ артистовъ, музыкантовъ и любителей, подписалось въ національномъ займѣ на *сто тысячъ франковъ*. До-сихъ-поръ всѣ думали, что писатели и артисты умѣютъ только *занимать*, но теперь они научились уже давать въ долгъ — и кому же? Правительству!! Бѣдные люди! Недостаетъ только, чтобъ они сдѣлались милліонерами. Впрочемъ, и это не далеко, только врядъ ли тогда произведенія ихъ будутъ остроумны, потому-что милліонеры въ Парижѣ не пользуются репутаціею остроумія. По-крайней-мѣрѣ имъ всегда въ немъ отказываютъ.

Парижскіе врачи, Селлье и Бутиньи, сдѣлали важное открытіе въ наукѣ, которое приведетъ въ восторгъ женщинъ. Есть непріятная болѣзнь, портящая самое хорошенькое личико, которую до-сихъ-поръ не умѣли вылечивать самые извѣстные и опытные доктора: это угреватость и краснота въ лицѣ, которыхъ нельзя было ничѣмъ уничтожить, а если и доходили до того, что сводили ее съ лица, то она падала на внутренніе органы и производила другія опасныя болѣзни. Теперь два врача нашли лекарство противъ этой непріятности, портящей не только красоту, но и характеръ, и всѣ опыты ихъ были удачны, не смотря на лѣта *больныхъ*. Академія, получившая отчетъ объ этомъ важномъ открытіи, послала его въ коммисію монтіоновыхъ наградъ, и поступокъ этотъ признанъ всѣми совершенно справедливымъ, потому что врачи оказали истинное благодѣяніе прекрасной половинѣ человѣческаго рода, тѣмъ болѣе, что открытіе это стоило имъ многихъ трудовъ. Во всякомъ случаѣ, это будетъ еще первый примѣръ, что премію за добродѣтель получатъ составители средства для сохраненія красоты.

Балы и маскерады продолжаются съ прежнимъ неистовствомъ, не смотря на холодъ, и съ окончаніемъ сезона дѣлаются еще шумнѣе и блистательнѣе. Всѣ дебардеры и пьеро Гаварни толпятся у входа въ театры Большой Оперы и Итальянцевъ. Оркестръ также громокъ, маски также воздушно одѣты, интриги также скоры, танцы также неприличны, какъ и въ прошедшіе годы. Словомъ, въ маскерадахъ не произошло никакихъ перемѣнъ, хотя и говорили, что это народное увеселеніе приметъ совершенно другой видъ. Однако, всѣ веселятся по старому.

Балъ драматическихъ артистовъ, бывающій ежегодно, назначенъ на-дняхъ и огромныя афиши даютъ знать, у кого можно получать билеты. И тутъ имена артистокъ все тѣ же, какъ и въ прошломъ году; это означаетъ, что талантовъ не прибавилось, а напротивъ, еще убавилось, потому что нѣкоторыя изъ самыхъ привлекательныхъ именъ исчезли съ афишъ и улетѣли въ чужіе край. Въ самомъ дѣлѣ, Парижъ даетъ артистамъ паспорты славы, но онъ меньше всего наслаждается ихъ талантомъ. Не говоря уже о Петербургѣ, который имѣетъ привычку похищать лучшихъ артистовъ для своихъ театровъ, всѣ столицы Европы и теперь даже Америка хочетъ тоже видѣть и слышать парижскія знаменитости. Рашель скоро отправится за милліономъ въ Америку,— стало быть, не будетъ участвовать въ лѣтнихъ представленіяхъ. Кромѣ того, театральные агенты изъ Лондона, Берлина, Вѣны, Брюсселя, Турина, Мадрита уже съѣхались въ Парижъ, чтобъ богатымъ ангажементомъ соблазнить актрисъ, пѣвицъ и танцорокъ и оставить въ Парижѣ однихъ дебютантовъ.

Балъ драматическихъ артистовъ, котораго ждутъ съ нетерпѣніемъ всѣ любители театровъ и въ особенности иностранцы, чуть не былъ отложенъ, на томъ основаніи, что лучше дать этотъ балъ во время выставки, когда въ Парижѣ соберутся гости со всего свѣта, которые не откажутся отъ знакомства съ драматическими знаменитостями, и потому балъ можетъ быть еще блистательнѣе. Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ и назначили дать другой балъ во время выставки, не отлагая того, который всегда бываетъ въ это время.

Парижъ, какъ кокетка, продолжаетъ наряжаться къ празднику выставки, Лувръ оканчивается; работы идутъ впередъ, подъ надзоромъ неутомимаго архитектора Лефюэля. Новый павильонъ противъ Карусельскаго пассажа уже открытъ и, по превосходству и богатству работъ, даетъ выгодное понятіе о цѣломъ.

Палерояль тоже принарядился и подновилъ свою наружность. Библіотека и всѣ частные дома чистятся и красятся съ большимъ стараніемъ съ верху до низу.

Риволійская улица болѣе всѣхъ торопится отстроиться къ назначенному сроку, и такъ какъ работы еще много, то трудятся надъ нею день и ночь. На углу улицъ Сентъ-Оноре и Дюкокъ построена хижина на высокихъ ходуляхъ, и оттуда каждый вечеръ столбъ зеленоватаго, яркаго цвѣта освѣщаетъ огромное пространство и позволяетъ не прерывать работъ. На Палероялской площади тоже устроена такая же обсерваторія, при свѣтѣ которой многочисленные работники оканчиваютъ гигантскій американскій отель съ тысячью комнатъ, шестью стами магазинами, съ садами, фонтанами и пр.

Въ Елисейскихъ-Поляхъ тоже возвышается много новыхъ построекъ, словомъ, Парижъ немилосердно уничтожаетъ историческія воспоминанія, если они мѣшаютъ плану площади, симетріи улицы, живописности вида.

Одинъ хозяинъ дома набережной Конти, желая спасти свой домъ отъ разрушенія, прибилъ къ нему доску съ слѣдующими словами:

«Домъ этотъ историческій и долженъ быть уважаемъ всѣми. Въ немъ, въ пятомъ этажѣ, жилъ молодой артиллерійскій офицеръ, только-что вышедшій изъ Бріеннской школы и называвшій себя Буонапарте. Это не одно предположеніе, потому что правительство императора Наполеона III подтвердило его».

Неизвѣстно, спасетъ ли это воспоминаніе историческій домъ. Во всякомъ случаѣ хозяинъ нажилъ себѣ много хлопотъ, потому что любопытные осаждаютъ его домъ съ утра до вечера и пристаютъ, чтобъ онъ показалъ квартиру бѣднаго офицера, который въ самыхъ блистательныхъ мечтахъ о будущности никакъ не воображалъ видѣть трона, славы и страдальческой кончины.

Странно, что хозяинъ, или по-крайней-мѣрѣ привратникъ, не сдѣлаютъ изъ этого случая спекуляціи, пуская въ пятый этажъ за деньги и разсказывая, что тогда дѣлалъ и думалъ Наполеонъ. Народъ никогда не устаетъ слушать сказки.

На-дняхъ дано было на театрѣ Комической Оперы новое произведеніе одного изъ любимыхъ парижскихъ композиторовъ, Гризара, подарившаго уже публикѣ L'eau Merveilleuse, Gilles Ravisseur, Bonsoir Monsieur Pantalon. Нечего и говорить, что успѣхъ былъ самый блистательный, потому что музыка, либретто и исполненіе—все живо, натурально, весело, понятно. Это Le Chien du jardinier.

Извѣстно, что всякая женщина, хорошенькая и, стало быть, кокетка обижается, когда мужчина влюбляется въ ея сосѣдку или знакомую, и воображаетъ, что ея красота должна быть центромъ всеобщаго обожанія. Не надобно думать однако, что она стала бы отвѣчать на любовь, предложенную соперницѣ. Она съ гордостью отвергла бы ее; досада ея

именно въ томъ и состоитъ, что она лишена этого удовольствія. Она хочетъ имѣть передъ собою множество сердецъ и не уступитъ ни одного бѣдной подругѣ. Таковъ характеръ кокетокъ, начиная съ знаменитыхъ дамъ, скучающихъ въ блондахъ и бархатѣ, и до поселянокъ, украшенныхъ только свѣжестію и здоровьемъ. Даже въ Нормандіи, странѣ совсѣмъ не поэтической, встрѣчаются эти неутомимыя кокетки. Одна изъ нихъ выведена въ новой операѣ.

Фермерша Катерина живетъ съ своею двоюродною сестрою, Марселою, которая, въ качествѣ бѣдной дѣвушки, прислуживаетъ богатой родственницѣ, какъ это случается и не въ деревнѣ. Однако, это не мѣшаетъ Марселѣ быть самою свѣжею, самою веселою поселянкою въ цѣломъ округѣ. И вотъ, занавѣсъ поднимается надъ прекраснымъ сельскимъ пейзажемъ, освѣщеннымъ первыми лучами солнца. Вдругъ маленькое окошко, чуть не на чердакѣ фермы, открывается и розовое личико Марселы здоровается съ свѣжимъ утромъ. Врядъ ли однако же только за этимъ встала она такъ рано съ постели! Вотъ на заборѣ является здоровый парень и начинаетъ разговаривать съ обитательницей чердака. Оба они замѣчаютъ, что имъ неловко разговаривать издали, да притомъ же и опасно, потому что надобно усиливать голосъ и кто-нибудь можетъ услыхать. Наконецъ, деревенскій Ромео соскакиваетъ на дворъ фермы, отыскиваетъ лѣстницу и, подставя ее къ окну любезной, продолжаетъ начатый разговоръ. Вѣроятно, слова показались ему недостаточными и Франсуа вздумалъ прибѣгнуть къ жестамъ. Но въ самую патетическую минуту лѣстница покачнулась и Ромео полетѣлъ внизъ. Къ счастію, ему подъ-руку попалась веревка и онъ ухватился за нее, чтобъ не сломать себѣ шею. Веревка эта проведена отъ колокола, которымъ сзываютъ работниковъ, и страшный звонъ будитъ всю ферму. Вотъ вамъ и тайное свиданіе.

Первая прибѣгаетъ Катерина, и хотя смущенный, но хитрый поселянинъ успѣлъ уже придумать сказку о собакѣ, которая, принявъ веревку за кость, схватила ее въ зубы и начала звонить; но Катерина поняла въ чемъ дѣло и разсердилась, что Франсуа смѣетъ волочиться за глупою дѣвочкою, не замѣчая красоты самой фермерши.

И вотъ Катерина начинаетъ испытывать силу своихъ прелестей надъ деревенскимъ Ромео. Она кокетничаетъ съ нимъ, улыбается, шутитъ, сама почти признается ему въ любви, и Франсуа, хоть и влюбленъ въ Марселу, но все-таки не каменный. Ему лестно, что богатая фермерша, извѣстная красавица, сама ухаживаетъ за нимъ, и онъ не прочь отъ такой побѣды.

Марсела видитъ эту перемѣну и плачетъ съ горя, но въ эту ми-

путу приходитъ фермеръ Жюстенъ, пожилой, богатый дуракъ, который сбирается жениться на Катеринѣ. Марсела въ свою очередь хочетъ попробовать влюбить въ себя дурака, и это ей удается какъ нельзя лучше. Разумѣется, она очень сожалѣетъ о Франсуа, который такъ молодъ, веселъ, уменъ, красивъ, тогда какъ Жюстенъ толстъ, неповоротливъ и глупъ, но все же лучше какой-нибудь обожатель, чѣмъ вовсе никакого. Катерина застаетъ новую пару въ жаркомъ объясненіи, и ей завидно, что и Жюстенъ не влюбленъ въ нее. Какая жадность! Объ соперницы ссорятся, говорятъ другъ другу горькія истины и наконецъ, успокоясь, сговариваются кинуть жребій, кому достанется Франсуа. Катерина выигрываетъ. Но тутъ она начинаетъ разсуждать, что молодой поселянинъ совсѣмъ ей не пара, что онъ можетъ быть хорошимъ работникомъ на фермѣ, а вовсе не хозяиномъ и что наконецъ Жюстенъ именно такой мужъ, какой нуженъ кокеткѣ. Тогда Катерина дѣлается великодушною и уступаетъ Франсуа Марселѣ.

Хотя и есть музыкальное преданіе, что нелѣпое либретто удобнѣе для композиторовъ, но опытъ доказывалъ не разъ, что хорошая пьеса спасала дурную музыку. По-крайней-мѣрѣ Гризаръ принялъ за правило писать музыку только на остроумныя либретто, которыя имѣли бы успѣхъ и безъ музыки. И онъ совершенно правъ. *Собака садовника* премиленькая пьеса, но и музыка ея превосходна.

Увертюра въ сельскомъ родѣ составлена изъ самыхъ свѣжихъ мотивовъ и прекрасно инструментована. Дуэтъ Франсуа и Марселы и потомъ сцена Катерины полны оригинальности. Пѣсня *о собакѣ садовника* до того понравилась, что повторяется каждый разъ. Ее поютъ уже въ концертахъ, на вечерахъ, въ мастерскихъ, на улицахъ, и скоро всѣ шарманки наладятъ ее. Въ дуэтѣ двухъ женщинъ много комизма, жизни, неожиданности. Словомъ, талантъ Гризара явился въ полномъ развитіи и хотя въ его операхъ нѣтъ ни ученыхъ изысканностей, ни фугъ, ни контрапункта, но за то нѣтъ и скуки.

Любопытно, что въ этой операхъ нѣтъ хоровъ, и отъ этого дѣйствіе совсѣмъ не теряетъ, а напротивъ, еще много выигрываетъ, потому что хористы иногда очень не кстати высыплютъ на сцену и начнутъ пѣть: идемъ работать, пойдемъ сражаться, какой день прекрасный! и проч., и проч. Композиторъ обошелся безъ этой принадлежности и пьеса его сдѣлалась лучше, оригинальнѣе. Спѣта она была съ рѣдкимъ ансамблемъ, и долго останется на сценѣ. Г-жи Лефебръ и Лемерсье самыя восхитительныя поселянки Нормандіи.

— Баледье де-Гель произвелъ большой переворотъ въ промышленности, и имя его сдѣлалось не только извѣстнымъ, но даже знаме-

нитымъ, потому что онъ посвятилъ свои труды всеобщей пользѣ, не требуя за то никакого вознагражденія.

Нѣсколько уже вѣковъ фабрикуютъ матеріи, обои, посуду, ковры шали, ленты съ разными узорами, и рисовальщики истощили всѣ возможныя арабески и цвѣты, чтобъ оживить хоть немного свои произведенія и угодить публикѣ и модѣ, требующимъ все новаго и оригинальнаго. Напрасно послѣ живыхъ цвѣтовъ прибѣгали къ фантастическимъ, послѣ восточныхъ украшеній къ западнымъ, никто не могъ придумать ничего новаго. Какъ ни изощряли воображеніе, все-таки повторяли одно и тоже.

Вдругъ въ послѣдніе годы радостный крикъ раздался на всѣхъ фабрикахъ въ Севрѣ, Бове, Парижѣ, Мюльгаузенѣ, Ліонѣ, Сентъ-Этьенѣ и особенно у Гобеленовъ. Рисовальщикамъ открылись сокровища новой Америки, безпредѣльность, усыпанная новыми, чудными цвѣтами, формами, красками. Океанъ подалъ руку помощи землѣ и сдѣлался сотрудникомъ фабрикъ.

Этимъ открытіемъ обязаны де-Гелю, который прислалъ на всѣ значительныя фабрики свои альбомы, наполненные морскими растеніями, налѣпленными на бумагу.

Разумѣется, что открытіе это просто, какъ всѣ открытія, но никто не вздумалъ употребить его прежде. Водоросль, морскія травы, полипы, звѣзды, растенія, скрываемыя въ безднахъ моря, разнообразныя раковины, камни и дерево, обдѣланные морскими волнами, рыбья чешуя, все это перемѣшано въ альбомахъ де-Геля такъ красиво и со вкусомъ, что опытные артисты приходили въ восторгъ.

Тутъ были прекрасные букеты, оригинальные бордюры, мелкія подробности, подходящія ко всѣмъ отраслямъ промышлености; словомъ, это былъ богатый музей, открытый въ глубинѣ океана.

До Геля было два извѣстныхъ морскихъ ботаника: Тюрнеръ изъ Лондона и французъ Кальонъ. Вдова этого послѣдняго была наставницею де-Геля и передала ему страсть къ ботаникѣ, которую мужъ ея не могъ примѣнить къ промышлености, не имѣя на это средствъ нынѣшняго изобрѣтателя.

Благодарность фабрикантовъ и рисовальщиковъ не могла даже вознаградить де-Геля за его труды, потому что онъ, какъ настоящій джентльменъ, дарилъ свои рисунки и былъ доволенъ тѣмъ, что оживилъ узоры на всѣхъ принадлежностяхъ нашей жизни. Всѣ живописцы, даже первоклассные артисты взялись составлять изъ моделей де-Геля узоры для матерій, лентъ, шалей, ковровъ, ситцевъ. Морскія растенія

появились на фарфорѣ, хрусталѣ, бронзѣ, украшали дворцы, хижины, церкви.

Однако, все это, можетъ быть, не осуществилось бы, и изобрѣтатель не былъ бы извѣстенъ безъ одного случая, обратившаго на него вниманіе и заставившаго его серьезно заняться изученіемъ морской ботаники.

Это было на послѣдней весенней выставкѣ садоводства, устроенной въ Елисейскихъ Поляхъ. Весь Парижъ толпился посреди цвѣтущей декораціи, составленной изъ рѣдкихъ, роскошныхъ цвѣтовъ и никто не замѣчалъ скромной коллекціи сухихъ растеній, разложенной на бѣлыхъ листахъ. Вдругъ одинъ человѣкъ отдѣлился отъ блестящаго собранія, разсмотрѣлъ со вниманіемъ коллекцію и спросилъ имя составителя ея.

Баледье де-Гель, случившійся тутъ, самъ разсказалъ, какъ онъ собиралъ эти растенія въ продолженіи десяти лѣтъ на берегахъ Средиземнаго моря, Атлантическаго океана, Сѣвернаго моря и Ламанша, и посѣтитель, выслушавшій со вниманіемъ его скромный разсказъ, сказалъ:

— Продолжайте заниматься. Ваши труды принесутъ много пользы, потому что могутъ быть примѣнены къ промышлености.

Послѣ этого всѣ бросились восхищаться коллекціею, поздравлять де-Геля и распрашивать его. Многіе тутъ же начали дѣлать ему предложенія, потому что посѣтитель, разговаривавшій съ ботаникомъ, былъ Луи-Наполеонъ.

По окончаніи выставки, де-Гель получилъ медаль перваго класса, и съ-тѣхъ-поръ матеріи на платьяхъ императрицы, обои въ комнатахъ дворца, ковры, фарфоръ все это покрылось морскими травами, звѣздами, раковинами, и въ промышлености произошла настоящая революція.

Изъ Франціи эти узоры разсыпались по всей Европѣ, и имя де-Геля извѣстно всѣмъ фабрикантамъ.

Онъ не ограничилъ свои труды однимъ океаномъ, но собралъ растенія морскихъ береговъ, травы и цвѣты, пробивающіяся на пескѣ, на камняхъ, на снѣгу, на горахъ. Наконецъ, онъ былъ въ глубинѣ копей и тамъ, на угольяхъ и отвердѣвшихъ глыбахъ, находилъ изображенія странныхъ травъ, бѣлый мохъ и вѣковыя окаменѣлости, которыми обогатилъ свой альбомъ.

Страсть къ этимъ занятіямъ до того вкоренилась въ этомъ человѣкѣ, что онъ, кажется, живетъ только для того, чтобъ отыскать какія-нибудь новыя растенія и составить изъ нихъ оригинальный узоръ. Имя его благородно, состояніе независимо, и онъ могъ бы пользоваться

жизнью совсѣмъ иначе; но онъ избралъ другую, похвальную цѣль, для всеобщей пользы.

— Какъ до́роги квартиры! какъ до́роги квартиры! слышится теперь поминутно съ одного конца Парижа до другаго.

Бѣдные артисты квартала Сенъ-Жоржа, поэты, будущіе архитекторы, доктора и теноры просто не знаютъ, гдѣ имъ пріютиться съ-тѣхъ-поръ, какъ уничтоженіе цѣлыхъ кварталовъ возвысило цѣны на всѣ чердаки. Жизнь ихъ, прежде беззаботная, теперь сдѣлалась печальною, и вмѣсто веселыхъ остротъ, только и слышны одни слова, сопровождаемыя вздохами, что квартиры очень дороги!

Нельзя же въ-самомъ-дѣлѣ, чтобъ эта молодежь жила на чистомъ воздухѣ, какъ итальянскіе пиферари и ночевала подъ перистилемъ Опернаго театра. Въ такомъ случаѣ Рокепланъ вѣрно бы сжалился надъ бѣдными артистами и послалъ бы имъ старые костюмы вмѣсто одѣялъ.

Но въ послѣднее время выстроили въ Парижѣ множество новыхъ домовъ; развѣ *фантазисты* не могутъ выбрать себѣ приличнаго жительства?

Это просто насмѣшка. Правда, что въ короткое время отстроено нѣсколько великолѣпныхъ дворцовъ съ квартирами, украшенными зеркалами, мраморомъ, мозаичными и скульптурными работами, но въ нихъ нѣтъ на чердакахъ маленькихъ комнатокъ, *гдѣ такъ счастливы въ двадцать лѣтъ*, какъ говорилъ Беранже, потому что хозяева расчитываютъ на однихъ богатыхъ жильцовъ.

За то, ка́къ достается этимъ бѣднымъ хозяевамъ домовъ отъ всѣхъ искателей дешевыхъ квартиръ, которые готовы сами идти въ каменьщики, чтобъ отстроить Риволійскую улицу и найдти въ ней убѣжище.

Вообще, хозяева домовъ пользуются, по справедливости или нѣтъ, самою дурною репутаціею въ Парижѣ. Про жестокосердіе ихъ разсказываютъ страшные анекдоты, на театрѣ выводятъ ихъ неумолимыми ростовщиками, всегда одураченными жильцами, словомъ, нѣтъ ни одного жильца въ домѣ, который былъ бы доволенъ своимъ хозяиномъ и не острилъ надъ нимъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

А между тѣмъ, если разобрать дѣло безпристрастно, то положеніе хозяина имѣетъ много непріятностей, много хлопотъ и иногда очень мало выгодъ.

Всѣмъ извѣстно, что есть въ Парижѣ цѣлый классъ людей, прозванныхъ мономанами переѣздовъ, которые посвящаютъ всю свою жизнь на то, чтобъ поминутно мѣнять квартиры.

Они называютъ это путешествіемъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, эти парижскіе Куки приставали ко всѣмъ кварта-

ламъ города или ко всѣмъ домамъ улицы и, проживъ не болѣе мѣсяца, опять переѣзжали на другую квартиру.

Многіе считаютъ перемѣну квартиры несчастіемъ, безконечными хлопотами; но эти *путешественники* только и довольны, когда нашли себѣ другую квартиру и послали за носильщиками, чтобъ переѣзжать.

Какъ пріятно хозяину дома имѣть такихъ жильцовъ!

За то, какъ трудно найдти удобную квартиру порядочному человѣку, занимающемуся работою и который ищетъ не роскоши, а спокойствія и *благоразумной* цѣны. Этого послѣдняго пункта, кажется, невозможно найти въ настоящее время. Напрасно бѣдный труженикъ спускается почти въ катакомбы, величаемыя привратникомъ первымъ этажемъ, лазаетъ на воздушныя голубятни, гдѣ находится ближе къ небу, чѣмъ къ землѣ, какъ на Монбланѣ: все цѣны назначаются почти калифорнскія, недоступныя для недостаточныхъ артистовъ.

Наконецъ, онъ видитъ вывѣску: *отдается маленькая, дешевая квартира,* и измученный исканіями, думаетъ найдти, что ему нужно; привратникъ, осмотрѣвъ посѣтителя довольно дерзко съ ногъ до головы, говоритъ ему, нюхая табакъ:

— Въ пятомъ этажѣ есть маленькая квартира въ восемьсотъ франковъ, хотите посмотрѣть?

— Нѣтъ; это для меня очень дорого. Нѣтъ ли другой?

— Есть въ четвертомъ этажѣ, точно такого же размѣра, за тысячу двѣсти... за первые этажи даютъ по пятидесяти тысячъ франковъ, да хозяинъ отдѣлываетъ ихъ. Дадутъ и больше.

Искатель квартиры съ удивленіемъ смотритъ на привратника, думая, что онъ шутитъ надъ нимъ; но тотъ продолжаетъ очень серьезно:

— Кажется, наши квартиры дороги для васъ?

— Немного.

— За то, видѣли ли вы статуи у подъѣзда, скульптурную, лѣпную работу снаружи; внутри все еще великолѣпнѣе. Чтожъ удивляться, что цѣны на квартиры удвоялись—вѣдь статуи стоятъ чего-нибудь хозяевамъ, да и архитекторамъ много дѣла; такъ они берутъ дороже.

— Понимаю, домы со статуями играютъ роль монументовъ; но въ нихъ нельзя жить никому, кромѣ миліонеровъ.

— Точно такъ.

— Прощай, Пипле.

— Прощайте... артистъ.

Эта метода уничтожать дешевыя квартиры въ новыхъ домахъ будетъ имѣть печальный результатъ. Вообразите себѣ домъ, населенный сверху до низу дѣловыми людьми, блѣдными банкирами, скучными бога-

чами. Это будетъ настоящее кладбище. Изгнать изъ него артистовъ и студентовъ значитъ изгнать веселость, беззаботность, молодость, счастіе.

Выгоните всѣхъ птицъ изъ лѣса и никто не пойдетъ гулять въ безмолвную зелень. Природа безъ звуковъ мертва; домъ безъ пѣсни гризетки, безъ смѣха артиста—могила.

Куда же дѣнется наконецъ все молодое, беззаботное населеніе прежнихъ чердаковъ? Оно уже бо́льшею частію выбралось изъ Парижа и разсыпалось по окрестностямъ. Термъ, Батиньоль, Бельвиль наполнились парижскими выходцами и, вмѣстѣ съ ними, явилось веселье и шумъ, изгнанные изъ столицы архитектурными украшеніями.

Зелень и сады тоже начали исчезать изъ Парижа. Вмѣстѣ съ маленькими, дешевыми квартирами исчезаютъ висячіе цвѣтники и балконы, наполненные цвѣтами, потому что скульптура и лѣпная работа займутъ всѣ окна, и хозяева запретятъ украшать ихъ жасминомъ, резедою, душистымъ горошкомъ.

Но не одна дорогая цѣна останавливаетъ бѣдныхъ жильцовъ; у хозяевъ бываютъ еще другіе, странные капризы.

Напримѣръ, однажды прохожій, видя надпись, что въ домѣ есть пустыя квартиры, вошелъ къ привратнику и спросилъ:

— Можно посмотрѣть квартиру?

— Позвольте прежде спросить васъ: имѣете ли вы какой-нибудь орденъ?

— Это что за новость! Что вамъ за дѣло до орденовъ?

— Это необходимо. Хозяинъ желаетъ, чтобъ въ его домѣ жили люди, украшенные орденами, и не приказалъ пускать другихъ жильцовъ. У насъ весь домъ наполненъ разными орденами, и только два жильца въ самомъ верху не имѣютъ ничего въ петлицѣ, но зато хозяинъ приказалъ выслать ихъ по окончаніи трети.

Вотъ какія фантазіи бываютъ у нѣкоторыхъ хозяевъ! Впрочемъ, вообще всѣ привратники уважаютъ жильцовъ съ орденами, и артисты, отыскивающіе квартиры, иногда надѣваютъ изъ предосторожности черезъ плечо ленту Сулука.

Но артисты, писатели и студенты еще могутъ надѣяться найдти себѣ убѣжище въ одномъ изъ большихъ домовъ, за то бѣдные музыканты слышатъ вездѣ самый рѣшительный отказъ. Я не говорю о громкихъ инструментахъ, барабанахъ, трубахъ и разныхъ саксофонахъ, для которыхъ устроены пещеры въ каменоломняхъ; но любимые и извѣстные наши композиторы, колотящіе только по клавишамъ и разыгрывающіе

симфоніи, сонаты и оперы, избѣгаются всѣми хозяевами. Эти варвары не трогаются даже именами Листа и Тальберга.

За то, если и случится, что музыкантъ найдетъ хозяина-меломана, то ему отъ этого не легче. Тотъ начнетъ заставлять жильца играть свои любимыя пьесы, будетъ давать ему совѣты, надоѣдать своимъ присутствіемъ, словомъ, раздражитъ бѣдняка до того, что онъ будетъ бѣгать изъ дому и броситъ музыку.

Есть еще родъ хозяевъ ужаснѣе и неумолимѣе тигровъ—это привратники, въ распоряженіе которыхъ отданъ весь домъ съ жильцами.

Эта категорія привратниковъ-хозяевъ самая несносная, дерзкая; если вы спросите адресъ дома хозяина, привратникъ непремѣнно отвѣтитъ:

— Зачѣмъ вамъ хозяинъ? Я вамъ сказалъ, что домъ порученъ мнѣ, стало быть я могу въ немъ распоряжаться какъ хочу. Вы мнѣ скажите, что́ можете заплатить за квартиру, а отъ хозяина вы ничего не ждите... Я здѣсь хозяинъ.

И надобно признаться, что этотъ церберъ исполняетъ свою должность такъ добросовѣстно, такъ заботится о выгодахъ хозяина-невидимки, что готовъ пожертвовать жизнью, лишь бы добыть ему больше денегъ. За то какъ онъ притѣсняетъ бѣдныхъ жильцовъ, какъ неумолимо высылаетъ ихъ, если они просрочатъ день платежа, сколько заставляетъ платить за хозяйскія вещи.

Это настоящій Оливаресъ, Ришелье, Мазаринъ, по жестокости, твердости, хитрости. Народъ всегда обвиняетъ министровъ, жильцы привратниковъ—во всевозможныхъ преступленіяхъ и угнетѣніяхъ.

Привратники сбираютъ подать со всѣхъ жильцовъ въ извѣстные праздники, какъ будто хозяинъ не платитъ имъ жалованья. Разумѣется и это бываетъ въ нѣкоторыхъ домахъ, но тогда надобно предупредить жильцовъ, что они, сверхъ платы за квартиру, обязаны содержать привратника. Тогда по-крайней-мѣрѣ они могутъ требовать отъ него хоть немного уваженія, а то, получая *на водку* въ новый годъ, онъ не считаетъ даже своею обязанностію поблагодарить ихъ, почитая это обязанностію жильца, и еще сердится, если подарокъ не великъ.

Пожалуй, найдется хозяинъ, который потребуетъ, чтобъ жильцы содержали его кучера, грума, повара и платили имъ жалованье.

Нѣкоторые хозяева любятъ сами хлопотать о своемъ домѣ и требуютъ, чтобъ каждый жилецъ являлся къ нимъ. Этотъ визитъ очень важенъ и такъ какъ отъ него зависитъ многое, то не мѣшаетъ приготовиться къ нему и узнать заранѣе характеръ владѣтеля дома, особенно если вы желаете, чтобъ онъ сбавилъ цѣну съ квартиры.

Въ этомъ случаѣ надобно отнестись все-таки къ привратнику, ко-

торый за небольшое вознагражденіе разскажетъ вамъ всю біографію хозяина, всѣ его привычки, какого онъ характера, любитъ ли каламбуры и пр. Разумѣется, что все это пропадаетъ даромъ, потому что хозяинъ ни зачто на свѣтѣ не сбавитъ цѣны на квартиру, а напротивъ, если видитъ, что вы довольны домомъ и расположеніемъ комнатъ, то предупредитъ васъ, что на слѣдующую треть намѣренъ увеличить цѣну.

Если же вы нанимаете богатую квартиру съ зеркалами, позолотой, скульптурными украшеніями, то хозяинъ требуетъ, чтобъ у васъ была приличная мебель, картины знаменитыхъ артистовъ, статуи и вазы, иначе онъ не пуститъ васъ, потому, что ваше имущество отвѣчаетъ за убранство комнатъ, которое вы должны беречь и хранить въ цѣлости, если не хотите попасть въ процессъ.

Это понятно, потому-что теперь во многихъ домахъ потолки разрисованы Мюллеромъ и Кутюромъ.

Есть еще одинъ родъ жильцовъ, которыхъ избѣгаютъ хозяева и боятся привратники—это журналисты.

Въ квартиру журналиста ежеминутно приносятъ бумаги, корректуры, письма; человѣкъ этотъ можетъ принадлежать къ опасной партіи, какъ же послѣ этого рѣшиться помѣстить въ своемъ домѣ такого вреднаго жильца.

Гдѣ же прикажете жить писателю, покуда онъ не нажилъ собственнаго дома? Онъ можетъ ночевать въ дуплѣ, хоть въ инвалидной пушкѣ, но хозяева скорѣе дадутъ квартиру начальнику разбойниковъ или каторжнику, а ни за что не пустятъ къ себѣ журналиста.

Однако, они сами читаютъ всякій день журналы и не могутъ обойтись безъ нихъ, какъ безъ чашки шеколаду поутру, но о журналистахъ вообще имѣютъ какое-то дикое понятіе. Неизвѣстно, почему хозяева домовъ полагаютъ, что журналистъ никогда не платитъ за квартиру. Вы напрасно будете увѣрять его въ противномъ. Скорѣе можно заставить лавину вернуться на свою вершину, чѣмъ выбить изъ головы хозяевъ эту идею. Заплатите имъ впередъ за треть, они все будутъ увѣрять, что журналисты никогда не платятъ.

Другой любопытный типъ хозяевъ, преслѣдующій бѣдныхъ тружениковъ журнала, не пускаетъ ихъ въ свой домъ, говоря, что не любитъ шуму, бѣготни, безпрестанныхъ посылокъ, не только днемъ, но и ночью, такъ что лѣстница его превратится въ улицу, которую не будутъ успѣвать чистить.

Напрасно ему говорятъ, что журналистъ и редакція—двѣ вещи совершенно различныя, что первый работаетъ одинъ у себя и самъ относитъ свою статью въ редакцію, гдѣ обыкновенно читаетъ корректуру, что

къ нему никто не ходитъ и онъ самъ не любитъ шума, хозяинъ все-таки стоитъ на своемъ, что журналъ и журналистъ одно и тоже.

Есть еще типъ хозяина, который принимаетъ ласково журналиста, приходящаго нанимать квартиру, хвалитъ его статьи, приходитъ въ восторгъ отъ его журнала; но когда доходитъ дѣло до переѣзда, хозяинъ найдетъ непремѣнно какой-нибудь предлогъ, чтобъ отказать журналисту отъ квартиры.

Но если наконецъ, послѣ долгихъ исканій, бѣднякъ и находитъ квартиру довольно удобную и не такъ дорогую, то для него начинается рядъ новыхъ испытаній.

Хозяинъ предупреждаетъ его, что онъ не намѣренъ дѣлать никакихъ поправокъ и что жилецъ можетъ чистить квартиру на свой счетъ. Бо́льшею частію жилецъ не желаетъ этого. Тогда начинаются слѣдующія пріятности.

Каминъ дымитъ безпощадно, такъ что невозможно затопить его; двери не запираются, окна тоже и, къ довершенію удовольствія, изъ-за карнизовъ и обоевъ выползаетъ множество клоповъ и таракановъ, пріученныхъ, вѣроятно, не показываться, когда квартира пуста.

Если же вы, собравшись съ терпѣніемъ, очистите свои комнаты, поправите каминъ и замки и устроитесь какъ слѣдуетъ, то будьте увѣрены, что въ одно прекрасное утро хозяинъ пришлетъ вамъ сказать, что за всѣ ваши труды онъ надбавляетъ цѣну на квартиру и вы можете опять бѣгать по городу, искать, мучиться, мѣрить лѣстницы, если не въ состояніи заплатить.

Жильцы, хоть ихъ и больше хозяевъ, никакъ не могутъ противиться этому деспотизму, потому что всѣ хозяева дѣйствуютъ за одно. Если первый домъ въ улицѣ надбавилъ цѣну, вся линія дѣлаетъ непремѣнно тоже. Зачѣмъ имъ терять свои выгоды? Жильцы всегда найдутся, потому-что Парижъ никогда не опустѣетъ.

Если же вы, желая обезпечить свое спокойствіе и сохранить мебель, предложите сами хозяину заключить контрактъ на нѣкоторое время, то вамъ отвѣтятъ насмѣшливо, что контракты созданы не для мелкихъ квартиръ, что вы подъ прикрытіемъ его можете жить не платя, что хозяинъ по своему капризу хочетъ имѣть право выгнать жильца, когда ему понадобятся ваши комнаты и надбавить на нихъ цѣну.

— Послѣ этого ласточки и воробьи, живущіе у меня на крышѣ, предложатъ мнѣ заключить контрактъ, прибавляетъ хозяинъ, откланиваясь съ вами.

Есть бѣдные жильцы, которые находятъ средство умилостивить хозяина, вздумавшаго надбавить плату за ихъ квартиру. Они берутся ис-

полнять разныя работы въ домѣ, чистятъ лѣстницы, прислуживаютъ хозяину и привратнику, но на это мало охотниковъ.

Теперь кредитъ уже давно умеръ; но если вы заплатите не за одну треть, только за одну, то должны какъ можно скорѣе сдѣлать визитъ хозяину, если не хотите, чтобъ все ваше имущество было отобрано. Тотъ принимаетъ васъ всегда за завтракомъ, окруженный всею семьею и говоритъ вамъ дерзости, на которыя вы не смѣете отвѣчать. Жена хозяина намекаетъ, что ваша послѣдняя драма упала, какой-нибудь старый родственникъ совѣтуетъ избрать занятіе повыгоднѣе, дѣти смѣются надъ вами, собаки лаютъ, и вы должны переносить всѣ униженія и быть еще любезнымъ, потому что находитесь во власти этого деспота.

Но все-таки, всѣ притѣсненія хозяина могутъ почесться легкими въ сравненіи съ тѣми, которыя падаютъ на жильцовъ, если домомъ управляетъ хозяйка. Хозяйка — это часто ужасное созданіе, старое, твердое, злое, давно отказавшееся не только отъ любви, но и отъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, отъ котораго нельзя ждать никакой пощады и которое ведетъ свои дѣла лучше самаго дѣловаго мужчины.

Избѣгайте домовъ, принадлежащихъ хозяйкамъ. Это не дома, а Нельскія башни.

Фантазисты, изгнанные изъ золоченыхъ дворцовъ, составили проектъ новаго квартала для недостаточныхъ людей. Они хотятъ посреди Сены на сваяхъ построить цѣлыя улицы, кварталы, монументы, куда удалятся всѣ артисты, не находящіе мѣста на твердой землѣ. Если же богачи и положительные люди овладѣютъ и рѣкою, то они составятъ колонію и будутъ жить въ воздушныхъ шарахъ, гдѣ никакой хозяинъ не надбавитъ цѣнъ на квартиры.

Вотъ до чего доведены бѣдные жильцы! Будемъ надѣяться, что хозяева одумаются, и скоро, вмѣсто теперешняго крика: какъ дороги квартиры! Парижъ услышитъ другой, радостный крикъ: квартиры дешевле!

Послѣ типа хозяина, любопытно также изучить типъ привратницы.

Привратница—это произведеніе современной образованности. Въ древности ее не знали. Она современница г-жи Ментенонъ, трагедій Расина и настоекъ.

Однако, все-таки привратница старше привратника, потому что въ аристократическихъ домахъ охраняютъ входъ швейцары, а частные дома поручались всегда присмотру женщинъ.

Стало быть, происхожденіе привратницы можно отнести къ XVII вѣку. Ла-Брюеръ не зналъ этого типа, потому что не помѣстилъ его въ своихъ *Характерахъ*. Буало, Расинъ, Корнель, Мольеръ то-

же не были знакомы съ этими интересными особами, иначе они посвятили бы имъ нѣсколько строкъ.

Любопытно знать мѣсто рожденія привратницы.

Всѣ положенія въ свѣтѣ, всѣ ремесла стараются соблюдать наслѣдственность, и отцы счастливы, если дѣти продолжаютъ жить и заниматься тѣмъ же, чѣмъ и они; одни привратники не знаютъ этого правила и стараются внушить дѣтямъ отвращеніе отъ этого ремесла.

— Дочь моя! говоритъ привратница: будь прачкою, швеею, цвѣточницею, лореткою, танцоркою, только не будь привратницею.

— Сынъ мой! декламируетъ дворникъ: выбирай себѣ ремесло акробата, музыканта, геркулеса, фокусника и не думай, чтобъ я позволилъ тебѣ наслѣдовать мое мѣсто.

Стало быть, привратниками не родятся, но дѣлаются ими случайно. Впрочемъ, часто судьба приводитъ женщинъ въ ту же каморку, изъ которой онѣ выпорхнули на сцену въ блестящій свѣтъ.

Сколько блистательныхъ лоретокъ, сколько актрисъ, имѣющихъ вмѣсто таланта молодость и красоту, бываютъ счастливы, когда на старости могутъ попасть въ сословіе привратницъ и изъ Аспазій превратиться въ мадамъ Поше.

Каморки привратниковъ могутъ почесться разсадникомъ всѣхъ талантовъ. Оттуда Консерваторія беретъ своихъ учениковъ, Опера набираетъ кордебалетъ, Водевиль своихъ невинностей, Французскій театръ героинь, всѣ театры столицы фигурантовъ. Стало быть, современное общество обязано имъ всѣми своими удовольствіями, а еще есть неблагодарные, которые смѣютъ смѣятся надъ этимъ почтеннымъ сословіемъ, выводить его на сцену, печатать про него брошюры.

Въ семействѣ привратниковъ мужъ никогда не мѣшается въ воспитаніе дочерей, мать не хлопочетъ о будущности сыновей.

И, однако, привратникъ всегда благоразуменъ и старается дать сыну какое-нибудь воспитаніе. Если онъ не въ состояніи помѣстить его въ школу, то находитъ добраго жильца, разумѣется не изъ артистовъ и писателей, потому что дворникъ ихъ ненавидитъ, но какого-нибудь писаря или счетчика въ комерческомъ заведеніи, который пріучаетъ мальчика къ порядку и дѣламъ, помѣщаетъ его часто къ своему хозяину и открываетъ ему почетную карьеру. Есть сыновья привратниковъ адвокаты, нотаріусы и даже врачи, но больше всего они добиваются мѣстъ кассировъ, у банкировъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ промышленыхъ предпріятіяхъ.

Они ведутъ себя прилично, всегда честны, скромны и акуратны. Отцу они помогаютъ всегда, сестеръ не хотятъ и знать.

Братъ и сестра, выросшіе въ ложѣ родителей, выходя изъ нея, прощаются навсегда и не встрѣчаются больше въ жизни, потому что идутъ совершенно по разнымъ дорогамъ.

Кто не знаетъ анекдота про плѣшиваго привратника, котораго замучали всѣ повѣсы квартала тѣмъ, что каждую минуту приходили просить у него волосъ. Это случилось въ самомъ дѣлѣ, только не совсѣмъ такъ, какъ разсказываетъ Сю въ своемъ романѣ, и за нимъ водевилисты.

Фарсеръ, Евгеній Сю, сдѣлавшійся въ-послѣдствіи извѣстнымъ романистомъ, увидя однажды привратника съ совершенно гладкимъ черепомъ, вздумалъ въ насмѣшку попросить у него волосъ на память; старикъ, вмѣсто того, чтобъ самому посмѣяться, началъ сердиться и бранить повѣсу на всю улицу. Тогда тотъ, въ отмщеніе, подговорилъ всѣхъ своихъ друзей артистовъ каждую минуту прибѣгать къ плѣшивому и спрашивать его волосъ. Однажды они послали даже торговца волосами, который предлагалъ купить волосы привратника на вѣсъ.

Разсказываютъ, что мистификація эта продолжалась больше года и что старикъ умеръ или сошелъ съ ума, но это не правда. Привратникъ былъ совсѣмъ не такъ глупъ, потому что на другой день послѣ визита романиста, надѣлъ великолѣпный парикъ и тѣ, которые пришли надъ нимъ смѣяться, ушли съ порядочнымъ носомъ.

Жильцы бываютъ всегда не очень расположены къ привратнику; особенно въ послѣднее время, благодаря системѣ надбавки цѣнъ, между ними явная вражда. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не ненавидѣть человѣка, который является съ непріятнымъ извѣстіемъ, что надобно или переѣзжать или платить за квартиру дороже, потому что хозяинъ проигрался на биржѣ или что политическія дѣла не совсѣмъ пріятны! И къ этому надобно еще прибавить, что привратникъ сообщаетъ эти новости всегда съ насмѣшливымъ видомъ, радуясь несчастію жильца.

Разсказываютъ, что во время уничтоженія цѣлыхъ кварталовъ, когда жителямъ Парижа некуда было дѣваться, одинъ хозяинъ улицы Кокенаръ поставилъ на дворѣ шестъ съ своимъ ночнымъ колпакомъ, и всякій житель въ домѣ, проходя мимо, долженъ былъ кланяться ему. Неисполнявшіе этого должны были платить сильный штрафъ или выѣхать изъ дома. Другой хозяинъ требовалъ, чтобъ жильцы приносили плату за квартиры на серебряныхъ блюдахъ, и привратники, видя униженіе слабыхъ, начали ихъ еще больше преслѣдовать и требовали, чтобъ жильцы поочереди исполняли всѣ работы въ домѣ, отпирали дверь и еще давали на водку во всѣ праздники.

Къ счастію еще, что нѣсколько новыхъ домовъ отстроились какъ по волшебству и притѣсненія деспотовъ немного смягчились. Привратъ-

ники согласились даже иногда приносить жильцамъ письма и газеты, разумѣется прочитавъ прежде послѣднія, потому что безъ политики не можетъ жить ни одинъ дворникъ. Это его главная пища вмѣстѣ съ кофе.

Если посторонній человѣкъ подслушаетъ разговоръ привратницы, то не много пойметъ въ немъ, потому что у этого класса свое собственное нарѣчіе, свои слова, неизвѣстно откуда взятыя. Она говоритъ bronequins, pestacle, orchesse, Ambegu, ennuillante cintieme, arcajou, induquée, collidor, caichemires, canisandre и проч.; званіе хозяина привратница произноситъ: porgrilliétaire.

Это тѣмъ страннѣе, что женщины эти въ молодости были окружены образованною молодежью, или на сценѣ читали не совсѣмъ безграмотныя тирады. Отчего же привратница на старости принимаетъ такой дикій словарь?

Извѣстно только, что привратница никогда и ничего не читаетъ и не обращаетъ вниманія на то, что читаетъ ея дочь. Она даже забыла время, когда, бывши лореткою, плакала надъ романами и засыпала съ книгами. Теперь она не можетъ покойно прочесть двухъ страницъ, какъ уже хочетъ знать, какой будетъ конецъ, а съ-тѣхъ-поръ какъ романы печатаются въ фельетонахъ, она оказываетъ къ нимъ презрѣніе. Журнала она никогда не беретъ въ руки и предоставляетъ его въ распоряженіе мужа, который непремѣнно прочитаетъ его съ начала до конца, не пропустивъ ни одного объявленія.

Привратники согласны со всякимъ журналомъ, который прочитаютъ, и непостоянство ихъ вошло въ пословицу.

Самый несчастный человѣкъ въ мірѣ—это привратникъ безъ мѣста. Во время перестроекъ въ Парижѣ было много такихъ бѣдняковъ, блуждавшихъ какъ тѣни близъ сломаныхъ своихъ домовъ и повѣрявшихъ всѣмъ прохожимъ свое горе.

— Скажите, скоро кончатся перестройки? спросилъ одинъ Пипле у бывшаго своего жильца.

— Нѣтъ, не скоро.

— Что же мнѣ дѣлать, когда нѣтъ больше мѣстъ?

— Выбрать занятіе. Вѣдь есть много выгодныхъ.

— Какое же, напримѣръ?

— Будьте теноромъ? Они получаютъ по сту тысячъ франковъ.

— Въ годъ?

— Иногда и въ мѣсяцъ.

— Это очень выгодно. Только жена моя ревнива и не позволитъ,

чтобъ я при всѣхъ объяснялся въ любви пѣвицѣ. Притомъ же я и музыки не знаю.

— Это ничего. Впрочемъ, можно выбрать другое занятіе.

— Да, я бы желалъ что-нибудь другое.

— Составьте общество на какое-нибудь комерческое предпріятіе, съ капиталомъ въ тридцать милліоновъ и отдайте акціи на биржу.

— Не говорите мнѣ о биржѣ, я и то потерялъ тамъ весь свой капиталъ въ триста франковъ, собранныхъ столькими лишеніями и трудами.

— Въ такомъ случаѣ, пишите трагедіи. У насъ теперь много писателей милліонеровъ.

— Да вѣдь въ трагедіяхъ бываютъ стихи?

— Ну такъ чтожъ?

— А я никогда не могъ подобрать двухъ риѳмъ. Въ молодости моей хотѣлъ я написать стихи моей невѣстѣ, но ее зовутъ Анастасіей, и я никакъ не могъ сыскать риѳмы къ ея имени. Съ-тѣхъ-поръ я отказался отъ поэзіи.

— Стало быть, у васъ одинъ талантъ—быть привратникомъ. Такъ подождите когда отстроится Риволійская улица, или подите къ башнѣ Сенъ-Жакъ ла Бушери. Она еще не сломана, и такъ какъ тамъ есть дверь, то необходимъ и привратникъ. Попросите этого мѣста.

— Въ самомъ дѣлѣ, благодарю васъ за совѣтъ. Вотъ что значитъ умъ хорошъ, а два лучше.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась эта мистификація.

Привратникъ до того привязывается къ своему ремеслу, что умираетъ въ своей каморкѣ, и ни на что не промѣняетъ своего положенія.

Недавно одинъ привратникъ получилъ богатое наслѣдство, чрезвычайно обрадовался и тотчасъ послалъ хозяину свою отставку.

— Теперь-то я поживу спокойно, говорилъ онъ всѣмъ: отдохну отъ своей каторжной жизни, буду гулять по бульварамъ, смотрѣть жирафовъ, медвѣдя, обезьянъ; буду спать спокойно и не отворять ни кому дверей.

И капиталистъ купилъ себѣ домъ и началъ жить бариномъ; но черезъ мѣсяцъ захворалъ отъ скуки, ничѣмъ не хотѣлъ заняться; все его раздражало и кончилось тѣмъ, что онъ занялъ мѣсто привратника въ своемъ собственномъ домѣ. Теперь онъ совершенно счастливъ.

О привратницахъ нельзя сказать того же самаго, и еслибъ капиталистъ былъ женатъ, то умеръ бы отъ тоски, но жена не позволила бы ему вернуться къ своему прежнему занятію.

Женщины этого класса считаютъ свою должность унизительною и

совершенно счастливы, когда дочь ихъ дебютируетъ и беретъ къ себѣ маменьку смотрѣть за хозяйствомъ.

Нѣкоторые хозяева наряжаютъ привратника въ яркую ливрею, и это придаетъ ему еще болѣе гордости и дерзости. Въ такомъ случаѣ, супруга его носитъ шляпку, играетъ роль жертвы, не убираетъ комнаты жильцовъ и разсказываетъ о своихъ несчастіяхъ и уплывшихъ кашемирахъ.

Если привратникъ портной, что случается очень часто, то жена его имѣетъ привычку наколачивать гвозди, гдѣ только можно, чтобъ жильцы чаще рвали свои платья, доставляя работу мужу.

Тоже средство употребляетъ и привратникъ-сапожникъ.

Мужъ привратницы не всегда бываетъ привратникъ. Иногда онъ плотникъ, слесарь или каменьщикъ, и работая не дома, приходитъ поздно и жильцы никогда не видятъ его. Эти мужья бо́льшею частію лѣнивцы, пьяницы, живущіе на счетъ жены, которая, кромѣ работъ по дому, успѣваетъ еще стряпать не на свою семью, но для одинокихъ жильцовъ, которымъ невыгодно или некогда идти въ трактиръ.

Если же въ домѣ есть типографія или другое заведеніе, гдѣ много работниковъ, то привратница имѣетъ всегда огромную провизію вина, водки и разнаго кушанья, наживаясь этою торговлею такъ скоро, что отдаетъ деньги въ долгъ и наконецъ сама покупаетъ домъ.

Всего несноснѣе привратницы, у которыхъ страсть къ животнымъ. Одна любитъ собакъ, другая кошекъ, третья птицъ, и для нихъ жильцы совершенно забыты и должны еще переносить всякія непріятности отъ этихъ животныхъ. Но, что́ бы ни случилось, никогда не ссорьтесь съ привратницей, потому что отъ нея зависитъ репутація жильца; въ рукахъ ея даже будущность молодыхъ людей, живущихъ въ ея домѣ.

Попробуйте-ка сдѣлаться врагомъ привратницы и ея Азора и потомъ вздумайте переѣхать на другую квартиру. Разумѣется, что новый хозяинъ пошлетъ спросить въ старомъ домѣ, что́ вы за человѣкъ, и непріятельница ваша представитъ васъ въ такомъ страшномъ видѣ, что вамъ пришлютъ назадъ задатокъ и не пустятъ въ новую квартиру.

Если же привратница узнаетъ, что вы нашли выгодную невѣсту и получили уже согласіе, то она сама идетъ къ вашему будущему тестю и говоритъ:

— Вы хотите отдать вашу дочь г. Анатолю. Знаетъ ли вы, что́ это за человѣкъ. Я сама мать, но ни за что не выбрала бы такого зятя, какъ мой разбойникъ—жилецъ. Онъ всякій день пьянъ, ни одной ночи не проводитъ дома, играетъ въ карты отчаянно, и съ утра къ нему

тянется цѣлая процессія разодѣтыхъ женщинъ. Этотъ злодѣй уморитъ вашу невинную дочь, какъ уморилъ моего Азора.

Разумѣется, что испуганный папенька, не стараясь разбирать дѣла, спѣшитъ послать Анатолю письмо съ отказомъ и привратница торжествуетъ, разстроивъ свадьбу жильца.

Но этого мало. Месть этихъ женщинъ успокоится только, когда они доведутъ нелюбимаго жильца до тюрьмы или по-крайней-мѣрѣ до исправительной полиціи. Не дай Богъ никому нажить такого врага.

Обратимся опять къ парижскимъ новостямъ.

Всѣ любители трагедіи въ отчаяніи. Рашель рѣшительно уѣзжаетъ. Она простилась съ публикою, не слыша ни просьбъ, ни слезъ, ни рукоплесканій. Америка зоветъ ее, и она не хочетъ дожидаться даже всемірной выставки.

Притомъ же контрактъ подписанъ и американскіе импрессаріи неумолимы. Они увезутъ Рашель больную, и есть люди, которые увѣряютъ, что если она умретъ на дорогѣ или въ началѣ представленій, то тѣло ея будетъ бальзамировано и выставлено на показъ любопытнымъ Янки. И такъ какъ нѣтъ глупости, которой бы не повѣрили, то и этой выдумкѣ вѣрятъ и жалѣютъ, что артистка ѣдетъ въ дикую страну, гдѣ не поймутъ ея таланта и гдѣ бросаютъ деньги только громкимъ именамъ.

Не смотря на слабость и усталость актрисы, мы увѣрены, что она все-таки вернется въ Парижъ. Но найдетъ ли она по возвращеніи такую же публику, расположенную даже къ ея недостаткамъ? Говорятъ, что она хочетъ оставить навсегда парижскую сцену въ полномъ развитіи таланта, чтобъ заставить публику сожалѣть и вспоминать. Расчетъ этотъ не вѣренъ. Публика помнитъ только тѣхъ, кого она видитъ. Послѣ недавняго своего путешествія, Рашель уже испытала холодность публики, которая считаетъ себя обязанною уважать и награждать таланты, развившіеся въ ея глазахъ, но до того неблагодарна, что забываетъ тѣхъ, которые ее оставляютъ и привязываются къ новымъ артистамъ.

Процессъ о *Медеѣ* еще неоконченъ, и Легуве не настаиваетъ больше, чтобъ Рашель играла въ его пьесѣ, что невозможно въ настоящее время, а Богъ знаетъ, когда вернется путешественница.

Между тѣмъ, Французская Комедія, не упрашивая Рашель остаться, торопится пополнить свою трагическую труппу, лишившуюся недавно г-жи Рембло. Она ангажировала между прочимъ молодую артистку Менье-Флери, про способности которой говорятъ очень много. Вообще отъѣздъ Рашели не остановитъ представленія серьезныхъ пьесъ, и посѣ-

тители выставки не лишены будутъ удовольствія слышать Расина и Корнеля.

Все театры готовятся забавлять гостей.

Одеонъ поставилъ двѣ хорошенькія комедіи, имѣвшія порядочный успѣхъ. La femme d'un grand homme замѣчательна уже по одному счастливому названію. Великій человѣкъ въ комедіи Дюрантена и Дерланда просто незначительный человѣкъ, который въ рукахъ умной, честолюбивой женщины, достигаетъ почестей и славы и дѣлается чуть ли не героемъ. Фремонъ, добрый милліонеръ, позволяетъ женѣ управлять всѣми дѣлами, вѣритъ, когда всѣ выхваляютъ его умъ, способности, геніальность и наконецъ, достигнувъ трибуны національнаго собранія, воображаетъ, что можетъ обойтись безъ помощи жены. Та пробуетъ оставить его одного, и бѣдный милліонеръ совершенно теряется и падаетъ съ своего пьедестала.

Вмѣстѣ съ главнымъ дѣйствіемъ идутъ двѣ любопытныя любовныя интриги. Г-жа Фремонъ изъ честолюбія вышла замужъ за богача, отказавши молодому человѣку, котораго любила. Однако, она не отказалась отъ любви и хочетъ опять привлечь Ораса; но тотъ уже успѣлъ утѣшиться, влюбясь въ Антуанету, племянницу великаго человѣка. Разумѣется, что г-жа Фремонъ, какъ опытная кокетка и умная женщина, нисколько не боится пансіонерки и хочетъ ее выдать за другаго. Но въ этой борьбѣ невинности съ лукавствомъ, дѣвочка остается побѣдительницею и не только заставляетъ кокетку согласиться на бракъ ея съ Орасомъ, но еще открываетъ глаза великому человѣку, который отказывается отъ славы и увозитъ жену въ провинцію.

Цѣль пьесы похвальная, написана она очень живо и играется легко.

Г-жа Сара сыграла роль кокетки съ опытностію великой актрисы и заслужила всеобщее одобреніе. Роль Фремона самая трудная, потому что она комическая и, въ то же время, благородная, и выдержать ее въ продолженіе пяти актовъ, не впадая въ преувеличеніе, было очень трудно. Жаль только, что въ пансіонеркѣ мало наивности и веселости, которыя бы не помѣшали ей нисколько разстроить планы кокетки.

Donnez aux pauvres заключаетъ не новую мысль, но пьеса составлена оригинально, дѣйствіе занимательно, а главное—разговоръ усыпанъ блестками остроумія. Впрочемъ, успѣхъ пьесы былъ обезпеченъ именемъ автора, Жюля Премаре, талантъ котораго уважается публикою. Къ тому же, роли были заняты Брендо, хорошенькою Беранжерою и Тиссераномъ, имѣющимъ даръ перерождаться нѣсколько разъ въ вечеръ. Въ первомъ актѣ онъ играетъ бретанскаго крестьянина простаго, неловкаго, неумѣющаго обращаться въ гостиной. Во второмъ онъ превра-

щается въ совершеннаго джентльмена, съ отличными манерами, изысканностью въ костюмѣ, въ разговорѣ. Онъ перемѣняетъ наружность, лице, голосъ, походку, взглядъ—словомъ, дѣлается совершенно другимъ человѣкомъ, такъ, что кто не понимаетъ пьесы и не знаетъ артиста, можетъ спорить, что это не одинъ Тиссеранъ.

Опера поставила новый балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, *Фонти*. Со времени Жизели и Пери не было еще такого блистательнаго хорографическаго успѣха, хотя въ балетѣ нѣтъ ничего фантастическаго, и онъ представляетъ самый возможный, обыкновенный случай.

Амалія Фонти, знаменитая танцорка, приводила въ восторгъ Флоренцію въ 1750 году. Всѣ вельможи города, начиная съ губернатора Санъ-Піетро, влюблены въ нее; но она смѣется надъ этими обожателями и предается страсти своей къ танцамъ, не отвѣчая даже на покорную любовь товарища своего Карлино, комика и акробата труппы. Однако, сердце ея не можетъ не тронуться почтительною, безмолвною любовью молодаго графа Монтелеоне. Она догадывается, что онъ одинъ любитъ ее искренно, но не смѣетъ надѣяться на счастіе, потому, что графъ не можетъ быть ея мужемъ, а она хочетъ остаться честною женщиною. Однако, молодой человѣкъ пробирается передъ спектаклемъ въ уборную танцорки и проситъ ея руки, предупредивъ, что бракъ между ними долженъ быть тайный, потому, что отецъ его очень гордъ и никогда не позволитъ наслѣднику своего имени жениться на артисткѣ. Фонти на все согласна и мечтаетъ о счастливой будущности, какъ вдругъ входитъ старикъ, отецъ жениха, и приказываетъ ему забыть эту женщину, если не хочетъ, чтобъ она была заключена въ тюрьму на всю жизнь.

Бѣдная Фонти въ отчаяніи. Она не слушаетъ утѣшеній Карлино, она хочетъ умереть; но въ эту минуту входитъ режиссеръ и торопитъ ее на сцену, гдѣ она должна участвовать въ миѳологическомъ балетѣ Зефиръ и Флора и танцовать передъ графомъ и его сыномъ, которые растерзали ея сердце. И вотъ она вытираетъ слезы, румянится и старается улыбнуться, пересиливая свое горе. Сцена эта превосходна и требуетъ удивительнаго исполненія. Г-жа Розати изобразила въ совершенствѣ эту борьбу женщины съ артисткою и порхнула на сцену къ Зефиру.

Интермедія эта составлена очень оригинально. Передъ вами сцена театра Пергола. Флора проситъ Амура, чтобъ онъ сдѣлалъ Зефира постояннымъ и тотъ даетъ ей стрѣлу, поразить невѣрнаго. Богиня цвѣтовъ завлекаетъ Зефира упоительными танцами, и когда тотъ падаетъ къ ея ногамъ, обѣщая остаться вѣрнымъ, она поражаетъ его и

Зефиръ не умираетъ, потому что онъ безсмертенъ, но теряетъ навѣки свои крылья. Это приводитъ его въ такую ярость, что онъ призываетъ Борея и всѣ вѣтры, ломаетъ деревья, статуи, разгоняетъ всѣхъ нимфъ и подругъ Флоры и до того пугаетъ ее, что она проситъ прощенія у невѣрнаго.

Это подражаніе древнимъ балетамъ чрезвычайно понравилось публикѣ и особенно молодому графу Монтелеоне, который, по окончаніи балета, опять бросился въ уборную танцорки и предложилъ ей тотчасъ же ѣхать во Францію. Фонти, разумѣется, согласна, но старикъ наблюдалъ за сыномъ, и въ то время, когда онъ побѣжалъ приготовляться къ побѣгу, солдаты схватываютъ артистку и запираютъ ее въ тюрьму.

Тамъ она находится во власти губернатора Санъ-Піетро, который обѣщаетъ не выпускать птичку изъ клѣтки; но Карлино, одѣтый служителемъ губернатора, входитъ въ тюрьму, мѣняется платьемъ съ танцоркою, какъ знаменитая Лавалетъ, и выпускаетъ плѣнницу. Тутъ слѣдуетъ очень забавная сцена. Санъ-Піетро, вышившій для храбрости, не узнаетъ обмана и принимая Карлино за танцорку, признается ей въ любви, преслѣдуетъ ее; но Карлино, какъ искусный акробатъ, умѣетъ увернуться, перескакивая столы и стулья, вѣшаясь на колонны, цѣпляясь за рѣшетки какъ кошка. Его не могутъ поймать даже и тюремщики, призванные губернаторомъ, увидѣвшимъ наконецъ, что его дурачатъ.

При выходѣ изъ тюрьмы, Амалію поражаетъ новое несчастіе. Она узнаетъ, что безхарактерный Монтелеоне далъ слово отцу жениться на принцессѣ Торназари. Тогда Фонти въ мужскомъ костюмѣ пробирается къ невѣстѣ, назвавъ себя танцовальнымъ учителемъ и открываетъ ей измѣну жениха. Принцесса отказывается подписать контрактъ, и графъ опять предлагаетъ свою любовь артисткѣ; но та уже не вѣритъ ему, не хочетъ бороться съ ненавистью старика и съ отчаяніемъ въ сердцѣ уѣзжаетъ въ Римъ.

Тамъ карнавалъ въ полномъ разгарѣ. Улицы наполнены масками, вездѣ шумъ, музыка, танцы. И вотъ въ толпѣ является Фонти и бѣдный ея Карлино. Разсудокъ танцорки разстроился и у ней осталась только одна страсть къ танцамъ. И она танцуетъ удивительно, дѣлаетъ чудеса хореграфическаго искусства, приводитъ всѣхъ въ восторгъ, а сама, измученная, падаетъ на руки Карлино и умираетъ.

Печальная развязка нисколько не помѣшала успѣху балета. Мазилье, кажется, превзошелъ самъ себя, придумавъ совершенно новые танцы. Декораціи великолѣпны, миѳологическій балетъ превосходенъ, а послѣдній праздникъ въ Римѣ великолѣпенъ.

Надобно прибавить къ этому легкую, пріятную музыку и самое отчетливое исполненіе.

Розати одна изъ рѣдкихъ танцорокъ, которая соединяетъ въ себѣ пріятность, гибкость, легкость, силу и ко всему этому выразительную мимику, передающую въ совершенствѣ всѣ чувства, страсти, всѣ движенія души. Графъ (Петипа) только игралъ влюбленнаго, но ничего не танцовалъ. Карлино же (Мерантъ) исполнилъ трудную свою роль такъ неподражаемо, что умѣлъ тронуть публику своею преданною привязанностію къ танцоркѣ и былъ смѣшенъ въ комической сценѣ преслѣдованій Санъ-Піетро.

Вообще, балетъ этотъ забавенъ и занимателенъ, и публика еще долго будетъ смотрѣть этотъ эпизодъ изъ жизни артистки, въ которомъ, не смотря на танцы, много трогательнаго.

Вотъ еще одна новость, имѣвшая большой успѣхъ въ Парижѣ, хотя она больше похожа на пуфъ. Одинъ изъ журналовъ выдумалъ, что королева Помаре сбирается пріѣхать въ Парижъ и напечаталъ даже ея письмо, въ которомъ она изъявляетъ свое желаніе посѣтить эту столицу. Другіе журналы, продолжая шутку, говорятъ, что черная королева заѣдетъ за Сулукомъ и привезетъ и его на выставку. Тогда эта пара въ самомъ дѣлѣ будетъ самымъ любопытнымъ предметомъ на выставкѣ. Во всякомъ случаѣ надобно будетъ прежде всего удостовѣриться, точно ли прибывшіе негры: Сулукъ и Помаре, а то можетъ повториться мистификація временъ Людовика XIV, который великолѣпно принялъ сіамскаго посланника, не подозрѣвая, что это одинъ изъ его подданныхъ, наряженный услужливыми людьми, заботившимися объ увеселеніи стараго монарха.

Привезли изъ Бразиліи огромный алмазъ, называемый *южною звѣздою*. Онъ превосходитъ величиною регента и всѣ драгоцѣнные камни короны Англіи. Сокровище это принадлежитъ одной негритянкѣ, которая соглашается уступить его за нѣсколько милліоновъ. Неизвѣстно, найдетъ ли она скоро покупателя въ настоящее время, совсѣмъ не выгодное для брильянтовъ.

Открытія идутъ своимъ чередомъ. Одинъ живописецъ изобрѣлъ — что бы вы думали? новую краску? Совсѣмъ нѣтъ, — артиллерійскую машину въ родѣ адской, которая можетъ быть употреблена съ пользою или съ большимъ вредомъ для непріятеля. Но другой случай еще страннѣе. Найдено самое вѣрное средство отъ холеры,—и кѣмъ же? однимъ изъ самыхъ остроумныхъ водевилистовъ.

Извѣстно, что одинъ филантропъ, умирая отъ холеры, завѣщалъ сто тысячъ франковъ тому, кто найдетъ лекарство отъ нея. Неужели

этотъ счастливый благодѣтель человѣчества будетъ водевилистъ? Что-то на это скажутъ доктора?

Опять назначена распродажа автографовъ извѣстныхъ лицъ прошедшаго и нынѣшняго вѣка. Современные Сенъ-Симоны и Талеманы могутъ найдти тутъ обильную пищу для составленія записокъ объ обществѣ и о характерѣ людей, которыхъ исторія иногда слишкомъ возвышаетъ, но которые часто обнаруживаютъ настоящій характеръ маленькою записочкою.

Тутъ собрано нѣсколько историческихъ изрѣченій, нѣсколько наивностей и пошлостей. Бернарденъ де-Сенъ-Пьерръ, г-жа Сталь, Пиго-Лебрюнъ, Видокъ, г-жа Марсъ, Тальма, Пиронъ: всѣ эти имена толпятся въ коллекціи, и любители могутъ выбирать по своему вкусу, что имъ вздумается.

Странно, что не смотря на безпрестанные аукціоны подобнаго рода, автографы все еще цѣнятся очень дорого, и на нѣкоторые набиваютъ баснословныя цѣны.

Съ-тѣхъ-поръ какъ умерла потишоманія, общества не знаютъ, чѣмъ заниматься и придумываютъ разныя развлеченія. Такъ какъ невозможно всякій день танцовать, то устраиваютъ домашніе театры, и есть артисты-любители, которые играютъ даже Мольера и еще такъ превосходно, что настоящіе актеры могутъ поучиться у нихъ. Впрочемъ, если нѣкоторые спектакли идутъ плохо, то все-таки они даются съ благотворительною цѣлью, точно также какъ бо́льшая часть концертовъ.

Большое волненіе произвело тоже извѣстіе, что употребленіе шляпокъ безъ тульи и полей оканчивается. Перемѣна эта происходитъ совсѣмъ не оттого, что женщины догадались о глупости и некрасивости этой моды, но оттого, что больше убавить шляпки невозможно и потому хотятъ носить большія, то-есть изъ одной крайности впадаютъ въ другую. Все-таки теперешнія *шляпки-коляски* по-крайней-мѣрѣ исполняютъ свое назначеніе, закрываютъ голову, сохраняютъ лице отъ пыли, солнца и не то, что смѣшные фаншоны, не прикрывающіе даже косы. Надобно только, чтобъ нововведеніе было принято поскорѣе. Впрочемъ, тѣ, которымъ невыгодно слишкомъ открывать лицо, вѣроятно тотчасъ нарядятся въ *коляски*, а за ними поневолѣ послѣдуютъ и другіе.

Недавно въ Гиподромѣ случилось любопытное происшествіе. Одна изъ наѣздницъ упала черезъ барьеръ прямо на голову одного зрителя и чуть не задавила его. Бѣднякъ похворалъ, но выздоровѣвъ, пошелъ къ наѣздницѣ, чуть было не убившей его, и предложилъ ей свою руку. Паденія не всегда такъ счастливы. Зритель этотъ богатъ; только друзья и родственники, пораженные его поступкомъ, увѣряютъ, что голова

его повреждена и что онъ еще не совсѣмъ излечился. Это говорятъ можетъ быть изъ зависти, потому-что наѣздница очень не дурна собою.

Другой оригинальный бракъ произошелъ въ высшемъ кругу. Одинъ графъ посѣщалъ домъ, гдѣ была богатая наслѣдница, хорошенькая собою, и такъ какъ онъ самъ, не смотря на нѣкоторыя странности характера, можетъ почесться однимъ изъ выгодныхъ жениховъ, то всѣ рѣшили, что онъ намѣренъ жениться на невѣстѣ съ милліонами. Что же сдѣлалъ оригиналъ? Онъ предложилъ свою руку и историческое имя бѣдной Сандрильонѣ, компаньонкѣ наслѣдницы, которую никогда никто не замѣчалъ, потому что она была проста, скромна и не имѣла никакихъ талантовъ, пріятныхъ въ обществѣ, но непріятныхъ въ семейной жизни. Всѣ осуждаютъ графа, но онъ счастливъ и, стало быть, правъ. Нынче называютъ эксцентриками людей, которые слѣдуютъ влеченію сердца, а не расчета; но поступки эти такъ рѣдки, что, кажется, скоро будутъ считать ихъ безумiемъ. Не дай Богъ дожить до этого!

Процессы также довольно занимательны въ настоящее время. Не будемъ говорить о скандалезныхъ исторіяхъ, правящихся любителямъ покойной романтической школы; но процессъ по случаю духовнаго завѣщанія г-жи дю-Кайла приводитъ въ тупикъ и судей и адвокатовъ. Покойница завѣщала: замокъ Сентъ-Уенъ графу Шамбору, а въ случаѣ отказа его, городу Парижу. Такъ какъ означенный наслѣдникъ не можетъ принять замка, то муниципальное правленіе и хотѣло занять его, какъ вдругъ прямая наслѣдница графини требуетъ, чтобъ замокъ былъ отданъ ей. Дѣло это поступило въ судъ и надѣлало уже много шуму. Знаменитые ораторы сбираются съ обѣихъ сторонъ блеснуть своимъ краснорѣчіемъ, но неизвѣстно еще, чѣмъ все это кончится. Довольно и того, что тутъ замѣшаны имена, про которыя Парижъ совсѣмъ забылъ и которыя теперь вспоминаются не совсѣмъ выгодно, особенно когда прочтутъ исчисленіе огромнаго состоянія извѣстной графини. Вѣроятнѣе всего, что городъ Парижъ выиграетъ процессъ потому, что на его сторонѣ общественное мнѣніе.

Всѣ бульвары превратились въ настоящую ярмарку, потому что установлены подвижными магазинами и красивыми павильонами, наполненными блестящими игрушками, вкусными лакомствами. На Монмартрскомъ бульварѣ привлекаетъ толпы покупателей зеленая цвѣтущая бесѣдка, которая кажется издали декораціею маленькаго театра. Это продажа апельсиновъ, подъ вывѣскою: Au jardin d'hiver, и прикащица, свѣженькая какъ яблочко, потому что холодъ все еще бываетъ чувствителенъ, не успѣваетъ раздавать свой товаръ.

На площади Моберъ тоже цѣлый день, и особенно вечеромъ, когда

магазинъ подкатится къ фонарю, толпится народъ вокругъ подвижнаго прилавка, наполненнаго разными лакомствами, и хозяинъ этой кондитерской нашелъ средство, чтобъ толпа не расходилась. Вотъ что онъ придумалъ для этого. Зацѣпивъ на коротенькую удочку лакомый кусочикъ, онъ начиналъ качать его, и гамены и дѣвочки, становясь по обѣимъ сторонамъ удочки, стараются ртомъ поймать конфетку. Надобно вообразить, сколько тутъ шуму, удовольствія, надеждъ. Дѣти хитры и ловки, но и продавецъ не глупъ. Чтобъ продлить всеобщее удовольствіе въ ожиданіи серьознаго покупщика, онъ забавляется съ дѣтьми, отдергивая удочку изъ подъ-ихъ носа и поднося ее къ какому-нибудь блѣдному личику, которое можетъ быть въ тотъ день не обѣдало. Взрослые смѣются не меньше дѣтей, и хозяинъ этого магазина наживаетъ порядочные барыши. Вотъ что значитъ человѣкъ съ воображеніемъ. Даже порядочное общество ходитъ смотрѣть на эту необыкновенную удочку, и вечеромъ, при свѣтѣ фонаря, эта группа, составленная изъ дѣтскихъ лицъ, полныхъ ожиданія, изъ веселыхъ фізіономій и наблюдателей, представляетъ оригинальную картину. У бѣдныхъ дѣтей очень мало увеселеній. Они не знаютъ никакихъ игрушекъ, никакихъ подарковъ и сюрпризовъ, приготовляемыхъ маменьками баловницами, что же мудренаго, что они слѣдуютъ вездѣ за удочкою кондитера, чтобъ поймать сладкій кусочекъ. Правда, что надобно заплатить одинъ су, чтобъ быть допущеннымъ къ состязанію, но объ этомъ нечего заботиться. Въ толпѣ зрителей всегда найдется добрый артистъ, или военный, которые готовы пожертвовать нѣсколькими су въ пользу голодныхъ.

Въ литературѣ мало замѣчательныхъ новостей. Откровенныя біографіи Миркура, написанныя остроумно и иногда слишкомъ неосторожно, и даже безжалостно, расходятся нѣсколькими изданіями и имѣютъ такой огромный успѣхъ, что имя романиста, прежде довольно мало извѣстное, теперь сдѣлалось почти знаменитымъ, благодаря современнымъ біографіямъ. Однако, писать о живыхъ не всегда удобно, и авторъ Современниковъ долженъ былъ являться нѣсколько разъ въ судъ, платить штрафы, принимать вызовы, переносить печатные выговоры, брань и угрозы, и въ настоящее время сидитъ въ тюрьмѣ, но всѣ эти непріятности только увеличиваютъ значеніе писателя и обращаютъ на него вниманіе публики. Онъ и въ тюрьмѣ работаетъ по прежнему и пишетъ остроумные отвѣты своимъ противникамъ. Двадцать седьмой томъ, заключающій біографію Понсара, уже вышелъ въ свѣтъ и читается всѣми.

Мемуары Жоржъ Занда до-сихъ-поръ не представляютъ еще ничего особенно любопытнаго. Впрочемъ, она въ началѣ предупредила публику, что будетъ разсказывать не происшествія своей жизни, но ис-

торію своихъ чувствъ и мыслей. Публика ожидала, признаться, совсѣмъ не того. Впрочемъ, мемуары эти, написанныя съ обычнымъ талантомъ писательницы, читаются съ удовольствіемъ.

Александру Дюма до того надоѣли безпрестанныя нападки на его мемуары, съ доказательствами невѣрностей въ числахъ, происшествіяхъ и именахъ, что онъ сказалъ одинъ разъ навсегда:

— Я пишу не исторію, а мои воспоминанія, стало быть не обязанъ справляться съ подробностями. Если я ошибаюсь иногда, то оттого, что у меня память ослабла. Кому какое дѣло до того, что̀ я пишу въ моихъ мемуарахъ. Я разсказываю такъ какъ помню, и какъ чувствую.

Въ такомъ случаѣ не мѣшало бы Мушкетеру быть поосторожнѣе, потому что онъ за одно съ своею исторіею приплетаетъ біографіи извѣстныхъ лицъ, въ такомъ искаженномъ видѣ, что они не могутъ себя узнать.

Если Миркуръ сидитъ въ тюрьмѣ за справедливыя біографіи, то отчего же Дюма имѣетъ привилегію лгать безнаказанно?

Даже въ историческихъ своихъ романахъ, не говоря уже о безконечныхъ продолженіяхъ Мушкетеровъ и графинь Шарни, почти въ современныхъ, какъ напримѣръ въ Капитанѣ Ришаръ, онъ дѣлаетъ такіе промахи, которыхъ постыдился бы ученикъ, но Артаньяну все проходитъ. Только бы не прошла его слава.

Сю также продолжаетъ писать романы: только, кажется, прошло уже то время, когда и онъ считался счастливымъ писателемъ, когда его романы-фельетоны производили фуроръ въ публикѣ. Теперь неблагодарные почти совсѣмъ забыли автора Парижскихъ Тайнъ и не читаютъ послѣднихъ его произведеній, потому-что находятъ его идеи устарѣлыми. Публика требуетъ новаго, а Сю пишетъ все на одну и ту же тему. Не мудрено, что онъ вышелъ изъ моды.

Остальная фаланга писателей не лѣнится и наводняетъ Францію и Европу своими эфемерными произведеніями, которыя читаются легко, занимаютъ на минуту, но не производятъ никакого впечатлѣнія. Впрочемъ, въ послѣднее время книгопечатаніе и книжная торговля до того усовершенствовались, что цѣлые томы, подписанные извѣстными именами, продаются за самую дешевую цѣну. Стало быть, публика торопится читать, и ей нѣтъ времени обсудить и понять цѣль сочиненія.

Надобно признаться, что женщины занимаютъ видныя мѣста въ литературѣ и почти сталкиваютъ мужчинъ. Не говоря уже о Жоржъ Зандѣ, талантъ который, хотя имѣющій не всегда правильное направленіе, доходитъ иногда до геніальности, и имя которой овладѣло романомъ, ме-

муарами, театромъ, другія женщины смѣло идутъ по тому же пути. Г-жа Жирардеръ оказала большое знаніе сцены и искусство трогать и смѣшить публику; стихи г-жи Тастю, г-жи Дебордъ Вальморъ превозносятся всѣми, и теперь академія, изъ множества стиховъ, увѣнчала поэму Луизы Коле. Талантъ ея въ самомъ дѣлѣ замѣчательный, тѣмъ болѣе, что она посвящаетъ его однѣмъ женщинамъ, воспѣвая ихъ качества, несчастія, жалуясь на несправедливость мужчинъ, какъ это дѣлаютъ всѣ писательницы. Это въ порядкѣ вещей. Мы жалуемся на нихъ, онѣ на насъ.

Ап. Бонавентура.

ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Записки Барнума. — Что такое humbug. — Система надуванья.—Огнегасительная машина.—Бой дикихъ быковъ съ домашними.—Химія въ обыкновенной жизни. — Одуряющія вещества. — Кока.—Новый романъ Вальтеръ-Скотта.—Новыя произведенія.—Новая теорія слуха.—Газета Times.—Новое средство составлять приданое.—Новые карабины.—Біографія Магомета.—Торговля плодами.—Страховое общество и поджигатель.

Важнѣйшимъ литературнымъ событіемъ въ нынѣшнемъ сезонѣ было появленіе: *Жизни Фансаса Тейлора Барнума*, описанной имъ самимъ. Успѣхъ этой книги едвали не сравнялся съ успѣхомъ *Дяди Тома*. Чего хочетъ литературный свѣтъ? чтобъ его обманывали. Да и вообще, вся такъ называемая цивилизація общественной жизни Англіи не вседневный ли обманъ? Новое серебро (нейзильберъ), гальванопластическая позолота, искусные драгоцѣнные камни, фальшивыя икры, приглашенія, визиты, офиціальные банкеты, лайковые перчатки, швейцары, квартиры, платье, мебель, туалетъ—не все ли это обманъ, безъ котораго однако же человѣкъ въ обществѣ потерялъ бы 99 процентовъ. А биржевые спекуляціи не чистый ли обманъ? Для иныхъ это шутка, а для другихъ слезы. Въ Англіи всѣ подобные обманы доведены до совершенства. Въ Англіи надобно болѣе всего думать о наружности. Книга Барнума доказываетъ это самымъ неопровержимымъ образомъ. Онъ истинный идеалъ, образецъ практическаго humbug (это не переводимое слово, означающее наружный блескъ, принимаемый за настоящій). Барнумъ въ своей книгѣ описываетъ настоящую *исторію обмана*, описывая самъ себя.

«Каждая эпоха исторіи—говоритъ онъ—имѣетъ свой humbug, выражающійся въ повѣрьяхъ и нравахъ того вѣка; мои изслѣдованія по этой части были не только наблюдательныя, но и лично-практическія. Будучи увѣренъ, что подробное изложеніе обмановъ нашего времени такъ же полезно, какъ и поучительно, я нарочно составилъ издаваемую мною книгу.» Первою попыткою Барнума въ области спекуляціи была огнегасительная машина Филлипса; но публика не далась въ обманъ, и Барнумъ честно возвратилъ всѣ деньги.

Второй humbug былъ бой дикихъ быковъ съ домашними. Спектакль данъ былъ въ Нью-Іоркѣ, и зрители не могли пожаловаться, что ихъ обманули. Съ зрителей ничего не брали. Правда, что когда обученые быки увидали дикихъ, то прижались въ одномъ углу и жалобно замычали, вовсе не желая вступать въ бой. Зрители расхохота-

лись и разошлись; а Барнумъ получилъ однакоже этою спекуляціею 5000 долларовъ, въ теченіе *шести* часовъ. Онъ только взялъ на откупъ всѣ перевозныя лодки къ мѣсту зрѣлища (Гобакъ) и заранѣе напечаталъ объявленія о мѣстахъ и цѣнахъ перевоза. А какъ спектакль кончился раньше, нежели ожидали, то бывшіе на травлѣ и встрѣтились посрединѣ рѣки съ тѣми, которые оттуда возвращались.

— Какъ, развѣ все кончилось? спросили первые.

— Разумѣется! это былъ отличнѣйшій humbug.

— Ура! изобрѣтателю humbug'а.

Барнумъ все испыталъ. Онъ былъ лотерейнымъ агентомъ, директоромъ компаніи волтижеровъ, содержателемъ труппы индійскихъ фокусниковъ, защитникомъ общества трезвыхъ, и проч., и проч. Онъ всю жизнь игралъ комедію съ переодѣваніемъ, и наконецъ накопилъ милліонъ долларовъ.

Книга его составляетъ не только теорію науки спекуляцій, но и картину общественной жизни въ Англіи и Америкѣ. Вся разница оказывается въ томъ, что въ Англіи humbug грозенъ и злонамѣренъ, а въ Америкѣ веселъ и не злопамятенъ. Въ Англіи это лицемѣріе, въ Америкѣ *юморъ*. Въ Америкѣ каждый явно бьется объ закладъ, что обманетъ другаго. Въ Англіи каждый серьезно клянется въ истинѣ, чтобъ вѣрнѣе обмануть. Тамъ едва вступается въ эти продѣлки полиція. Здѣсь, Англія, подъ именемъ *западной цивилизаціи*, призываетъ на себя судъ исторіи и проклятія потомства, губя тысячи своихъ согражданъ изъ-за денежныхъ выгодъ.

Но, оставимъ это грустное слово humbug. Пожелаемъ даже успѣха подражателямъ Барнума, лишь бы они ограничивались подобными ему не преступными спекуляціями. Поговоримъ о другой книгѣ. The Chemistry of common life (Химія въ обыкновенной жизни), сочиненіе Джонстона. Авторъ занялся исчисленіемъ всѣхъ средствъ, употребляемыхъ человѣкомъ, чтобъ сдѣлаться ниже человѣка, то есть, чтобъ алкоголическими напитками, или опьяняющими веществами, доводить себя до мнимаго веселья, безразсудства и безчувственности.

Въ Англіи платятъ пивовары пошлины за хмѣль отъ сорока до пятидесяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (240—300 милліоновъ рублей серебромъ). Остъ-Индская компанія продаетъ ежегодно до 6,500,000 фунтовъ опіума, и—что удивительно—изъ этого числа Англія потребляетъ до 100,000 фунтовъ этого яда.

Табакъ, этотъ медленный ядъ для извѣстныхъ организмовъ, какъ называетъ его авторъ, потребляется ежегодно въ количествѣ 1000 милліоновъ фунтовъ, платя за него 1300 мил. руб. серебромъ въ годъ.

Къ этимъ цифрамъ одуряющихъ средствъ надобно прибавить до 500 милліоновъ фунтовъ бетелю и 300 милліоновъ кока.

Потребленія водки и вина не могъ авторъ исчислить, ужаснувшись огромности цифръ. Можно наполнить бассейнъ величиною съ Каспійское море всѣмъ количествомъ ежегодно выпиваемыхъ на землѣ спиртныхъ напитковъ.

Авторъ предсказываетъ, что съ возрастающимъ просвѣщеніемъ, человѣкъ поймётъ свое достоинство и откажется отъ позорной страсти къ пьянству.

Описывая удивительныя дѣйствія растенія *кока*, Джонстонъ представляетъ смѣшную химическую гипотезу. Кока замѣняетъ индійцу всякую пищу, и онъ съ этимъ растеніемъ готовъ день и ночь работать. А какъ мы знаемъ, то вся наша пища состоитъ изъ элементовъ воздуха, то есть, что всѣ вещества, служащія намъ въ пищу, составлены изъ азота, углерода и кислорода, то нельзя ли намъ жить однимъ воздухомъ? Мысль эта практически невѣроятна, но теоретически не невозможна. Пищевареніе тоже, что горѣніе. Самое дыханіе тотъ же самый процессъ. Но химія уже научила насъ, что для согрѣванія печи не нужно ни дровъ, ни угля, ни торфа: газовыя печи всего лучше. Одинъ ученый занимается теперь составленіемъ гальванической батареи въ тысячу паръ, которая будетъ такъ быстро и дешево разлагать воду, что за девять пенсовъ въ день цѣлое хозяйство можетъ согрѣвать, освѣщать всю квартиру и готовить пищу. Кто видѣлъ дѣйствіе этого аппарата въ маломъ видѣ, тотъ не сомнѣвается въ успѣхѣ. Слѣдственно, если можно нагрѣвать печи безъ топлива въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, то почему же искусственная печь не можетъ замѣнить дѣйствій желудка?

Индѣецъ 62-хъ лѣтъ работалъ пятеро сутокъ сряду, питаясь только листьями коки съ пригоршней масла и спавши два часа въ сутки. Въ числѣ страстныхъ потребителей коки 130-ти-лѣтніе старики не рѣдкость.

На дняхъ вздумали было пустить въ свѣтъ вновь открытый романъ Вальтеръ Скотта. Романъ однакоже оказался подложнымъ. Филаретъ Шаль пишетъ въ Journal de Debats, что Вальтеръ Скоттъ былъ въ 1826 году съ своею дочерью въ Парижѣ. Тамъ одинъ больной нѣмецъ, узнавъ о пребываніи знаменитаго романиста, писалъ ему, что, умирая, желалъ бы только взглянуть на какой-нибудь *манускриптъ* его, и дочь Вальтеръ Скотта, чтобъ утѣшить умирающаго, послала ему самый слабый романъ отца своего, *Мердонъ*, который даже рѣшено было не печатать. Нѣмецъ, получивъ рукопись, поглядѣлъ на нее и умеръ. П

смерти его, имущество тотчасъ же описали, и романъ Вальтеръ Скотта пошелъ въ макулатуру. Долго онъ валялся по разнымъ лавкамъ, покуда Филаретъ Шаль отыскалъ его. Собраны были англійскіе эксперты, и тѣ признали рукопись за настоящее сочиненіе Вальтера Скотта. Но когда потребовали имени больнаго нѣмца и свидѣтельства о существованіи его, выдумка замолкла, и всѣ догадались, что переписчикъ поддѣлался подъ руку Вальтера Скотта, и авторъ романа подъ слогъ его и общія мѣста. Опять humbug.

Книга: Rejected Adresses явилась еще въ двухъ новыхъ изданіяхъ. Въ нихъ напечатаны любопытныя подробности исторіи этой книги. За первый манускриптъ просили съ книгопродавца Муррея двадцать фунтовъ стерлинговъ. Онъ отказался; другой купилъ и напечаталъ одно за другимъ шестнадцать изданій. Теперь этотъ же Муррей заплатилъ сто тридцать одинъ фунтъ за позволеніе напечатать тоже одно изданіе. Авторъ манускрипта получилъ до-сихъ-поръ 10,000 руб. сер.

Агнеса Стрикландъ издала пятый томъ *Жизни шотландскихъ королевъ* (Lives of the queens of Scotland). Исторія доведена до Маріи Стюартъ, но писательница слишкомъ пристрастна для историка. Впрочемъ, она собрала множество новыхъ документовъ и фактовъ.

Недавно вышла еще одна весьма любопытная книга: «Объ употребленіи искусственной барабанной перепонки». Въ этой книгѣ изложены средства возвращать глухимъ слухъ. Какимъ же образомъ? Надобно истребить существующіе слуховые органы и вставить искусственные. Авторъ (докторъ Тонби) опровергаетъ при этомъ всю нынѣшнюю теорію слуха. Евстафіева труба, малая кость, барабанъ, все это служитъ вовсе не для той цѣли, какая нынѣ опредѣлена. Теорія автора объясняетъ слуховой процессъ другимъ образомъ.

Изъ беллетрическихъ произведеній упомянемъ о произведеніи г-жи Джемсонъ: *Книга общихъ мѣстъ* (A commonplace—Book). Писательница эта принадлежитъ къ самымъ модньмъ и любимымъ авторамъ: она уже извѣстна многими сочиненіями. Конечно, въ нихъ нѣтъ ничего новаго, ничего полнаго. Но кто же будетъ искать этого у *синяго чулка*?

Times теперь гордится званіемъ первой англійской газеты. Достигнувъ до формата большой столовой скатерти, она при основаніи своемъ (1 января 1787) была небольше Journal de Francfort и безъ прибавленій. Названіе Times получила она нѣсколько лѣтъ спустя. Сперва называлась она Universal Register. Издатель ея былъ книгопродавецъ Вальтеръ, котораго внукъ и теперь хозяинъ этой газеты.

Перелистывая первые годы этой газеты, съ изумленіемъ видишь, какіе колоссальные успѣхи сдѣлало человѣчество во взаимныхъ сношеніяхъ.

Извѣстіе отъ 16 апрѣля изъ Бранденбурга печаталось не прежде 30 числа. Изъ Берлина почта 19 апрѣля приходила 4-го мая. Изъ Константинополя отъ 22 марта тоже получалась 4 мая, то-есть черезъ шесть недѣль.

Все, что писано о конторѣ редакціи Times, далеко не можетъ дать понятія о гигантскихъ размѣрахъ и занятіяхъ этого заведенія.

Для печатанія Times работаютъ двѣ бумажныя фабрики, и редакція платитъ въ кассу ежегодно штемпельной пошлины 95,000 ф. стер. (570,000 руб. сер.) Для паровыхъ печатныхъ станковъ употребляетъ она ежедневно двадцать центнеровъ (50 пудовъ) угля. Ежегодно мѣняетъ она шрифта шесть тоннъ (300 пудовъ).

Сто-десять наборщиковъ находятся въ безпрестанной работѣ, и по этому можно судить о числѣ прочихъ работниковъ, простирающемся до нѣсколькихъ тысячь человѣкъ. Отъ тряпичника, собирающаго по улицамъ грязныя тряпки для бумаги, до государственнаго человѣка, присылающаго въ Times свои статьи, сколько лицъ работаетъ для этой газеты.

Впрочемъ, только въ Англіи можетъ существовать подобная газета, имѣющая не только подписчиковъ, но и сотрудниковъ во всѣхъ пяти частяхъ свѣта.

И, не смотря на это, какъ спекулятивное изданіе, Times не приноситъ огромныхъ выгодъ. Она много, правда, получаетъ, но много и тратитъ, чтобъ поддержать себя на нынѣшней высотѣ. Напримѣръ: одинъ инженеръ получалъ большое жалованье за скоропечатную машину, которую онъ *обязался придумать*. Прошло нѣсколько лѣтъ въ опытахъ, и наконецъ дѣйствительно онъ успѣлъ сдѣлать баснословную по скорости машину, получивъ за это еще особое вознагражденіе.

Сотрудникамъ хорошо платятъ въ Times. Постоянные сотрудники получаютъ по 500 фунтовъ стерлинговъ (3000 рублей) жалованья и черезъ десять лѣтъ полную пенсію.

Есть не пишущіе сотрудники, получающіе по сту пятидесяти фунтовъ стерлинговъ жалованья (900 рублей серебромъ). Они ждутъ вакансій постоянныхъ сотрудниковъ. До-тѣхъ-поръ обязаны они словесно сообщать обо всемъ, что случится и куда ихъ пошлютъ для справокъ.

Имена сочинителей статей покрыты глубочайшею тайною. Извѣстны только суммы, платимыя за доставляемыя статьи. Послѣ парижскаго переворота 2 декабря, Times возстала противъ нынѣшняго учрежденія Франціи. Напечатано было нѣсколько блистательныхъ статей, подписанныхъ *Англичаниномъ* (an Englishman). Кто онъ, это до-сихъ-поръ неизвѣстно. Извѣстныя письма *Юнія* тоже остались неразгаданнымъ секретомъ.

О правдолюбіи и безпристрастіи Times нельзя сказать ничего хорошаго. Она часто мѣняетъ свои мнѣнія, и по какимъ причинамъ—не трудно догадаться. Теперь она не нахвалится французскимъ правительствомъ. Вообще можно сказать, что эта газета имѣетъ въ Англіи очень много читателей и очень мало почитателей.

Вотъ образчикъ современныхъ нравовъ образованнаго англійскаго общества:

Въ наше время такъ трудно найти въ Англіи мужей для дѣвушекъ безъ приданаго, что родители невѣстъ не знаютъ, какъ имъ сбыть этотъ товаръ. Одинъ англичанинъ придумалъ однако средство, чтобъ выдать сестру свою выгодно и съ приданымъ, которое ему ничего не стоило.

Надобно прибавить, что миссъ Мери была хороша, какъ англійская виньетка и что братецъ ея былъ богатъ.

— Мери, сказалъ онъ ей однажды: тебѣ пора подумать о замужствѣ. За кого бы ты хотѣла выдти?

— За мужа, который подарилъ бы мнѣ экипажъ, ложу въ оперѣ и богатыя платья, отвѣчала наивно красавица.

— Very well, сказалъ братецъ. Ты такъ хороша, что, по всей справедливости, должна жить въ роскоши. Всѣ твои желанія исполнятся, только скажи мнѣ, кто изъ нашихъ знакомыхъ влюбленъ въ тебя до безумія.

— Лордъ ***, баронетъ **, полковникъ С... и сиръ Роб... любятъ меня истинно; другихъ я бы не желала имѣть мужьями, проговорила краснѣя невѣста.

Братъ пригласилъ обѣдать четырехъ претендентовъ, и когда миссъ Мери, по окончаніи обѣда, ушла, какъ это принято въ Англіи, оставя мужчинъ однихъ, онъ сказалъ гостямъ:

— Друзья мои, предлагаю вамъ тостъ. Пусть каждый изъ васъ скажетъ число буквъ, заключающихся въ имени любимой имъ особы и мы выпьемъ тоже число стакановъ вина.

— Согласны! сказалъ одинъ изъ жениховъ: пусть начинаетъ хозяинъ.

— Извольте же выпить за здоровье моей возлюбленной девять стакановъ.

— Какое длинное имя! вскричалъ одинъ изъ молодыхъ людей. Кажется, оно доказываетъ большое пристрастіе къ вину.

— Я не скрываю, что люблю Елизавету. Это имя знаменито въ нашей исторіи.

— Но это, кажется, женщина не изъ нашего круга, потому что я не знаю ни одной Елизаветы.

— Я тоже еще не знаю ее, но покуда влюбленъ въ одно имя. Я рѣшился жениться только на Елизаветѣ. А вы, сиръ Роб..., сколько буквъ въ имени вашей дамы.

— Четыре.

— Какъ умѣренно. А вы, полковникъ?

— Тоже четыре.

— Вы, баронетъ?

— Четыре.

— А лордъ?

— Четыре.

— Ужъ не одно ли имя у всѣхъ вашихъ предметовъ?

— Кажется, замѣтилъ сиръ Роб....

— Я отгадалъ ваши мысли, сказалъ амфитріонъ. Я знаю, что всѣ вы четверо любите мою сестру. Мери—одна изъ красивѣйшихъ женщинъ Соединенныхъ Королевствъ и не должна жить иначе, какъ въ роскоши; но вы всѣ четверо не такъ богаты, чтобъ обѣщать ей такую жизнь, а у сестры моей нѣтъ приданаго, то-есть—я рѣшилъ не давать ей ничего. Однако, я нашелъ средство выдать ее замужъ и еще съ хорошимъ приданымъ. Прежде всего объявляю, что кто изъ васъ не готовъ для Мери на пожертвованія, тотъ можетъ удалиться.

— Что надобно дѣлать? выскочить въ окно?... спросилъ лордъ.

— Переплыть Темзу въ декабрѣ? сказалъ баронетъ.

— Проѣхать верхомъ триста миль? прибавилъ полковникъ.

— Выбросить домъ въ окно? вскричалъ сиръ Роб...

— Совсѣмъ нѣтъ. Держите пари каждый въ три тысячи фунтовъ, что вы женитесь на Мери. Это составитъ четыре билета въ двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Выигравшій получитъ руку Мери и двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ приданаго. Вотъ что я придумалъ. Согласны ли вы на это? Повторяю вамъ еще, что не дамъ Мери ничего, и не отдамъ ее за человѣка, который не въ состояніи доставить ей всѣхъ удобствъ роскоши.

Послѣ минутнаго молчанія, соперники согласились на это странное предложеніе. Вѣроятно, они были подъ вліяніемъ тостовъ въ честь Елизаветы и четырехъ Мери и пользовались не полнымъ разсудкомъ, когда внесли по три тысячи фунтовъ стерлинговъ и бросили свои карточки въ шляпу.

Братъ вынулъ оттуда имя полковника ***, сдѣлавшагося счастливымъ супругомъ Мери, которая имѣетъ карету, ложу въ операхъ и всю зиму удивляла Лондонъ своими нарядами.

Въ школѣ стрѣльбы въ Гейте (Hythe) пробовали новый карабинъ.

который дѣлаетъ шестьдесятъ выстрѣловъ въ семь минутъ на разстояніи ста ярдовъ. Замѣчательно, что если заряженный карабинъ опустить въ воду, то зарядъ остается въ прежнемъ состояніи и выстрѣлъ бываетъ также вѣренъ и скоръ, какъ сдѣланный изъ сухаго карабина.

Лондонскій Athenaeum объявляетъ съ большою похвалою о явленіи въ свѣтъ новой біографіи Магомета, напечатанной въ Аллагабадѣ на берегахъ Ганга. Авторъ ея германецъ, находящійся въ службѣ Ость-Индской компаніи, докторъ Шпрингеръ, превосходно знаетъ языки и литературу арабовъ и персовъ. Онъ писалъ свое сочиненіе на мѣстѣ и открылъ два древніе документа, неизвѣстные до-сихъ-поръ. Это *Вакиди* и оригиналъ арабскаго *Табари*. Первую хронику нашелъ онъ въ Лакнау, вторую въ Кавнпурѣ.

Въ Quarterly Review находятся слѣдующія подробности о торговлѣ экзотическими плодами въ Лондонѣ:

Въ Сити эта торговля находится въ цвѣтущемъ состояніи. Привозъ ананасовъ начался только двѣнадцать лѣтъ тому назадъ; но развитіе торговли этимъ плодомъ было такъ сильно, что 200,000 ананасовъ привозятся теперь ежегодно въ лондонскій портъ. Бо́льшая часть добываются въ Багамѣ, гдѣ плоды эти ростутъ въ дикомъ состояніи. Съ нѣкотораго времени однако разводятъ ананасы въ Индіи и теплицахъ, чтобъ улучшить породу. Пять клиперовъ занимаются перевозомъ однихъ ананасовъ. Дыни привозятъ изъ Испаніи, Португаліи и Голландіи. Торговля апельсинами еще значительнѣе. Болѣе 60 милліоновъ этихъ плодовъ привозятся только для одного Лондона. Кромѣ того, ежегодно привозятъ пятнадцать милліоновъ лимоновъ на 240 клиперахъ.

Эксцентрическія выходки Англичанъ все еще продолжаютъ забавлять публику. Лордъ Максвель застраховалъ свою мебель въ одномъ лондонскомъ обществѣ, и получилъ свидѣтельство, оканчивающееся слѣдующими словами: «Компанія обязана заплатить лорду Максвелю, если отъ огня погибнетъ хоть одинъ предметъ, означенный въ реестрѣ.»

Въ числѣ вещей компанія, чтобъ увеличить цѣну страхованія, упомянула шесть ящиковъ съ гаванскими сигарами и пятьдесятъ бутылокъ ямайскаго рома.

Лордъ выкурилъ сигары; выпилъ ромъ въ пуншѣ при многихъ свидѣтеляхъ и такъ какъ эти предметы погибли отъ огня, то онъ пришелъ въ страховую контору требовать денегъ за сигары, стоившія по пяти гиней за ящикъ и за ромъ по гинеѣ бутылка. Такъ какъ свидѣтели и контрактъ были на лицо, то разсуждать было нечего и компанія заплатила лорду, но, въ то же время, подала на нѐго просьбу какъ на умышленнаго поджигателя, потому что онъ не нечаянно сжегъ сигары и ромъ.

Неизвѣстно, кто выиграетъ этотъ любопытный процессъ.

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

—

БИБЛІОГРАФІЯ.

1854-й годъ. Стихотворенія *А. Н. Майкова*. С.-Петербургъ.

Подъ этимъ заглавіемъ г. Майковъ издалъ всѣ свои стихотворенія, написанныя въ 1854 году, по случаю современныхъ событій, и разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Большая часть изъ этихъ стихотвореній были уже нами оцѣнены своевременно, и намъ весьма немногое придется прибавить къ сказанному о нихъ прежде. Въ первомъ же стихотвореніи поэтъ, высказавъ, что прежде онъ писалъ единственно для насыщенія поэтической жажды, говоритъ:

Теперь не служитъ стихъ мнѣ праздною забавой:
Онъ рвался изъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественный отечественной славы.

Нельзя не сознаться, что въ поэтѣ появилась прекрасная, высокая потребность дать душѣ просторъ въ патріотическихъ изліяніяхъ, и что новое направленіе, имъ избранное, въ высшей степени похвально, но въ тоже время нельзя и не поспорить съ нимъ на счетъ того, что *поэтическая жажда*, то есть потребность высоко-настроенной души пе-

редать въ звукахъ живыя истины, свѣтлую мысль, живое, глубокое чувство, вовсе не *праздная забава*, какъ онъ ее называетъ. Мы увѣрены, что онъ и самъ внутренно отрѣкается отъ словъ своихъ, ибо иначе это значило бы вычеркнуть все свое прошедшее въ литературѣ, все то, что поставило г. Майкова на высокую степень между нашими современными поэтами.

Мы высоко цѣнимъ и уважаемъ талантъ г. Майкова и отъ прежнихъ трудовъ его не откажемся, ибо въ нихъ видимъ истинное его призваніе, то неподдѣльное золото, которое скрыть подъ спудомъ было бы непростительно. Не думаемъ мы также, чтобы всѣ прежнія стихотворенія были имъ написаны просто для забавы: въ нихъ слишкомъ много существенныхъ, неопровержимыхъ данныхъ, доказывающихъ совершенно противное, и доказывающихъ это къ чести и славѣ г. Майкова.

Новыя стихотворенія г. Майкова, по нашему мнѣнію, вовсе не составляютъ новой эпохи въ жизни поэта, новаго направленія его таланта: это просто увлеченіе, нынѣ общее всѣмъ поэтическимъ душамъ, увлеченіе очень естественное въ годину отечественныхъ бѣдствій. Оно видно въ каждомъ изъ его новыхъ стихотвореній.

Между новыми стихотвореніями г. Майкова есть высоко поэтическія созданія. Къ нимъ принадлежитъ «Клермонтскій соборъ», о которомъ говорить излишне, потому что его уже всѣ вытвердили наизусть. Изъ остальныхъ лучшія, по нашему мнѣнію, *Отставной солдатъ Перфильевъ* и *Пастухъ*. Каждая изъ этихъ пьесъ имѣетъ свое достоинство, но намъ больше всего понравился Пастухъ, какъ произведеніе народное, чисто русское, написанное крестьянскимъ языкомъ и отдѣланное чрезвычайно тщательно.

Оригинальное это произведеніе заключается въ томъ, что пастухъ разсказываетъ, какъ онъ былъ неуклюжъ и неловокъ сначала, какъ не умѣлъ взяться за крестьянскую работу,

Только пѣть умѣлъ пѣсни дѣвкамъ я,
Да разжалобить хмѣль кабацк(ій)ую
Въ старичкахъ умѣлъ по праздникамъ.

Мать и отецъ, разсердясь за это:

Отобрали мой новый синь-кафтанъ,
Шляпу съ пряжкою, поясъ шолковый;
Дали въ руки кнутъ, да дырявъ зипунъ,
Въ пастухи меня дурня отдали.
И пастухъ то я нерадивый былъ:
Пасъ въ лѣсу сперва—да соскучился,
Сталъ въ луга гонять—закручинился,

Норовилъ потомъ на дороженьку,
Но просторную, на шоссейную.»

Здѣсь слѣдуетъ превосходное мѣсто, котораго нельзя не выписать цѣликомъ:

«Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Какъ пришло тебѣ твое времечко,
Не дорогой ты, стала улицей.
Разлетѣлися галки, вороны,
По березничку въ сторонѣ сидѣть:
Сѣрый заинька въ кустикъ спрятался,
Приложилъ ушко, самъ дрожитъ какъ листъ;
Господа-ль катятъ, шестерикъ валитъ, —
Въ сторонѣ и тѣ дожидаются;
Тройка ль бойкая несетъ купчика,
Пьянъ ямщикъ стоитъ, гонитъ что есть силъ, —
Да и ты, купецъ, поворачивай.
Ровно птицы снуютъ все фельдьегери.
Только утро свѣтъ замерещится (,)
Ужъ скрыпучъ обозъ безъ конца ползетъ,
Все добро везутъ, кладь казенную.
Вслѣдъ полки идутъ, ѣдетъ конница,
Кони фыркаютъ, сабли звякаютъ,
Усачи сидятъ, подбоченились,
Говорятъ, шумятъ добры молодцы,
Пастуха корятъ рохлей-увальнемъ,
Дураку кричатъ: «на кобылу сядь,
Сядь на пѣгую, да лицомъ къ хвосту,
Мы съ собой возьмемъ прямо въ вахмистры!»
А потомъ идетъ артиллерія;
Пушки мѣдныя, все сердитыя,
Фуры крашены съ сизымъ порохомъ;
Офицеръ идетъ, хоть молоденькій,
Только быстрый взглядъ, носикъ вздернутый.
Пастуха опять дразнятъ молодцы,
Дурака корятъ рохлей-увальнемъ,
И съ собой зовутъ позабавиться:
«Эй, деревня, слышь! зубки бѣличьи!
Погрызи поди въ сласть и досыта —
У насъ фуры вонъ все съ орѣшками,
Все съ орѣшками, все съ чугунными.»

Имъ пѣхота вслѣдъ: впередъ музыка,
Съ запѣвалами, съ пляской, съ гиканьемъ;
Ружья—что твой лѣсъ, каски мѣдныя,
Полы загнуты, сапоги въ пыли:
Идутъ—стонетъ долъ! Чуешь—сила валитъ.
Проучила меня зѣвать конница,
Проучила глазѣть артиллерія:
Ужъ пѣхотѣ я въ поясъ кланялся,
Съ головы скидалъ шапку старую.
Заслужилъ пастухъ слово доброе.
Бралъ я удали, заговаривалъ,
Провожалъ солдатъ, семь и восемь верстъ;
Разузналъ отъ нихъ, на чемъ свѣтъ стоитъ,
Сколько въ свѣтѣ есть городовъ и селъ,
И которые христіанскіе,
И которые басурманскіе;
Какъ задумали злые нехристи,
Полонить пришли землю русскую,
Наругаться пришли надъ иконами,
Обижать пришли Царя Бѣлаго;
Да легко сказать, надо съ бою взять,
А на то пошло,—такъ не выдадимъ
Съ нами Богъ и Царь, дѣло правое.»
«Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Ты недолго была битой улицей.
И прошло твое красно времечко,
Поосѣла пыль, позатихла молвь,
Тишина легла безотвѣтная.
Пріосмѣлился заяцъ, выглянулъ
На дороженьку, сталъ осинку драть;
Галки, вороны почали скакать,
И одинъ пастухъ одинешенекъ,
При дороженкѣ сиротинушка,
Онъ стоитъ-глядитъ въ дальню сторону:
Словно всѣхъ родныхъ проводилъ съ двора,
Проводилъ на пиръ, самъ непрошенъ былъ.
И брала его тоска лютая.» (стр. 31—33).

Здѣсь пастуху привидѣлся сонъ, который указалъ ему-идти на войну, и пастухъ, съ благословенія родителей, вступилъ въ военную службу, заключая прекрасный разсказъ прекрасными стихами:

«Охъ, дорога ль моя, ты дороженька!
Не видалъ я, гдѣ ты начинаешься,
А ужъ знаю теперь, гдѣ кончаешься.
Привела меня ты, дороженька,
Къ славну городу, къ Севастополю,
Отстоять его, коли Богъ судилъ,
Или лечь костьми во честномъ бою... (стр. 36—37).

Изъ этого стихотворенія читатели видятъ, что поэтъ нашъ, перемѣнивъ направленіе, остался тѣмъ же вдохновеннымъ поэтомъ, и что стихъ его звученъ и силенъ по прежнему.

Теперь намъ остается указать на маленькіе недостатки, замѣченные нами по обязанности резензента.

Хотя поэтическія вольности и дозволяются поэтамъ, однако если онѣ состоятъ изъ рѣзкой неправильности, тогда теряютъ характеръ l'icentiae poetiсae и кажутся просто неправильностями. Поэтъ нашъ, подобно многимъ современнымъ литераторамъ, впадаетъ въ погрѣшность злоупотребленія винительнаго падежа или, лучше сказать, забываетъ иногда поставить тамъ, гдѣ нужно, родительный. У насъ въ модѣ опровергать граматическую аксіому, что отрицательный глаголъ требуетъ падежа родительнаго, и отъ этого выходятъ неправильныя, темныя фразы:

«Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
Враговъ безсильное шипѣнье
Народный духъ въ насъ не убьетъ» (стр. 8).

Еслибы авторъ употребилъ падежъ родительный, то мысль была бы, что духъ отрицанья и сомнѣнья не убьетъ въ насъ народнаго духа. Но съ падежемъ винительнымъ, смыслъ можетъ быть и превратный.

«Увы! не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы.» (стр. 15)

Хотя очевидно здѣсь падежъ употребленъ для риомы, однако талантливому поэту это не совсѣмъ извинительно.

Еще мы замѣтили маленькую несообразность:

«И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою.» (стр. 17).

Можно подумать, что косматые львы (не невско-проспектные) подаютъ руки другъ другу.

Многіе поблагодарятъ г. Майкова за то, что онъ собралъ всѣ эти стихотворенія въ одну книжку и неразъ прочтутъ ее съ удовольствіемъ.

—

Що було на серці. С.-Петербургъ 1855.

Подъ этимъ заглавіемъ вышла недавно небольшая, красиво-отпечатанная книжечка, безъ имени автора. Еще недавно можно было прочесть въ журналахъ нашихъ много различныхъ выходокъ по поводу появленія всякой малороссійской книжки; но онѣ принадлежали къ категоріи тѣхъ выходокъ, которыя показывали въ рецензентѣ или желаніе посмѣшить почтеннѣйшую публику, или явное незнаніе малороссійскаго нарѣчія. Другое дѣло вопросъ: должно ли печатать книги на этомъ нарѣчіи? По нашему мнѣнію, отчего-жъ бы и не печатать? малороссійское нарѣчіе одно изъ самыхъ обширныхъ областныхъ нарѣчій Россіи, то почему же иногда и не выразить на немъ своихъ мыслей. Само собою разумѣется, что такія книги и не назначаются для русскихъ читателей, но для малороссійскаго народа онѣ все-таки потребность.

Не будемъ распространяться о малороссійской народной поэзіи, съ которой образованный человѣкъ знакомъ по уцѣлѣвшимъ остаткамъ старинныхъ пѣсень и нѣсколькимъ сборникамъ (объ одномъ даже мы говорили въ 3-мъ № Пантеона); но скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что было напечатано на этомъ нарѣчіи. Изъ замѣчательныхъ произведеній весьма немного, да и то не всѣ оправдываютъ ту славу, которую имъ приписываютъ, или приписывали, хотя бы напримѣръ и «Энеида» Котляревскаго, эта въ высшей степени циническая пародія на Виргилія. Какъ шутка, она имѣетъ свое значеніе, хотя шутка въ огромномъ размѣрѣ и не всегда достигаетъ цѣли; но авторъ, при всемъ знаніи быта, при необыкновенно-вѣрно-подмѣченныхъ народныхъ остротахъ, вводилъ въ малороссійское нарѣчіе не только неправильные обороты, а часто даже слова, въ немъ не существующія. Тогда малороссійскіе писатели думали, что можно развить языкъ, который и въ то время уже оставлялся, потому что высшій классъ говорилъ по-русски, слѣдовательно книжный малороссійскій языкъ не могъ существовать какъ языкъ отжившій. Котлервскій писалъ четырехстопнымъ ямбомъ, размѣромъ самымъ неудобнымъ для этого нарѣчія. Изъ стихотвореній, по нашему мнѣнію, лучшія принадлежатъ Гулаку-Артемовскому, Гребенкѣ и Забѣллѣ. Гулакъ тоже пародировалъ Горація, но пародировалъ какъ превосходный карикатуристъ, который утрируя подлинникъ и выставляя въ смѣшномъ видѣ многія черты, оставляетъ однакоже и разительное сходство. Кромѣ этого, онъ написалъ нѣсколько небольшихъ разсказовъ, которые всѣ запечатлѣны остроуміемъ, наблюдательностью и писаны безукоризненнымъ языкомъ. Гребенка въ началѣ своего литературнаго поприща, появился съ переводомъ на малороссійское нарѣчіе Полтавы Пушкина, съ произве-

деніемъ, имѣющимъ относительныя достоинства, но сильно смахивающимъ на Энеиду въ томъ отношеніи, что пускался въ шуточки, гдѣ этого совершенно было не нужно. Четырехстопный ямбъ и его заставлялъ иногда употреблять неправильные обороты, хотя и не въ такой степени, какъ Котляревскаго. Мелкія его стихотворенія гораздо лучше; а главной заслугой его въ малороссійской литературѣ были *Прыказки*, которые почти всѣ прекрасны и необыкновенно остроумны. Забѣлла написалъ немного пѣсень, но пѣсни эти до того близки къ народнымъ, что ихъ трудно отличить отъ настоящихъ. Чуть ли Забѣлла не первый понялъ, что если писать по-малороссійски, то именно простымъ народнымъ языкомъ, не становясь на ходули. Изъ прозаиковъ мы можемъ указать на одного Основьяненка, и то на его первыя повѣсти (Салдацькій патретъ, Маруся, Мертвесцькій Великдень), въ особенности его Маруся это въ высшей степени граціозное произведеніе. Остальныя повѣсти необыкновенно длинны и необыкновенно скучны. Вотъ и все. Мы не поименовали многихъ, изъ которыхъ иные не дурны, но не можемъ не замѣтить, что были малороссійскія сочиненія въ высшей степени бездарныя и нелѣпыя, какъ напр., всѣ безъ изъятія сочиненія гг. Карпенковъ, написанныя неправильнымъ языкомъ и стоящія ниже всякой критики. Одинъ даже изъ этихъ господъ позволилъ себѣ, въ одной изъ своихъ книжечекъ, напечатать чужое сочиненіе, извѣстное въ рукописи и принадлежащее таланту, который, сойдя со сцены, уже не можетъ оспаривать своей собственности.

Лежащая теперь передъ нами книжка «*Що було на серці*», уже по заглавію своему показываетъ, что она принадлежитъ къ чисто лирическимъ изліяніямъ. Вообще въ малороссійской литературѣ замѣчается только два рода поэзіи—лиризмъ и сатира; малороссіянинъ или тоскуетъ, или глумится; и откровенно говоря, мы предпочитаемъ ихъ сатирическія сочиненія, потому-что они проникнуты особеннымъ, только Малороссіи свойственнымъ юморомъ, подъ который напрасно старались и стараются поддѣлаться нѣкоторые русскіе писатели. Этотъ національный юморъ именно хорошъ своей безыскусственной наивностію, подражаніе которой, какъ естественному проявленію духа, невозможно. Въ лирической поэзіи самый языкъ, по своимъ оборотамъ, по своей безыскусственности, придаетъ мысли и изложенію необыкновенную простоту и прелесть. Въ этомъ отношеніи народныя пѣсни Малороссіи безподобны. Но малороссійскіе поэты много грѣшатъ противъ своего языка именно тѣмъ, что хотятъ придать своимъ стихамъ формы русскаго стихосложенія и оттого часто фразируютъ и впадаютъ въ обороты, рѣшительно не свойственные языку. «*Що було на серці*» именно тѣмъ

отличается отъ подобныхъ стихотворныхъ сборниковъ, что языкъ въ этихъ пѣсняхъ и думкахъ остался довольно неприкосновеннымъ и очень мало встрѣчается фразъ, составленныхъ не въ духѣ малороссійскаго нарѣчія. Поэтъ, какъ истый малороссъ, во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ тужитъ, вздыхаетъ, плачетъ и это потому, какъ онъ самъ говоритъ, «*бо пісня найкращный прыятель людыні чы то у смутку, чы у радости*». Весна, осень, мотылекъ надъ цвѣткомъ мака, восходъ солнца— все наводитъ на него грустную думу и онъ тужитъ, потому что ему весело тужить! Ужъ таковъ характеръ народной поэзіи.

Но между этими стихотвореніями есть многія, которыя проникнуты мыслью, если не совсѣмъ новою, то прекрасно изложенною и переданною стихомъ звучнымъ и простымъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, приведемъ нѣсколько изъ этихъ стихотвореній съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ:

РОЗДУМЬЯ.

Мене часто бере думка
Чы то такъ здаєтьця:
Що бува заплаче радість,
А лыхо смієтьця!
И якъ бачу слезы щастя —
Въ душі въ мене тыхо;
А на серці страшно стане
Якъ смієтьця лыхо.
Такъ и бачышъ що сердега,
Не стерпівшы мукы, —
Самъ на себе божевільный —
Ось наложыть рукы...
Оттакъ и я сміюсь, братця,
А ніхто незнає,
Що но серці молодецькімъ
Печаль поростає;
Регочуся межъ челяддю
Мовъ и гадкы мало,
Що жыття мое давно вже
Буръяномъ запало...
Згубывъ, забувъ свою долю,
Нічъ округъ чорніє —
Та й стою на перехрести

Відкіль вітеръ віє?..
И то шляхъ и то дорога —
Кого спытать въ полі?
Хоть не пытай, куды не йды
Нестріваты долі.
Вдарю жъ лыхомъ я объ землю —
Врагъ не розібьетьця!
Вже жъ бачылы добрі люде
Якъ люхо сміється;
Піду жъ ище танцюючы —
Лыхо вередує!
Нехай бачять люде добрі
Якъ воно танцює!

«Часто приходитъ мнѣ на мысль, или только такъ кажется, — что иногда радость плачетъ, а горе смѣется. И если я вижу слезы счастья, на душѣ у меня тихо, но если смѣется горе, мнѣ становится страшно на сердцѣ. Такъ и чудится, что страдалецъ, не бывъ въ состояніи перенесть мученій, самъ на себя наложитъ руки безумецъ...

Вотъ такъ смѣюсь и я, а никто не знаетъ, что печаль гнѣздится у меня въ сердцѣ; хохочу межъ толпою, какъ будто нѣтъ и нужды, что давно ужъ моя жизнь заросла бурьяномъ. Позабылъ, потерялъ я свое счастье. Вокругъ чернѣетъ ночь. Стою на перекресткѣ и жду откуда повѣетъ вѣтеръ. Не одна дорога передо мною, но кого же спросить въ полѣ? Нѣтъ, куда ни идти, не встрѣчаться мнѣ съ моей долей... Гряну же горе я о землю, не разобьется. Да! видѣли люди какъ бѣда смѣется, пущусь же еще я въ пляску, пускай добрые люди посмотрятъ, какъ она танцуетъ.

ПРОЩАННЯ.

Прощай на вікы, моя черноброва!
Бачъ я не плачу — бо й ты незаплачешъ,
А зъ насъ хтось выненъ... Бувай же здорова —
Вже на сімъ світі мене не побачышъ.
Різная доля насъ выпроважала
На світъ шырокый, не въ одну годыну,
И моя доля зъ мене шуткувала,
Та й одурыла якъ малу дытыну.
А твоя доля, мовъ рідная маты,

Все выбірала счаслыві дорогы,
Убрала въ щастя, и щобъ легшъ ступаты,
Все підстылала квіточкы підъ ногы...
Ты йшла весела у квітчастімъ полі,
Я у пустыні зъ слезамы и страхомъ,
Все жъ наші стежкы, по чыйсь-то волі,
Зійшлысь у світі перехрестнымъ шляхомъ.
А хто, голубко, не боявсь пустыні?
А хто на путь мій квіточку покынувъ?
Ні, що бувало не казать дівчыні,
Бо цвітъ рожевый вже давно загынувъ!
Бувай здорова! пый зъ повної чаші
Щастя и радість, такъ нехай всі кажуть —
Прощай на вікы: бо вже стежкы наші
Більшъ перекрестямъ на світі не ляжуть!

«Прощай навѣки, моя чернобровая! Видишь, я не плачу, да и ты не заплачешь. А изъ насъ виновенъ кто-то... Прощай же! Ты болѣе не увидишь меня въ этой жизни. Не одна и та же доля, не въ одно и тоже время, провожала насъ на широкій свѣтъ. Моя посмѣялась надо мною и обманула словно малаго ребенка; твоя, какъ родная мать, выбирала счастливыя дороги, и чтобъ легче было ступать, подстилала тебѣ цвѣты подъ ноги. Ты весело шла по цвѣтистому полю, а шелъ въ пустынѣ со слезами и страхомъ; однако же, по чьей то волѣ, дорожки наши сошлись въ мірѣ перекресткомъ. А кто, родная, не боялся пустыни, а кто бросилъ мнѣ на путь цвѣтокъ? Нѣтъ, недолжно напоминать дѣвушкѣ о минувшемъ, потому-что давно уже увяла эта роза. Прощай! Пей полной чашей счастье и радость, прощай навѣки, потому-что дороги наши никогда уже не сойдутся въ мірѣ перекресткомъ.»

МІСЯЦЬ.

Якъ засвітыть повный місяць
Ясно надъ горою,
Щось таке чудне, таємне
Дієтьця зо мною:
Мовъ бы серце хто ворушыть
Въ небо переносыть,
Душу кличе, дає крыла,
Геть одъ землі просыть.

Ось и выще силыва місяць,
Прытухають зорі...
Вінъ самъ собі, якъ той човенъ
Безъ весла у морі;
Ніхто єго не проводыть,
Ніхто не стріває,
Світлый, ясный, але, єму
Дружыны не має...
Оттакъ и я на сімъ світі
Самъ одынъ бідую,
Чы ясный день, чы погода
Самъ собі сумую;
Оттакъ и я въ ранці встану
Вечера бажаю,
Прыйде вечіръ — вже ранка жду
Чого? й самъ не знаю!
Безъ прыгоды, безъ хуртуны,
Атъ собі — жыветься!
А ще й часомъ бува нышкомъ
Серденько озветься...
Бо дурне та божевільне,
Чы вжебъ не мовчало:
Бо кохання, далебіщо,
Єму не прыстало.
Я вже бачывъ якъ рыбоньку
Вытягнуть зъ водыці:
Трепечеться, підскакує
Вона на травыці...
А округъ и квіткы цвітуть
И сонечко сяє...
Але, рыбка заразъ гыне —
Бо воды не має!
Бачывъ я колысь весною
Невелыку птычку,
Якъ вона зъ лозы густоі
Упала у річку;
Такъ хороше вода біжыть
Ясно сонце гріє:
Але, пташка потонула,
Бо плавать не вміє.

Усе въ світі сотворено
Одъ Господа Бога,
Усякому назначена
Своя путь дорога;
Птычка літа, рыбка плавле,
Вітерець гнѣ лозы:
Кому щастя, такъ и щастя,
А слезы такъ слезы.

Я вже знаю свою долю,
Що мыні прыпала,
Вона жъ мене, якъ мачуха,
Зъ малку сповывала;
Годувала якъ мачуха
На лыху годыну,
Та й прогнала: «Иды собі
Куда хочешъ, сыну!
Шукай собі чого хочешъ,
Хочъ и вітра въ полі,
Усе знайдешъ, кажу тобі,
Та не знайдешъ долі!
Колы жъ часомъ задывысся
На красы дівочі,
Або вразять у серденько
Тебе карі очі,
Тікай швыдче! тай нічого
Не скажу вже сыну.»
Такъ на що жъ мыні и серце
На лыху годыну?
А воно не мартве въ мене
Трепечетьця въ грудяхъ,
Тількы нышкомъ, все боіться
Говорыть пры людяхъ;
А въ ему огню багато
На перекіръ долі...
Такъ щожъ! згорыть, якъ забуте
Огныще у полі...
А тымъ часомъ года пройдуть,
Якъ всімъ по закону,
Посывіе усъ козацькый
И я прохолону...

И нікому не жаль буде,
Що я нудывъ сітомъ,
И що повне серце зсохло
Самымъ пустоцвітомъ.

«Когда засвѣтитъ полный мѣсяцъ ясно надъ горою, со мной творится что-то чудное и таинственное: словно кто-то тревожитъ сердце и переноситъ въ небо, кличетъ душу по имени и приглашаетъ далеко, далеко отъ земли... Блѣднѣютъ звѣзды, мѣсяцъ выплываетъ выше... Онъ одинъ, какъ челнокъ, брошенный безъ весла въ морѣ. Никто его не провожаетъ, никто не встрѣчаетъ: свѣтелъ онъ и ясенъ, но у него нѣтъ подруги...

«Вотъ такъ и я одинъ одинехонекъ бѣдствую въ этомъ мірѣ; одинъ горюю въ ясный день и въ непогоду. Встану утромъ, ожидаю вечера, придетъ вечеръ, жду утра, а зачѣмъ и самъ не знаю. Такъ вотъ себѣ живется безъ счастья и безъ радости; а еще иногда и сердце отзывается въ тихомолку... Оно подаетъ голосъ, потому-что безумно; ему слѣдуетъ молчать, оттого что любовь ему не кстати. Видѣлъ я вытащенную изъ воды рыбку: трепещетъ и подпрыгиваетъ она на травкѣ. Вокругъ нее цвѣтутъ цвѣты, надъ нею сіяетъ солнце, но рыбка погибаетъ безъ воды на сушѣ.

«Видѣлъ я когда-то весною и небольшаго птенчика, который изъ густой лозы упалъ въ рѣку: вода бѣжитъ весело, серебримая теплымъ солнцемъ, но птенчикъ утонулъ, потому-что не умѣетъ плавать. Все создано Богомъ на свѣтѣ и всему дано свое назначеніе; птичка летаетъ, рыбка плаваетъ, вѣтерокъ нагибаетъ кустарники: кому суждено счастье, тотъ счастливъ, кому въ удѣлъ достались слезы, тому и слезы. Я уже хорошо знаю свою долю. Подобно мачихѣ пеленала она меня съ дѣтства, какъ мачиха воспитывала и прогнала, приговаривая: «Ступай, сынъ, куда хочешь, ищи чего хочешь, хоть даже и вѣтра въ полѣ, все найдешь, исключая счастья. Если же порою загляднешся на дѣвичью красоту и поразятъ тебя въ сердце черныя очи, уходи скорѣе! Больше я ничего не скажу тебѣ.» Такъ зачѣмъ же мнѣ и сердце? А оно не мертвое, бьется въ груди у меня, только бьется тихо и робѣетъ отзываться при людяхъ. Много въ немъ огня наперекоръ долѣ. Но что же? сгоритъ оно, какъ забытый огонекъ въ полѣ... А между тѣмъ пройдутъ лѣта, по закону природы, посѣдѣетъ усъ казацкій... я остыну... И никому не будетъ жаль, что я томился жизнью и что сердце полное жизни засохло однимъ лишь пустоцвѣтомъ.»

Книжка издана очень опрятно и авторъ напрасно поскромничалъ, скрывъ свое имя. Цѣлый край будетъ ему благодаренъ за это изданіе.

II.

ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

—

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ТРУППЫ ВЪ 1854 ГОДУ.

Причины упадка французскихъ спектаклей.—Замѣчательныя пьесы прошлаго сезона.—Драмы и комедіи.—*Кризисъ*, *Совѣсть*, *Золотыя сердца*, *Зять господина Пуарье*, *Оселокъ*, *Радость страшна*, *Молодость Людовика XIV*, и проч.—Хорошіе водевили.—Плохіе водевили.—Пѣсни.—Дѣятельность французской труппы.—Бенефисы.—Дебютанты.—Поль Бондуа и Фелисія Тетаръ.—Составъ труппы.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы должны и въ нынѣшнемъ году представить читателямъ обзоръ французскихъ спектаклей прошлаго сезона и сдѣлать общій выводъ дѣятельности этой труппы. Мы не считали нужнымъ въ теченіи года бесѣдовать объ ней и разсказывать о ходѣ каждаго спектакля отдѣльно; но годовой отчетъ, въ которомъ сгруппировываются всѣ отдѣльныя явленія нашей сцены, кажется намъ не излишнимъ. Отчетъ этотъ будетъ больше статистическій. «Парижскія письма», въ которыхъ передается содержаніе лучшихъ пьесъ, прежде чѣмъ онѣ являются на Михайловскомъ театрѣ, избавляютъ насъ отъ необходимости разсказывать подробно содержаніе пьесъ, съ которыми знакомитъ русскую публику театральная дирекція.

Французскіе спектакли прошлаго сезона были не такъ занимательны и блестящи, какъ въ прежніе года, и посѣщались гораздо менѣе и рѣже. Иначе и быть не могло. Чисто національные интересы, стремленіе къ своему, народному, могли имѣть сильное вліяніе на посѣщеніе французскихъ спектаклей. Къ тому же, въ самомъ Парижѣ, въ настоящее время, сценическая литература очевидно не можетъ процвѣтать, и наше театральное управленіе, выбирая изъ небогатаго репертуара все лучшее, не виновато, если не могло представить намъ много хорошаго. Мы перечислимъ всѣ новыя явленія прошлаго сезона, съ краткими замѣтками о нихъ и игрѣ артистовъ. Начнемъ съ драмъ и комедій:

1) *Весною* (Au printemps), маленькая, живая комедія, написанная игривыми, звучными стихами, разыгранная превосходно, знакомая посѣтителямъ Александринскаго театра и читателямъ Пантеона въ русской передѣлкѣ.

2) *Кризисъ* (La crise) четырехъ-актная комедія Октава Фелье, передѣланная имъ же для театра изъ своего разсказа, въ переводѣ на-

печатаннаго въ «Современникѣ». Тонкій и умный этюдъ женскаго сердца, доказывающій, что у каждой женщины бываютъ въ жизни минуты, когда она подвергается искушенію. Разыгранъ превосходно г-жею Плесси и довольно слабо г. Варле, актеромъ очень умнымъ и потому еще болѣе удивившимъ публику тѣмъ, что взялъ на себя роль любовника.

3) *Совѣсть* (La Consience), шестиактная драма Александра Дюма, выкраденная и выкроенная безъ церемоніи изъ трехъ пьесъ Иффланда, длинная и мѣстами скучная, но составленная со знаніемъ сцены и не лишенная интереса по идеѣ—исправляющагося преступника.

4) *Золотые сердца* (Les coeurs d'or), очень умная и милая комедія, которою въ особенности будутъ довольны женщины, потому, что она доказываетъ, какъ сильна, чиста и возвышенна женская любовь, въ сравненіи съ мужскою. Г-жи Плесси и Мейеръ превосходны въ роляхъ двухъ покинутыхъ женщинъ.

5) *Альбійская цитерна* (La citerne d'Albÿ), бульварная мелодрама, давно уже игранная на русской сценѣ, но въ которой у г-жи Вольнисъ есть превосходныя минуты, въ роли матери.

6) *Свои люди* (Camaraderie), возобновленная, но никогда не старѣющая комедія Скриба. Къ сожалѣнію, давали только три первые акта, и противъ такого страннаго сокращенія мы не можемъ не попенять бенефиціанту. Поступать подобнымъ образомъ съ такою пьесою, значитъ, не уважать искусства.

7) *Уединенная обитель* (L'ermitage), драматическая пословица въ двухъ картинахъ Октава Фелье, писанная не для сцены и не имѣвшая на ней большаго успѣха, но тѣмъ не менѣе написанная прекрасно, какъ все, что выходитъ изъ подъ пера этого остроумнаго автора. Тоже самое должны мы сказать и о другой комедіи его:

8) *Фея броселіандскаго лѣса* (La fée de la forêt de Brocelyande), переведенной въ нашемъ журналѣ.

9) *Зять господина Пуарье* (Le gendre de monsieur Poirier), одна изъ лучшихъ пьесъ прошлаго сезона, умная и благородная комедія, написанная двумя даровитыми авторами: Эмилемъ Ожье и Жюлемъ Сандо. Нравы и лица въ ней французскіе, но имѣютъ общечеловѣческій интересъ. Тѣ же самые авторы написали и другую комедію, имѣвшую впрочемъ менѣе успѣха:

10) *Оселокъ* (La pierre de touche). Въ ней развита неновая идея, что деньги дѣлаютъ однихъ людей лучше, другихъ хуже. Возобновили также еще одну прекрасную комедію въ стихахъ Эмилія Ожье:

11) *Габріель* (Gabrielle), давно уже знакомую нашей публикѣ и такъ безжалостно переведенную г. Крешевымъ.

12) *Радость страшна* (La joie fait peur), одно-актная комедія г-жи Жирарденъ, безо всякаго содержанія, но производящая сильное впечатлѣніе отъ того, что основана на всѣмъ доступномъ чувствѣ. Мать, сестра, невѣста и старый слуга одного молодаго человѣка считаютъ его умершимъ, а онъ возвращается, и радость этого возвращенія можетъ быть губительна для его матери. Мы думаемъ однако же, не смотря на успѣхъ пьесы, что подобныя положенія—вовсе не сценическія, и какъ бы хорошо ни сыграли ее артисты, зрители все-таки будутъ не совсѣмъ довольны ихъ игрою, потому, что каждый по-своему представляетъ себѣ, что̀ было бы съ нимъ въ подобномъ положеніи и находитъ не удовлетворительнымъ артиста, если онъ не точно такъ передаетъ чувства, какъ представляетъ его себѣ зритель. Къ тому же, пьеса ведена неискусно, и отворяйся только дверь комнаты не въ нее, а изъ нее — мать тотчасъ же узнала бы о возвращеніи сына, и пьесы не было бы.

13) *Молодость Людовика XIV* (La jeunesse de Louis XIV), пятиактная драма Дюма, имѣвшая большой успѣхъ и вполнѣ его заслуживающая. Это вѣрная картина начала царствованія Людовика XIV, веденная умно и занимательно, не смотря на ея длинноту и на нѣкоторое неправдоподобіе. Поставлена великолѣпно, разыграна съ большимъ стараніемъ.

14) *Прямая линія* (La ligne droite), одноактная, коротенькая, но очень милая комедія, основанная на томъ, что одинъ молодой человѣкъ хочетъ жениться на племянницѣ посланника, для того, чтобы получить мѣсто секретаря посольства, а другой хочетъ получить мѣсто только для того, чтобъ жениться на ней. Для достиженія этой цѣли они избираютъ разные пути и готовы уже все потерять, потому, что ни тотъ, ни другой нейдутъ по прямой дорогѣ.

15) *Марія-Роза* (Marie-Rose), бульварная драма, эфектная, но натянутая, также какъ и

16) *Моnра* (Maurrat), Жоржъ Занда, взятая ею изъ своего романа того же имени, переведеннаго и по-русски. Послѣдняя пьеса имѣла большой успѣхъ. Мы думаемъ однако же, что успѣхомъ этимъ она обязана тому, что явилась на масляницѣ, когда и всякая пьеса можетъ дѣлать сборъ. Исторія дикаря, преобразующагося въ порядочнаго человѣка изъ любви къ прекрасной дѣвушкѣ, предметъ вовсе не сценическій, и не наполни Зандъ перваго и послѣдняго актовъ всевозможными эфектами, (въ числѣ которыхъ есть даже балансированіе по бревну, положенному надъ пропастью), драма не могла бы имѣть ни малѣйшаго успѣха.

17) *Записки Демона* (Les mémoires du diable), старинная пьеса, хорошо составленная и всегда пользовавшаяся у насъ успѣхомъ.

18) *Что скажетъ свѣтъ* (Que dira le monde), недурно веденная комедія, съ ложной идеей, до которыхъ такіе охотники современные французы.

19) *Ромулъ* (Romulus), умная, простая и занимательная комедія Александра Дюма, полная чувства.

20) *Сонъ въ зимнюю ночь* (Le songe d'une nuit d'hiver), полуфантастическая пьеса, прекрасно написанная, но не сценическая.

21) *Жизнь въ розовомъ цвѣтѣ* (Le vie en rose), не совсѣмъ правдоподобная, но хорошо написанная и веденная комедія.

22) *Вольтеръ* или *Комедія въ Фернеѣ* (Voltaire ou la comédie á Ferney), пьеса, въ которой Вольтеръ представленъ въ настоящемъ его свѣтѣ.

Вотъ и все богатство французской труппы прошлаго сезона. Прибавивъ къ этому двадцать умныхъ и веселыхъ водевилей, мы получимъ весь итогъ (bilan) прошлогодней дѣятельности нашей труппы. Вотъ эти водевили, изъ которыхъ многіе неизвѣстно почему названы комедія-водевиль. *Венера съ земляникой* (Venus á la fraise), *Третій мужъ* (Le troisième mari), *Электрическій телеграфъ* (Le télégraphe électrique), *Бенгальскій тигръ* (Le tigre du Bengale), *Двадцатилѣтніе философы* (Les philosophes de 20 ans), *Площадь Вантадуръ* (Place Ventadour), *Не ревнивъ* (Pas jaloux), *Гдѣ я буду проводить мои вечера* (Où passerai-je mes soirées), *Ищутъ гувернера* (On demande un gouverneur), *Мужъ, который толстѣетъ* (Un mari qui prend du ventre), *Трактирныя маркизы* (Les marquises de la fourchette), *Лакей Артура* (Le laquais d'Arthur), *Орасъ и Каролина* (Horace et Caroline), *Человѣкъ съ черепицей* (L'homme à la tuile), *Дѣвочка подъ хорошимъ присмотромъ* (La fille bien gardée), *Графиня Бочки* (La comtesse du tonneau), *Балъ въ халатѣ* (Un bal en robe de chambre), *213-я статья*, (L'article 213), *Адріанъ кровельщикъ* (Adrien le couvreur), *Женихъ-Нотаріусъ* (Un notaire à marier).

Перечислимъ теперь всѣ остальные водевили, которые могли бы и не являться на нашей сценѣ, и которые бенефиціанты даютъ для того, чтобы ихъ бенефисная афиша была длиннѣе: Les amoureux de ma femme; Les Compatriotes, въ которомъ г. Новель играетъ три роли: Colombine somnambule, пустѣйшая арлекинада; La chasse au lion, Christophe le Cordier, La conquète de ma femme, трехъ-актная комедія, пустая и скучная; Le célèbre Vergot, Un cerveau felé, Le changement

d'uniforme, Un coup de vent, Les deux célibats, D'une fenêtre á l'autre, Le dernier des Mohicans, Les erreurs du bel age, въ которомъ удивителенъ Лемениль, Le fin mot, Jacquot, въ которомъ г. Невиль играетъ даже *десять* ролей, но который все-таки очень плохъ; L'impertinent, Les intimes, Madame Gibou et madame Pochet, гдѣ гг. Невиль и Тетаръ играютъ женщинъ, что даже нисколько не смѣшно; Les malheurs heureux, Le mari à l'essai, Le meunier, son fils et Jeanne, Le mariage au miroir—верхъ глупости; La manie des proverbes, Mamzelle fait ses dents, Un mari qui ronfle, La niaise de St. Flour, Ondine ou le pêcheur, Le poltron, Le pont cassé, La pariure de Jules-Denis, длинный и сантиментальный водевиль, написанный дамою, въ подражаніе крестьянскимъ драмамъ Жоржъ-Занда, но неудавшійся; Qui se dispute s'adore, Les réveries renouvellées des grecs, пародія на «Ифигенію въ Тавридѣ» до того пустая, что ее дали всего одинъ разъ; Une soubrette de qualité, водевиль, который былъ бы не дуренъ, еслибы авторы не пересолили его; Un service á Blanchard, пустая пьеса, данная одиннадцать разъ, благодаря игрѣ Верне; такое же число разъ былъ игранъ и другой, еще пустѣйшій, водевиль: Un scandale, въ которомъ г-жа Мила, гг. Лемениль, Дешанъ и Тетаръ играютъ, сидя въ ложахъ и разговаривая между собою и съ актерами, находящимися на сценѣ: публика съ удовольствіемъ смотрѣла эту бездѣлку; Sous un bec de gaz, Sur la perspective de Nevsky, пустая вещь, разъигрываемая г. Леменилемъ съ русскими актерами гг. Мартыновымъ и Зубровымъ; всего тридцать восемь пьесъ.

Но еще болѣе этихъ пустыхъ пьесъ, которыя все-таки мѣстами возбуждаютъ улыбку или по-крайней-мѣрѣ не наскучаютъ, недовольны мы недавно появившимся обыкновеніемъ распѣвать на нашей сценѣ французскія пѣсни, большею частію весьма неинтересныя и нисколько не остроумныя. Гг. Невиль и Тетаръ привезли намъ множество этихъ пѣсенокъ, за что мы не можемъ быть имъ благодарны. Содержанія въ нихъ нѣтъ, обыкновенно, никакого. Выйдетъ на сцену господинъ въ карикатурномъ костюмѣ, пропоетъ и проговоритъ какой-нибудь вздоръ съ каламбурами, сдѣлаетъ нѣсколько фарсовъ, и все этимъ оканчивается. Все достоинство этихъ фарсовъ въ томъ, что они продолжаются минутъ десять. Но что они совершенно не идутъ къ русскому характеру и не могутъ быть для насъ занимательны, въ этомъ, конечно, никто не будетъ сомнѣваться. Въ прошломъ году такихъ пѣсенокъ мы слышали *десять;* между ними были и дуеты, какъ напримѣръ: La Normande, Marche des Voraces, Parodie de duo de Lucie, и solo, какъ: L'affiche de Nanterre, L'anglais touriste, Jeanne et Jeanneton, Le Marseillais à Paris, Le Surnuméraire, Les tribulations d'un choriste и Les pirouettes d'un vieux

danseur. Изъ нихъ только два послѣднихъ фарса были не слишкомъ пусты.

Слѣдовательно, всѣхъ новыхъ пьесъ, явившихся въ прошломъ году, считая и эти пѣсни, было девяносто (въ сезонѣ 1853—1854 года семьдесятъ девять); спектаклей въ число абонемента было 106, безъ абонемента 20, бенефисовъ 17, итого 143 спектакля (въ прошломъ, 134). Бенефисы были даны: гг. Верне, Тетару и Невилю (два, одинъ за прошлый сезонъ), Леону, Верне, Дешану, Лемениль, Пейсару, Мондидье; г-мъ: Поль-Эрнестъ, Лемениль, Мила, Мейеръ, Вольнисъ, Плесси. Въ прошломъ сезонѣ было всего двѣнадцать бенефисовъ. Французскіе спектакли продолжались съ 14 апрѣля 1854 по 8 февраля 1855, то есть, за исключеніемъ двухъ-недѣльнаго поста въ августѣ, девять мѣсяцевъ и десять дней.

Дебютантовъ было четверо: Поль Бондуа, маленькая Фелисія Тетаръ, сынъ г. Лемениля и братъ г. Верне. Изъ нихъ остались въ труппѣ—Бондуа и Тетаръ. Первый ангажированъ на роли молодыхъ любовниковъ и былъ очень хорошъ въ первомъ водевилѣ «Орасъ и Каролина.» Послѣдующія роли выходили у него слабѣе, но въ послѣднее время онъ много выигралъ у публики. Онъ можетъ впрочемъ и еще болѣе развиться, потому что актеръ старательный. Голосъ нѣсколько монотоненъ и принадлежитъ къ числу такихъ, которые французы называютъ одноструннымъ (monocorde). Маленькая Тетаръ играла въ четырехъ водевиляхъ; особеннаго таланта въ ней незамѣтно. Сынъ г. Лемениля игралъ очень хорошо въ одномъ водевилѣ; братъ г. Верне тоже въ одномъ.

Составъ французской труппы въ этомъ году былъ слѣдующій:

Актрисы: Плесси, Вольнисъ, Мейеръ, Мила, Мальвина, Лемениль, Поль-Эрнестъ, Пельтье, Бра, Амели, Шамарандъ, Елиза. *Вновь вступившія на сцену*: Фелисія Тетаръ, Зое, Арсень, Ами. *Выбывшая*: Варле.

Актеры: Дешанъ, Мондидье, Лемениль, Верне, Давлуи, Варле, Тетаръ, Невиль, Дюссеръ, Пешена, Леонъ, Мошера, Аликсъ, Шамарандъ, Викторъ, Феде, Эрнестъ, Франсисъ, Шарль, Роже, Люсьенъ, Ами, Теодоръ и Огюстъ. *Вновь вступившіе:* Бондуа, Бургиньонъ. *Вышедшій* — Люге.

О стараніи этихъ артистовъ, превосходномъ ансамблѣ, прекрасной постановкѣ французскихъ пьесъ считаемъ излишнимъ говорить.

В. З.

—

*

III.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Отсутствіе модъ въ Петербургѣ. — Вербная недѣля. — Дѣтская ярмарка. — Вербное гулянье въ Москвѣ и въ Петербургѣ. — Разница въ ихъ значеніи. — Цѣль и польза вербной ярмарки. — Свѣтлый праздникъ и визиты. — Нѣкоторыя замѣтки по этому предмету. — Новыя художественныя изданія. — Изображеніе залы Зимняго Дворца, гдѣ было выставлено тѣло въ Бозѣ почившаго Государя, для народнаго поклоненія. — Портреты Императора Александра II и Государыни Императрицы. — Рисунки В. Тимма. — Каррикатуры на современную войну. — Десять каррикатуръ И. А. Степанова на Пальмерстона, Неппра, Луи-Наполеона. — Гравировальное искусство въ Россіи. — С. Ф. Галактіоновъ, его заслуги и гравюры: «Іисусъ на пути въ Эммаусъ» и «Кораблекрушеніе.»— Выставка батальныхъ картинъ въ пользу раненыхъ защитниковъ Севастополя. — «Сраженіе при Четати», Кейзера; «Битва при Никополи», Фанъ – Севердонке. Литературныя новости и слухи. — Брошюра подъ названіемъ: «Послѣдніе часы Императора Николая Перваго.»—Новое изданіе «Слова о полку Игоревомъ», г. Гербеля.—Новая драма гр. Е. П. Ростопчиной.—Ея новый романъ и «Мыльные пузыри», Т. Ч. — Хронологическое лото русской исторіи. — Новости объ уѣхавшихъ и прибывшихъ артистахъ.—Г-жа Делагранжъ подъѣзжаетъ къ Калифорніи; Кальцолари тѣшитъ Вѣну; Лаблашъ утѣшаетъ плачущій Лондонъ; г-жа Іелла въ Берлинѣ.—Баронство на сценѣ —Натуральный флейтистъ Либерманъ.—Краткія его біографія и замысловатое сужденіе объ немъ одного критика. — Лопухинка и ея водолечебныя заведенія.

Намъ немногое придется сообщить на этотъ разъ изъ нашей Общественной Жизни: подъ вліяніемъ еще недавняго великаго событія, она течетъ мирно и однообразно. Общественныхъ зрѣлищъ и увеселеній нѣтъ, только первые лучи весенняго солнца вызываютъ еще жизнь на нашихъ улицахъ. Въ ясные дни Невскій Проспектъ кипитъ народомъ, но уже не той пестрой толпой, которая, подъ вліяніемъ прихотливой моды, разнообразила разноцвѣтными костюмами длинныя гирлянды гуляющихъ и составляла изъ нихъ калейдоскопическіе рисунки. Костюмъ печали, общій теперь всей Россіи, придаетъ и самой прогулкѣ видъ унылый и мрачный. Одна Вербная Недѣля оживляла картину Невскаго Проспекта ярмарочной выставкой вербъ и дѣтскихъ игрушекъ, множествомъ малютокъ и сновавшими взадъ и впередъ экипажами.

Петербургъ, сохранивъ многія обыкновенія, которыя ведутся на Руси съ незапамятныхъ временъ, умѣлъ ихъ приспособить къ своей европейской внѣшности. Такъ и праздникъ вербной субботы, заимствованный у Москвы, принялъ у насъ совсѣмъ другой характеръ. Тамъ это

гулянье, у насъ — дѣтская ярмарка. Въ этотъ день, въ Москвѣ обновляютъ роскошные экипажи; подъ видомъ показать дѣтямъ росписныя и разубранныя вербы, выѣзжаютъ взрослыя дѣти—*казать себя, народъ смотрѣть*, и собирать обильную жатву для толковъ и пересудовъ на счетъ ближняго. Длинными вереницами тянутся кареты и коляски съ аристократическими четверками, за которыми не дерзаютъ приплестись парныя колесницы и скромныя дрожки средняго класса. Медленно двигается эта длинная цѣпь четверокъ взадъ и впередъ по одному направленію, безъ всякой цѣли, и крѣпко сбиваетъ на пышный похоронный поѣздъ. Все разряжено, раскрашено, но какъ-то натянуто, важно, не оживлено. Вербы же собственно жмутся въ одномъ темномъ и грязномъ уголкѣ, вдали отъ разъѣзжающихъ: онѣ предоставлены на жертву ребятишкамъ бѣдныхъ людей и доброму мѣщанству, охочему до толкотни и до всякаго зрѣлища. У насъ, въ Петербургѣ, вербный праздникъ имѣетъ свой особенный и прекрасный колоритъ. Въ вербный четвертокъ обширный нашъ гостиный дворъ вдругъ окаймляется двумя рядами новыхъ, воздушныхъ лавокъ. Здѣсь сосредоточивается вся мелкая промышленость Петербурга и все, что она, съ бо́льшимъ трудомъ и съ усиліями, готовила въ-теченіе года, исчезаетъ въ эти три вожделѣнные дня ярмарки, и доставляетъ бѣднѣйшему классу петербургскаго народонаселенія вѣрный кусокъ хлѣба на нѣсколько мѣсяцевъ и радостный день въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Все, что выставляется на этой ярмаркѣ, предназначено по бо́льшей части для дѣтей: это игрушки, лакомства, дѣтскія книжки, дѣтскія мебели — и дѣти, раскупая для нихъ назначенное, становятся, такимъ образомъ, благотворителями бѣдныхъ. Съ этой точки зрѣнія, вербная ярмарка имѣетъ у насъ прекрасное, высокое значеніе. И у насъ увидите вы около гостинаго двора множество аристократическихъ каретъ, но онѣ стоятъ неподвижно, и ждутъ своихъ маленькихъ господъ, которые пошли съ нянъками и гувернёрами дѣлать необходимыя для нихъ закупки. И у насъ это — гулянье, но гулянье съ цѣлью, и съ прекрасной цѣлью — передъ великимъ праздникомъ помочь бѣдному ближнему, который предпочелъ честный трудъ, хотя и мелкій, тунеядству и нищенству. Положимъ, что обычай нашей дѣтской ярмарки заимствованъ у Европы; но это заимствованіе, напоминая намъ обрядъ русской старины, въ то же время имѣетъ доброе вліяніе на нравы народа. Каждый знаетъ, что у любаго хлѣбника онъ найдетъ тѣ же самые прянички и печенья, что въ любой мебельной и игрушечной лавкѣ купить можно тѣ же дѣтскія козетки, стульчики и игрушки гораздо дешевле, чѣмъ на вербной ярмаркѣ, но все-таки каждый идетъ дѣлать закупки для дѣтей на ярмарку. Отъ чего жъ это?

Отъ-того, что вы видите у ярмарочнаго столика бѣдное семейство, часто многочисленное; стоитъ взглянуть на лица и одежду продавцевъ, чтобъ сразу понять, что̀ понудило ихъ къ этой мелкой промышлености и какъ имъ дорогъ долженъ быть результатъ ихъ трехъдневной торговли; отъ-того, наконецъ, что вы видите, какъ всякій принесъ сюда то, что̀ могъ и съумѣлъ сдѣлать, и часто, предлагая свой незавидный товаръ, даетъ вамъ тонкій намекъ на милосердіе. Конечно, не вся ярмарка составлена изъ такихъ людей: на-половину надо считать мелкихъ торговцевъ и спекуляторовъ. Нѣтъ такого прекраснаго и святаго дѣла въ мірѣ, которымъ бы не воспользовалась своекорыстная спекуляція! Тѣ же самые торговцы, которые, стоя у вынолированныхъ дверей своихъ роскошныхъ лавокъ, горделиво посмѣиваются надъ бѣдными промышленниками, которымъ изъ великодушія уступили на три дня поларшина между колоннами своей арки, тѣ же самые великодушные гордецы нерѣдко сами занимаютъ остальные два аршина длиннымъ столомъ, на который выгребаютъ всю залежалую дрянь изъ своихъ лавокъ и поручаютъ ея распродажу какому-нибудь бѣдняку, за самоскуднѣйшій процентъ. Не смотря на это, надо сознаться, что дѣтская вербная ярмарка прекрасный обычай, который, право, не мѣшало бы перенять и другимъ городамъ!

Кромѣ того, вербная ярмарка у насъ соединяется еще съ продажею воскресныхъ яицъ. Тутъ найдете вы сотни сортовъ яицъ, отъ простаго крашенаго, позолоченаго или выточеннаго изъ дерева, до сахарныхъ, шеколадныхъ и замысловатыхъ атласныхъ, фарфоровыхъ съ живописью и стеклянныхъ съ косморамою. Что богатые люди пріобрѣтаютъ себѣ въ модныхъ кандитерскихъ за баснословныя цѣны, то средній классъ покупаетъ здѣсь изъ первыхъ рукъ, отъ самихъ фабрикантовъ, за самую умѣренную плату. Но этого мало: на вербной ярмаркѣ небогатое семейство найдетъ для своего домашняго быта все необходимое, отъ головной щетки до дорожнаго погребца, отъ стекляной свѣтильни для ночной лампадки до богатыхъ бронзовыхъ жирандолей, отъ чайнаго прибора и хрустальной посуды до душистаго мыла и французскихъ духовъ. И все это достается несравненно дешевле, чѣмъ въ обыкновенное время въ извѣстныхъ лавкахъ. Вотъ почему всегда на вербной ярмаркѣ такая давка, такое множество дамъ и мужчинъ около торговыхъ поставовъ: это родъ выставки всѣхъ новыхъ изобрѣтеній и произведеній всей мелкой промышлености Петербурга, которая, надо сказать правду, съ каждымъ годомъ улучшается и совершенствуется: явленіе очень утѣшительное, ибо оно свидѣтельствуетъ, что бѣднѣйшій классъ нашего народонаселенія началъ искать себѣ способы существо-

ванія не въ ниществѣ, а въ полезныхъ трудахъ и занятіяхъ. Къ развитію этого направленія много способствовали наши благотворительныя заведенія и распространеніе грамотности.

Свѣтлый праздникъ встрѣченъ у насъ, какъ и во всей Россіи, теплой молитвою, и проведенъ въ обычныхъ визитахъ. Счастливая мысль, замѣнить визиты благотворительнымъ припечатаніемъ имени въ объявленіяхъ отъ Дѣтскихъ пріютовъ, плохо привилась. Едва можно насчитать сотню именъ въ этихъ спискахъ. А между тѣмъ, какъ бы этотъ обычай былъ полезенъ, благодѣтеленъ! сколько сберегъ бы расходовъ, времени, тщетнаго труда и, въ добавокъ, какой щедрый вкладъ принесъ бы на доброе дѣло! Но usus tyrannus! Всѣ почитаютъ долгомъ сновать по улицамъ обширной столицы, загонять лошадей, пересчитывать безчисленныя лѣстницы, раскланиваться съ швейцарами и камердинерами, потому-что господъ обыкновенно не бываетъ въ это время дома: они предаются тому же самому занятію. Обычай разсылать визитныя карточки по городской почтѣ могъ бы вполнѣ замѣнить личные визиты и удовлетворить самыя щекотливыя претензіи, но и это не помогаетъ. Не есть-ли присылка поздравительной карточки явный признакъ, что насъ вспомнили въ великій праздникъ или въ первый день года, что намъ желали всякаго добра, что насъ хотѣли поздравить? Такъ нѣтъ! пусть постранствуетъ, отобьетъ ноги, пусть простудится при случаѣ, пусть самъ привезетъ карточку, изломавъ у нея уголокъ, или пусть оставитъ въ передней свой драгоцѣнный автографъ! Все-таки легче, все-таки красивѣе! Да, обычай тиранъ между людей! И какъ благомыслящія головы ни сознаютъ всю его ничтожность и несообразность, но плывутъ за общимъ потокомъ и подтверждаютъ поговорку, что легче истребить порокъ, чѣмъ дурную привычку. Разумѣется, мы здѣсь не говоримъ объ офиціальныхъ визитахъ, необходимыхъ по служебнымъ отношеніямъ; но зачѣмъ же частнымъ придавать тотже характеръ?

Къ свѣтлому празднику вышло очень много художественныхъ изданій, по бо́льшей части, относящихся къ современнымъ интересамъ. Мы здѣсь упомянемъ только о тѣхъ, которыя заслуживаютъ наибо́льшее вниманіе. Самый дѣятельный изъ нашихъ издателей по этой части А. Бегровъ, имѣющій свою собственную литографію и эстампный магазинъ, чуть ли не старѣйшій въ Петербургѣ. Недавно изданa имъ большая литографія, которою, вѣроятно, обзаведутся многіе. Она изображаетъ залу, въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца, въ которой, по словесному завѣту въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича, было выставлено тѣло Его Величества, для народнаго поклоненія. Средину картины занимаетъ скорбный катафалкъ, на которомъ помѣщенъ

гробъ Императора, вокругъ его стоитъ почетная стража, въ парадныхъ мундирахъ, а правую сторону занимаетъ духовенство, въ троурныхъ облаченіяхъ. Рисунокъ снятъ очень вѣрно и выполненъ тщательно. Онъ отпечатанъ въ два тона, что придаетъ цѣлому еще больше эфекта. *

Другой издатель литографій, Дарціаро, отпечаталъ два очень схожіе и хорошо сдѣланные портрета: нынѣ царствующаго Государя Императора Александра II и Августѣйшей Его Супруги. Это изданіе истинный подарокъ для всѣхъ русскихъ. Государь Императоръ представленъ въ мундирѣ новой формы. **

В. Ѳ. Тиммъ, возвратясь изъ Крыма, украшаетъ свой художественный листокъ изображеніями современныхъ военныхъ событій, театръ которыхъ изучалъ на самомъ мѣстѣ. Въ 10 нумерѣ «Художественнаго Листка» помѣстилъ онъ рисунокъ, представляющій «*Бомбардированіе Соловецкаго монастыря двумя англійскими пароходами, 6-го и 7-го іюля 1854 года,*» рисунокъ, въ высшей степени интересный и очень хорошо выполненный.

Нынѣшняя война породила и очень много каррикатуръ, имѣющихъ отношеніе къ великимъ подвигамъ и доблестямъ тройнаго союза подъ знаменемъ луны. Мы не разъ говорили о каррикатурахъ, издаваемыхъ въ Москвѣ, въ народномъ вкусѣ, съ чрезвычайно ловкими и остроумными подписями. Теперь и Петербургъ разомъ выпустилъ двѣ тетради каррикатуръ политическаго содержанія, одну извѣстнаго нашего каррикатуриста и скульптора Н. А. Степанова, другую г. Невскаго, подъ названіемъ «Зеркало для Англичанъ.» Поговоримъ о первой изъ нихъ. Всѣхъ каррикатуръ десять. Нѣкоторыя изъ нихъ очень остроумны. Такъ напримѣръ представленіе на театрѣ Сенмартенскихъ воротъ извѣстной глупости, подъ названіемъ «Казаки», которой сильно аплодируетъ изъ ложи Луи-Наполеонъ. Подъ нею слѣдующая надпись: «Наполеонъ III, за неимѣніемъ II-го, не видавшій другаго непріятеля, кромѣ своихъ заимодавцевъ, одерживаетъ въ театрѣ — блистательныя побѣды надъ казаками.» Не дурна также мысль каррикатуры, подъ названіемъ: «Новый крестовый походъ цивилизаціи противъ варварства, подъ предводительствомъ пустынника лорда Пальмерстона.» На картинѣ представлены: Пальмерстонъ, одѣтый пустынникомъ, Луи-Наполеонъ, Непиръ, Дундасъ, Омеръ-Паша и Гамеленъ, у всѣхъ въ рукахъ знамена, на которыхъ изображена турецкая луна: они склоняются передъ Сибуръ-Пашею, который благословляетъ ихъ слѣдующими словами: «Старайтесь

* Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою 2 р.

** Цѣна портрету 3 и 2 р. съ пересылкою.

истреблять ненавистное племя грековъ, разоряйте церкви и жилища, покровительствуйте торгу дѣтей и женщинъ, но берегите жизнь свою и на пушечный выстрѣлъ не приближайтесь къ русскимъ! Эти варвары, чтобъ защитить себя, не пощадятъ и вашей драгоцѣнной крови!» Но самая забавная каррикатура, по нашему мнѣнію, это донесеніе адмирала Плумриджа серу Непиру. Непиръ сидитъ у стола и усердно осушаетъ бутылку портвейну, а адъютантъ читаетъ ему слѣдующее: «Адмиралъ! честь имѣю донести, что флотъ нашъ, не найдя въ Улезборгѣ и Брагештатѣ ни одного русскаго солдата, увѣнчался новыми подвигами храбрости и великодушія. При семъ препровождаются побѣдные трофеи: барка съ саломъ и солью. Истребляя и расхищая собственность частныхъ лицъ, мы щадили жизнь ихъ. Русскіе же, напротивъ, выказали при Гамле-Карлеби все свое варварство: они выставили противъ нашихъ девяти вооруженныхъ баркасовъ—двѣ пушки, одного офицера и безпощадно поразили въ рядахъ нашихъ до ста несчастныхъ жертвъ. —*Непиръ.* Годдемъ! жизнь храбрыхъ моряковъ нашихъ дорога. Для подобныхъ случавъ надо вытребовать французскій дессантъ, да позначительнѣе; подставлять грудь подъ пули и проливать кровь дѣло французовъ, а мы, какъ видите, и вина даромъ не проливаемъ.»—Всѣ эти каррикатуры довольно тщательно изданы г. Бегровымъ *. Но главное достоинство этихъ каррикатуръ состоитъ въ томъ, что всѣ лица—портреты, и притомъ до того схожіе, что вы тотчасъ же, съ перваго взгляда, узнаете Наполеона, Непира, Пальмерстона, Гамелена, Омеръ-Пашу и другихъ. Обѣщаютъ продолженіе этого каррикатурнаго альбома, который заключитъ въ себѣ самые рѣзкіе факты изъ современной войны союзниковъ Оттоманской порты. Всѣ десять рисунковъ продаются въ литографированной оберткѣ, на которой буквы слова **КАРРИКАТУРЫ**, представляютъ собою самыхъ дѣйствующихъ лицъ въ разныхъ положеніяхъ.

У насъ, въ Россіи, гравировальное искусство только начинало развиваться, когда усовершенствованная литографія и полумеханическое гравированіе на стали за границею, такъ сказать, задушили его въ самомъ зародышѣ. Теперь не только у насъ, но и въ цѣломъ художественномъ мірѣ гравировка на мѣди, нѣкогда столь славная, совершенно заброшена. Да и трудно ей существовать рядомъ съ такими соперницами, какъ литографія, стальная гравировка и рѣзьба на деревѣ. Всѣ эти три отрасли печатнаго художества въ настоящее время достигли высшей степени своего развитія и совершенства. Мѣдная доска никогда не выдержитъ такого числа оттисковъ и притомъ не можетъ представить ни то-

* Продаются: раскрашенныя по 5 р., черныя по 3 р. с.

го удобства для тончайшей и эфектной отдѣлки, какъ стальная, ни той нѣжности, мягкости и дешевизны, которыя представляетъ литографическій камень. Не говоримъ уже о рѣзьбѣ на деревѣ, которая, не уступая въ нынѣшнемъ своемъ состояніи мѣдной гравировкѣ, по удобству своего печатанія въ иллюстрованныхъ изданіяхъ, представляетъ огромныя передъ нею выгоды. Между тѣмъ, у насъ въ Россіи были граверы, которыхъ имена навсегда останутся почетными въ исторіи русскаго искусства. Таковы имена Уткина и Галактіонова, хорошихъ художниковъ и отличныхъ наставниковъ своего дѣла. Еще недавно посѣтители академической выставки любовались гравюрами послѣдняго и, увы! съ-тѣхъ-поръ уже не стало трудолюбиваго нашего художника, Степана Филипповича Галактіонова. Онъ скончался восьмидесяти-четырехъ лѣтъ отъ роду, скончался, какъ воинъ въ битвѣ, съ рѣзцомъ въ рукахъ, и въ преклонныхъ лѣтахъ трудясь еще надъ своимъ любимымъ искусствомъ. Онъ гравировалъ знаменитое *Болото* Рюисдаля, извѣстную картину, находящуюся въ эрмитажной галлереѣ Зимняго Дворца. Богъ не судилъ ему окончить этого труда, который прекрасно повѣнчалъ бы его прежнія работы.

Степанъ Филипповичъ Галактіоновъ родился въ Петербургѣ; въ юныхъ лѣтахъ, въ 1781 году, поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ, и обнаруживалъ особенную способность къ пейзажной живописи. Онъ попалъ въ классъ С. Ѳ. Щедрина, который совѣтами своими и наставленіями поощрялъ его дарованіе и способствовалъ его развитію. Галактіоновъ написалъ много картинъ, которыя были одобрены знатоками и заслужили ему похвалы. Изъ нихъ въ особенности отличалась одна: «Видъ гранильной фабрики въ Петергофѣ,» которою вся публика любовалась на академической выставкѣ. Особенное обстоятельство заставило Галактіонова измѣнить свое поприще. При Академіи, по Высочайшему повелѣнію Императора Павла, былъ учрежденъ гравировальный классъ, подъ руководствомъ Клаубера, знаменитаго гравера, вызваннаго съ этой цѣлію изъ-за границы. По части пейзажнаго гравированія надзоръ за классомъ былъ порученъ Щедрину, и онъ, не желая разстаться съ талантливымъ ученикомъ своимъ, уговорилъ Галактіонова перейти въ классъ гравированія. Здѣсь молодой художникъ дѣлалъ быстрые успѣхи и вскорѣ сталъ извѣстенъ по своимъ работамъ. Въ 1831 году онъ былъ сдѣланъ профессоромъ гравировальнаго искусства въ Императорской Академіи Художествъ, а вскорѣ послѣ того поступилъ наставникомъ въ школу при Гидрографическомъ Департаментѣ Морскаго Министерства, гдѣ училъ гравированію географическихъ и гидрографическихъ картъ. Изъ замѣчательнѣй-

шихъ гравюръ Галактіонова, слѣдующія: «Іисусъ на пути въ Эммаусъ» съ картины Клода Лорреня; «Кораблекрушеніе», съ Гораса Верне, и «Смерть Виргиніи». Всѣ онѣ сдѣланы съ рѣдкой отчетливостію и скопированы съ подлинниковъ эрмитажной галлереи. Скромный художникъ, покидая міръ, оставилъ своимъ тремъ дочерямъ, кромѣ своего честнаго имени и заслугъ русскому искусству, вмѣсто всякаго наслѣдія, три доски своихъ гравюръ. Теперь ихъ отпечатываютъ и два первые эстампа уже вышли въ свѣтъ. Они продаются во всѣхъ картинныхъ лавкахъ и, вѣроятно, будутъ раскуплены всѣми знатоками и покровителями русскаго искусства, и притомъ одной изъ тѣхъ отраслей искусства, которая сошла навсегда въ могилу съ послѣднимъ своимъ представителемъ.

Заговоривъ о художественныхъ новостяхъ, скажемъ, что къ намъ привезены изъ-за границы двѣ батальныя картины, изображающія эпизоды изъ русской военной исторіи. Одна представляетъ «Сраженіе при Четати», а другая «Битву при Никополи.» Первая изъ нихъ принадлежитъ кисти нѣмецкаго живописца Кейзера, а другая голландскаго фанъ-Севердонке. Картина Кейзера замѣчательна уже по величинѣ своей: въ ней сто тридцать пять квадратныхъ аршинъ. Художникъ выбралъ сюжетомъ взятіе русскою конницею турецкой баттареи. Вы застаете аттаку въ тотъ моментъ, когда гусары генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго полка врубились уже въ баттарею и завладѣваютъ послѣдними ея орудіями. Турки частію побиты, частію бѣгутъ, только нѣкоторые еще слабо защищаются. Сгруппировка всей картины прекрасная. Вторая картина, гораздо мѣньшаго размѣра, чѣмъ первая, написана также съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла. Здѣсь весь передній планъ занятъ разными эпизодами пѣхотной схватки, а вдали видны дѣйствія конницы, но только сквозь туманную завѣсу дыма. Обѣ эти любопытныя картины выставлены въ Караванной, въ домѣ бывшемъ Татищева. Сборъ за входъ въ залу предназначенъ въ пользу раненыхъ защитниковъ Севастополя. Цѣль прекрасная, которая вѣрно возбудитъ артистическое любопытство въ большей части петербургскаго населенія.

Въ литературѣ нашей въ послѣдній мѣсяцъ явилась брошюра, напечатанная съ Высочайшаго соизволенія, и которая для всѣхъ русскихъ будетъ, хотя скорбнымъ, но дорогимъ подаркомъ. Брошюра эта называется: «Послѣдніе часы Императора Николая Перваго.» Она написана перомъ опытнаго и краснорѣчиваго литератора, знаменитаго мастерствомъ своего изложенія и мощію русскаго слова въ его устахъ. Глубокое чувство и тяжкія думы возбуждаетъ въ читателѣ эта книжка, проникнутая теплотою души и ри-

сующая поразительныя картины. Мы не въ состояніи отказать читателямъ хотя въ нѣсколькихъ страницахъ этого прекраснаго сочиненія.

«Богу угодно было воззвать къ Себѣ Своего Помазанника. Въ два часа ночи, лейбъ-медикъ, котораго покойный Государь удостоивалъ особенной довѣренности, потерявъ надежду даже и на кратковременное продолженіе жизни больнаго, возбужденный, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ и устрашенный великостію предостоявшей ему печальной обязанности, о коей нѣкто изъ преданныхъ Императору напоминалъ ему въ сію минуту частнымъ, наскоро, въ смятеніи горести начертаннымъ письмомъ, рѣшился объявить всю истину самому умирающему. Сердце его сжалось, когда онъ вошелъ въ послѣдній разъ въ скромный, тѣсный кабинетъ, бывшій въ то время и спальнею повелителя полсвѣта. Съ чего начать разговоръ? какъ произнести роковое слово? Онъ зналъ твердость души Государя; но зналъ также, что Государь не считаетъ себя въ опасности, не думаетъ, чтобы смерть была такъ близка, хотя онъ, какъ христіанинъ, старался всегда быть къ ней готовымъ. Лейбъ-медику хотѣлось, чтобъ мысль о причащеніи Св. Таинъ сама собою родилась въ умѣ Государя. Онъ сталъ говорить ему о своей встрѣчѣ съ духовникомъ Его Величества, *хорошимъ, старымъ его знакомымъ* *. «Да онъ почтенный человѣкъ и человѣкъ добрый, сказалъ Государь. Когда вы съ нимъ познакомились?»—Въ обстоятельствахъ прискорбныхъ, отвѣчалъ докторъ: въ послѣднюю болѣзнь Великой Княгини Александры Николаевны. Мы вчера вспоминали о семъ времени и съ Государыней Императрицей. Какъ-бы она желала, чтобъ вы дозволили ей помолиться у вашей постели вмѣстѣ съ духовникомъ вашимъ, о скорѣйшемъ возвращеніи вамъ здоровья.» Въ эту минуту Государь вдругъ все понялъ. Онъ устремилъ на медика выразительный, но ясный взоръ, и обыкновеннымъ своимъ голосомъ сдѣлалъ какъ-бы простой вопросъ: «Скажите, что-же?—умираю-ли я»? На сихъ послѣднихъ словахъ онъ еще возвысилъ голосъ. Долго медикъ былъ не въ состояніи отвѣчать. Наконецъ, съ трепетомъ сердца, почти задыхаясь отъ удерживаемыхъ имъ слезъ, онъ произнесъ страшное слово. Спокойствіе было на лицѣ и въ душѣ Государя. Докторъ держалъ его руку; ни одна жилка въ ней не дрогнула; ни на одинъ ударъ не ускорилось біеніе пульса. Въ первый разъ съ самаго начала болѣзни, Ему представилась мысль о неизбѣжной близкой кончинѣ, и уже въ свѣтлыхъ, тихихъ взорахъ его изображалось состояніе души, свергающей съ себя все бремя печалей, заботъ, суетъ земнаго міра. Не было и вида какого-либо усилія въ

*Оберъ-Священникомъ, Протопресвитеромъ В. Б. Бажановымъ.

бореніи съ привязанностью къ жизни. Прошло пять или шесть минутъ въ безмолвіи. Государь поднялъ глаза вверхъ, какъ будто къ небу, и потомъ столь же спокойно, съ такою жъ простотою сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ.—«Что́ вы нашли во мнѣ своимъ стетоскопомъ? «Каверны?—«Нѣтъ, отвѣчалъ лейбъ-медикъ; но начало паралича въ «лёгкихъ». — И у васъ достало духу, такъ рѣшительно объявить мнѣ «мой смертный приговоръ?—«Государь, я имѣлъ многія къ тому при- «чины. Первая и главная есть та,—что я симъ исполняю данное вамъ «обѣщаніе. За полтора предъ симъ года, вы говорили мнѣ: «Требую, «чтобъ вы сказали мнѣ *всю правду* и *во-время*, когда представится «надобность. Къ несчастію, сія надобность представилась нынѣ. Съ «тѣмъ вмѣстѣ я исполняю и другую священную обязанность къ монар- «ху и отцу семейства. Предъ вами еще нѣсколько часовъ жизни: вы «въ полной памяти; знаете, что теперь ужъ нѣтъ никакой надежды и «конечно захотите воспользоваться сими часами для послѣдней бесѣды «съ Наслѣдникомъ вашего престола. Наконецъ я объявилъ вамъ пра- «вду, всю правду и потому, что «*знаю васъ* и люблю». Государь слушалъ съ вниманіемъ совершенно спокойнымъ. Докторъ не могъ уже удерживать слезъ своихъ; Государь замѣтилъ это, подалъ ему руку и сказалъ: «Благодарю». — Прошло еще нѣсколько минутъ въ молчаніи. Потомъ Императоръ сказалъ доктору: «Позовите старшаго моего сы- на». Когда лейбъ-медикъ исполнилъ сіе порученіе, Государь также обыкновеннымъ своимъ голосомъ прибавилъ: «Не забудьте послать за другими дѣтьми моими, за сыномъ Константиномъ; но поберегите Им- ператрицу». Онъ самъ объявилъ о близкой своей кончинѣ нѣжно-лю- бимому сыну, и боясь испугать Императрицу, прибавилъ: «Надѣюсь, что ты ничего не сказалъ и не скажешь матушкѣ».—Тогожъ боялась и Великая Княгиня Марія Николаевна, которая находилась всѣхъ бли- же къ комнатѣ больнаго. Она говорила доктору: «Какъ мы приготовимъ матушку»? Но христіанская супруга, христіанская Царица была уже ко всему готова, и Государь не удивился, увидѣвъ Императрицу возлѣ себя Она была на своемъ мѣстѣ, держа руку, отданную ей вмѣстѣ съ сердцемъ. Духовникъ Его Величества былъ также готовъ и близко съ Святыми Дарами. По прочтеніи пріуготовительныхъ молитвъ къ Св. Исповѣди, Ея Величество и Цесаревичъ вышли изъ комнаты; они во- шли обратно по совершеніи сего таинства. Всѣ прочіе Члены Авгу- стѣйшаго Семейства ожидали, колѣнопреклоненные, въ сосѣдственной комнатѣ великую минуту послѣдняго на землѣ общенія его съ Госпо- домъ. Государь, перекрестясь, сказалъ: «Молю Бога, чтобы онъ при-

нялъ меня въ свои объятія». Онъ приступалъ къ великому Таинству съ глубокимъ умиленіемъ, но и съ совершеннымъ спокойствіемъ, и своимъ обыкновеннымъ, выразительнымъ и твердымъ голосомъ произносилъ читаемое предъ Св. причащеніемъ исповѣданіе вѣры въ Спасителя Христа и въ установленное имъ самимъ Таинство Евхаристіи, вѣры, которую всегда хранилъ непоколебимо въ душѣ своей.

«Воздавъ *Божіе Богови*, нашъ Кесарь обратился на нѣсколько мгновеній къ дѣламъ земнаго своего царства: приказалъ дать знать по телеграфу въ Москву, Варшаву, Кіевъ, что *Императоръ умираетъ*, какъ будто говоря уже не отъ своего имени, и прибавилъ: *прощается съ Москвою*. Онъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій о своемъ погребеніи: велѣлъ положить возлѣ гроба маленькій образъ Богородицы Одигитріи, который получилъ при Святомъ Крещеніи отъ Екатерины Великой; самъ назначилъ въ нижнемъ этажѣ Зимняго Дворца залу, въ которой должно было поставить гробницу съ его смертными останками и мѣсто для могилы въ Петропавловскомъ соборѣ. Онъ требовалъ, чтобы погребеніе его было совершенно съ наименьшею по возможности роскошью, безъ пышнаго катафалка, безъ великолѣпныхъ въ залѣ и церкви убранствъ, избѣгая излишнихъ для казны и слѣдственно для народа издержекъ *. — Тогда началось трогательное прощаніе умирающаго съ семействомъ его. Къ смертному его одру стеклись всѣ находившіеся въ С.-Петербургѣ Члены Царственнаго Дома, даже младенцы, дѣти дѣтей его. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ благословить *всѣхъ*, и отсутствующихъ: никто не былъ забытъ имъ; всякому сказалъ онъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя впечатлѣваются въ сердцѣ навѣки. Будущему Наслѣднику престола онъ говорилъ: «Служи Россіи.» — Младшаго Великаго Князя Алексія Александровича принесли позднѣе другихъ; онъ былъ блѣденъ отъ испуга; но и его скоро успокоилъ своими отеческими ласками тотъ, который въ сіи торжественныя часы былъ всё для всѣхъ. Онъ какъ будто примѣнялся ко всѣмъ различнымъ возрастамъ, даже шутилъ съ дѣтьми Великой Княгини Маріи Николаевны, называя ихъ полуименами, но внушая также имъ, чтобъ они служили Россіи. Когда вошла Великая Княгиня Елена Павловна, онъ съ неизмѣняющимся видомъ яснаго спокойствія сказалъ ей, какъ будто при обыкновенномъ посѣщеніи: «благодарю» и потомъ, можетъ быть воспоминая о потеряномъ ею супругѣ, прибавилъ: «теперь и мнѣ пришло время. Скажите мой сердечный поклонъ Катѣ, (Великой Княгинѣ Екатеринѣ Ми-

* Слѣдуя сей же мысли, Государь въ духовномъ своемъ завѣщаніи изъявилъ желаніе, чтобы срокъ для траура по немъ былъ опредѣленъ самый краткій.

ханловнѣ). Ей и ему, (Герцогу Георгію Мекленбургъ-Стрелицкому), имъ обоимъ». — Если не самыя слова, то духъ послѣдней Вечери Христовой былъ въ сей послѣдней бесѣдѣ Государя съ *Его милыми ближними* *: *Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы.* Главнѣйшее нѣжное вниманіе Его было обращено къ той, которая прошла съ нимъ рука въ руку все поприще жизни и царства. Ее поручалъ онъ общей любви; ее предназначалъ средоточіемъ для единства всего Августѣйшаго Дома. Когда, вѣроятно противъ воли, исторглись изъ груди ея слова: «За чѣмъ не могу я умереть съ тобою!», Онъ, на сей вопль сокрушеннаго горестію сердца отвѣчалъ, указывая на дѣтей: «Ты должна жить для нихъ»; а имъ, указывая на Императрицу, говорилъ: «Живите всегда, какъ нынѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной».—Государь, мы уже сказали, хотѣлъ благословить и отсутствующихъ дѣтей своихъ. При имени каждаго, онъ поднималъ исхудавшую руку и заочно чрезъ дальнія разстоянія осѣнялъ ихъ знаменіемъ крестнымъ; сіе благословеніе умирающаго съ такими чувствами, конечно, доходило до нихъ. Великая Княгиня Ольга Николаевна, пораженная извѣстіемъ объ опасной болѣзни родителя, думала отправиться немедленно въ путь, и съ трудомъ, по убѣжденіямъ Кронъ-Принца, супруга ея, согласилась на кратковременное предъ дорогою отдохновеніе. Но едва она успѣла закрыть глаза и впасть въ легкую дремоту, какъ ей представился обожаемый ею отецъ, на одрѣ страданій и смерти, поднимающій руку, благословляющій ее предъ кончиною.

«Между тѣмъ печальная, страшная вѣсть больше и больше распространялась въ городѣ. Народъ толпился вокругъ дворца; иные врывались въ сѣни, какъ бы не вѣря слышанному; другіе, на площади и бульварѣ, становились на колѣна и молили Бога о Царѣ своемъ, не зная, живъ ли онъ или уже перешелъ въ селеніе Праведныхъ.

«Государь продолжалъ жить еще нѣсколько часовъ; но, сохраняя въ изнеможенномъ тѣлѣ все присутствіе ума, всю твердость духа, онъ жилъ, то-есть мыслилъ и чувствовалъ, уже какъ тѣ, которые покоятся на лонѣ Вышняго. Пріѣхалъ курьеръ изъ арміи, съ извѣстіями и письмами отъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. «Здо«ровы ли они? — спросилъ Императоръ: — все прочее теперь не ка«сается меня. Я весь въ Богѣ». — При семъ однакожъ онъ не переставалъ исполнять на землѣ послѣднюю, вѣчную заповѣдь Спасителя: *любить;* любить и враговъ своихъ, коимъ Онъ прощалъ отъ сердца, хотя дѣйствія нѣкоторыхъ *прошли какъ оружіе душу его;* любить и

* Выраженіе древнѣйшаго изъ нашихъ лѣтописцевъ, Преподобнаго Нестора.

благодарить тѣхъ, которые любили его и всегда будутъ любить и чтить его память. Благословивъ супругу, дѣтей и внуковъ, онъ призвалъ бывшихъ во дворцѣ: генералъ-адъютанта графа Орлова и министровъ Двора и Военнаго; благодарилъ ихъ за службу, и поручилъ Наслѣднику своему благодарить отъ Его Имени всѣхъ другихъ министровъ, гвардію, армію, флотъ и въ особенности геройскихъ защитниковъ Севастополя *. Онъ не забылъ и ближнюю прислугу свою и посѣдѣвшихъ подъ оружіемъ дворцовыхъ гренадеровъ; всѣхъ благословилъ, всякому сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ. Потомъ съ улыбкою спросилъ доктора: «Скоро ли вы дадите мнѣ *отставку?* Скоро ли все будетъ кончено?» — Не такъ еще скоро, отвѣчалъ медикъ. — «Не лишусь ли я памяти?» — «Надѣюсь Ваше Величество, что все будетъ тихо и спокойно». Государь всегда съ непріятнымъ чувствомъ думалъ о потерѣ внутренняго сознанія.

«При послѣднемъ въ жизни лобзаніи, онъ еще говорилъ Преемнику Своего Престола: «Мнѣ хотѣлось, принявъ на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ Царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего въ свѣтѣ.»

«Когда, по желанію Его, духовникъ читалъ молитвы *на исходъ души*, онъ слушалъ ихъ съ такимъ же неуклоннымъ вниманіемъ, какъ и предуготовительныя къ исповѣди молитвы, нѣсколько разъ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, и по окончаніи, простившись съ нимъ, крѣпко прижалъ къ устамъ наперстный его крестъ, изображеніе Распятаго, въ объятія Коего стремился. Не будучи уже въ силахъ сказать что-либо словами, онъ потухающимъ взоромъ указывалъ духовнику на Императрицу и Наслѣдника, какъ бы прося его утѣшать ихъ и за нихъ молиться. Онъ не покидалъ ихъ рукъ, иногда еще сжимая ихъ въ своихъ рукахъ, доколѣ наконецъ, въ 20-ть минутъ послѣ полудня, они перестали чувствовать сіе нѣжное рукожатіе, которое прекратилось вмѣстѣ съ біеніемъ сердца.

«Такова была кончина оплакиваемаго нами Императора.»

Брошюра эта тѣмъ важнѣе, что въ ней заключается извлеченіе изъ собственноручнаго духовнаго завѣщанія въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Прежде, чѣмъ мы скажемъ что-нибудь о томъ, что вышло въ свѣтъ въ истекшемъ мѣсяцѣ, порадуемъ читателей нѣкоторыми надеждами. Наибольшую дѣятельность на поприщѣ беллетристики показываютъ наши

* Сію волю Родителя Царствующій Императоръ исполнилъ на другой же день, предъ прочтеніемъ Манифеста о восшествіи Его Величества на Прародительскій Престолъ и принесеніемъ присяги на вѣрность.

дамы-писательницы. Графиня Евдокія Петровна Ростопчина, которой прекрасное дарованіе такъ справедливо оцѣнено цѣлой Россіей, которой стихотворенія невольно западаютъ на память и всегда дышатъ неподдѣльнымъ поэтическимъ чувствомъ, окончила замѣчательный романъ, подъ названіемъ: «*У Пристани*», и драму «*Дочь Дона-Жуана*» въ стихахъ звучныхъ, энергическихъ. Мысль драмы чрезвычайно оригинальная; въ ней есть сцены, которыя невольно увлекаютъ и обдаютъ васъ какимъ-то обаяніемъ живаго чувства. Романъ изложенъ въ письмахъ, полныхъ той тонкой наблюдательности движеній сердца человѣческаго, которою эта писательница особенно отличается, полныхъ игривости и психическаго интереса. Пантеонъ надѣется скоро ознакомить своихъ читателей и съ тѣмъ и съ другимъ произведеніемъ. Г-жа Т. Ч., даровитая повѣствовательница, обратившая своими разсказами на себя вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ читателей, также кончила романъ, подъ названіемъ «*Мыльные пузыри.*» Это произведеніе должно скоро появиться въ свѣтъ. Г. Гербель, переводчикъ «Пѣсни о Полку Игоревомъ» сбирается издать Шиллера въ русскихъ переводахъ, то-есть собраніе всѣхъ переводовъ, появлявшихся у насъ изъ этого писателя, въ хронологическомъ ихъ порядкѣ. Это будетъ въ высшей степени любопытная книга.

Вышло второе изданіе «Слова о полку Игоревомъ», въ переводѣ г. Гербеля. Въ свое время, мы отдали, въ отдѣлѣ «Библіографіи», отчетъ въ этомъ замѣчательномъ трудѣ, и теперь можемъ только упомянуть, что г. Гербель, воспользовавшись многими замѣчаніями журналовъ, значительно исправилъ свой переводъ и придалъ ему еще болѣе художественную обработку. Гербель, поэтъ молодой, но съ дарованіемъ замѣчательнымъ, и всего похвальнѣе въ немъ жажда дѣятельности, любовь къ труду и уваженіе къ литературѣ—качества, которыми въ наше время пренебрегаютъ нѣкоторые записные литераторы, но безъ которыхъ нельзя сдѣлаться замѣчательнымъ писателемъ.

— На праздникахъ вышла въ свѣтъ очень любопытная игра, не для однихъ дѣтей: **Хронологическое лото русской исторіи**, которое не должно смѣшивать съ историческимъ, давно уже извѣстнымъ. Въ историческое лото играютъ обыкновенно такъ: одинъ изъ играющихъ читаетъ билеты съ написанными на нихъ историческими событіями, другіе отыскиваютъ у себя на картахъ тѣ же событія и, найдя, заставляютъ жетонами; у кого на картѣ выйдутъ прежде пять событій, на одной линіи (квинта) тотъ и выигрываетъ. Такая игра помогаетъ, конечно, заучиванію главнѣйшихъ событій исторіи, но, по нашему мнѣнію, не достигаетъ своей цѣли: здѣсь упущена изъ виду труднѣйшая часть исто-

ріи—хронологія. Можно помочь этому выставивъ подлѣ событій годы, въ которые они случились, но почти можно ручаться за то, что годы эти ускользнутъ изъ памяти играющихъ, потому, что на нихъ не обратятъ вниманія. Вышедшее нынѣ хронологическое лото принуждаетъ играющихъ невольно и легко заучивать хронологію, потому, что на картахъ этого лото изображены одни года, а событія помѣщены отдѣльно на билетикахъ, вынимаемыхъ поочередно каждымъ изъ играющихъ, который читаетъ громко билетики, а остальныя лица, участвующія въ игрѣ, пріискавъ годы, соотвѣтствующія этимъ событіямъ, заставляютъ цифры жетонами. Само собою разумѣется, что сначала не всѣ годы событій могутъ быть извѣстны играющимъ, и для этой цѣли къ игрѣ приложенъ реестръ всѣхъ историческихъ происшествій, года которыхъ помѣщены на картахъ; съ этимъ реестромъ справляется вынимающій билетики, каждый разъ, когда этого потребуютъ играющіе; но мы увѣрены, что черезъ нѣсколько игръ реестръ сдѣлается совершенно не нужнымъ и будетъ служить только для сомнительныхъ случаевъ. Самыя цифры на картахъ расположены совершенно по правилу обыкновенной игры въ лото, въ порядкѣ, принятомъ для этой игры, и отличаются отъ нея только тѣмъ, что вмѣсто ничего не означающихъ цифръ, отъ 1-го до 90 — представляютъ цифры годовъ, въ которые совершились какія-нибудь замѣчательныя событія русской исторіи. Годы отдаленнѣйшихъ столѣтій находятся въ первой графѣ, болѣе близкіе во второй, и такъ далѣе, до десятой графы, гдѣ помѣщены всѣ послѣдніе годы нынѣшняго столѣтія. Число цифръ и картъ то же самое, что и въ обыкновенномъ лото, то-есть 24 и 90. Играющимъ раздается по равному числу картъ; каждый поочереди вынимаетъ билетики и читаетъ изображенныя на нихъ событія; играющіе, если не знаютъ, въ какомъ году случилось событіе, спрашиваютъ читающаго билетики, который справляется съ реестромъ, и потомъ заставляютъ жетонами цифры годовъ, соотвѣтствующихъ событіямъ. Пять закрытыхъ цифръ на одной картѣ и на одной линіи даютъ право на выигрышъ; потомъ игра начинается снова тѣмъ же порядкомъ. Послѣ всего сказаннаго нами, нечего прибавлять, какъ она занимательна и полезна. Въ скоромъ времени выйдетъ точно такое же лото и Всемірной исторіи, только ея событія будутъ изображены, въ то же время, и на французскомъ языкѣ, для того, чтобы игра съ дѣтьми могла, по желанію, служить имъ упражненіемъ въ этомъ языкѣ, если вынимающій билетики будетъ читать ихъ по-французски. Съ этою цѣлью билетики будутъ напечатаны съ двухъ сторонъ на двухъ языкахъ. Предсказываемъ и этому лото точно такой же успѣхъ, какой пріобрѣло Хронологиче-

СКОЕ ЛОТО РУССКОЙ ИСТОРІИ, продающееся у Я. А. Исакова и раскупаемое на расхватъ.

Наши пѣвцы, которымъ было такъ тепло въ Петербургѣ зимою, на лѣто разлетѣлись «въ теплые края, за сине море!»

Кто въ туманы Албіона, кто въ душныя, закопченыя залы парижскихъ театровъ, а кто и подальше, то-есть, поближе къ калифорнскому золотцу—въ Сѣверную Америку. Г-жа Делагранжъ, именно, отправилась въ Нью-Іоркъ, удивлять своими трелями полудикихъ янке, и, въ свою очередь, собрать съ нихъ такую-же подать полновѣсными доллерами, какую собрали уже прежде нея Женни Линдъ и Зонтагъ. Дѣло благое, желаемъ ей счастья! Впрочемъ, чтобы предшественницы не повредили ея успѣхамъ, она напередъ застраховала ихъ у мистера Якобсона, новаго антрпренера театральныхъ зрѣлищъ, за сорокъ-пять тысячъ руб. сер. въ годъ. Кальцолари ангажированъ въ Вѣну; несравненный Лаблашъ отправился въ Лондонъ, утѣшать англичанъ въ потерѣ цѣлой арміи подъ Севастополемъ.

За пѣвцами упорхнула и г-жа Іелла. Она надѣется плѣнить своими ножками серьозныхъ пруссаковъ. Но этотъ народъ не такъ-то легокъ на ногу и не слишкомъ податливъ, тѣмъ болѣе, что онъ владѣетъ Маріею Тальони 2-ю, самою милою, искусною и граціозною танцовщицей. Впрочемъ, г-жѣ Іеллѣ можно многое простить какъ танцовщицѣ, на томъ основаніи, что она родилась баронессою (Сакенъ), а не танцовщицею; стало быть, танцы балетные ни когда не были ея предназначеніемъ. Но это не резонъ, замѣтятъ намъ нѣкоторые; другая баронесса нашего театра, г-жа Маррай (баронесса Водянская), достигла же въ искусствѣ замѣчательнаго совершенства, хотя тоже не предназначалась для театра. Такъ, но та пѣвица—и это дѣло совсѣмъ другое. Пѣвица очень хорошо можетъ развить свой голосъ и образовать свое дарованіе въ обществѣ. Пѣвица даже въ обществѣ всегда пріобрѣтетъ больше вкуса, чѣмъ на сценѣ; но танцовщица дѣло другое! Это искусство, въ которомъ надо упражняться съ самыхъ юныхъ лѣтъ, и притомъ въ такихъ формахъ и размѣрахъ, какія не допускаются въ общественныхъ танцахъ.

Но въ то самое время, какъ поддѣльные соловьи наши разлетались въ разныя стороны, къ намъ прилетѣлъ настоящій соловей, и притомъ соловей русскій, изъ западныхъ нашихъ губерній. Я говорю *настоящій*, потому что настоящіе соловьи не поютъ, а *свищутъ*, и нашъ соловушко свищетъ, свищетъ на-диво, точь въ точь какъ у дѣдушки Крылова:

Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался,
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

Таковъ натуральный флейтистъ г. Леберманъ, артистъ замѣчательный, небывалый, полный чувства, энергіи, вкуса, выразительности и неимовѣрнаго искусства въ быстрыхъ пассажахъ, скачкахъ, треляхъ и проч. Либерманъ играетъ на флейтѣ — безъ флейты, однимъ амбушюромъ и горломъ: онъ свищетъ. Нѣкоторые изъ пожаловавшихъ себя въ знатоки музыки, на томъ основаніи, что имъ дали просторъ расписывать все, что имъ взбредетъ въ голову, увѣряютъ, что этотъ способъ музыкальнаго выраженія недостоинъ истиннаго артиста, и отзываются о г. Либерманѣ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и насмѣшкою. Этимъ людямъ нужно дать книги въ руки, но только не перо. Они приходятъ въ конечный восторгъ, когда пѣвица осмысленную драматическимъ положеніемъ арію поетъ по-птичьему; они кричатъ и хлопаютъ, когда артистъ на скрипкѣ или на флейтѣ выдѣлываетъ разные фокусы и преодолѣваетъ трудности инструмента, забывая даже для этихъ штукъ о главномъ, о содержаніи играемаго, о музыкѣ; и они же смѣются, когда человѣкъ натуральнымъ образомъ, данными ему природой средствами, дѣлаетъ такія же трудности и, въ-добавокъ, своимъ пѣніемъ трогаетъ васъ до слезъ, шевелитъ душу и ласкаетъ слухъ необычайно граціозными и нѣжными звуками. Гдѣ же тутъ логика? Ужели инструментъ: скрипка, флейта, кларнетъ и проч. обусловливаютъ званіе артиста и составляютъ неизбѣжныя данныя музыки? Что же послѣ этого пѣвцы и пѣвицы, которымъ инструментъ природа вложила въ грудь и въ горло? И почему артистъ, поющій голосомъ, уважительнѣе артиста, свистящаго голосомъ, если только этотъ свистъ доведенъ до высшей степени совершенства, музыкальной граціи и вполнѣ замѣняетъ инструментъ? Не понимаемъ. По нашему, передавай музыку на чемъ угодно и чѣмъ хочешь — только бы она доходила до души и нѣжила чувства, и цѣль, предназначенная искусствомъ, достигнута. Извлеченъ ли звукъ изъ дерева или металла, или прямо изъ груди, это все равно, если онъ чистъ, правиленъ и доступенъ сердцу. Мы даже осмѣливаемся думать, что играть на инструментѣ, котораго звуки подлежатъ извѣстнымъ законамъ, добываются извѣстными пріемами, и совершенствуются отъ бо́льшаго или ме́ньшаго навыка, упражненія и опытности артиста, гораздо легче, чѣмъ тѣ же звуки и тоже совершенство инструментальное извлекать изъ самого себя непосредственно.

Поэтому мы вполнѣ уважаемъ замѣчательный, артистическій талантъ г. Либермана, и увѣрены, что всѣ, кто слышалъ его или услышитъ, съ нами согласятся, вопреки раздавателямъ патентовъ на газетную славу и художественное уваженіе.

Любопытна исторія развитія этого оригинальнаго таланта. Отецъ Либермана, хотя нѣмецкаго происхожденія, по рожденію, былъ итальянецъ, хорошій скрипачь, и одинъ изъ первыхъ послѣдователей Паганини, еще при жизни этого знаменитаго преобразователя скрипки. Старикъ, въ артистическихъ своихъ странствіяхъ по свѣту, прибылъ и въ Россію и успѣлъ въ Вильнѣ затронуть своей игрою за живое сердце молодой русской дѣвушки, которымъ и овладѣлъ навсегда. Отъ брака съ нею, въ 1835 году, родился теперешній нашъ артистъ. Съ юныхъ лѣтъ въ ребенкѣ обнаруживалась страсть къ музыкѣ и талантъ къ пѣнію. Отецъ рано воспользовался счастливыми способностями сына. Семи лѣтъ отъ роду маленькій Либерманъ давалъ уже съ отцомъ своимъ концерты во всѣхъ городахъ Германіи. Онъ пѣлъ и подражалъ мастерски кларнету. Всюду стекались послушать это маленькое диво, вездѣ сыпались громкія рукоплесканія и звонкая монета. Злато! злато! великій соблазнъ! Чего не приносятъ тебѣ въ жертву? Отецъ не замѣчалъ, что эти безпрерывныя усилія истощаютъ его ребенка, и тогда только догадался о ихъ вредныхъ послѣдствіяхъ, когда мальчикъ совершенно потерялъ голосъ и не могъ уже служить доходной статьею для странствующаго музыканта. Тогда Либермана преимущественно стали обучать фортепьянной игрѣ, и мальчикъ, за неимѣніемъ голоса, началъ насвистывать мотивы арій и большихъ музыкальныхъ пьесъ. Особенное устройство дыхательнаго горла дозволяло ему извлекать такіе сильные и полные звуки свистомъ, что это обратило на себя вниманіе знатоковъ и, поощряемый ими, мальчикъ началъ развивать въ себѣ этотъ странный, данный ему природою талантъ. Въ четырнадцать лѣтъ онъ свисталъ, какъ флейта, и бывъ въ то время въ Берлинѣ, рѣшился въ первый разъ дать публичный концертъ въ пользу бѣдныхъ въ Потсдамѣ. Необыкновенное объявленіе привлекло много публики и самъ король прусскій полюбопытствовалъ услышать этого виртуоза безъ инструмента. Результатъ былъ самый блистательный. Его Величество былъ въ полномъ восхищеніи отъ артиста; приказалъ образовывать его на свой счетъ и положилъ ему пожизненную пенсію въ 400 талеровъ. Окончивъ свое музыкальное образованіе, молодой Либерманъ предпринялъ путешествіе по Европѣ. Въ Парижѣ услышалъ его извѣстный флейтистъ Совле и самъ вызвался давать ему уроки своей флейтой, съ которой Либерманъ вскорѣ не только состязался, но даже превзошелъ ее. Концерты, данные

имъ въ Парижѣ, обратили на него всеобщее вниманіе. Въ Лондонѣ во всѣхъ столицахъ Германіи имѣлъ онъ тотъ же успѣхъ. Потомъ Либерманъ посѣтилъ Соединенные Штаты и въ Америкѣ производилъ фуроръ. Нью-Іоркскій театръ, на которомъ онъ давалъ концерты, не могъ вмѣстить всей публики, которая каждый разъ тѣснилась у входа. По возвращеніи въ Европу, Либерманъ, влекомый чувствомъ патріотизма и еще болѣе нѣжнымъ чувствомъ сыновней любви, поспѣшилъ на родину. Въ Вильнѣ обнялъ онъ свою престарѣлую мать, изъ собранныхъ имъ денегъ обезпечилъ ея существованіе и старость, купилъ ей домикъ, обзавелъ всѣмъ нужнымъ, и снова, налегкѣ, пустился въ странствіе по отечеству. Проѣздомъ въ Петербургъ, давалъ онъ концерты въ Ригѣ, Дерптѣ и Ревелѣ; но по прибытіи въ столицу—застигла его великая катастрофа, поразившая всю Россію и покрывшая все наше отечество печалію.

Либерманъ еще очень молодъ: ему всего двадцать одинъ годъ. Талантъ его еще развивается, пріобрѣтаетъ силу, и можно надѣяться, что со временемъ, если судить по теперешнему совершенству артиста, сдѣлаетъ его истиннымъ дивомъ. Прибавимъ къ этому, что Либерманъ очень хорошій композиторъ, и что пьесы, которыя онъ для себя сочиняетъ, исполнены граціи, свѣжести, а главное—всегда проникнуты глубокимъ чувствомъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, предусмотрительные дачники запасаются уже заранѣе пріютомъ на лѣтнее время. Заблаговременный выборъ дачи чрезвычайно важенъ, если жители столицы не хотятъ имѣть лѣтомъ больше сырости, чѣмъ зелени, больше флюсовъ, чѣмъ удовольствій. Если городскіе читатели наши захотятъ имѣть дачу въ мѣстѣ не очень отдаленномъ отъ столицы, совершенно спокойномъ, далекомъ отъ моря, чрезвычайно здоровомъ и, въ добавокъ, цѣлебномъ для того, кто чувствуетъ необходимость леченія, мы смѣло рекомендуемъ имъ *Лопухинку*, знакомую, конечно, очень многимъ, но о которой мы считаемъ нужнымъ напомнить по случаю открытія въ ней водолечебнаго сезона.

Лопухинка, имѣніе отставнаго полковника Геринга, находится въ петергофскомъ уѣздѣ, въ 65 верстахъ отъ столицы, въ 35 отъ Петергофа, и въ 25-ти отъ Финскаго залива.

Мѣстоположеніе Лопухинки принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ, не въ одной Петербургской губерніи. Между двумя крутыми, обрывистыми берегами, идущими почти паралельно другъ къ другу, течетъ рѣчка, которая, будучи удержана плотиною, получаетъ видъ небольшаго озера. Почва земли въ Лопухинкѣ глинистая, но берега оврага состоятъ изъ неровныхъ, оборванныхъ слоевъ известковой плиты.

О высотѣ береговъ можно судить изъ того, что на нихъ ведутъ лѣстницы въ 140 ступеней. Рѣка, въ началѣ мелкая, становится постепенно глубже; съ обѣихъ сторонъ оврага текутъ въ нее ручьи ключевой воды, и близъ плотины она имѣетъ уже болѣе двухъ саженъ глубины. Вода содержитъ чрезвычайно мало чуждыхъ частей, что подтверждается совершенною ея прозрачностью и отсутствіемъ посторонняго вкуса и запаха. Какъ и вообще во всякой ключевой водѣ, въ ней много угольной кислоты. Температура воды въ ключахъ, лѣтомъ и зимою, четыре градуса по Р. Замѣчательно еще то обстоятельство, что въ озерѣ водятся форели, что, какъ извѣстно, Присницъ считаетъ признакомъ воды, особенно полезной для пользованія по его методѣ.

На самомъ краю оврага, съ восточной стороны, стоитъ помѣщичій домъ, съ высоты котораго открывается великолѣпный видъ на окрестности. Въ прямомъ направленіи отъ дома тянется проспектъ, по сторонамъ котораго расположены крестьянскія избы, нѣсколько двухъ или трехъ-этажныхъ зданій для помѣщенія больныхъ, казенный домъ и проч.

Спустившись отъ дома помѣщика, по затѣйливой швейцарской лѣстницѣ въ оврагъ, вы вступите на плотину. Направо находится красивое зданіе съ стрѣльчатыми окнами,—это бумажная фабрика; влѣво, на другомъ берегу оврага, большой трехъ-этажный домъ—частное водолечебное заведеніе. Здѣсь, въ нижнемъ этажѣ, устроены сѣтчатыя обливанья, ду́ши, для окачиванія больныхъ и теплыя комнаты для одѣванья. Второй и третій этажи раздѣлены на небольшія комнаты; нѣкоторыя изъ нихъ служатъ для помѣщенія слабыхъ паціентовъ, другія занимаются больными поочереди, каждый день на нѣсколько часовъ для *окутыванія*. Боковыя двери отсюда ведутъ въ купальни.

Далѣе, на берегу озера, стоятъ четыре отдѣльныя башенки; въ нихъ сверху падаютъ струи ключевой воды, проведенной жолобомъ съ утеса: это ду́ши для лѣтняго употребленія.

Вдали, на лѣвомъ берегу озера, на площадкѣ, какъ на карнизѣ, расположенъ военный полугоспиталь. Здѣсь также устроены сѣтчатыя обливанья, ванны и закрытые бассейны съ теплыми комнатами. Съ обѣихъ сторонъ, обрывистые утесы береговъ проглядываютъ изъ-за чащи сосновыхъ и еловыхъ деревьевъ и живописно отражаются въ чистой поверхности озера. Со стороны полугоспиталя находится нѣсколько маленькихъ островковъ, соединенныхъ красивыми мостиками; отовсюду журчатъ ручьи холодной кристальной воды...

Больные пріѣзжаютъ сюда обыкновенно въ половинѣ мая, но страждущіе продолжительными, хроническими недугами должны начинать ле-

леніе нѣсколько ранѣе, чтобъ постепенно свыкнуться съ употребленіемъ холодной воды.

Впрочемъ, лечиться по способу Присница можно во всякое время года, и въ Лопухинкѣ бываютъ больные, которые продолжаютъ леченіе зимою.

Вода, по способу Присница, употребляется весьма различнымъ образомъ: въ видѣ ваннъ, обливаній, примочекъ, вспрыскиваній и т. п.; но самые употребительные пріемы водолеченія—потѣніе и окачиваніе дýшами. *За ванны* и *души*, сколько бы ихъ не потребовалось, платятъ по 1 руб. сер. въ недѣлю. Кто, кромѣ квартиры, желаетъ имѣть еще отдѣльныя комнаты для потѣнія, платитъ за нихъ 2 руб. сер. въ недѣлю и имѣетъ право пользоваться ваннами и дýшами безъ платы. Квартиры въ Лопухинкѣ вообще всѣ чисты и удобны: онѣ устроены въ восьми отдѣльныхъ домахъ; комнаты расположены такъ, что можно имѣть квартиры въ одну, двѣ, три и болѣе комнатъ, а также цѣлыми этажами и цѣлымъ домомъ. Цѣна квартиры назначается по числу комнатъ, отъ 75 коп. до 2 руб. серебромъ въ недѣлю за комнату, судя по ихъ величинѣ и расположенію. — Нанимающимъ квартиры на цѣлое лѣто дѣлается уступка.

При нѣкоторыхъ квартирахъ есть особыя кухни; остальныя занимаются людьми безсемейными, которые обѣдаютъ за общимъ столомъ въ трактирѣ, или берутъ кушанье на домъ.

Прежде, сообщеніе съ Лопухинкою было довольно затруднительно, по дороговизнѣ наемныхъ экипажей, и потому учрежденъ легкій и вмѣстительный *дилижансъ на рессорахъ*, который будетъ отходить отъ петергофской пристани. Такимъ образомъ, не дѣлая лишнихъ издержекъ, можно утромъ отправиться на пароходѣ въ Петергофъ и чрезъ нѣсколько часовъ быть въ Лопухинкѣ. Частныя письма отсылаются отсюда два раза въ недѣлю, на ближайшую станцію Касково.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 4.

ДВЪ НАМЕЛІИ.

СЦЕНЫ, ВЗЯТЫЯ ИЗЪ ЖИЗНИ, РОДЪ КОМЕДІИ, ВЪ ОДНОМЪ АКТѢ.

СОЧ. КНЯЗЯ Г. В. КРУГУШЕВА.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОМЪ ТЕАТРѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ ѲЕДОТЫЧЪ ИНДЮКОВСКІЙ, очень богатый помѣщикъ, шестидесяти-пяти лѣтъ.

ѲЕДОТЪ ИВАНОВИЧЪ ИНДЮКОВСКІЙ, его сынъ.

ОЛЬГА ЛЬВОВНА, жена Ѳедота Иваныча, урожденная княжна Черноземова.

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧЪ ИНДЮКОВСКІЙ, меньшой сынъ Ивана Ѳедотыча, холостой.

МАШЕНЬКА НЕЙМАНЪ, сирота, воспитанница покойной княгини Черноземовой.

КНЯЗЬ ПЕТРЪ ТИМОѲЕЕВИЧЪ ИВОЛГИНЪ, молодой франтъ изъ столицы.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ.

(Проходная комната. Главная дверь, балконная, высокая, стеклянная, широкорастворенная. За ней видны ступени и садъ. По бокамъ двери по аркѣ, выходящей на ту же террассу. Террасса и садъ занимаютъ ровно половину сцены. Ходящіе по саду должны быть видны публикѣ. Насупротивъ самой двери, въ саду, круглая клумба съ цвѣтами, изъ среди которыхъ возвышается, въ фаянсовомъ горшкѣ, роскошный кустъ пунцовой камеліи въ цвѣту. На сценѣ въ комнатѣ, направо и налѣво, по двери, драпированныхъ и отворенныхъ. Налѣво отъ зрителей ближе къ аван-сценѣ еще дверь безъ драпировки, затворенная. Направо, у аван-сцены окно. Между окномъ и дверью вкось стоитъ диванъ; около него нѣсколько креселъ. Налѣво между двумя дверьми письменный столикъ и на немъ все нужное для письма. Передъ нимъ стулъ. Въ глубинѣ на террассѣ зеленыя стулья. Въ мебели и во всемъ, наполняющемъ комнату, видна роскошь, лишенная однакоже всякаго вкуса. Сюрсо и палки валяются на диванѣ.)

—

I.

ИВАНЪ ѲЕДОТЫЧЪ выходитъ въ боковыя двери. За нимъ два лакея. Онъ останавливается посрединѣ сцены и, указываетъ рукой на отворенную дверь въ садъ:

Иванъ Ѳедотычъ. Туда, сáвеву́, въ липовую аллею, чай, сáвеву́, самоваръ, ну и все, сáвеву́... поскорѣй.

Первый лакей. Слушаю-съ.

Иванъ Ѳедотычъ. Ну, маршъ, сáвеву́... маршъ ..

Второй лакей. Слушаю-съ. *(Оба лакея уходятъ въ садъ).*

Иванъ Ѳедотычъ *(имъ вслѣдъ на террассѣ).* Самоваръ-то серебряный... все серебро чтобъ было... больше серебра... Сáвеву́...

Лакей *(издали въ саду).* Слушаю-съ...

II.

ИВАНЪ ѲЕДОТЫЧЪ и ИЛЬЯ ИВАНЫЧЪ.

Илья Иванычъ *(входя въ боковую дверь направо отъ зрителей и видя отца, стоящаго спиной къ стеклянной двери на тер-*

расст). Вотъ онъ! А я то его вездѣ ищу! *(Подходитъ къ отцу и схватываетъ его за обѣ руки)*.

Иванъ Ѳедотычъ *(въ испугѣ)*. Что, что? Сáвеву!!. *(Въ то время, какъ отецъ оглядывается, кто его держитъ, сынъ приседаетъ и уклоняется на другую сторону. И такъ нѣсколько разъ)*.

Илья Иванычъ. Ау!..

Иванъ Ѳедотычъ. Тфу!.. какъ ты меня испугалъ, сáве-ву́, такъ что я ужъ и не знаю... *(Илья Иванычъ хохочетъ)*. Нечего смѣяться... Ну, еслибъ ты такъ съ княземъ сдѣлалъ, съ нашимъ дорогимъ гостемъ, чтобы онъ о тебѣ подумалъ, сáвеву?.. *(Они входятъ въ комнату)*.

Илья Иванычъ. А чортъ его возьми, чтобы онъ ни подумалъ!..

Иванъ Ѳедотычъ. Гордиться надо имъ! Князь! дальній нашъ родственникъ. Со всею знатью знакомъ! А ты никакого деликатнаго обращенія не знаешь... Вѣдь ты Индюковскій! Сáвеву́!.. Ни одѣться не умѣешь, ни манеръ этакихъ, сáвеву́, никакихъ нѣтъ.

Илья Иванычъ. Нѣтъ; я, вотъ видите, человѣкъ простой. Учился, многому не выучился; служилъ, многаго не выслужилъ; я не служака и не ученый, но и не дуракъ. Я добрый малой, батюшка. Я не въ свои сани не сажусь, видите ли: вы вотъ гостей принимаете; знакомствомъ дорожите съ графами да князьями, а я съ утра въ полѣ смотрю за работами да за умолотомъ. Оттого я загорѣлъ и руки у меня потрескались... нельзя же въ палевыхъ перчаткахъ на гумно ходить... я и хлѣбъ молочу, я его считаю... я его продаю... я же за него вамъ денежки отсчитываю... вотъ я какой человѣкъ, батюшка!..

Иванъ Ѳедотычъ. Пустой, сáвеву́, самый пустой, на то есть управитель... Да что съ тобой говорить, тебя не передѣлаешь, не придать въ двадцать-восемь лѣтъ того комъ-иль-фо, которое видно въ отцѣ и братѣ. Не вобьешь въ голову, что ты Индюковскій!.. Нечего съ тобой и говорить, сáвеву́. *(Хочетъ идти)*.

Илья Иванычъ. Позвольте, батюшка, на минуту...

Иванъ Ѳедотычъ. Э, поди, ты ничего, сáвеву́, не понимаешь.

Илья Иванычъ. Выслушайте только меня.

Иванъ Ѳедотычъ *(остановясь въ полуоборотъ)*. Ну?..

Илья Иванычъ. Я влюбленъ!..

Иванъ Ѳедотычъ *(возвращаясь)*. Опять, сáвеву́...

Илья Иванычъ. Опять, батюшка... да-съ... я не хочу быть холостымъ; вы были женаты... я это знаю лучше всѣхъ... почему-жъ бы и мнѣ тоже не...

Иванъ Ѳедотычъ. Жениться?.. Очень хорошо, только, сáвеву́, на комъ? Женись, какъ братъ твой, на княжнѣ, хоть и бѣдной, да все-таки на княжнѣ, на аристократкѣ... Вѣдь ты самъ не кто-нибудь такой, ты Индюковскій, чортъ возьми!..

Илья Иванычъ. Ну, нѣтъ, батюшка, покорно благодарю. Хороша аристократка. Все съ хлыстомъ да съ собаками. Верхомъ скачетъ, изъ пистолетовъ стрѣляетъ, прыгаетъ, только что не кувыркается. А братъ-то, дуракъ, такъ ослѣпленъ, что всѣ ея глупости приписываетъ уму и учености. Она его такъ осѣтила... такъ, что Боже упаси!.. Бѣда съ этими учеными! Женщина должна изучить науку любить мужа, быть доброю матерью, хорошею хозяйкой и кроткою съ людьми. И я нашелъ такое сокровище!.. Она молода, умна, мила, образована, скромна... однимъ словомъ, я люблю Машеньку...

Иванъ Ѳедотычъ. Нейманъ? Сироту?.. Машеньку?..

Илья Иванычъ *(кладя обѣ руки ему на плечо)*. Батюшка! успокойтесь...

Иванъ Ѳедотычъ *(отталкивая его)*. Прочь, сáвеву́! и слышать не хочу! Кто такой Нейманъ? Кто ея отецъ?..

Илья Иванычъ. Былъ честный человѣкъ...

Иванъ Ѳедотычъ. Что онъ генералъ былъ, сáвеву́, или сенаторъ? Что у ней есть такое, у твоей Машеньки, сáвеву́?..

Илья Иванычъ. Сердце, полное любви и благородства...

Иванъ Ѳедотычъ. Приданое-то, я говорю, какое? Ну, да это еще ничего бы: Индюковскіе люди богатые, извѣстные, не только здѣсь, даже и въ Москвѣ, можетъ быть и въ Петербургѣ. Мой дѣдъ былъ женатъ на баронессѣ, отецъ на графинѣ, я на княгинѣ, сынъ на княжнѣ, ты на комъ, сáвеву́? Какія у ней связи?..

Илья Иванычъ. Она связана со мной сердцемъ и эта связь неразрывная. Она дѣвушка благородная, была воспитана княгиней Черноземовой, матерью жены моего брата. Со смертью княгини она лишилась послѣдней защиты. Сирота круглая, она нашла въ нашей семьѣ родню, въ женѣ брата могла бы имѣть друга; но они такъ различны... Въ три года, какъ она живетъ у насъ, я могъ оцѣнить ее... и люблю ее больше жизни... я прошу у васъ согласія на нашу свадьбу...

Иванъ Ѳедотычъ. Никогда! Чтобы я, Индюковскій... никогда!.. она кокетка, сáвеву́, глазки я чай строитъ.

Илья Иванычъ. Батюшка, не оскорбляйте ее хоть при мнѣ...

Иванъ Ѳедотычъ. Ну, да ужъ пожалуйста... я чай, и къ тому,

и къ другому, и къ третьему; да и нашему гостю, я, чай, однимъ глазкомъ подмигиваетъ... сáвеву́...

Илья Иванычъ. Князю Иволгину? Этому франту? на это способна только супруга моего братца!..

Иванъ Сидотычъ. Они сошлись какъ люди высшаго круга, какъ аристократы...

Иванъ Иванычъ. А мы съ Машенькой сошлись, какъ люди низкаго круга, какъ степные помѣщики!...

Иванъ Сидотычъ *(внѣ себя).* Довольно, сáвеву́! какъ сошлись такъ и разойдетесь! Я и слышать не хочу!.. Да что, коли на то пойдетъ, я буду примѣчать и тебѣ покажу, какъ она будетъ съ княземъ разные этакіе сáвеву́ дѣлать! Я тебѣ покажу! Господи! дожилъ до какого униженія! Индюковскій... на комъ? Тфу!.. даже гадко, сáвеву́... гадко... *(Уходитъ).*

III.

ИЛЬЯ ИВАНЫЧЪ. Въ саду показываются ОЛЬГА ЛЬВОВНА и КНЯЗЬ. На Ольгѣ Львовнѣ нарядъ оригинальный. На головѣ мужская фуражка—плоская, бархатная; въ рукѣ хлыстикъ; на рукѣ четки.

Илья Иванычъ *(идя за отцомъ).* Позвольте, батюшка... ушелъ! Не слушаетъ! Впрочемъ, сердце возьметъ верхъ надъ предразсудкомъ *(Въ это время Князь и Ольга Львовна взошли на террассу).* Не можетъ быть, чтобъ онъ не согласился! Пойти однако поискать Машеньку и сказать ей наше горе. Бѣдная дѣвочка такъ меня любитъ. *(Ольга Львовна въ дверяхъ сильно ударяетъ объ полъ эластическимъ мячикомъ, которымъ играла... мячикъ прыгаетъ по комнатѣ).* Что, что?.. А! это еще одна изъ забавъ нашей аристократки... Уйти поскорѣе. *(Идетъ къ двери налѣво отъ зрителей).*

Ольга Львовна. Кого вы испугались, братецъ? меня, князя или мячика?..

Илья Иванычъ *(уходя).* Мячика, сестрица... боюсь быть вашею игрушкою...

Ольга Львовна. Князь, подымите мячикъ... *(Ивану Ильичу).* Вы думаете, я васъ заставлю прыгать?..

Илья Иванычъ *(въ дверяхъ).* Не съумѣете, я не такой эластическій...

Князь. Куда же это вы такъ стремитесь, Илья Иванычъ?...

Илья Иванычъ. Я ищу Марью Ивановну. Не видали-ли вы Марью Ивановну, сестрица?..

Ольга Львовна. Что мнѣ за дѣло до вашей Марьи Ивановны, она меня такъ мало интересуетъ... *(Бросаетъ мячикъ князю).*

Илья Иванычъ *(увидя Машеньку въ саду).* А! вотъ она!.. *(Отходитъ отъ боковой двери и выходя въ балконную, подходитъ въ саду къ Машенькѣ и говоритъ съ ней во время начала этой сцены, потомъ уходятъ оба).*

Князь *(поймавъ мячикъ).* А вѣдь она мила... Машенька... *(Бросаетъ мячикъ).*

Ольга Львовна *(поймавъ).* Вы находите?.. Она вамъ нравится? *(Бросаетъ).*

Князь *(ловитъ).* Какъ многія... какъ всѣ... но есть такія лица... которыя...

Ольга Львовна *(ловитъ).* Которыя?.. которыя что?.. *(Бросаетъ).*

Князь *(ловя).* Остаются навсегда въ памяти, глубоко врѣзываются въ сердце... *(Бросая).* Ловите...

Ольга Львовна *(поймавъ).* И вы это испытали?.. *(Бросаетъ).*

Князь. Испытываю, ровно мѣсяцъ... съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь. *(Мячикъ падаетъ).* Ахъ!

Ольга Львовна *(хочетъ поднять мячикъ, Князь тоже, ихъ руки встрѣчаются, князь ее схватываетъ).* Что вы дѣлаете?..

Князь *(подымаясь и держа ея руку).* Испытываю каждую минуту, когда я только съ вами...

Ольга Львовна *(всторону).* Наконецъ-то довела почти до признанія... *(Ему).* Хорошо, только пустите мою руку!..

Князь *(страстно).* Испытываю потому, что люблю васъ болѣе жизни...

Ольга Львовна *(бьетъ его по рукѣ).* Дерзкій! какъ вы смѣете?..

Князь *(пуская ея руку).* Люблю за вашу красоту, оригинальность, умъ, любезность...

Ольга Львовна. Будетъ, будетъ!!!

Князь. Вы не хотите слушать говоръ сердца...

Ольга Львовна. А вы надѣетесь, что на этотъ говоръ...

Князь. Вы скажете слово любви?.. Нѣтъ... Это невозможно... вы шутите, забавляетесь... глаза ваши говорятъ неправду... вы меня не любите... вы играете мною... какъ...

Ольга Львовна. Какъ этимъ мячикомъ, хотите вы сказать?.. Это тсаро... *(Князь подымаетъ мячикъ).*

Князь. Вамъ жизнь игрушка... вы всегда играете... *(Кладетъ мячикъ на столъ).*

Ольга Львовна *(снявши ранье съ руки четки).* Чѣмъ-нибудь всегда... Смотрите... я задумаю... *(Зажмурившись отдѣляетъ двумя пальцами каждой руки наугадъ нѣсколько зеренъ).* Четъ или нечетъ?

Князь. Нéчетъ...

Ольга Львовна. Въ-самомъ-дѣлѣ? Ну еще! *(Опять та же игра)* Четъ?

Князь. Нéчетъ. О чемъ вы задумали?

Ольга Львовна. Постойте... до трехъ разъ... Ну, теперь? *(Опять таже игра).*

Князь. Опять нéчетъ? да о чемъ вы задумали?..

Ольга Львовна. Вѣрить вамъ или нѣтъ?.. Ну... теперь вы задумайте... возьмите... *(отдаетъ четки).*

Князь *(взявъ четки).* Хорошо, я задумалъ. *(Также, какъ она отдѣливъ нѣсколько зеренъ).* Смотрите...

Ольга Львовна. Четъ!..

Князь (*съ притворной радостью*). Не можетъ быть! какое счастье!

Ольга Львовна. Ну, еще разъ.

Князь. Съ меня довольно...

Ольга Львовна. Да о чемъ вы задумали?

Князь Любите ли вы меня... и вышло—да...

Ольга Львовна (*кокетливо*). Какъ вы смѣли гадать объ этомъ?

Князь. Какъ мнѣ не смѣть, когда отъ этой разгадки зависитъ жизнь моя, мое счастье.

Ольга Львовна (*надувши губки*). Подайте четки!..

Князь (*отдавая*). Когда я живу, дышу только вами, когда ваше слово мнѣ законъ, взглядъ—приговоръ, улыбка—блаженство... (*Въ это время она, надѣвъ четки на руку, вынула изъ кармана биль-бо-кэ, игрушку, состоящую изъ чашечки на палочкѣ, къ которой на ниточкѣ привязанъ шарикъ*). Но вы меня не слушаете, вы занялись опять какою-то игрушкою...

Ольга Львовна (*попадая шарикомъ въ чашку*). А вы умѣете такъ попадать?

Князь (*разсѣянно отвѣчая и впадая въ прежній тонъ*). Вамъ все забава, а мнѣ хоть въ петлю лѣзть.

Ольга Львовна (*играя и какъ будто его не слышитъ*). Три... четыре...

Князь. Ваша холодность доведетъ меня до отчаянія. Я боюсь, что эта любовь пуститъ такіе корни въ мое сердце, что послѣ и не вырвешь... И потому я рѣшился ѣхать, бѣжать отъ васъ, отъ любви... я ѣду завтра... (*Въ это время Машенька, показавшаяся въ саду, входитъ, никѣмъ незамѣченная, на террассу, нѣсколько времени видна потомъ въ главной двери; потомъ проходитъ въ боковую дверь, нальво отъ зрителей, и видна за драпировкой. Она слушаетъ съ любопытствомъ*).

Ольга Львовна. Завтра?..

Князь. Но прежде, нежели я уѣду... я долженъ еще разъ видѣть... я не смѣю назначить вамъ свиданія... но если вы приколете къ груди пунцовую камелію, то это будетъ значить, что вы мнѣ позволите съ вами проститься... Въ саду, въ павильонѣ, въ семь часовъ.. я буду ожидать васъ... ждать, или нѣтъ— скажетъ мнѣ пунцовая камелія... Вы меня не слушаете?.. Ольга Львовна?..

Ольга Львовна. Пари, что вы и пяти разъ не попадете сряду?

Князь. Пари, объ чемъ?

Ольга Львовна. Если вы проиграете, вы должны... Что бы такое... выпрыгнуть въ окно.

Князь. Въ окно? (*Подходя къ окну*). Только на аршинъ? (*Ей*) Извольте! для васъ жертвую жизнію! Еслижъ я выиграю?

Ольга Львовна. Я позволю вамъ поцѣловать мою ручку.

Князь. Непремѣнно выиграю! (*Ѳедотъ Иванычъ показывается въ саду*).

Ольга Львовна (*отдавая биль-бо-кэ*). Увидимъ! (*Князь играетъ*). Разъ!

Князь. Два, три...

Ольга Львовна. Четыре!..

Князь. Пять!.. выигралъ!.. рука моя! О, какъ я люблю васъ... (*Цѣлуетъ съ жаромъ ея руку. Ѳедотъ Иванычъ въ дверяхъ. Машенька при его появленіи прячется*).

IV.

ТѢ ЖЕ и ѲЕДОТЪ ИВАНЫЧЪ.

Ѳедотъ Иванычъ. Что я вижу?..

Ольга Львовна. Мужъ! не бойтесь... ничего, это мое дѣло!

Князь. Однако жъ, все-таки очень непріятно...

Ольга Львовна. Ахъ, папочка, это ты?.. *(Лаская его).* Старый... старый... старый...

Федотъ Иванычъ *(князю).* Будто я старый?

Ольга Львовна *(также).* Лысый... лысый... лысый.

Федотъ Иванычъ *(князю).* Будто я лысый?..

Ольга Львовна *(нѣжно).* Противный... противный...

Князь *(ему).* Это значитъ: милый, добрый, славный...

Федотъ Иванычъ. Я знаю, она всегда говоритъ не то, что чувствуетъ... я знаю...

Ольга Львовна *(подавая князю руку).* Продолжайте.

Князь *(не зная, что дѣлать).* Какъ?..

Ольга Львовна. Цѣлуйте... цѣлуйте...

Князь. О!.. я... извольте. *(Цѣлуетъ разъ).*

Ольга Львовна *(все протягивая руку).* Папочка, видишь? *(Князь цѣлуетъ еще).*

Федотъ Иванычъ. Вижу.

Ольга Львовна. Князь поклялся ненавидѣть женщинъ и никогда не цѣловать у нихъ рукъ, потому что они этого не стоятъ. *(Князю).* Еще. *(Князь цѣлуетъ).*

Федотъ Иванычъ. Однакожъ, клятву-то вы князь не сдержали...

Ольга Львовна. Я помирила его съ женщинами. Теперь онъ кого-нибудь полюбитъ и осчастливитъ какую-нибудь блондинку или брюнетку, какъ ты меня *(нѣжно)*, мой лысый, мой старый...

Федотъ Иванычъ. Я зналъ, что это все съ благороднымъ намѣреніемъ, съ какою-нибудь нравственною цѣлью. Представьте, разъ одинъ нашъ знакомый молодой человѣкъ, такой красивый, влюбился въ одну молодую вдову и хотѣлъ на ней жениться. Олинька нашла, что въ этой женитьбѣ его погибель, начала его заводить, заводить, и довела до того, что отвела отъ женитьбы... Она всегда съ нравственною цѣлью!..

Ольга Львовна. Ну, полно, папочка, ты все вздоръ говоришь.

Федотъ Иванычъ *(князю).* Не любитъ, чтобъ ее хвалили... напротивъ, чтобъ осуждали... Рѣдкая женщина! Однако, батюшка ждетъ насъ чай пить въ липовой бесѣдкѣ... Пойдемъ, Олинька.

Ольга Львовна. Пойдемъ! постой!.. возьми *(Даетъ ему мячикъ).* Возьми. *(Даетъ биль-бо-кэ).* Постой... возьми *(Беретъ большое сюрсо и надѣваетъ его ему на шею).* Не знаешь своей обязанности.

Федотъ Иванычъ. Ну, пойдемъ!..

Ольга Ивановна. Постой!.. возьми еще!.. *(Даетъ ему двѣ палки отъ сюрсо, по одной подъ каждую мышку. Онъ навьюченный идетъ тихо къ двери. Ольга Львовна, щелкая хлыстикомъ.)* Да иди же скорѣе!..

Ѳедотъ Иванычъ *(подпрыгнувъ, князю)*. Шалитъ, какъ ребенокъ!.. *(идетъ)*.

Ольга Львовна *(князю тихо)*. Бѣдность заставила княжну Черноземову выйти за этого человѣка, но сердце...

Князь *(тихо)*. Сердце заставитъ ее украсить грудь пунцовою камеліей... *(Мужъ оглядывается. Князь цѣлуетъ ея руку. Она быстро ее отдергиваетъ и догоняя мужа опять щелкаетъ хлыстомъ)*. Да иди же, папочка!

Ѳедотъ Иванычъ *(подпрыгивая)*. Ой!.. боюсь въ дверяхъ зацѣпиться... *(Проходитъ. Она ему на голову надѣваетъ свою фуражку, князь на срединѣ сцены, глядя въ дверь, куда скрылась Машенька)*.

Князь *(всторону)*. Я вижу Машеньку! Она идетъ сюда!.. Прекрасно!...

Ольга Львовна *(въ дверяхъ)*. Вы, князь, пойдете съ нами?

Князь. Я за вами... сію минуту!.. *(Ольга Львовна съ мужемъ входятъ въ садъ и исчезаютъ.)* Моя метода такая: ухаживать всегда за двумя женщинами вдругъ, вопреки пословицѣ о зайцахъ, которая несправедлива. Отъ одной отказъ, у другой успѣхъ. По-крайней-мѣрѣ время не потеряно. Чудная метода!.. Вотъ и другая моя пассія на лицо! Что-то будетъ? Чудное житье въ деревнѣ... Которая однакожъ мнѣ больше нравится? Обѣ! рѣшительно обѣ! Какое бы принять положеніе? А?.. *(Беретъ книгу, садится направо на диванъ и читаетъ)*.

V.

МАШЕНЬКА, КНЯЗЬ, потомъ ИВАНЪ ѲЕДОТЫЧЪ.

Машенька *входитъ въ дверь, куда спряталась, нальво отъ зрителей. Всторону.)* Онъ здѣсь еще! Я слышала, чего онъ отъ нея требуетъ, я слышала все, и хоть она, съ нѣкотораго времени, изъ ревности можетъ быть, обращается со мною холодно, все равно: она дочь моей благодѣтельницы, дочь моей второй матери, и я должна ее спасти... это моя обязанность. Но какъ? Притвориться, завлечь его?.. мудрено. Играть тѣмъ чувствомъ,

которое такъ свято берегу для другаго! Но дѣлать нечего, попробуемъ... Гмъ... гмъ!..

Князь *(всторону)*. Кашляетъ!

Машенька *(всторону)*. Читаетъ! какъ привлечь его вниманіе? А?.. *(Стучитъ стуломъ, что у столика, и садится на него.)*

Князь *(всторону)*. Стучитъ... нечего дѣлать... *(ей)*. А это вы?...

Машенька *(также)*. А?.. это вы?..

Князь *(всторону)*. Не умѣетъ, миленькая, притворяться-то... *(ей)*. Я и не видалъ, какъ вы вошли.

Машенька. И я тоже васъ не замѣтила...

Князь. Однако, проискавъ васъ долго, рѣшился здѣсь ожидать васъ... читалъ и думалъ... объ васъ.

Машенька. И думали обо мнѣ и ждали меня?

Князь *(всторону)*. Не вѣритъ, душечка. *(Ей)* Да, васъ; кого же больше?

Машенька. Я полагаю, вы ждали кого-нибудь кто лучше меня, любезнѣе... оригинальнѣе..

Князь *(всторону)*. Ревнуетъ, глупенькая... *(Ей)*: На кого же это вы намѣкаете?..

Машенька. Здѣсь, кромѣ меня, одна только женщина; понять не трудно..

Князь. И вы думаете, что я ждалъ ее?..

Машенька. Увѣрена...

Князь. Еслижъ я скажу вамъ, что я ждалъ только васъ, что съ тою женщиной я только забавляюсь, что она для меня игрушка, и больше ничего; если я скажу вамъ...

Машенька. Не повѣрю.

Князь. Клянусь вамъ, что я не могу любить такой женщины, не смотря на ея умъ и ловкость...

Машенька. Отчего же?

Князь. Оттого, что любовь ростетъ съ препятствіями, съ затрудненіями и я... я, слабый человѣкъ, не люблю ее потому, что она меня любитъ!

Машенька. Возможно ли! *(Всторону)*. И онъ это замѣтилъ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь я должна спасти ее. *(Ему)*. И вы, не смотря на это, говорите ей о любви?

Князь. Я дѣлаю болѣе, я требую доказательства... Пунцовая камелія рѣшитъ все. Если она пришпилитъ ее къ груди своей, то... *(Въ это время Ольга Львовна въ саду срываетъ камелію*

съ горшка, который стоитъ на тумбѣ, прикалываетъ и скрывается).

Машенька (*увидя*). Боже! она срываетъ камелію! она погибла!

Князь. Но что съ вами?.. вы въ такомъ волненіи.

Машенька. И вы еще спрашиваете? (*Въ это время Иванъ Ѳедотычъ входитъ въ боковую дверь съ лѣвой стороны*). Вы не знаете, что́ такое ревность?.. (*Всторону*). Я задыхаюсь (*Ему*) Видѣть васъ у ногъ другой... когда... когда я люблю васъ...

Князь. Вы?.. (*Всторону*). Бѣдная голубка! (*Ей*). Вы меня любите!.. И я, и я васъ тоже...

Машенька (*всторону*). Низкій человѣкъ. (*Ему съ радостью*). Вы меня любите? Стало быть, вы пожертвуете ею для меня.

Иванъ Ѳедотычъ (*въ дверяхъ, всторону*). Са́вевý, что я слышу?..

Машенька. Стало быть, вы не пойдете на это свиданіе?..

Иванъ Ѳедотычъ (*всторону*). Свиданіе, савеву? ай да скромница!..

Князь. Да, только съ однимъ условіемъ...

Машенька. Съ условіемъ... я слушаю...

Князь (*тихо*). Приколоть пунцовую камелію, которая мнѣ докажетъ, что я могу ожидать васъ здѣсь въ семь часовъ. (*Машенька закрываетъ лицо руками и опускается въ кресло*).

Ѳедотъ Иванычъ. Вишь какія затѣи, савеву... да все равно... увижу по цвѣтку какова она ягодка, савеву...

Князь (*къ публикѣ*). Теперь я васъ спрашиваю: какова моя метода?.. (*Идетъ къ двери*). А! Иванъ Ѳедотычъ? вы были здѣсь?..

Иванъ Ѳедотычъ (*въ затрудненіи*). Нѣтъ, я не былъ... я, савеву... шелъ изъ саду... въ садъ... я... за вами... чай пить...

Князь. А? пойдемте, пойдемте почтеннѣйшій Иванъ Ѳедотычъ!.. (*Всторону*). Онъ ничего не слыхалъ.

Иванъ Ѳедотычъ. Пойдемте, князь... (*Всторону*). Ну, да ужъ я васъ подкараулю, а Илья-то съ дуру хотѣлъ, савеву... жениться...

Князь. Что́ вы говорите?

Иванъ Ѳедотычъ. Нѣтъ, такъ... ничего... са́вевý... (*Сходятъ въ садъ. Машенька подымаетъ голову*).

VI.

МАШЕНЬКА, потомъ ИЛЬЯ ИВАНЫЧЪ, потомъ ѲЕДОТЪ ИВАНЫЧЪ, потомъ ИВАНЪ ѲЕДОТЫЧЪ.

Машенька. Что мнѣ дѣлать? Одно средство спасти ее!.. но надо подумать и о своемъ спасеніи... Я жертвую многимъ: моею любовью, добрымъ именемъ, можетъ быть; но я люблю ее, какъ сестру, какъ дочь моей благодѣтельницы и готова на все... рѣшено. *(Дѣлаетъ выразительный жестъ рукою и бѣжитъ на балконъ и въ садъ, гдѣ видно, какъ она срываетъ камелію. Въ это время входитъ въ боковую дверь Илья Иванычъ).*

Илья Иванычъ. Нигдѣ не найду Машеньки!.. А, да вотъ она! *(Машенька входитъ).* Что вы здѣсь дѣлали?..

Машенька. Срывала цвѣтокъ! *(Прикалываетъ его).* Еслибъ онъ зналъ для чего?..

Илья Иванычъ. А мы васъ ждали чай пить. Но что съ вами, вы такъ встревожены?..

Машенька. Ничего, пройдетъ...

Илья Иванычъ. Васъ огорчаетъ суровость батюшки, но онъ одумается и позволитъ... въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Машенька (*съ тихою грустью*). Я бы не желала только сомнѣваться въ вашей ко мнѣ привязанности...

Илья Иванычъ. Я люблю васъ просто, и сильно, такова моя натура.

Машенька. Люди злы!.. Если вамъ скажутъ, что я васъ недостойна, что вы сдѣлаете?

Илья Иванычъ. Ротъ зажму всякому. Ужъ у меня обычай таковскій—Индюковскій! такова ужъ моя натура... однимъ словомъ... я люблю васъ...

Машенька (*взявъ его за руку*) Благодарю.

Илья Иванычъ. Но что вы такія скучныя? пойдемте въ садъ.

Машенька. Нѣтъ... мнѣ нужно написать одно письмо... нынче посылаютъ въ городъ. (*Встороиу*). Первая ложь!

Илья Иванычъ. До свиданія. Дайте ручку. (*Она подаетъ. Онъ цѣлуетъ*). И вы меня любите?

Машенька (*долго смотритъ ему въ глаза*) Очень!..

Илья Иванычъ. О, милая!.. (*Еще разъ цѣлуетъ*). Да я за васъ, чортъ знаетъ, что готовъ сдѣлать! до свиданія!.. (*Уходитъ въ садъ*).

Машенька. Простой, добрый, милый человѣкъ. Вся душа на

лицъ. Однако, надо предупредить Ольгу... Но какъ? напишу ей. (*Садится къ столику*).

Ѳедотъ Иванычъ (*вбѣгаетъ въ боковую дверь направо отъ зрителей. У него въ одной рукѣ зонтикъ, въ другой шляпка, на плечахъ накинута шаль*). Олинька, Олинька! не видали вы Олиньку?

Машенька (*приготовляясь писать*). Нѣтъ!

Ѳедотъ Иванычъ. Она мнѣ приказала принести шляпку, зонтикъ и шаль, а куда — я или не разслышалъ, или забылъ... Куда бишь? и для чего бы!

Машенька. Гулять вѣрно идетъ!..

Ѳедотъ Иванычъ. Куда же гулять вечеромъ? Впрочемъ, вѣрно съ какой-нибудь нравственною цѣлью. Пойду искать Олиньку. (*Уходитъ*).

Машенька. Сказать ей было бы и проще и короче; но она меня видимо избѣгаетъ... (*Пишетъ. Иванъ Ѳедотычъ, входя въ боковую дверь справа отъ зрителей и видя Машеньку, останавливается*).

Иванъ Ѳедотычъ (*всторону*). Пишетъ, савеву? Вѣрно любовную записку... кто бы могъ подумать, что она, этакая по наружности скромная, савеву, могла быть способна на такія вещи!

Машенька (*перечитавъ*). Кажется, такъ хорошо. Съ кѣмъ бы послать?..

Иванъ Ѳедотычъ (*всторону*). Постой, вотъ я тебя поймаю... обернется, увидитъ меня, сконфузится... савеву... и пойдетъ катавасія...

Машенька. Отдамъ ея горничной... (*Случайно взглянувъ въ балконную дверь, видитъ, что Ольга Львовна и Ѳедотъ Иванычъ входятъ*). А, да вотъ она сама! прекрасно! (*Встаетъ*).

VII.

МАШЕНЬКА, ОЛЬГА ЛЬВОВНА, ѲЕДОТЪ ИВАНЫЧЪ, ИВАНЪ ѲЕДОТЫЧЪ, потомъ КНЯЗЬ.

Иванъ Ѳедотычъ (*все въ глубинѣ*). Ай, помѣшали!.. экая досада.

Ольга Львовна (*входя и невидя Ивана Ѳедотовича, мужу*). Положи, папочка, все это на диванъ...

Ѳедотъ Иванычъ (*неся шаль, шляпку, зонтикъ, галоши и перчатки*). Положу, матушка... (*Ольга Львовна щелкаетъ хлыстомъ. Онъ подпрыгиваетъ*). Ой!.. полно шалить!

Машенька (*всторону*). Минуты дороги... я ей скажу сама... (*Отходитъ отъ стола*).

Иванъ Ѳедотычъ (*всторону*). Письмо-то, глупая, на столѣ оставила...

Ольга Львовна (*всторону*). Что это значитъ? на ней тоже пунцовая камелія?..

Машенька (*подходя къ ней*). Мнѣ нужно съ вами говорить. (*Иванъ Ѳедотычъ крадется къ столу, пока Ѳедотъ Иванычъ укладываетъ бережно вещи жены на диванъ и стоитъ къ отцу спиной*).

Ольга Львовна (*холодно*). Говорите, я васъ слушаю.

Машенька. Я должна говорить съ вами безъ свидѣтелей.

Ольга Львовна. Какая таинственность! (*Всторону*). Зачѣмъ на ней камелія?

Иванъ Ѳедотычъ (*беретъ со стола записку, написанную Машенькой*). Теперь она въ моихъ рукахъ, савеву! Свадьбы не бывать! Индюковскіе спасены! (*Отходитъ къ окну и читаетъ, ни на кого не обращая вниманія.*)

Машенька. Устройте прогулку, придумайте что-нибудь и удалите всѣхъ... это необходимо!..

Ольга Львовна. Мы съ вами точно на сценѣ... но дѣлать нечего... давай играть комедію!..

Машенька. Вы останетесь?..

Ольга Львовна. Да... (*Машенька дѣлаетъ радостный жестъ*).

Ѳедотъ Иванычъ (*всторону*). Что это они шепчутся? Жена ей вѣрно наставленіе читаетъ. Она всегда съ нравственною цѣлью! (*Садится на диванъ*).

Машенька (*увидя ходящаго князя*). Князь! (*Отходитъ на аван-сцену налѣво отъ зрителей*).

Князь (*входитъ изъ саду*). На обѣихъ по камеліи!

Ольга Львовна (*всторону*). Что она такое хочетъ сказать мнѣ? и зачѣмъ на ней камелія?

Князь (*всторону*). Нѣтъ, какова моя метода!

Иванъ Ѳедотычъ (*смотря въ записку*). Въ семь часовъ! хорошо жъ... савеву... подкараулю!.. (*Незамѣтно проходитъ по сценѣ къ той двери, которая на аван-сценѣ съ лѣвой отъ зрителей*). Какъ бы ускользнуть?.. савеву?... (*вертится около двери*).

Князь. Которой же изъ двухъ дать преимущество? разумѣется Машенькѣ.

Ѳедотъ Иванычъ (*отцу*). А, батюшка! и вы здѣсь?..

Иванъ Ѳедотычъ. Да.. и я здѣсь... и я, савеву. (*Всторону*).

Вѣчно помѣшаютъ! Я думалъ никто не видитъ; все равно, я изъ саду пройду и въ эту дверь все увижу... нѣтъ, я, саѣвеву... васъ поймаю!.. (*Подходитъ къ сыну и показываетъ ему записку*).

Князь (*къ Машенькѣ, тихо*). До семи часовъ не долго...

Машенька. Но до-тѣхъ-поръ уйдите... умоляю васъ...

Ольга Львовна (*всторону*). Объ чемъ они могутъ шептаться?..

Ѳедотъ Иванычъ (*громко*). Ахъ, чортъ возьми, скажите пожалуйста!..

Иванъ Ѳедотычъ (*зажимаетъ ему ротъ*). Молчи, саѣвеву, до поры до времени...

Ѳедотъ Иванычъ. Молчу, батюшка, только что это такое?.. (*Указывая на жену*). Вотъ женщина! У ней все съ нравственною цѣлью!

Иванъ Ѳедотычъ (*Увидя у Ольги камелію*). Ай! и на ней? Ничего не понимаю, но дай срокъ!

Князь (*Ольгѣ Львовнѣ*). Вы, кажется, хотѣли покататься въ лодкѣ послѣ чаю, позвольте предложить вамъ мою руку?..

Ольга Львовна. Нѣтъ... я раздумала... у меня голова болитъ; до другаго разу! (*Громко*). Папочка! (*Тотъ подбѣгаетъ*). Покажи князю мою лодку, покатай князя...

Ѳедотъ Ивановичъ. Я съ удовольствіемъ... если ты прикажешь... Угодно вамъ, князь?

Князь (*вздохнувъ*). Пойдемте кататься въ лодкѣ. (*Проходя мимо Машеньки*). Я исполняю ваше желаніе... Теперь я ухожу.. чтобъ скоро возвратиться... пойдемте...

Ольга Львовна (*съ досады хлопая хлыстомъ мужу*). Ступай же. (*Онъ подпрыгнулъ и идетъ съ княземъ*). Досадно, какъ они перешептываются.

Князь (*въ дверяхъ*). А вы не съ нами, почтеннѣйшій Иванъ Ѳедотычъ?..

Иванъ Ѳедотычъ. Нѣтъ, я, саѣвеву... что-то не расположенъ... Холодно... Я пойду къ себѣ... въ кабинетъ (*особо*). Объ прикололи!.. что за дьявольщина? измучился я, саѣвеву... (*Князь и Ѳедотъ Иванычъ уходятъ въ садъ, а Иванъ Ѳедотычъ идетъ въ боковую дверь*). Обойду кругомъ и поймаю ихъ, саѣвеву, на самомъ мѣстѣ преступленія! (*уходитъ*).

VIII.

МАШЕНЬКА и ОЛЬГА ЛЬВОВНА.

Ольга Львовна (*холодно*). Наконецъ, мы одни... говорите, я васъ слушаю...

Машенька. Вы... васъ... давно ли мы иначе называли другъ друга?.. Давно ли мы были сестры, друзья, мы — росшія вмѣстѣ, давно ли стали такъ чужды другъ друга?.. Не я первая сказала это холодное вы... не я .. и видя вашу холодность, хотѣла писать вамъ, и начала было, но вы вошли и письмо осталось неоконченное на столѣ...

Ольга Львовна (*холодно*). Какое длинное вступленіе?.. вы хотѣли мнѣ сообщить что-то?..

Машенька (*кротко*). Вы безжалостны; но вы добры и, вопреки сердцу, хотите меня ненавидѣть, и не умѣете. Вы еще любите меня, я знаю, и потому, какъ прежнему другу, сестрѣ, скажите мнѣ...

Ольга Львовна (*прерывая*). Позвольте... зачѣмъ вы лишили меня удовольствія кататься въ лодкѣ?.. я не расположена сантиментальничать... Еще разъ: что вы хотите мнѣ сказать?..

Машенька (*обиженная, принимаетъ тонъ Ольги*). Я хотѣла у васъ спросить: что значитъ эта камелія? (*указываетъ на грудь Ольги*).

Ольга Львовна (*хохочетъ*). Извините, что я безъ *вашего* позволенія смѣла сорвать цвѣтокъ въ *моемъ* саду. Впрочемъ, я могу вамъ сдѣлать тотъ же вопросъ: что значитъ эта камелія? (*указываетъ на грудь Машеньки*).

Машенька. Такъ ваша камелія не имѣетъ никакого значенія?..

Ольга Львовна. Никакого. Но еслибъ она его и имѣла, то странно спрашивать и еще страннѣе отвѣчать...

Машенька. Моя камелія имѣетъ значеніе, потому-то я думала, что и ваша тоже...

Ольга Львовна. Я слишкомъ много знаю свѣтъ, чтобъ спросить у васъ, какое...

Машенька. Я до того мало знаю свѣтъ, что сама скажу вамъ ея значеніе. Эта камелія на груди моей даетъ право князю Иволгину придти сюда въ семь часовъ, сюда, гдѣ я, одна, буду ожидать его.

Ольга Львовна (*встревожена*). Возможно-ли?

Машенька. Я понимаю ваше удивленіе... но я сказала правду...

Ольга Львовна *(въ волненіи)*. Не можетъ быть!

Машенька *(просто)*. Это очень натурально... Князь меня любитъ...

Ольга Львовна *(внѣ себя)*. Васъ?.. это ложь, клевета...

Машенька *(лукаво, но не зло)*. Ужъ ваша камелія не имѣла ли тоже самое значеніе?..

Ольга Львовна. Онъ любитъ васъ?.. это невозможно!.. не вѣрю...

Машенька. Вы убѣдитесь только тогда, когда сами услышите и увидите его у ногъ моихъ...

Ольга Львовна *(почти съ презрѣніемъ)*. И вы рѣшились принять его предложеніе?..

Машенька *(съ достоинствомъ, значительно)*. Я не замужемъ... я свободна... у меня нѣтъ обязанностей... семейства...

Ольга Львовна *(понявъ урокъ)*. О, Боже мой!.. какое мученіе!.. *(Князь показывается вдали, но не видитъ Ольги)*.

Машенька. Но вотъ и онъ... я вижу его въ саду...

Ольга Львовна. Князь!.. О! я хочу убѣдиться... все видѣть, все слышать!..

Машенька *(быстро)*. Скорѣй!.. сюда!.. я закрою васъ драпировкой... Скорѣй, скорѣй!.. *(Прячетъ ее въ боковую комнату, дальво отъ зрителей, и спускаетъ драпировки)*. Теперь я спасу ее непремѣнно! но чего мнѣ это стоитъ! Боже мой!... идетъ... какъ сердце бьется...

IX.

МАШЕНЬКА и КНЯЗЬ, потомъ ИВАНЪ ѲЕДОТЫЧЪ и ОЛЬГА ЛЬВОВНА.

Князь *(входя)*. Вы одни?..

Машенька *(прерывающимся голосомъ)*. Одна!.. *(всторону.)* Я вся дрожу... *(Опирается на спинку стула. Князь запираетъ балконную дверь. Пока онъ стоитъ спиной къ сценѣ, Иванъ Ѳедотычъ просовываетъ голову въ дверь на аванъ-сценѣ)*.

Иванъ Ѳедотычъ. Они вмѣстѣ, савеву... хорошо... послушаемъ!..

Князь *(замѣтивъ движеніе двери)*. Странно?.. эту дверь кто-то притворилъ. *(Машенькѣ)*. Видите, какъ я аккуратенъ.

Машенька *(всторону)*. Незнаю, что ему сказать?.. темно въ глазахъ... *(садится)*.

Князь *(всторону)*. Не подслушиваетъ ли насъ кто-нибудь. *(Идетъ поставить шляпу на диванъ)*. Не Ольга ли?..

Иванъ Ѳедотычъ. Угадалъ, савеву, что подслушиваютъ...

Князь (*возвращаясь*). Опять дверь дернули... нѣтъ сомнѣнія... это она...

Иванъ Ѳедотычъ. Нѣтъ — онъ, савеву... не она! Онъ меня принимаетъ за женщину. Неужели невѣстушка тоже, савеву?..

Князь (*тихо, встороиу*). Будемъ дѣйствовать иначе. (*Машенькѣ*). Вы найдете меня страннымъ, если сравните теперешнюю холодность съ тою страстью, съ которой я говорилъ съ вами часъ тому назадъ... объяснимтесь...

Машенька (*встороиу*). Какая перемѣна!.. (*Ему*). Я васъ непонимаю!..

Иванъ Ѳедотычъ. И я тоже, савеву, ничего не понимаю...

Князь (*притворно, холодно*). Меня считаютъ въ свѣтѣ волокитой, человѣкомъ безъ сердца; но скажу вамъ, какъ Фигаро, я лучше моей репутаціи и докажу это...

Машенька (*встороиу*). Ахъ, онъ не то говоритъ, чего-бы я хотѣла... совсѣмъ не то...

Князь. Давича... я сказалъ вамъ всколзь нѣсколько нѣжностей, но вы достойны любви, болѣе сильной, нежели моя...

Машенька. Что вы говорите?..

Иванъ Ѳедотычъ. Хорошенько бы ее дуру, савеву... хорошенько...

Князь. Я недостоинъ васъ... не хочу пользоваться вашею слабостью... потому... что я люблю другую...

Машенька. О, Боже мой! И она все это слышитъ...

Иванъ Ѳедотычъ. Онъ слышитъ, савеву... вотъ тебѣ на орѣхи. Да кого-жъ онъ это любитъ? неужели невѣстушку, савеву.

Князь. Вы такъ молоды, такъ неопытны, что я боюсь оскорбить васъ словомъ любви, недостойной васъ, и только могу благодарить за предпочтеніе, которое вы мнѣ доказали и которое я никогда не забуду...

Иванъ Ѳедотычъ. Браво, хотѣла быть княгиней, и съ носомъ, савеву... Пойду вразумлю дурака-то... (*Незамѣченный проскальзываетъ на сцену и крадется къ боковой двери, направо отъ зрителей*).

Князь. Вы плачете?.. простите, что моими словами, полными благоразумія, навелъ я эти жемчужины на ваши чудные глаза... (*подходитъ незамѣтно къ двери, гдѣ былъ Иванъ Ѳедотычъ, который этого не видитъ*).

Машенька. Что мнѣ теперь дѣлать?.. что мнѣ дѣлать?..

Князь (*отворивъ дверь*). Она ушла (*затворяетъ*). Теперь можно дѣйствовать иначе... (*Машенькѣ страстно*). Утрите ваши

слезы и взгляните на меня, который у ногъ вашихъ, который васъ любитъ страстно, пламенно. (*Иванъ Ѳедотычъ, видя это, пораженный, подымаетъ руки къ небу*).

Машенька. Что это значитъ? Такая перемѣна?..

Князь (*на колѣнахъ*). Была комедія, испытаніе... я не чувствовалъ, что говорилъ... вѣрить надо только тому, что я люблю васъ, тебя, одну тебя и никого болѣе...

Иванъ Ѳедотычъ. Что это значитъ? то мораль читалъ, то вдругъ, саввеву, и на колѣна? Пойду за сыномъ.

Машенька. Но я боюсь вѣрить, вы такъ вѣтрены, непостоянны... Но встаньте, ради Бога!..

Князь (*вставъ*). Съ такими женщинами, какъ Ольга Львовна, готовыми забыть обязанности за нѣсколько нѣжныхъ словъ и надѣленными добрыми, но слѣпыми мужьями, съ такими женщинами, конечно, я шучу, забавляюсь... Но васъ, созданье чистое, безгрѣшное, я цѣню, люблю и уважаю...

Машенька. Довольно... довольно... (*Встороиу*). Какъ она должна страдать въ эту минуту!.. Какъ бы его поскорѣе выпроводить. (*Встаетъ въ волненіи*).

Князь О! я готовъ повторять это каждый часъ... каждую минуту... всю жизнь мою...

Машенька (*подбѣгая къ двери направо*). Ахъ, Боже мой! сюда идутъ!

Князь. Это вамъ послышалось...

Машенька (*возвращаясь*). Нѣтъ... я слышу голосъ Ивана Ѳедотыча.

Князь. Ахъ, чортъ возьми! Это непріятно!

Машенька (*опять подбѣгая къ двери*). Бѣгите, иначе вы меня погубите...

Князь. Бѣгу; но когда же я васъ опять увижу? одну? сегодня вечеромъ?

Машенька (*возвращаясь, беретъ его шляпу и подавая*). Да, да, сегодня... завтра, когда-нибудь.

Князь. Ручку... ручку... на прощанье.

Машенька (*перебѣгая сцену къ двери на авансъ-сценѣ*). Послѣ... бѣгите... скорѣе... сюда...

Князь. Въ эту дверь?.. до свиданія...

Машенька. До свиданія... до свиданія (*выталкиваетъ его въ дверь*). Боже мой! какъ дорого достаются минуты блаженства!.. (*Опускается въ кресла, перейдя сцену на правую сторону*).

Ольга Львовна (*вбѣгая*). Машенька! Машенька!.. Что я слышала!.. Что я слышала... (*падаетъ передъ ея креслами на колѣна и обнимаетъ ее*).

Машенька. Вотъ они—эти минуты блаженства?!.. ты мнѣ простила мою хитрость?..

Ольга Львовна. Тебя ли прощать, другъ мой?..

Машенька. Ты!.. другъ!.. Наконецъ-то ты поняла меня!.. поняла, что я не люблю этого человѣка, что я его презираю...

Ольга Львовна. Поняла, что ты открыла мнѣ глаза, что ты спасла меня. Ты больше, чѣмъ другъ... ты сестра моя.

Машенька (*сильно*). Сестра! (*обнимаются*).

Голосъ Ивана Ѳедотыча. Сюда, друзья мои!.. сюда!..

Ольга Львовна. Идутъ!.. (*Быстро встаетъ*).

X.

ТѢ ЖЕ и ИВАНЪ ѲЕДОТЫЧЪ, ѲЕДОТЪ ИВАНОВИЧЪ и ИЛЬЯ ИВАНОВИЧЪ.

Иванъ Ѳедотычъ (*входитъ торжественно, держа обоихъ сыновей подъ руки*). Идите, Индюковскіе! смотрите, что здѣсь происходитъ!.. Что я вижу? Олинька?..

Ѳедотъ Иванычъ. Моя жена!

Илья Иванычъ. Я зналъ, что все это пустяки!..

Иванъ Ѳедотычъ. Не пустяки, сáвеву́, а дѣло важное, касающееся до насъ всѣхъ, касающееся чести фамиліи Индюковскихъ!

Машенька (*всторону*). Что онъ хочетъ сказать?

Ольга Львовна. Что это значитъ?

Иванъ Ѳедотычъ (*Машенькѣ*). Сударыня, сáвеву́! до прихода моей невѣстушки вы были не одни... съ вами былъ, сáвеву́, мужчина.

Машенька (*всторону*). Боже мой!..

Иванъ Ѳедотычъ. Мужчина, которому вы не постыдились назначить свиданіе въ моемъ домѣ, сáвеву́.

Ольга Львовна (*всторону*). Мы погибли!..

Машенька. Но... я...

Иванъ Ѳедотычъ. Не старайтесь оправдываться... за вами слѣдили... васъ видѣли... я, сáвеву́, я видѣлъ...

Машенька и Илья Иванычъ. Онъ?..

Иванъ Ѳедотычъ. Послѣ этого поступка, вы понимаете, сáвеву́... что оставаться долѣе въ домѣ Индюковскихъ... неприлично... сáвеву́... вы понимаете?..

Машенька (*сильно*). Вы меня выгоняете?..

Ольга Львовна (*всторону*). Неужели я потерплю это?..

Ведотъ Иванычъ. Какой же примѣръ моей женѣ, помилуйте; хорошо еще, что она все дѣлаетъ съ нравственною цѣлью... Какой примѣръ!

Машенька. И этотъ человѣкъ меня обвиняетъ!.. но все равно... я оставлю вашъ домъ сію минуту; только прежде этого я хочу испытать силу чужаго мнѣнія... (*Ильѣ Иванычу*). И вы вѣрите?..

Илья Иванычъ (*послѣ молчанія, сильно и страстно*). Нѣтъ! я не вѣрю!.. я не вѣрю!.. я не вѣрю!..

Машенька (*съ улыбкой счастья*). О!.. теперь прощайте... (*Хочетъ идти*).

Илья Иванычъ. Постойте... еще минуту... я васъ прошу... умоляю... (*Удерживаетъ ее*). Батюшка! растолкуйте мнѣ, что̀ все это значитъ?..

Иванъ Ведотычъ. Значитъ, са́вевý, что она оставитъ нашъ домъ!..

Илья Иванычъ. Этого быть не можетъ! Все это ложь, все это клевета!..

Ведотъ Иванычъ. Братъ, душа моя, мнѣ хоть и прискорбно, а я скажу тебѣ сущую: здѣсь съ нею былъ князь Иволгинъ.

Илья Иванычъ. Князь!.. невозможно!..

Иванъ Ведотычъ. Я самъ видѣлъ, са́вевý...

Илья Иванычъ. О!.. Я понимаю, что все это дѣлается съ намѣреніемъ помѣшать нашей свадьбѣ...

Ольга Львовна (*всторону*). Ихъ свадьбѣ?..

Илья Иванычъ. Но вы не успѣете... Машенька будетъ моею!..

Иванъ Ведотычъ (*голосомъ громовымъ*). Никогда, са́вевý!..

Илья Иванычъ (*также*). Будетъ, батюшка!.. такъ, просто, зря обвинять невинную дѣвушку нельзя!., Я потребую доказательствъ, самыхъ неопроверживыхъ!..

Иванъ Ведотычъ. Доказательствъ, са́вевý!.. изволь!.. читай, са́вевý!.. Читай!.. Вотъ ея записка, къ кому, я не знаю, къ князю должно быть, са́вевý... я, признаюсь, перехватилъ... на столѣ забыла... на, читай, читай!..

Машенька. Все противъ меня, Боже мой!..

Ольга Львовна. Что мнѣ дѣлать? на что рѣшиться?..

Илья Иванычъ. Что я вижу!.. (*Читаетъ*). «Именемъ всего для васъ священнаго, прошу васъ приходите до семи часовъ въ зе-

леную гостиную... мнѣ нужно говорить съ вами наединѣ. Если вы меня хоть сколько-нибудь любите... вы не откажете въ моей просьбѣ...» (*говоритъ*). Теперь все кончено...; но даже и теперь, когда все ясно... я еще не вѣрю... нѣтъ, я не вѣрю, чтобы можно было промѣнять меня на этого франта... я не вѣрю!.. не вѣрю! (*закрываетъ лицо руками и опускается въ кресло*).

Ольга Львовна. Нѣтъ! я не могу болѣе выносить этой несправедливости! Не вѣрьте, братецъ... это письмо писано ко мнѣ!..

Илья Иванычъ (*вскакивая*) Къ вамъ?..

Федотъ Иванычъ и Иванъ Федотычъ. Къ ней!..

Ольга Львовна. Ко мнѣ. . но я вошла, и письмо осталось неконченное... Она звала меня быть незримою свидѣтельницею свиданія ея съ княземъ, чтобы показать мнѣ всю низость этого человѣка, который и отъ меня требовалъ того же...

Иванъ Федотычъ. Возможно ли? Такъ эта камелія тоже, са́веву́, того?

Федотъ Иванычъ. Рѣдкая женщина!.. чужой грѣхъ беретъ на себя, а все съ нравственною цѣлью...

Ольга Львовна. Признаюсь, князь мнѣ нравился... Батюшка, простите мнѣ минуту заблужденія... Папочка, я каюсь... винюсь предъ тобою... благодарите оба Машеньку, которая возвратила мужу жену, вамъ дочь, женщину навела на путь обязанностей... Она мой лучшій другъ... моя сестра... Машенька...

Машенька. Ольга!.. (*Обнимаются*).

Иванъ Федотычъ. Вотъ какая исторія, са́веву́... Такъ онъ свою методу—ухаживать за двумя вдругъ, о которой мнѣ толковалъ, принаравливалъ къ вамъ обѣимъ? Ай, ай, ай, савеву... переведу камелію...

Илья Иванычъ. Батюшка! Дворянка не уступитъ аристократкѣ, (*Подавая руку Ольгѣ*), которая доказала свое благородство... партіи сравнялись.., устройте же нашу партію...

Ольга Львовна. Это мнѣ докажетъ, что вы забываете увлеченіе моего слабаго сердца... папочка, упрашивай батюшку.

Федотъ Иванычъ. Она все дѣлаетъ съ нравственною цѣлью... А братъ-то дуракъ, ничего не видитъ и ничего не понимаетъ... Согласитесь, батюшка..

Иванъ Федотычъ (*Федоту Иванычу тихо*). Ты, братъ, глупѣе, нежели я думалъ, савеву. (*Машенькѣ*). Вѣдь вашъ покойный батюшка былъ, савеву, баронъ?

Машенька. Нѣтъ.

Федотъ Иванычъ. Всѣ Нейманы бароны... были, да утратили документы; потомъ такъ это, савеву, и затерялось... а вашъ батюшка дѣйствительно долженъ быть баронъ. Илья Иванычъ! сынъ мой, савеву! поступокъ баронессы Нейманъ такъ благороденъ,.. что я готовъ, савеву... готовъ...

Илья Иванычъ. Благословите насъ, батюшка!..

Иванъ Федотычъ (*рѣшившись*). Ну, савеву... по рукамъ!..

Илья Иванычъ. Машенька! (*Она молча подаетъ ему руку*).

Иванъ Федотычъ (*отводя сына*). Только ты, пожалуйста, говори всѣмъ, что она, савеву, баронесса.

Ольга Львовна (*подходя къ мужу*). Папочка! ты на меня сердишься?

Федотъ Иванычъ. Твоя добродѣтель тебя увлекаетъ... чужой грѣхъ приняла на себя... (*Къ публикѣ*) Всегда съ нравственною цѣлью!

Ольга Львовна (*всторону*). Его слѣпая довѣренность меня трогаетъ. (*Князь выглядываетъ въ боковую дверь, гдѣ спущены драпировки*).

Машенька. Князь!..

Всѣ. Князь!.. (*Машенька удерживаетъ Илью Иваныча, который показываетъ гнѣвъ*).

XI.

ТѢ ЖЕ и КНЯЗЬ.

Князь. Вотъ гдѣ вся честная компанія, а я-то какъ тѣнь слонялся по комнатамъ и не понималъ, куда могло исчезнуть все семейство...

Иванъ Федотычъ. Въ отсутствіе ваше оно, савеву, прибавилось...

Князь. Какъ?..

Илья Иванычъ (*подводя Машеньку*). Рекомендую: моя невѣста, Марья Ивановна!..

Иванъ Федотычъ. Баронесса Нейманъ! Индюковскіе иначе не женятся, какъ на аристократкахъ!..

Князь. Гмъ... поздравляю... поздравляю... (*всторону*). Она меня дурачила! Рѣшительно, я люблю Ольгу.

Машенька (*князю, указывая на Илью Иваныча*). Вотъ моя *первая* и *послѣдняя* любовь; я выхожу замужъ. (*Отшпиливаетъ камелію*). Кажется, не всегда можно вѣрить тому, что гово-

рятъ цвѣты... На эту мысль васъ можетъ быть наведетъ камелія. (*Подаетъ ему камелію и низко присѣдаетъ.*)

Князь (*взявъ цвѣтокъ, всторону*). Рѣшительно, я люблю Ольгу...

Ольга Львовна (*держа подъ руку мужа по другую сторону князя*). Машенька выходитъ замужъ., а мы съ папочкой и съ невѣстой ѣдемъ завтра же въ Москву заказывать приданое. (*Откалываетъ камелію*).

Князь (*всторону*). Какъ! и она то же?

Ольга Львовна. Одной камеліи мало; *двѣ* напомнятъ вамъ скорѣй, что *иныя методы* не всегда удаются. (*Подаетъ камелію и низко присѣдаетъ*).

Князь (*взявъ цвѣтокъ*). Я въ дуракахъ, кажется? въ чистыхъ дуракахъ!

Иванъ Ѳедотычъ (*отводя князя*). Что, батюшка, савеву? мѣтили вы въ двухъ — ни одной не поймали, — и отъ всѣхъ хлопотъ и ухаживаній у васъ осталось только — савеву...

Князь (*съ досадой*). Двѣ камеліи!.. (*Всѣ хохочутъ продолжительно. Князь, какъ на иголкахъ*). Что я буду съ ними дѣлать?

Машенька. Я васъ научу: отдайте мнѣ ихъ назадъ.

Князь. Съ удовольствіемъ. (*Отдаетъ*).

Илья Иванычъ. Что она хочетъ дѣлать?

Иванъ Ѳедотычъ. Что такое еще, савеву?..

Машенька (*бросаетъ камелію въ первый рядъ креселъ*). Ловите!

Ольга Львовна. Ловите! (*бросаетъ камелію въ партеръ*).

Иванъ Ѳедотычъ (*хлопая въ ладоши*). Браво, савеву, браво! (*Сыновья ему вторятъ*).

Машенька (*взявъ Ольгу за руку къ публикѣ*). Когда онѣ у васъ завянутъ, приходите, мы вамъ бросимъ свѣжихъ. (*Обѣ присѣдаютъ*).

9917
18189
Ленинград. Театральная библиотека им. А. В. Луначарского